

серия
«СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ XX ВЕКА»

Российская академия наук
Институт Российской истории

Елена Осокина

ЗА ФАСАДОМ
«СТАЛИНСКОГО ИЗОБИЛИЯ»

Распределение и рынок
в снабжении населения
в годы индустриализации
1927 – 1941

Москва
РОССПЭН
1999

ББК 63.3(2)6-2
О 75

Издание
осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 98-01-16089

Осокина Е.А.

О 75 **За фасадом «сталинского изобилия»:** Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927—1941.— М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. — 271 с., илл.

Парадокс полупустых магазинов и полных холодильников отмечал буквально каждый, приезжавший в СССР в годы социалистического застоя. Загадка имеет простое объяснение. Государственная торговля при социализме никогда не была единственным источником снабжения населения. В стране всегда существовал обширный легальный и подпольный рынок товаров и услуг. Эта книга возвращает читателя к истокам социалистической торговли, в легендарные первые пятилетки. В центре внимания — повседневная жизнь общества в условиях огосударствления экономики, разрушения и возрождения рынка. Книга написана на ранее закрытых архивных материалах, включая и документы архива ОГПУ/НКВД. Она богато иллюстрирована фотографиями 30-х годов, которые ранее не публиковались. Книга написана ярким, образным языком и будет интересна любому, кому небезразлична история Отечества.

ББК 63.3(2)6-2

ISBN 5-86004-155-1

© «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999
© Осокина Е.А., 1999

Памяти Сергея Семичева

Автор благодарит организации и фонды, предоставившие стипендии и гранты для работы над этой книгой, —

International Research and Exchange Board (IREX, USA),
Fulbright (USA),
Kennan Institute for Advanced Russian Studies, Woodrow Wilson Center
(USA),
Maison des Sciences de l'Homme (France),

а также
Институт российской истории Российской академии наук и
Российский гуманитарный научный фонд
за финансовую помощь в издании книги в России.

Я глубоко признательна моим российским и зарубежным коллегам, прочитавшим рукопись и сделавшим интересные замечания:
Ю.С.Борисову, М.А.Вылцану, Саре Дэвис, С.В.Журавлеву, В.В.Кабанову, Тамаре Кондратьевой, Н.Л.Кременцову, С.А.Павлюченкову, Жаку Сапиру, А.К.Соколову, О.В.Хлевнюку.

Я благодарю также аспирантов и студентов университета Северной Каролины в Чапел-Хилле (США) — участников моих семинаров, где обсуждались положения этой книги, а также ученых университетов и институтов России, Великобритании, Германии, Канады, США, Финляндии, Франции, приглашавших меня сделать доклады по теме этой работы и принимавших участие в их обсуждении.

Эту книгу я посвящаю памяти мужа Сергея Витальевича Семичева. Судьба связывала нас без малого двадцать лет.

О ЧЕМ ЭТА КНИГА

Каждому человеку приходится заниматься покупкой продуктов, одежды, предметов домашнего обихода и прочего имущества, необходимого для жизни. В обществах рыночной экономики это занятие не составляет проблемы и даже превратилось в особый вид досуга и развлечения: были бы деньги, а товаров сколько душе угодно. Покупатель, живущий в условиях рыночной экономики, не ищет, где купить нужный товар, он, как правило, ищет место, где купить его дешевле. Иначе обстояло дело в социалистической экономике в СССР.

Ныне живет несколько поколений россиян, в том числе и мое поколение, которые знают о социалистической торговле не понаслышке, не из архивных документов, а из собственного жизненного опыта. Даже в период зрелости планового социалистического хозяйства — в годы брежневского «застоя» — наличие денег не было достаточным условием для покупки: полупустые полки магазинов, скудный ассортимент, низкое качество. Покупка превращалась в добывание товаров. Слово «купить» в быту заменялось словом «достать». «Где достал?» — этот короткий вопрос был многосложен. Ответ на него предполагал не только указать магазин, куда завезли дефицитный товар, но и через каких друзей и знакомых смог получить его или сколько часов отстоял в очереди, сколько переплатил за товар и многое другое. В наших квартирах еще есть вещи — мебель, посуда, одежда и прочее, которые приходилось не покупать, а добывать через знакомых или в длинных очередях.

Поколения, жившие при социалистической торговле, помнят и другое. Даже в голодные 30-е, военные 40-е и тяжелые послевоенные годы люди обеспечивали себя необходимым, несмотря на плохое государственное снабжение, а в последующие, более благополучные десятилетия при полупустых магазинах неплохо одевались, часто устраивали празднества и застолья — домашние холодильники не стояли пустыми. Люди старшего поколения часто приводят это в доказательство преимущества планового социалистического хозяйства над рыночным. Парадокс полупустых магазинов и полных холодильников отмечал буквально каждый, приезжавший в СССР в годы социалистического застоя. Загадка имеет простое объяснение. Государственная торговля в социалистической экономике никогда не являлась единственным источником снабжения населения. Наряду с плановым централизованным распределением товаров, которое составляло суть государственной торговли, в стране существовал обширный легальный и «черный» рынок товаров и услуг¹.

Рынок в плановом хозяйстве не составлял автономной, независимо развивавшейся системы отношений. Он никогда не существовал рядом с плановой распределительной экономикой. Рынок развивался в органическом единстве, в симбиозе с ней. Исправляя огрехи и заполняя прорехи централизованного распределения, рынок приспособлялся к существовавшей системе экономических отношений, более того, использовал ее. Рынок превратился в неотъемлемую часть социалистического хозяйства. В этом союзе планового централизованного распределения и рынка обе стороны зависели друг от друга, влияли друг на друга и не могли существовать друг без друга².

Признание того, что торговля в социалистической экономике представляла своеобразный синтез централизованного распределения и рынка, позволяет понять, почему и как люди выживали в условиях хронических кризисов снабжения, обеспечивали себя необходимым, когда полки магазинов были пусты, и даже становились миллионерами от социалистической экономики.

Сейчас социалистическая торговля становится достоянием истории. Современная экономическая ситуация в России в результате демонтажа

¹ Термины «советская торговля», «социалистическая торговля» используются в этой книге для обозначения всей совокупности форм товарооборота в рассматриваемый период. Эти термины включают не только централизованное распределение, но и рынок во всех его проявлениях, так как, с точки зрения автора, специфический рынок составлял неотъемлемую, органическую часть социалистической экономики. Термин «централизованное распределение» обозначает в книге государственно-кооперативную торговлю, систему государственного снабжения. В отождествлении государственно-кооперативной торговли с централизованным распределением есть определенное упрощение, так как и в государственно-кооперативной торговле существовали элементы рыночных отношений. Однако такое упрощение допустимо, потому что, с точки зрения автора, централизованное распределение являлось сутью и механизмом системы снабжения, в которой заправляло государство. Термин «рынок» в книге представляет отношения, остававшиеся преимущественно вне сферы государственного планирования и централизованного распределения. Этот термин включает как крестьянскую/колхозную рыночную торговлю, черный подпольный рынок, бартер и многое другое, так и рыночные отношения, скрывавшиеся за фасадом государственно-кооперативной торговли.

² В рамках рыночной (капиталистической) экономики также существует своеобразный союз государственного регулирования, даже планирования, и рынка, однако соотношение этих элементов и условия их развития в рыночной экономике иные.

централизованного хозяйства и развития рыночных отношений изменилась. Проблем с покупкой продуктов и вещей больше не существует, были бы деньги. Люди уже привыкли к новой ситуации и постепенно забывают свое экономическое прошлое. Приходит время историков понять и объяснить его.

Эта книга предлагает вернуться к истокам социалистической торговли и понять, почему и как сложился симбиоз централизованного распределения и рынка, в чем состояло своеобразие рынка в социалистической экономике, как сосуществовали и взаимодействовали в рамках планового хозяйства распределение и рынок, какую роль играли они в снабжении населения. Следует, однако, подчеркнуть, что это не экономическое, а историческое исследование. Экономические механизмы не являются здесь главным предметом анализа. В центре внимания — повседневная жизнь общества времен первых пятилеток в условиях огосударствления экономики, разрушения и возрождения рынка. Взаимодействие централизованного распределения и рынка показано в книге через действия власти и людей.

Потребительский рынок являлся сферой экономики и жизни, которая наиболее сильно пострадала в результате форсированного развития тяжелой индустрии и насильственной коллективизации в годы первых пятилеток. Цель этой книги — показать социалистическую торговлю такой, какой она была в реальности, за декоративным фасадом плакатов, рекламы, фильмов и прочей пропаганды, формировавшей у поколений миф о благополучии и даже изобилии, якобы существовавших при Сталине¹.

Централизованное распределение и рынок сосуществовали в торговле на всем протяжении советской истории, но первые предвоенные пятилетки — хронологические рамки этой книги, представляют особый этап. Предшествующие им годы советской власти были временем господства частника и

¹ Примеров подобной пропаганды достаточно. Это — художественные фильмы 30-х годов, которые создают атмосферу радостной и благополучной жизни, ни в одном нет реальностей быта того времени, застолья составляют важную часть многих из них. Другой пример — изобразительное искусство. Советские художники создали не только индустриальный пейзаж (абсурдное по сути название), но и особый советский натюрморт. Главным в нем стало выражение общественного содержания и бытовых функций предмета. Натюрморт превращался в «активное средство пропаганды задач партии и социалистического строительства». Приведем для примера хотя бы творчество Б.Н.Яковлева, художника большого таланта. Наряду с классическими натюрмортами, лиричными и изысканными, у него есть и иные полотна. Картина «Что дает соя» (1931) показывает разнообразие продуктов, которые можно получить из этого растения, и «помогает пропаганде одной из задач партии в области реконструкции сельского хозяйства». Картина с передвижной выставкой путешествовала по колхозам, представляя средство наглядной агитации. Кисти Яковлева принадлежит и картина «Советские консервы» (Х., м. 138х162, 1939. Государственная Третьяковская галерея. Не исключено, что в момент создания она называлась «Сталинские консервы»). Хотя изобилие, которое представляет эта картина, может показаться скромным, сам выбор сюжета для художественного полотна знаменателен. Эта картина — скорее реклама, чем живопись: банки со всякой снедью призваны были показать успехи советской консервной промышленности, созданной в 1930-е годы. Яковлеву принадлежит и другая картина подобного рода — «Советское вино» (Х., м. 139х161, 1939. Государственный художественный музей. Кишинев). Но, наверно, наилучшим примером декоративного фасада, скрывавшего реальность экономики страны, являлась ВДНХ — Выставка достижений народного хозяйства, открытая в 1939 году. Неудивительно, что она закончила свое существование вместе с политическим строем и экономикой, породившими ее.

рынка в торговле¹. Централизованное государственное распределение товаров еще только начинало свое становление². С началом индустриализации, с конца 20-х годов, соотношение централизованного распределения и рынка стало быстро меняться. Стремясь к монопольному распоряжению ресурсами, сталинское Политбюро удар за ударом уничтожало частный сектор в стране. Были запрещены частные производство и торговля в городе (кроме индивидуальной кустарной деятельности и мелочной торговли), проведена насильственная коллективизация крестьянских хозяйств. В результате экономических мер и репрессий централизованная экономика стала господствующей, система рыночных отношений, существовавшая в предшествующие годы, разрушена. Началась эпоха социалистической торговли, где государству отводилась основная роль.

Последствия разрушения рынка и «избиения» частника не замедлили сказаться. 1926 год стал последним благополучным годом, завершающим цепочку нэповских лет. С 1927 года в стране развивался товарный кризис, нормирование. В 1928 году по всей стране распространились хлебные карточки. Страна шла к голоду. Об этом повествует первая часть книги — «РАЗРУШЕНИЕ РЫНКА», которая охватывает период с кризиса хлебозаготовок 1927/28 года до введения в 1931 году всесоюзной карточной системы на основные продукты и товары.

К началу 30-х годов под ударами экономических мер и репрессий рыночное пространство резко сузилось, но рынок не исчез. Он стал приспособляться к новым отношениям в стране. Восстановление и трансформация рынка происходили в тесной взаимосвязи с развитием плановой цент-

¹ В период гражданской войны и военного коммунизма, хотя легальная частная торговля была весьма ограничена, в стране существовал обширный вольный рынок. По подсчетам Крицмана, несмотря на реквизиции хлеба у крестьян, государственное снабжение обеспечивало только 20—30% потребления хлеба в городах, остальное поступало нелегальными путями через рынок. Из новых исследований см.: Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России: Власть и массы. М., 1997. Гл. 7. «Тени» военного коммунизма — спекулятивный рынок и спецраспределение. С. 229—250. Во время нэпа частник продолжал господствовать в розничной торговле. Это была главная сфера действия частного капитала (Дмитренко В.П. Торговая политика советского государства после перехода к нэпу. 1921—1924; Banerji A. Merchants and Markets in Revolutionary Russia, 1917—30). Преобладание частника и рынка в торговле периода военного коммунизма основывалось на существовании единоличного крестьянского хозяйства и сохранении многих традиций торговли дореволюционного времени. В период нэпа к этому добавился еще один фактор — предоставление известной экономической свободы частным торговцам.

² В годы военного коммунизма централизованное государственное распределение представляли продразверстка и карточная система снабжения. Подробно о ней читай в очерке: Россия и мировой опыт государственного регулирования снабжения (заключение к этой книге). Начало собственно планирования в торговле относится к периоду нэпа, четвертому кварталу 1924/25 года. Планы завоза в тот год были составлены только для трех районов (Украина, Северный Кавказ, Поволжье) и только по отдельным товарам. Первым планом завоза для всех районов СССР стал план второго квартала 1925/26 года. Вначале планы охватывали лишь немногие показатели торговли, оставляя свободу действий для сбытовых объединений промышленности и торговых организаций. С разработкой первого пятилетнего плана развития народного хозяйства, частью которого был и торговый план, охват планированием показателей торговли резко расширился и далее все возрастал (Нейман Г.Я. Советская торговля СССР. С. 142—143; Рубинштейн Г.Л. Развитие внутренней торговли в СССР. С. 253—259 и другие).

рализованной экономики. В результате формировалась единая экономическая система, в которой централизованное распределение и рынок сосуществовали в тесном союзе. Вторая часть книги — «НЕИЗБЕЖНОСТЬ РЫНКА» — охватывает период карточной системы 1931—35 годов и рассказывает о том, как советское общество пережило тяжелейшее время первой пятилетки и вступило в относительное благополучие середины десятилетия. Огромную роль в снабжении населения в период карточной системы играл рынок.

Экономическая необходимость и, следовательно, неизбежность рынка определялись, во-первых, избирательностью государственного снабжения. В условиях кризиса Политбюро, не имея возможности обеспечить всех, пыталось кормить индустриальный авангард, оставляя других на произвол судьбы. Другой причиной необходимости рынка являлась скудость государственного снабжения, которая создавала иерархию в бедности. Даже привилегированным потребителям, за исключением небольшой элиты, государство не обеспечивало сытой жизни. В период карточной системы государственное снабжение обрекало городское население на полуголодное существование, а сельское — на голодную смерть. Рынок спасал людей.

В восстановлении рыночных отношений участвовали две силы: власть и люди. Кризис заставил Политбюро провести в конце первой пятилетки реформы в пользу внутреннего рынка. Среди них: переход к более умеренному и сбалансированному планированию, снижение экспорта, стимулирование развития так называемого колхозного рынка, подсобных хозяйств и другие. Однако реформы не затронули священных догм политэкономии социализма — недопущение частной собственности на средства производства, крупного частного предпринимательства, найма рабочей силы. Экономическая необходимость рыночных отношений в сочетании с незыблемостью политэкономических догм определили сложность взаимоотношений государства и рынка: Политбюро одной рукой создавало рынок, используя его в своих целях и предоставляя некоторую свободу предпринимательства людям, другой рукой разрушало его, ограничивая частную инициативу антирыночными кампаниями и законами.

Правительственные декреты легализовали определенную часть рыночных отношений и стимулировали их развитие. Однако главным двигателем в развитии рынка были не декреты, а предприимчивость людей. В условиях скудного и избирательного государственного снабжения людям приходилось самим заботиться о себе. В голодные годы они изобрели множество способов выжить. По мере улучшения обстановки в стране способы выживания в рыночной деятельности все более замещались способами обогащения. К концу карточной системы, в относительно благополучные 1934—36 годы, рынок скорее представлял собой арену частного предпринимательства, нежели спасительный оазис.

Рынок в плановой централизованной экономике был специфическим. Его своеобразие определялось, в первую очередь, развитием в условиях крайне урезанной экономической свободы. Легальное экономическое пространство, отведенное ему, оставалось узким. Товарный дефицит и голодный покупательский спрос, а не свобода предпринимательства были главными двигателями его развития. Как гриб, растущий в тесноте под стволом упавшего дерева, предпринимательство и рынок приспособлялись к централизованной экономике, принимая своеобразные, нередко уродливые формы.

Лишь небольшая часть рыночных отношений развивалась в форме разрешенного правительством легального рынка. Политбюро четко определило его пределы: колхозный рынок, где продавалась продукция, выращенная в подсобных хозяйствах крестьян и горожан, а также колхозная продукция, оставшаяся после выполнения государственных заготовок, индивидуальные кустарные промыслы, мелочная торговля со строго определенным ассортиментом товаров, частная практика при наличии патента. Законодательство регулировало размеры частной активности, которая могла быть только мелкой индивидуальной деятельностью.

Но в условиях острого товарного дефицита и голодного спроса ограничения, которые законодательство ставило на пути частной инициативы, не могли остановить развитие рынка. Он явно не уместился в прокрустовом ложе политэкономии социализма. Легальный рынок был только видимой вершиной айсберга. Его подводную часть составлял необъятный черный рынок. Под вывесками государственных, общественных, кооперативных учреждений, под прикрытием патентов на индивидуальную деятельность, колхозной торговли, шефских отношений развивалось частное предпринимательство. Формы экономической мимикрии частного капитала, который маскировался под социалистическое производство и торговлю, были разнообразны.

В большинстве своих проявлений черный рынок являлся криминальным только с точки зрения социалистического законодательства. Именно ограничение экономической свободы превращало огромную часть рыночных отношений в подпольные, незаконные. Ни крупное, с применением наемной силы, предпринимательство крестьян и кустарей, ни бартер, ни пресловутая спекуляция — перепродажа товаров с целью получения прибыли, куда относилась даже незаконная продажа продуктов собственного труда, не считались бы преступлением (за исключением торговли краденым) в обществе рыночной экономики. Понятия законного и незаконного в социалистической торговле являлись относительными и изменчивыми. Они определялись властью в зависимости от политической и социально-экономической ситуации в стране, а порой зависели и от прихоти какого-нибудь местного руководителя.

Деформация рынка состояла не только в том, что нормальной формой его развития стала криминальная, подпольная деятельность. Антирыночные законы и преследования обрекали частное предпринимательство оставаться незначительным, мелким. Расширение частной деятельности было не только экономически затруднено, но и опасно для самих предпринимателей. Фининспекция и карательные органы ликвидировали «фирму» и привлекали ее организаторов к суду, вменяя в вину не только неуплату налогов, но и применение найма рабочей силы, продажу по рыночным ценам, погоню за прибылью. В результате «фирмы» не работали долго, отсутствовал долговременный и стабильный «бизнес», большинство сделок носило разовый, случайный характер. Хотя существовали места концентрации подпольных сделок — колхозные рынки, базары, толкучки, но необходимость прятаться вела к распыленности частного предпринимательства. Именно поэтому точные масштабы рыночной деятельности не поддаются определению.

Там, где слабо развито производство и существует голодный покупательский спрос, большие прибыли дает перепродажа товаров — черный рынок в социалистической экономике все более приобретал спекулятивный характер. Гипертрофия перепродаж представляла еще одну деформацию рыночных отношений в плановом хозяйстве. Спекуляция являлась одним из

наиболее распространенных экономических преступлений 30-х годов. Баснословные цены черного рынка выкачивали сырье и товары из сферы легальной экономики: государственных магазинов, мастерских кустарей, хозяйств крестьян, колхозов. Черный рынок паразитировал на социалистическом хозяйстве.

Государство было не в состоянии подавить огромный черный рынок. Он не исчезал при появлении грозных постановлений, а изобретал новые формы мимикрии. Антирыночные акции не уничтожали рынок, а уродовали его. Однако государство не могло и оставить черный рынок в покое. Антипредпринимательская политика, малоэффективная, а то и просто бесполезная, стоила больших средств. Дефицит госбюджета усугубляли не только прямые расходы на антирыночные мероприятия, но и неуплата налогов предпринимателями, хищения государственного сырья и товаров. Огромные размеры этих преступлений определялись во многом вынужденно подпольным характером частного предпринимательства. Ограничение частной инициативы имело и долговременные последствия: оно увековечивало товарный дефицит и кризисы снабжения в социалистической экономике, они, в свою очередь, увековечивали черный рынок и спекуляцию.

Благодаря частичным экономическим реформам, проведенным на рубеже первой и второй пятилеток, страна преодолела голод. В 1935—36 годах отменили карточки, наступило время открытой торговли. Советская историография всегда противопоставляла открытую торговлю второй половине 30-х годов карточкам первой половины десятилетия. Третья часть книги — «СОЮЗ ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО РАСПРЕДЕЛЕНИЯ И РЫНКА» — показывает, что переход к открытой торговле не внес принципиальных изменений в систему снабжения населения.

Острый товарный дефицит, хотя несколько и ослаб по сравнению со временем карточной системы, сохранялся в годы второй и усилился в годы третьей пятилетки. В условиях дефицита государственная торговля, по сути, оставалась централизованным распределением. Перед войной, к концу третьей пятилетки, централизация усилилась. Стратификация государственного снабжения также сохранялась, хотя и освободилась от крайностей периода карточной системы. Сохранялось и нормирование: хотя пайковая карточная система была отменена, в открытой торговле существовали «нормы отпуска в одни руки».

Открытая торговля второй половины 30-х годов не избежала и товарных кризисов¹. Во время кризиса 1936—37 годов, который сопровождался локальным голодом в деревне, и предвоенного кризиса 1939—41 в стране стихийно возродилась карточная система на хлеб. Таким образом, карточки, официально признанные руководством страны или распространившиеся вопреки его желанию решениями местной власти и «творчеством масс», сопровождали все предвоенные пятилетки.

В период открытой торговли второй половины 30-х годов, коль скоро сохранялся острый товарный дефицит и продолжались кризисы снабжения, рынок по-прежнему играл важную роль в снабжении населения. В рыночной деятельности население использовало те же способы выжива-

¹ Впервые материалы о кризисах снабжения второй половины 30-х годов были опубликованы автором в статьях: Люди и власть в условиях кризиса снабжения 1939—1941 гг. // Отечественная история. 1995. № 3; Кризис снабжения 1939—1941 годов в письмах советских людей // Вопросы истории. 1996. № 1; Легенда о мешке с хлебом: кризис снабжения 1936—37 гг. // Отечественная история. 1998. № 2.

ния и предпринимательства, что и в период карточной системы. Оставались в силе все характеристики, данные рынку ранее, — необъятный черный рынок, незначительные масштабы частного производства, гипертрофия перепродаж, паразитизм и другие. Сохранение этих особенностей рынка определялось тем, что границы легального допущения частной инициативы и в период открытой торговли оставались узкими. Рынку все так же было тесно, приходилось приспосабливаться, ловчить, паразитировать, нарушать социалистическую законность. Рынок, как и создаваемое им богатство, рос, но сущность его не менялась.

В периоды, когда административный контроль ослабевал и антирыночные мероприятия стихали, рынок быстро отвоевывал экономическое пространство у планового хозяйства. Один из примеров тому — бурное развитие в годы второй пятилетки личного подсобного хозяйства крестьян на основе незаконной частной аренды и даже купли-продажи колхозных земель. Однако частная инициатива процветала до очередной антирыночной кампании Политбюро, которое пыталось, вопреки экономической целесообразности, сохранить безрыночную девственность социализма. Антирыночные акции вели к обострению положения на потребительском рынке.

Распределение и рынок, каждый по-своему, влияли на социальную структуру советского общества. Централизованное распределение материальных благ (политика зарплаты, распределение квартир, пенсий и других видов социального обеспечения, в том числе и государственное снабжение) формировало свою социальную иерархию. Позиции в ней определялись близостью к власти и нужностью для выполнения государственных планов. Однако иерархия, которую на деле формировала государственная система снабжения, представляла иерархию в бедности. Различия в материальном положении групп были невелики, планка богатства располагалась невысоко. Советская элита по уровню жизни уступала богатым людям западного общества.

Рынок также участвовал в формировании социальной структуры. Он улучшал материальное положение людей (в отношении крестьян, например, улучшал весьма существенно, компенсируя скудость государственного обеспечения деревни) и создавал свою иерархию. Место в ней определялось не решениями Политбюро, а личной инициативой и удачей. К концу 30-х годов богатство частного бизнеса заметно выросло. Однако в условиях, когда основная рыночная активность развивалась нелегально, богатство, формируемое рынком, обречено было оставаться незаконным, а его миллионеры — подпольными. В архивах НКВД хранятся дела на подпольных миллионеров, которые по материальному состоянию не уступали «законной» элите, формируемой системой государственного распределения¹.

В реальной жизни иерархии, формируемые централизованным распределением и рынком, причудливо переплетались, как и силы, которые их формировали. Богатство, создаваемое централизованным распределением и рынком, существовало как параллельно (советская элита и миллионеры подпольного бизнеса), так и срачивалось (положение в системе централизованного распределения давало и преимущества в подпольной рыночной деятельности). В этом сраживании вновь проявился паразитизм черного

¹ Слово «миллионеры» не стоит здесь понимать буквально. Оно не выражение размеров состояния, а синоним материального богатства в обществе.

рынка: миллионерами подпольного бизнеса становились, в первую очередь, работники государственной торговли — директора и заведующие складов, магазинов, баз, продавцы. Они ничего сами не производили, но имели доступ к товарному фонду страны, что открывало широкие возможности для спекуляции.

Другим проявлением сращивания системы государственного распределения и подпольного рынка стала коррупция. Партийно-советское руководство, работники судебно-следственных органов, органов правопорядка взаимовыгодно обменивались услугами с работниками государственной торговли, которые богатели и повышали свой социальный статус за счет махинаций с товарами. Судя по документам, коррупция еще не проникла в высшие эшелоны власти — в Политбюро, руководство СНК СССР, но охватила местную власть и центральные ведомства, например, наркоматы. Союз распределения и рынка, таким образом, развивался не только в экономике, но и в социально-политической сфере. Централизованное распределение и рынок поистине шли рука об руку в жизни первых пятилеток.

ИСТОРИОГРАФИЯ: ПЛАН И РЫНОК

Проблема взаимодействия плана и рынка в рамках социалистического хозяйства имеет свою историографию. Поскольку она никогда не носила чисто академического характера, а была связана с практической разработкой экономического курса страны, в обсуждении этой проблемы принимали участие не только историки, но и политики, экономисты, журналисты.

Первая серьезная дискуссия о соотношении государственного регулирования и рынка прошла в 20-е годы¹. Дискуссию вызвал переход к новой экономической политике и поиск путей индустриализации страны. Споры экономистов о том, что представляют собой экономика переходного периода к социализму и сам социализм, сопрягались с борьбой за власть в коммунистическом руководстве. В дискуссиях участвовали сторонники продолжения и развития смешанной экономики нэпа (Н.И.Бухарин), перехода к свободному рынку (Н.Д.Кондратьев, Л.Н.Юровский), развития кооперации и управляемого государством социалистического рынка (А.В.Чаянов, В.Г.Громан, В.А.Базаров), а также те, кто ратовал за «большой скачок» (Е.А.Преображенский, С.Г.Струмилин), неминуемо, независимо от того, говорили об этом авторы или нет, ведущий к огосударствлению, усилению централизованного распределения.

Поскольку страна только начинала свой социалистический путь, дискуссии более разворачивались вокруг перспектив, чем вокруг анализа реально существовавшего социализма. С победой сталинской перспективы и установлением длительного господства плановой централизованной экономики у ученых появилась возможность не только строить планы на будущее, но и проанализировать то, что уже существовало в действительности под названием социалистической экономики и социалистической торговли.

Советская историография, хотя и представляла длительный этап в изучении социалистической экономики, но мало внесла нового в разработку проблемы плана и рынка. Более того, многие достижения экономистов 20-х годов были утеряны и забыты. Установилось серое однообразие, перепевы сталинской политэкономии социализма, редко нарушаемые безуспешными попытками всколыхнуть стоячее болото советской экономической мысли.

В своих теоретических построениях советские исследователи социалистической торговли следовали постулатам политэкономии с теми изменениями, которые внесла в нее практика «социалистического строительства». Главные из этих коррективов: признание элементами социалистического хозяйства денег и торговли, а не прямого продуктообмена, допущение в

¹ Об анализе взглядов экономистов 20-х годов, их вкладе в мировую науку см.: Рынок и реформы в России: исторические и теоретические предпосылки. Мосгорархив, 1995; Мау В.А. Реформы и догмы 1914—1929. М., 1993; Бокарев Ю.П. Социалистическая промышленность и мелкое крестьянское хозяйство в СССР в 20-е годы. М., 1989; Nove A. An Economic History of the USSR. 1917—1991. 1992; Jasny N. Soviet Economists of the Twenties. Cambridge, 1972; Erlich A. The Soviet Industrialization Debate. 1924—1928. Harvard Un. Press, 1960; и другие.

политэкономическую схему социализма колхозного рынка, якобы имевшего социалистическую природу.

Преимущество плановой государственной экономики (социалистической) над рыночной (капиталистической) являлось аксиомой для советских ученых. Из этой аксиомы следовала другая — преимущество плановой социалистической торговли над рыночной. В определении природы торговли при социализме советские авторы по инерции продолжали дискуссию периода нэпа. Они видели двух врагов и боролись с ними. Их врагом слева была концепция безденежного, бестоварного хозяйства, прямого продуктообмена при социализме. Их врагом справа — концепция свободного рынка.

Критикуя оппонентов «справа» и «слева», советские историки и экономисты, с одной стороны, доказывали необходимость товарно-денежных отношений при социализме, с другой — подчеркивали, что социалистическая торговля имеет иную природу, чем рыночная. Основу социалистической торговли составляет план, а не стихия рынка. Цель торговли — не прибыль, а удовлетворение потребностей населения. При социализме в отсутствие частной собственности на средства производства ни земля, ни предприятия, ни другие средства производства не являются предметами купли-продажи. Главной фигурой выступает государство — держатель и распорядитель товарных фондов в стране. Сами того не заметив, советские историки в своих работах доказали, что сутью социалистической торговли было централизованное распределение. Главное достижение советской историографии заключалось не в теоретических разработках, а в анализе развития системы планирования, усиления централизации, структуры органов, занимавшихся распределением, в анализе торговой политики государства. При этом планирование и централизация безусловно имели позитивную оценку.

В советской историографии существование стихии рынка признавалось главным образом для периода нэпа. Поэтому и сама проблема «план и частник», «план и рынок» ставилась советскими исследователями только применительно к этому периоду. Следует отметить, что советская историография справедливо рассматривала экономику нэпа как смешанную, а не чисто рыночную. Эта оценка была утеряна некоторыми участниками недавней дискуссии периода перестройки, которые в пылу критики плановой централизованной экономики нередко абсолютизировали рыночную сторону нэпа.

По сей день единственными специальными исследованиями социалистической торговли 20—30-х годов остаются монографии В.П.Дмитренко, Г.А.Дихтяра и Г.Л.Рубинштейна¹. Применительно к нэпу эти авторы показали взаимодействие частника и государства, плана и рынка в сфере торговли. Их труды содержат материал о разработке торговой политики, условиях допущения частника, сферах действия частного капитала, размерах частного предпринимательства в торговле, а также и о начале развития

¹ Дмитренко В.П. Торговая политика советского государства после перехода к нэпу. 1921—1924. М., 1971. В работе есть библиография советских исследований. Дихтяр Г.А. Советская торговля в период построения социализма. М., 1961; Его же. Советская торговля в период социализма и развернутого строительства коммунизма. М., 1965; Рубинштейн Г.Л. Развитие внутренней торговли в СССР. Л., 1964. Кроме этих специальных исторических исследований существует огромная литература по теории социалистической торговли, написанная экономистами.

планового централизованного распределения товаров. Меньше заслуг советской историографии в разработке вопроса о вытеснении частного из экономики. Показывались в основном экономические меры — налоговая, кредитная политика, снабжение сырьем. Применение репрессий против частных производителей и торговцев было запретной темой.

Советская историография рассматривала взаимоотношения частного сектора с социалистическим хозяйством во время нэпа узко и крайне политизированно — борьба. Причем речь шла не столько об экономической борьбе, что на неполитизированном языке называлось бы конкуренцией, сколько о политической, классовой борьбе. Она описывалась формулой «кто—кого», которая не предполагала сосуществования. Используемая терминология — «временное отступление», «вынужденный компромисс» и, наконец, желанное «вытеснение частного» — говорит сама за себя. План и рынок, государство и частник почти всегда противопоставлялись. Частник и рынок считались опасными для социализма, в них мерещилась реставрация капитализма. Даже в отношении колхозного рынка, который был официально признан частью социалистической экономики, нет-нет да и вылезало явно неприязненное отношение.

Нельзя сказать, что описание взаимоотношений государства и частного, плана и рынка терминами борьбы является абсолютно ошибочным. Но этим раскрывалась только одна из сторон их сложных взаимоотношений. Причем оставался без внимания тот факт, что политическая борьба приносилась во взаимоотношения плана и рынка именно руководством страны, которое боролось с частником не только экономическими, но и политическими мерами. Терминами политической борьбы описывалась и экономическая конкуренция.

Для советской историографии не существовало проблемы альтернативы нэпу, как и не ставилась под сомнение своевременность вытеснения частного, готовность государственного сектора заменить частный. Сами успехи развития социалистического сектора, в том числе и социалистической торговли, нередко оценивались не по росту ее показателей, а по снижению показателей частной торговли. Именно поэтому советским исследователям после описания успехов социалистической торговли и экономики в целом было довольно трудно объяснить кризис и карточки первой половины 30-х годов — результат развала рынка в стране. О другом результате — голоде 1932—33 годов — советская историография хранила гробовое молчание. Вытеснение частного из экономики страны в советской историографии преподносилось как победа социализма, только оставалось непонятным, почему эта победа оказалась пирровой.

Данное исследование свидетельствует, что государственная торговля на рубеже 20—30-х годов не только не была готова заменить частную, что показали дальнейшие события, но и сама постановка вопроса о «замене» не является правомерной. Правомерным, на мой взгляд, является вопрос — могла ли вообще плановая государственная экономика существовать без рынка и частного и существовала ли она без них когда-нибудь?

Советская историография не отрицала карточек первой половины 30-х годов и даже указывала на связь карточной системы с индустриализацией. Однако советская историография не признавала существования кризиса — следствия индустриализации и коллективизации. Успехи индустриализации и коллективизации абсолютизировались. Поскольку советская историография отрицала кризис в первой пятилетке, карточная система 1931—35 годов противопоставлялась карточкам гражданской войны. Тогда, дескать, был «настоящий голод» и не хватало основных продуктов питания и предметов

потребления, в то время как в первой половине 30-х карточки были введены из-за опережающего роста благосостояния населения по сравнению с темпами развития промышленного производства и сельского хозяйства. Особенно не справлялось, по мнению советской историографии, с обеспечением потребностей населения «отсталое» единоличное крестьянское хозяйство, что оправдывало коллективизацию.

Советская историография вообще никогда не писала о «товарном голоде» и тем более голоде применительно к социализму, а только об относительном недостатке товаров и продовольствия. Товарный дефицит не рассматривался как имманентная, неотъемлемая черта социалистической экономики и системы централизованного распределения. Советские историки видели хронические кризисы перепроизводства в капиталистической экономике, но не видели хронических кризисов снабжения и карточек в своей собственной. Проблема товарного дефицита при социализме рассматривалась как временная и объяснялась, наряду с ростом денежных доходов населения, отдельными просчетами, ошибками в планировании и распределении, вредительством, внутренними и внешними катаклизмами (неурожай, война и прочее). Были забыты работы экономистов 20-х годов, исследовавших экономические диспропорции и проблему «нехватки товаров» (Н.Д.Кондратьев, Б.Д.Бруцкус, В.А.Базаров, Л.Н.Юровский, В.В.Новожилов, Е.А.Преображенский, Л.Н.Крицман и другие)¹.

Согласно советской историографии, с развитием социалистической торговли кризисы и нормирование исчезли. В ней нельзя отыскать даже упоминания о кризисах снабжения 1936—37 и 1939—41 годов, о неофициальных карточных системах второй половины 30-х. В лучшем случае советская историография ссылается на некие «временные трудности» и «отдельные извращения советской торговли». Открытая торговля второй половины 30-х, по мнению советских историков, представляла качественно новый этап. С моей точки зрения, карточки первой половины и открытая торговля второй половины 30-х годов были родственны. Они представляли собой два состояния (кризисное и относительно спокойное) одной и той же системы — централизованного распределения.

Советские исследователи социалистической торговли, как правило, рассматривали реальный исторический процесс через призму постановлений партии и правительства. И не только в том смысле, что получали в них определенную идеологическую заданность. Выдавая желаемое за действительное, они частенько подменяли анализ реального положения дел в стране анализом постановлений. Если, например, постановление 1932 года говорило о прекращении нормирования продажи некоторых продуктов, то, с точки зрения советской историографии, нормирование этих продуктов в действительности прекращалось. Если постановление гласило, что были установлены определенные нормы, то историки писали, что население их действительно получало; если правительство говорило, что карточная система способствовала борьбе со спекуляцией, то так и было на деле. Подмена реальной истории историей постановлений приводила к неверным выводам, в числе которых выводы об улучшении питания населения после введения карточной системы, об отсутствии голода и прочие.

¹ Анализ их работ см.: Банков Е., Казанцев А. Проблема товарного дефицита в экономических дискуссиях 20-х гг. // Экономические науки. 1989. № 6; Мау В. У истоков товарного дефицита // Вопросы экономики. 1990. № 6; и другие.

Советская историография не только не раскрыла причин кризиса и введения карточной системы, но неверно описала и механизм введения карточек. С точки зрения советской историографии — истории постановлений, карточная система вводилась сверху и всегда своевременно. Именно поэтому советские историки датировали ее рождение 1929 годом — введением Политбюро всесоюзной карточной системы на хлеб, хотя карточки появились раньше. Как показывает это исследование, распространение карточной системы шло снизу стихийно и только затем оформлялось Политбюро ЦК во всесоюзную. Здесь партия вовсе не направляла, а приспособлялась к ситуации.

С установлением господства планового хозяйства и «ликвидацией частника» проблема плана и рынка применительно к 30-м годам переставала существовать для советских историков. План победил рынок. Далее просто описывалось развитие социалистической торговли: рост ее товарооборота, торговой сети, общественного питания и т.д. Утверждение, что проблема плана и рынка исчезла для исследователей, не противоречит тому факту, что советская историография использовала понятие социалистического рынка. Анализ работ советских историков и экономистов показывает, что понимание рынка было ограниченным. Говоря о необходимости рынка при социализме, они имели в виду необходимость товарно-денежных отношений в противовес безденежному товарообмену. Они все еще продолжали спорить с теми, кто в 20-е годы утверждал, что план — это распределение и товарообмен, а рынок — это торговля. Рынок, который советская историография допускала в политэкономии социализма, являлся социалистическим, то есть основанным на общественной собственности.

Советские историки не видели или не хотели видеть, что частный рынок, частное предпринимательство являлись элементами реального социалистического хозяйства. Признать это — значило бы поставить под сомнение всю официальную политэкономия или социалистический характер построенного общества. Они стремились изображать социалистическую экономику «социалистически чистой», монолитной, основанной целиком и безраздельно на общественной собственности. По их мнению, с победой социализма частный капитал и предпринимательство должны были навсегда покинуть экономику страны. Вместо частной собственности для социализма было изобретено понятие личной собственности. Неудивительно, что советская историография открещивалась от определения частичных рыночных реформ 1932 года как неонэпа (термин вовсе не был изобретен в наши дни, а появился вместе с самими реформами), так как термин неразрывно связывался с допущением частного рынка и частного предпринимательства.

При таком понимании рынка смешанная экономика, где сочетались бы элементы государственного регулирования с частным рынком и предпринимательством, принадлежала прошлому страны — нэпу, а не ее социалистическому настоящему и тем более не коммунистическому будущему. В будущем — предмет не столько истории, сколько социологии — виделся коммунизм: изобилие товаров и распределение по потребностям, которых предполагалось достичь на основе расцвета обобществленной собственности и планирования. Даже социалистическому рынку надлежало отмереть.

Ограниченное понимание социалистического рынка и нежелание «допустить частника в политэкономия социализма» видно на примере толкования так называемой колхозной торговли. Советская историография объявляла колхозный рынок частью советской торговли на том основании, что основой его развития якобы была социалистическая (колхозная) собствен-

ность. В отношении его допускались такие характеристики, как «неорганизованный рынок», «элементы стихийности», но не частное предпринимательство. Успехи в развитии рыночной торговли всегда связывались с успехами колхозного строя. Каждый исследователь стремился подчеркнуть, что колхозный рынок периода социализма коренным образом отличался от крестьянского рынка нэпа. Противореча себе, историки, однако, тут же писали, что 80—90% продукции поступало на этот рынок с частных усадебных хозяйств крестьян, а не с колхозных полей и ферм. Колхозам либо мало что оставалось предложить для продажи после того, как метла госзаготовок проходила по их закромам, либо они, утаивая от заготовок, продавали свою продукцию незаконно, то есть спекулировали. Ярко выраженная частно-предпринимательская природа крестьянского рынка при социализме стыдливо скрывалась за терминами «колхозный», «социалистический». Не колхозную, а частно-предпринимательскую природу колхозного рынка доказывают и новейшие исследования¹.

Парадокс в отношении советской историографии к крестьянскому рынку объясняется тем, что он был «допущен» в политэкономии социализма вынужденно, под давлением кризиса: Политбюро начало стимулировать его развитие в голодном 1932 году. Это было то наименьшее зло, с которым руководство страны, а вслед за ним и официальная историография вынуждены были мириться, но говорить о его истинной природе не любили².

¹ Зеленин И.Е. Был ли колхозный неонэп? // Отечественная история. 1994. № 2.

² Аналогичная ситуация сложилась в оценке значения и характера личного подсобного хозяйства (ЛПХ) при социализме. Исследователи доказывали, что это была отмирающая переходная форма. Переходная даже не к будущему коммунистическому хозяйству, а к современному социалистическому обобществленному. По мнению исследователей, эта форма не являлась адекватной сущности социализма, но тем не менее была допущена в систему производственных отношений. Правда, не сразу. Государственная статистика стала включать в итог по соцсектору личные подсобные хозяйства колхозников с 1933-го, а ЛПХ рабочих и крестьян — с 1935 года. Всячески избегая терминов «частное хозяйство», «частное предпринимательство», исследователи называли ЛПХ мелким индивидуальным производством, личной собственностью в специфической форме, а то и вовсе источником личной собственности. Но, коль эта форма отношений существовала при социализме, следовало доказать ее социалистическую природу. Попытки некоторых исследователей сказать, что ЛПХ представляет несоциалистический сектор, вызывали критику. Основанием для оправдания социалистической природы ЛПХ стало то, что в системе производственных отношений оно подчинялось зрелой социалистической форме — обобществленному производству, а также то, что в ЛПХ работал не частник, а социалистический труженик — колхозник, рабочий, служащий (на этом основании некоторые исследователи не считали социалистическими ЛПХ единоличников). ЛПХ признавалось дополнением к обобществленному хозяйству, несмотря на тот факт, что оно являлось на деле главным источником обеспечения «мелких производителей». Но, видимо, частно-предпринимательский характер ЛПХ все же вылезал наружу, так что исследователи изобрели для него двойственный характер и двойственность выполняемых функций, имея в виду не только определенные выгоды для государства и общества, но и удовлетворение личных потребностей производителей. Советская историография о ЛПХ представлена огромной литературой. Для примера см.: Белянов В.А. Личное подсобное хозяйство при социализме. М., 1970.

С моей точки зрения, ЛПХ являлось формой частного предпринимательства и источником рыночной торговли при социализме. Социалистическая же особенность ЛПХ заключалась в том, что и этот вид частной активности был существенно ограничен в своем развитии и обречен оставаться мелкой деятельностью.

Советская историография отрицала не только частное, но и государственное предпринимательство при социализме. Действительная суть государственной коммерческой торговли и ее последующих разновидностей осталась нераскрытой. Торгсин и кампания выкачивания золота и ценных сбережений населения рыночными методами вообще не нашла места в советской историографии.

Отказ признать частный рынок и предпринимательство элементами реального социализма особенно ярко виден на примере так называемого черного, по советской терминологии, спекулятивного рынка. В категорию черного рынка попадали все рыночные отношения, которые не входили в разрешенную законом сферу легального социалистического рынка. В советской историографии о черном рынке есть упоминания, но исследований черного рынка, причин его появления, функций, которые он выполнял, масштабов его деятельности, взаимоотношения с плановым хозяйством нет. Более того, всячески подчеркивалось, что победа планового хозяйства и социалистической торговли вела к уничтожению частной стихии, анархии и спекуляции.

Черный рынок, с точки зрения советской историографии, являлся злом, пережитком. С ним предстояло вести борьбу до полного и окончательного его искоренения. А в том, что он будет искоренен, сомнений не было. Если в отношении колхозного, так называемого социалистического рынка допускались мотивы сотрудничества, его необходимости на какой-то период, взаимовлияния с плановым хозяйством (например, зависимость цен в государственной и колхозной торговле), то в отношении черного рынка следовал возврат к терминологии классовой борьбы.

Представляется, что черный рынок, существовавший в рамках плановой экономики, можно считать социалистическим на том основании, что он был имманентно присущ этому типу хозяйства. Черный рынок являлся неизбежным, неистребимым элементом плановой централизованной экономики. Он вырос в социалистическом хозяйстве и сросся с ним, выполнял в нем важнейшие функции. Плановая централизованная экономика не уничтожила стихии рынка, как о том писала официальная историография, напротив, она воспроизводила, формировала черный рынок, определяла его характеристики.

Западная историография времен холодной войны и конфронтации с «социалистическим лагерем» во многом была зеркальным отражением советской. Как пишет Роберт Дэвис, представление о том, что социалистическая экономика характеризовалась тотальным контролем, централизацией, обобществлением, планированием, распределением, преобладало в господствовавшей в то время «тоталитарной школе» советологов. Так же как и в советской историографии, в западной абсолютизировался безрыночный характер социалистического хозяйства¹. Рынок и его функционирование в плановой экономике не изучались. Специальные исследования социалистической торговли отсутствовали.

Перестройка и начало экономических реформ в СССР дали импульс новому этапу в развитии проблемы плана и рынка. Прошла дискуссия, в которой участвовали российские и западные ученые. Дискуссия разворачи-

¹ Дэвис Р.У. Советская экономическая реформа в исторической перспективе // Нэп: приобретения и потери. М., 1994. О схожести черт советской официальной историографии и тоталитарной школы на Западе, уживавшейся с идеологической непримиримостью этих направлений, писала также Шейла Фицпатрик (Fitzpatrick S. New Perspectives on Stalinism // The Russian Review, vol. 45, 1986).

валась вокруг насущной проблемы — в каком экономическом направлении следует развиваться России и другим странам бывшего социалистического сообщества: реформировать ли плановую экономику, заменять ли ее моделью рыночной экономики, и если да, то какой именно моделью, и многое другое. Проблема взаимоотношения плана и рынка получила второе дыхание. В то время как политики и экономисты боролись за экономические перспективы, историки стремились осмыслить опыт давнего и не столь отдаленного прошлого. Прошли дискуссии о сути нэпа и сталинской командно-административной экономики¹.

Подводя итоги недавних дискуссий, следует констатировать, что экономическая сущность нэпа исследована гораздо лучше, чем экономическая суть так называемой командно-административной экономики. Причинами являются более длительная историографическая традиция изучения нэпа, повышенное внимание к нему в связи с началом рыночных реформ в СССР.

Во взглядах на экономическую природу нэпа ученые единодушны. Хотя есть расхождения в оценках степени развития рынка — одни нередко абсолютизируют его, другие подчеркивают его ограниченность, деформированность, периферийность по сравнению с государственной собственностью и администрированием, однако все исследователи определяют экономику нэпа как смешанную, как попытку соединить план и рынок. В современной историографии отражены взаимодействие государственного регулирования и рынка в сфере промышленного производства, сельского хозяйства, финансов, заготовок, кооперации. Торговля периода нэпа осталась практически без внимания. Вышла всего лишь одна книга, однако написанная без использования архивных источников². Историки обращались к изучению и причин, и механизма свертывания нэпа, показав не только экономические методы, но и администрирование и репрессии. Однако, поскольку в современной историографии сфера торговли и потребительского рынка осталась практически без внимания, то применение репрессий против частника в торговле вновь не нашло должного отражения.

В оценках социалистической экономики, в том числе и экономики 30-х годов, как в западной, так и в российской историографии, по-прежнему абсолютизируются централизация и план. Сам термин, выбранный в ходе дискуссии для обозначения советской экономики — командно-административная система — все также привлекает внимание только к одной из ее сторон, игнорируя наличие рынка в системе социалистического хозяйства. На это упрощенчество указал в своей статье Роберт Дэвис. Условность

¹ Анализ итогов дискуссии и современной историографии дан в работах: Дэвис Р.У. Советская экономическая реформа в исторической перспективе // Нэп: приобретения и потери. М., 1994; Горинов М.М. Советская история 1920—30-х гг.: от мифов к реальности // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. М., 1996.

² Banerji A. *Merchants and Markets in Revolutionary Russia, 1917—30*. Macmillan Press Ltd., 1997. Автор во многом следует традиционной постановке вопроса, в частности дискутирует проблему о готовности государственной торговли заменить рыночную, что, с моей точки зрения, в принципе неверно, так как рынок и частник не могут исчезнуть, являются необходимыми элементами торговли в любой экономике. Книга написана на опубликованных материалах, что предопределило отсутствие некоторых важных сюжетов, в частности, о применении репрессий в ликвидации частной торговли.

терминологии вещь неизбежная, но в данном случае она точно отражает ограниченность современной историографии¹.

Эта ограниченность есть, главным образом, следствие застоя экономической мысли периода господства политэкономии социализма. Но отчасти она объясняется и другими причинами. Оценки плановой централизованной экономики были политизированы. Стремление подчеркнуть необходимость рыночных реформ в СССР вело к абсолютизации безрыночного характера планового социалистического хозяйства. Даже профессиональные экономисты в запале писали, что рынок являлся «архитектурным излишеством» для плановой социалистической экономики. Конечно, печаль экономистов — сторонников рыночных реформ, была о другом рынке, основанном на частной собственности, широком предпринимательстве и экономической свободе. Такого рынка действительно не было в СССР, но даже в этом случае огульное отрицание рынка в плановой экономике — ошибочно. Рынок был неотъемлемой частью планового хозяйства. Другой вопрос, что он из себя представлял и мог ли удовлетворять требованиям здоровой экономики. Это исследование показывает, что социалистический рынок был деформирован распределительной системой и в общем-то не делал чести создателям этого типа хозяйства.

Главные споры о советской экономике 30-х годов ведутся вокруг альтернатив нэпу, причин форсирования индустриализации и ее влияния на экономическое развитие, последствий коллективизации, причин усиления администрирования и централизации. Проблема плана и рынка в отношении так называемой административно-командной системы только начинает обсуждаться².

В этой связи несомненной заслугой является высказанное мнение о том, что «чистых» экономик не бывает: государственное регулирование, в том числе администрирование, и рынок присутствуют в любой экономике, меняется лишь их соотношение. Исследователи отмечают также, что рынки или квазирьнки, в том числе и черный, спекулятивный рынок, не представляли отдельной экономики в 30-е годы, а были частью социалистического хозяйства. Однако заявления о существовании рынка в плановой

¹ Отражением этой ограниченности является книга «Рынок и реформы: исторические и теоретические предпосылки», написанная учеными экономического факультета МГУ. В ней есть раздел о традициях российских реформ со времен Петра до Столыпина, анализ рыночной экономики дореволюционной России, дебаты экономистов 20-х годов. Затем — следует провал. Рассмотрение проблем рынка и реформ возобновляется применительно к периоду современной экономической трансформации России и Восточной Европы. Получается, что с 30-х до 90-х годов в СССР не был ни рыночных реформ, ни рынка.

² Дэвис Р.У. Советская экономика в период кризиса. 1930—1933 годы // История СССР. 1991. № 4; Дэвис Р., Хлевнюк О.В. Вторая пятилетка: механизм смены экономической политики // Отечественная история. 1994. № 3; Зеленин И.Е. Коллективизация и единоличник (1933 — первая половина 1935 г.) // Отечественная история. 1993. № 3; Его же. Был ли колхозный неонэп? // Отечественная история. 1994. № 2; Его же. «Революция сверху»: завершение и трагические последствия // Вопросы истории. 1994. № 10; Davies R.W. Economic Aspects of Stalinism // The Stalin Phenomenon. Ed. by Alec Nove. New York, 1992; The Economic Transformation of the Soviet Union, 1913—1945, Cambridge Un. Press, 1994. Ed. by R.W.Davies, M.Harrison, S.G.Wheatcroft. Ch.1 (D). The Stalinist administrative economy; Kotkin S. Magnetic Mountain. Stalinism as a Civilization. University of California Press, 1995. Ch. 6. Socialism and the Market.

экономике носят преимущественно декларативный характер. Исследователи только приступают к изучению того, как рынок работал при социализме¹.

В современной историографии обозначились два подхода к решению проблемы плана и рынка. Большинство исследователей в ее изучении идут «сверху», то есть исследуют проведение рыночных реформ властью. В результате рынок предстает как элемент, допущенный в экономику правительством в целях оздоровления социалистического хозяйства. Проблема сужается. Тот факт, что реальный рынок и частное предпринимательство далеко выходили за рамки официальных разрешений, в данном случае не учитывается. Таким образом, исследователи открывают лишь видимую вершину айсберга.

Ограничение анализа рыночных отношений сферой политических решений ведет к неверному, с моей точки зрения, выводу о том, что баланс между централизованным распределением и рынком достигался в результате реформ «сверху». Примером такого установившегося баланса некоторые авторы считают «неонэп» 1932 года. Однако если это и был баланс, то только в представлении руководства страны о должном соотношении распределения и рынка при социализме. Экономические реформы легализовывали лишь незначительную часть рынка, игнорируя нелегальный черный рынок и частное предпринимательство.

Другой подход к проблеме плана и рынка основан на преимущественном изучении рыночной активности общества, а не власти. Он позволяет показать не только легальные пределы рынка, допущенные правительством, но и его скрытую подпольную часть. В соответствии с этим подходом, ежедневная практика взаимодействия государственного распределения и рынка, как легального, так и черного, создавала их реальное, оптимальное в рамках конкретных условий, соотношение, хотя политические решения Центра, безусловно, оказывали воздействие на рыночное развитие². В дан-

¹ Об этом см.: Осокина Е.А. Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения 1928—1935 гг. М., 1993. На региональном уровне анализ взаимоотношений рынка и плановой экономики рассматривался С.Коткиным (Kotkin S. Magnetic Mountain). В исследовании Коткина экономическая жизнь Магнитогорска предстает двуликим Янусом — в ней тесно переплелись официальная, легальная и теневая деятельность. Автор показывает, что главной причиной существования рынка являлся товарный дефицит. Богатый региональный материал о деятельности черного рынка позволил показать его специфику — паразитизм, спекулятивный характер, огромные размеры воровства, распыленность, относительность понятий законного и незаконного и другое. Главной причиной развития спекуляции автор считает искусственно низкие цены государственной торговли. Представляется, однако, что это — лишь один из факторов, причем не главный. Корнем спекуляции являлся все тот же товарный дефицит и голодный покупательский спрос. Коткин использует термин «сплав» (conflation) для характеристики взаимосвязи легального и теневого рынка (с. 536, сноска 197). Однако сплав — состояние застывшее, неразвивающееся. Термины «симбиоз», «синтез», употребляемые в этой книге для характеристики взаимодействия плана и рынка, предполагают сосуществование в постоянном развитии и более точно, на мой взгляд, отражают суть явлений.

² Примером такого подхода является книга С.Коткина. Он показывает Магнитогорск обществом «без первого этажа», имея в виду отсутствие государственной торговой инфраструктуры и достаточного производства товаров народного потребления. Но «свято место пусто не бывает», и эту свободную экономическую нишу заполнила активность общества. Торговля в Магнитогорске представляла сферу, где «творчество масс» развивалось в наибольшей степени. Именно посредством участия масс в экономической жизни города и достигалась, как считает автор, относительная стабильность (Kotkin S. Magnetic Mountain. P. 279).

ной книге присутствует синтез обоих подходов: анализ правительственных постановлений сочетается с изучением рыночной активности общества.

В современной историографии для показа взаимоотношения государственного регулирования и рынка 30-х годов выбираются в основном сферы промышленного производства и сельского хозяйства. Исследователи не баловали и не балуют торговлю своим вниманием¹. В российской историографии со времени перестройки и открытия архивов появилась только одна специальная работа, которая исследует сферу снабжения². Специальные исследования социалистической торговли в западной историографии начались лишь в последние годы³. До недавнего времени едва ли не единственной работой на Западе, в которой затрагивались вопросы социалистической торговли, оставалась книга Эдварда Карра и Роберта Дэвиса⁴.

В период перехода стран бывшего «социалистического содружества» к рыночной экономике огромную работу в изучении социалистического хозяйства проделали экономисты. В первую очередь следует указать работы Я.Корнаи. Однако в своем анализе экономисты более обращали внимание на сферу управления экономикой и производство. Сфера распределения и торговли как вторичная затрагивается ими в самом общем виде. Главное внимание экономистов фокусировалось на анализе базовых характеристик социалистической экономики — централизации, распределении, планировании, от которых предстояло уйти в ходе рыночных реформ. Рыночное хозяйство социализма практически не исследовалось. К тому же экономические работы не решают задач исторического исследования, предметом которых является не экономический механизм как таковой, а социальные причины и последствия экономических реформ и процессов.

Взаимодействие плана и рынка, социалистическая торговля являются главными, но не единственными историографическими измерениями данной книги. Другой ее аспект представляет проблема «власть и люди». Кто делал историю 30-х годов? — Сталин? Общество? Выделение одной из сторон в этом дуэте породило современное деление западной историографии на «тоталитарную» и «ревизионистскую» школы. Автор не отнес бы

¹ Показательно, что в коллективной монографии западных ученых — *The Economic Transformation of the Soviet Union*, которая обобщает достижения мировой науки в изучении советской экономики, раздел о торговле отсутствует, хотя есть специальные разделы о промышленности, сельском хозяйстве, транспорте и пр.

² Осокина Е.А. *Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения. 1928—1935 гг.* М., 1993.

³ Мне известно о подготовке двух диссертаций, посвященных вопросам социалистической торговли. Рэнди Барнз исследовала развитие торговой рекламы в 20—30-е годы в СССР. Работа другой американки, Джулии Хеслер, посвящена изучению политико-культурных аспектов социалистической торговли, которая, по ее мнению, сформировала культуру дефицита в советском обществе. На региональном уровне вопросы снабжения населения затрагивались в: Kotkin S. *Magnetic Mountain*; Shimotomai N. *Moscow Under Stalinist Rule, 1931—34.* Macmillan Academic and Professional Ltd, 1991.

⁴ Carr E.H., Davies R.W. *Foundations of a Planned Economy. 1926—1929. Vol. 1. D: Trade and Distribution. Ch. 27. Consumption and Rationing.* New York, 1971. Авторы показали развитие продовольственных трудностей в стране в период 1927—29 годов, введение карточек Советами в Москве и Ленинграде. Причинами введения карточной системы, по мнению авторов, являлись неудачи хлебозаготовок, концентрация капиталовложений в отраслях, производящих средства производства, в сочетании с ростом городов и денежных накоплений у населения (с. 698—699).

себя ни к той, ни к другой, хотя ревизионисты, безусловно, мне ближе. Истина, как известно, лежит на золотой середине. Абсолютизация власти, ее контроля и влияния на общество не менее опасна, чем абсолютизация самостоятельности общества, его независимости от решений власти¹. Следует признать обе силы активными участниками исторического процесса. Они, преследуя свои интересы, сосуществуют, взаимодействуют и борются в реальной жизни, которая в итоге представляет результат их взаимных действий.

В соответствии с этим в книге, наряду с анализом правительственных постановлений, приняты властью идеальных планов и «твердых» решений, показано, что и в какой мере воплотилось в жизнь, а что осталось на бумаге или приняло иное направление развития в результате инициативы «снизу», проявленной местным руководством и населением. Книга рассказывает и о том, как Политбюро и проводники его политики влияли на развитие социалистической торговли и рыночную активность общества, и о том, как общество воздействовало на политику руководства страны в сфере снабжения и потребительского рынка.

У этой книги есть и другие историографические ракурсы. Говоря о снабжении населения в период первых пятилеток, мы, по сути, имеем дело с последствиями двух реформ — индустриализации и коллективизации. На развитие предвоенного кризиса снабжения оказали влияние также массовые репрессии в СССР. Работы, которые анализируют социальные, экономические, культурные последствия «сталинских преобразований», составляют историографический фундамент и исторический фон данной книги². Выводы историографии о приоритетном развитии производства средств производства в социалистической экономике, перераспределении средств в пользу индустрии и города, наращивании милитаризации, невыполнении планов пятилеток, о падении показателей сельскохозяйственного производ-

¹ Справедливости ради следует сказать, что в оценках степени активности и самостоятельности советского общества ревизионисты существенно расходятся, хотя все они признают общество участником исторического процесса. Об этом см.: Fitzpatrick S. *New Perspectives on Stalinism*. P. 368—373.

² Наряду с многочисленными статьями, материалами конференций и круглых столов современная российская историография представлена целым рядом книг. Среди новейших книг по социально-экономической истории 20—30-х годов следует назвать: Система управления экономикой 30-х годов. Сборник статей. М., 1990; Голанд Ю.М. Кризисы, разрушившие нэп. М., 1991; Формирование административно-командной системы. 20—30-е годы. Под ред. В.П.Дмитренко. М., 1992; Мау В.А. Реформы и догмы. 1914—1929: Очерки истории становления хозяйственной системы советского тоталитаризма. М., 1993; Осокина Е.А. Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения. 1928—1935 гг. М., 1993; Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание: начало 1930-х гг. М., 1994; Нэп: приобретения и потери. Под ред. В.П.Дмитренко. М., 1994; Россия в XX в.: Историки мира спорят. М., 1994; Цакунов С.В. В лабиринте доктрины. Из опыта разработки экономического курса страны в 1920-х гг. М., 1994; Роговин В.З. Сталинский неонэп. М., 1995; Российская повседневность 1921—1941. Новые подходы. СПб., 1995; Рынок и реформы в России: Исторические и теоретические предпосылки. М., 1995; Исторические исследования в России: тенденции последних лет. М., 1996; Россия в XX веке. Судьбы исторической науки. М., 1996; Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920—50-е годы: Темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М., 1996; Кабанов В.В. Крестьянская община и кооперация России XX века (Проблемно-историографические очерки). М., 1997; и другие.

ства в результате коллективизации и раскулачивания, нарастании экономического кризиса в третьей пятилетке и другие имеют прямое отношение к причинам обострения товарного дефицита, развития централизованного распределения и трансформации рынка в СССР. Исключительную важность для данной книги представляет дискуссия о голоде 1932—33 годов. Говоря о его причинах, исследователи почти не упоминают систему снабжения населения, хотя, на мой взгляд, она являлась одной из основных причин трагедии в деревне.

Данная книга, опираясь на достижения историографии и неизбежно разделяя недостатки ее современного этапа развития, входит в состав работ по истории советского общества периода сталинизма, одного из наиболее бурно развивавшихся в последнее десятилетие направлений исследований.

Из последних трудов западных ученых, в которых исследуются социально-экономические процессы 20—30-х годов, следует указать: Nove A. *An Economic History of the USSR: 1917—1991*. Penguin books, 1992; *Social Dimensions of Soviet Industrialization*. Ed. by W.G.Rosenberg, L.H.Siegelbaum. Indiana Un. Press, 1993; *Stalinist Terror. New Perspectives*. Ed. by J.A.Getty and R.Manning. Cambridge Un. Press, 1993; Fitzpatrick S. *Stalin's Peasants: Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization*. Oxford Un. Press, 1994; Hoffmann D.L. *Peasant Metropolis. Social Identities in Moscow, 1929—1941*. Cornell Un. Press, 1994; *The Economic Transformation of the Soviet Union, 1913—1945*. Cambridge Un. Press, 1994. Ed. by R.W.Davies, M.Harrison, S.J.Wheatcroft; Kotkin S. *Magnetic Mountain. Stalinism as a Civilization*. University of California Press, 1995; Viola L. *Peasant Rebels Under Stalin. Collectivization and the Culture of Peasant Resistance*. Oxford Un. Press, 1996.

Не потеряли своего значения фундаментальные труды по истории коллективизации и индустриализации 30-х годов, написанные российскими (Вылцан М.А., Данилов В.П., Зеленин И.Е., Ивницкий Н.А., Лельчук В.С. и другие) и западными учеными (Davies R.W., Jasny N., Kuromiya H., Lewin M., Nove A.) ранее, до открытия российских архивов.

Важное значение для исследователей 30-х годов имеют публикации архивных документов, предпринимаемые совместными усилиями российских и западных ученых. В настоящее время осуществляется крупный международный проект «Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927—1937 (1939) гг. Документы и материалы в 5-ти томах». Под ред. В.П.Данилова, Р.Мэннинг и Л.Виолы. Выход первого тома ожидается в 1998 году. Подготовлены к печати два других издания: *Голос народа. Письма и отклики советских граждан о событиях 1918—1932 гг.* Отв. ред. А.К.Соколов. Английский вариант: *Voice of the People. Peasants, Workers, and the Soviet State*. Ed. by A.K.Sokolov and J.Burds; 1930-е гг. *Общество и власть. Повествование в документах.* Отв. ред. А.К.Соколов. Английский вариант: *Stalinism as a Way of Life*. Ed. by A.K.Sokolov, L.Siegelbaum. — Оба тома представляют письма советских людей, в которых они высказывают свое мнение по поводу основных событий того времени. Публикация писем сопровождается обширными комментариями составителей. Из уже опубликованных сборников документов следует назвать: *Сталинское Политбюро в 30-е гг.* М., 1995; *Письма И.В.Сталина В.М.Молотову. 1925—1936.* М., 1995.

ИСТОЧНИКИ: «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»

Источниковый фундамент этой книги составляют архивные документы¹. Архивная принадлежность сама по себе не является доказательством достоверности и представительности источников, равно как и публикация в советских изданиях не доказательство фальсификации документов. Критический анализ должен предшествовать использованию любого материала. Укажу наиболее общие принципы определения достоверности и представительности, которыми руководствовался автор в работе над этой книгой.

Особенность источниковой базы этого исследования в том, что она включает не единичные документы, а массовые комплексы. Поскольку они объединены общим предметом — снабжение населения продуктами и непродовольственными товарами, в них проходит однородная информация: нормы, цены, ассортимент, контингенты, меры правительства — реакция людей и прочее. Массовость и сюжетная однородность источников дают возможность для взаимной проверки информации, содержащейся в них.

Кроме того, использованы документы не одного ведомства, которое могло преследовать свои интересы, искажая информацию, а документы множества организаций, действия которых определялись различными, часто противоположными мотивами. Например, если Наркомснаб/Наркомторг мог приукрашивать результаты своей работы в снабжении населения, то тут же находились организации, которые выявляли недостатки — ОГПУ/НКВД, комиссии партийного и советского контроля, например. Многоведомственный характер источников также предоставляет возможность для взаимной проверки информации.

Более того, в работе использованы не просто документы множества ведомств, но материалы, которые имеют разные социальные источники происхождения. Это — правительственные документы и письма людей, статистические обследования и мемуары. Их создатели, принадлежа к разным социальным группам, преследовали разные цели, что также дает возможность для взаимодополнения и критического анализа данных. Широкий спектр привлекаемых источников позволяет говорить о их представительности для исследования данной темы.

Принципом проверки информации является также соотнесение ее с общим историческим фоном и накопленными знаниями. Сведения, которые мы получаем из источников, должны найти свою нишу в наших представлениях о том времени, которое изучаем. Если эта ниша уже занята другой, противоположной по смыслу, информацией, необходимы новые документы и свидетельства, чтобы разобраться, где правда. В данном случае выводы о тяжелом положении на потребительском рынке согласуются с результатами новейших исследований о последствиях огосударствления экономики, форсирования индустриализации, коллективизации, раскулачивания, массовых репрессий. «Требуют» своих ниш в исторической карти-

¹ См. список архивов и фондов в приложении. Я благодарна Д.А.Волгогонову, который помог мне получить доступ к материалам ОГПУ/НКВД, хранящимся в ЦА ФСБ.

не жизни первых пятилеток кризисы снабжения и карточки 1936—37 и 1939—41 годов, которые ставят под сомнение миф о сталинском изобилии второй и третьей пятилеток, укоренившийся в сознании ряда поколений. Предпринимательство и рынок, деформированные централизованной распределительной системой, но реально существовавшие в экономике 30-х годов, также должны найти свое место в наших представлениях.

В оценке достоверности документов важен и тот факт, что власть всегда нуждается в правдивой информации для управления обществом и стремится получить ее. Нуждалось в достоверной информации и сталинское Политбюро. Сбор социально-экономических сведений осуществлялся широко силами множества ведомств: Наркомторга/Наркомснаба, ОГПУ/НКВД, Госплана и Центрального управления народно-хозяйственного учета (ЦУНХУ), комиссиями партийного и советского контроля и другими. Не случайно информация служебного пользования всегда имела гриф секретности. Он, в принципе, не защищает документ от фальсификации, но массовый комплекс документов с грифом секретности, предназначенных для высшего руководства страны, дает гарантии достоверности если и не каждой цифры, то общего содержания сведений. Вряд ли кто-то станет отрицать существование различия между официальными, всем доступными публикациями и материалами служебного пользования. Подавляющее большинство документов, использованных в этой книге, шло под грифом секретности.

Основной массив материалов, на которых основывается работа, отложился в фондах центральных государственных и партийных органов, занимавшихся вопросами торговли. Высшей торговой инстанцией в стране фактически являлось Политбюро ЦК ВКП(б), которое принимало решения начиная с глобальных вопросов торговой политики и кончая утверждением планов, цен, сроков торговли, ассортимента, открытия новых магазинов и пр. Протоколы заседаний Политбюро, в том числе и Особые папки (к сожалению, доступные исследователям пока только до 1934 года), явились главным источником для анализа государственной торговой политики. В дополнение к ним привлекались фонды Оргбюро, Секретариата ЦК, личные фонды членов Политбюро, их переписка.

Решения, принятые Политбюро по вопросам торговли, затем оформлялись постановлениями, циркулярами, директивами, указами СНК СССР, ЦИК СССР, Наркомторга/Наркомснаба, СТО, Экономического Совета, Президиума Верховного Совета СССР, Прокуратуры СССР и других центральных органов. Эти материалы использованы в книге наряду с протоколами, стенограммами заседаний и межведомственной перепиской центральных органов. Для анализа торговой политики привлекались также стенографические отчеты партийных съездов, пленумов и конференций.

К группе источников, которые характеризуют государственную торговую политику, относятся и материалы периодической печати, которая в Советском Союзе всегда служила проводником решений партии и правительства. Особое значение для работы имела специализированная «торговая» периодическая печать: газета «Советская торговля», журналы «Советская торговля», «Проблемы экономики», «Плановое хозяйство», «Вопросы торговли» и другие. При работе с фактическим материалом о состоянии торговли в стране, который печатался в прессе наряду с постановлениями партии и правительства, нужно учитывать то, что на страницы газет и журналов попадали главным образом достижения. Негативная информация подавалась как «отдельные недостатки». Опыт работы, однако, показывает, что эти «отдельные недостатки», коль скоро они попадали на страницы всесо-

юзной прессы, на деле были распространены по всей стране явлениями. Материалы периодической печати о состоянии торговли в стране в 30-е годы могут быть использованы только в комплексе с архивными документами, мемуарами, дневниками, воспоминаниями и другими источниками, подтверждающими информацию.

Особое место в комплексе источников о социалистической торговле занимают материалы Наркомата торговли/Наркомата снабжения СССР¹. Они представляют главный источник для анализа механизма и принципов централизованного распределения непродовольственных товаров и продуктов. В данной книге привлечен большой комплекс отчетных материалов о выполнении планов торговли: отчеты об отгрузках, реализации товаров, розничном товарообороте, использовании фондов, развитии общественного питания, колхозной торговле, о движении товаров в торговой сети и другие. В фондах Наркомторга/Наркомснаба находится также комплекс документов, позволяющий исследовать ценовую политику государства.

Из материалов Наркомторга/Наркомснаба СССР важное значение в этом исследовании имели отчеты о реализации товарных и рыночных фондов. Они показывают оптовый отпуск товаров с баз и транзитом в торговую сеть. Отчеты о реализации содержат информацию о распределении каждого вида товара отдельно с указанием деления на рыночный и вне рыночный фонды, распределения между торговыми системами и территориями (республики, области, края). По каждому товару указано также деление на городской и сельский фонды. Отчеты о реализации товарных и рыночных фондов охватывают период 1930—41 годов².

Исследователи скептически относятся к статистике 30-х годов, поэтому следует сказать несколько слов о пределах возможности отчетов о реализации, использованных в работе. Как известно, плохих источников нет. Работая с теми или иными материалами, нужно понять, для чего они хороши, а для чего не подходят. Отчеты о реализации товарных и рыночных фондов, как и другие отчетные материалы Наркомторга/Наркомснаба, безусловно, не могут быть использованы для изучения действительного потребления населения в регионах, прежде всего потому, что нельзя определить, сколько в действительности было отправлено и что из отправленного доходило до потребителя. Торговая статистика показывает, сколько государство *предполагало* отправить в регионы, как делило имеющиеся в его распоряжении фонды. Главное значение этого источника в том, что он показывает принципы, территориальные и социальные пропорции *государственной политики* распределения товарных фондов.

Все ранее перечисленные источники родственны тем, что позволяют исследовать торговую политику государства. Вторым, большим и разнообразным по составу комплексом являются документы, которые характеризуют действительное состояние снабжения населения. В них главными героя-

¹ Наркомат торговли был создан в 1924 году на базе Комвнуторга (Комиссия по внутренней торговле при СТО). В 1925 году объединен с Наркоматом внешней торговли в единый Наркомат внешней и внутренней торговли. В 1931 году, в связи с введением всесоюзной карточной системы, Наркомторг был преобразован в Наркомснаб, а в 1934-м, в связи с подготовкой перехода к открытой торговле, на базе Наркомторга было создано два новых наркомата — Наркомат пищевой промышленности и Наркомат внутренней торговли. В 1938 году Наркомат внутренней торговли был переименован в Наркомат торговли.

² На основе отчетов о реализации товаров автором была создана база данных по торговой статистике.

ми выступают не центральная власть во главе с Политбюро, а местное руководство и люди.

Для анализа действительного состояния снабжения на местах использовалась, в частности, переписка местных советских, партийных, торговых органов с Центром по вопросам снабжения. Она отложилась в фондах центральных органов власти, куда с мест направлялась корреспонденция. Местное руководство в своих донесениях, записках и телеграммах в Центр указывало на расхождения между тем, что Наркомторг/Наркомснаб должен был отправить для снабжения данной территории и что в действительности было получено. Переписка содержит описания производственных и социальных последствий срывов снабжения. В комплексе документов, которые исходят от местных органов власти, соседствуют негативная и положительная информация. С одной стороны, испрашивая фонды снабжения, местная власть была склонна драматизировать положение со снабжением на местах, однако не могла в этом заходить слишком далеко, вынуждена была показывать и положительные достижения в вопросах снабжения, дабы вверенная ей территория не оказалась на счету отстающих, ведь «раздача слонов» происходила в зависимости от успехов развития региона.

Переписка Центра и регионов позволяет судить о их взаимоотношениях. Реакция Политбюро на действия местной власти по вопросам снабжения показывает либо состояние сотрудничества и мира между ними, либо ситуацию конфликта. Обвинения местной власти в саботаже, лени, борьба с привилегированным самоснабжением местной номенклатуры, которые усиливаются в действиях Политбюро во второй половине 30-х годов, доказывают существование конфликта между центральной и местной властью.

В числе источников официального происхождения, но критического характера, которые позволяют судить о положении со снабжением на местах, находятся также материалы многочисленных партийных и советских комиссий, создаваемых специально для проверки того или иного вопроса, а также материалы торговой инспекции, милиции, прокуратуры. Они показывают не только состояние государственного снабжения, но и положение на колхозном и черном рынках. К этой же группе критических материалов официального происхождения относится огромный комплекс материалов о торговле, созданный ОГПУ/НКВД, который впервые вводится в научный оборот. О нем следует сказать особо.

Одной из функций ОГПУ/НКВД был сбор социально-экономической информации о положении в регионах и составление отчетов для высших руководителей страны. Местные органы ОГПУ/НКВД — губернские управления, полномочные представительства ОГПУ, управления НКВД — собирали информацию в своем регионе, а затем направляли ее в Москву, где она обрабатывалась в экономических и информационных подразделениях ОГПУ/НКВД и рассылалась под грифом секретности Сталину, Молотову и по списку еще нескольким высшим руководителям заинтересованных ведомств.

Экономические обзоры и спецсводки ОГПУ/НКВД содержат богатейший материал о положении на промышленных предприятиях, в колхозах и совхозах, в армии, на улицах городов, в магазинах. Частью комплекса материалов ОГПУ/НКВД являются и материалы милиции. Тематически, среди использованных в работе, можно выделить следующие комплексы документов. Сводки о ходе хлебозаготовок, а также материалы о репрессиях против частников на заготовительном и потребительском рынке в период 1927—30 годов показывают развал внутреннего рынка в стране.

Сводки о снабжении промышленных районов в 1929—32 годах¹ содержат детальную информацию об ассортименте, нормах и группах снабжения по основным регионам и ведущим предприятиям страны. В сводках есть также информация о проявлениях социального недовольства: высказывания, эксцессы в очередях, демонстрации, забастовки и прочее.

ОГПУ/НКВД составляло специальные отчеты о настроениях населения по различным поводам: «на почве продзатруднений», в связи с введением или отменой карточек, повышением цен, борьбой со спекуляцией и т.д. Источниками информации были доносительство, подслушивание в очередях, где всегда находились «люди в штатском», перлюстрация писем, которая проводилась во время крупных торговых мероприятий партии и правительства. Сводки о настроении населения также использовались в этой книге.

Сводки НКВД о продовольственных трудностях в колхозах и городах в связи с неурожаем 1936 года представляют информацию о втором кризисе снабжения в период предвоенных пятилеток. Помимо состояния потребительского рынка они показывают политику Центра и местного руководства в условиях кризиса, стратегии выживания людей и многое другое. Особого внимания заслуживают материалы о локальном голоде в деревне. В них поименно перечисляются люди, умершие от голода в регионах, наиболее сильно пострадавших от неурожая и государственных заготовок. В архиве НКВД хранятся также сводки о товарном и продовольственном кризисе 1939—41 годов, третьем по счету с начала форсирования индустриализации в СССР. В данном случае материалы характеризуют в основном положение в столице.

В книге используются также материалы НКВД о репрессиях против работников торговли. В этом комплексе следует различать разные группы документов. Первая относится ко времени массовых репрессий 1937—38 годов и представляет материалы инсценированных судебных процессов над торговыми работниками, начиная с наркома торговли Я.И.Вейцера и заканчивая работниками среднего и низшего торгового звена. Многие осужденные по этим делам были позже реабилитированы, другие подлежат реабилитации. Вероятно, среди репрессированных находились люди, совершившие экономические преступления, но в своей массе этот комплекс документов рассказывает о невинных жертвах сталинского террора. На них, наряду с обвинениями в шпионаже и терактах, руководство свалило вину за плохую работу государственной системы снабжения.

Иной характер имеют многие «агентурные разработки работников торговли» в 1939—41 годах. Хотя и здесь по сталинской традиции присутствуют абсурдные обвинения в шпионаже, политическом терроре; главное, что инкриминировалось — незаконное богатство. Благодаря этим документам мы не только можем узнать, как жили советские подпольные миллионеры, но и назвать некоторых поименно. К группе «репрессивных» материалов относятся документы НКВД об акциях против так называемых спекулянтов, мешочников, о борьбе с очередями, о хищениях и растратах. Материалы ОГПУ/НКВД — один из основных источников для изучения черного рынка.

Особенностью материалов ОГПУ/НКВД является то, что, по преимуществу, они содержат негативную информацию. Это карательное ведомство по долгу службы выявляло главным образом ошибки и просчеты в деятель-

¹ Материалы за 1933 год в ЦА ФСБ мне не были выданы.

ности государственных и партийных органов, отрицательные настроения в народе. Работая с документами ОГПУ/НКВД, нужно иметь в виду, что они показывают только одну из сторон общественной жизни, а не все многообразие явлений и настроений в обществе. Однако важно помнить и другое: негатив не фальсификация. Чтобы отделить одно от другого, нужен источниковедческий анализ. Поэтому документы ОГПУ/НКВД необходимо использовать в комплексе с другими источниками. Так, материалы НКВД о кризисах снабжения 1936—37 и 1938—41 годов подтверждаются документами Наркомторга, письмами людей, мемуарами и дневниками. Одним из примеров такого подтверждения может служить дневник известного ученого В.И.Вернадского, который рассказывает о продовольственном положении в столице на рубеже 30—40-х годов.

В работе с документами ОГПУ/НКВД важно также знать общий исторический фон в тот или иной период. Например, информация о политических процессах в стране играет определяющую роль при оценке репрессивных материалов 1937—38 и 1939—41 годов. Для проверки достоверности нужно обращать внимание и на характер изложения информации. Детальность, с которой документы описывают локальный голод в деревне в 1936—37 годах, говорит в пользу этих документов.

Материалы ОГПУ/НКВД при правильном использовании — источник ценный не только по содержанию информации, но и по форме ее изложения. Высказывания людей, которые часто цитируются в документах, хотя и без их на то согласия, создают своеобразный колорит, живой дух времени. Это не мертвая статистика цифр и сухой язык официальных бумаг.

В комплексе документов, которые показывают действительное состояние снабжения населения, бюджеты представляют незаменимый источник. К сожалению, в отличие от 20-х годов, 30-е характеризуются сокращением бюджетных обследований, а во второй половине — полным развалом статистической школы. Бюджеты населения представляли источник обличающего характера, они показывали резкое ухудшение питания населения в связи с основными мероприятиями партии и правительства, поэтому широкое проведение обследований и тем более публикации их результатов не поощрялись. Правительство требовало ту информацию, в которой нуждалось, — данные о питании фабрично-заводских рабочих СССР, на плечах которых лежало выполнение индустриальной программы. Бюджетные обследования служащих, сельского населения, которые широко проводились в период нэпа, в 30-е годы практически прекратились. Публикация бюджетов осуществлялась «в порядке, не подлежащем оглашению», а с 1932 года и эти ограничения были уже недостаточны. Бедственное положение с питанием рабочих требовало большей секретности — публикации прекратились. Уведомлялось только высшее руководство через докладные записки.

В этой книге использованы бюджетные обследования фабрично-заводских рабочих СССР за 1932—35 годы, сохранившиеся в фондах РГАЭ. Хотя в прессе 30-х годов есть ссылки и на бюджеты более позднего времени, их обнаружить не удалось. Используемые бюджеты составлялись ЦУНХУ Госплана СССР на основе текущих ежедневных записей в десяти тысячах семей фабрично-заводских рабочих. Записи велись круглый год. Отбирая семьи для обследования, ЦУНХУ стремилось к тому, чтобы пропорционально была представлена отраслевая и территориальная структура крупной промышленности, все списки снабжения, а также чтобы уровень зарплаты отобранных рабочих совпадал с общим уровнем зарплаты в стране. Бюджеты рабочих позволяют количественно оценить приобретение продуктов во всех видах торговли — по карточкам, в коммерческой, на рынке. Они

показывают источники и размеры домашнего питания, долю общепита в снабжении рабочих, цены в различных видах торговли. Это один из основных источников в определении соотношения государства и рынка в снабжении населения. Кроме того, используемые бюджеты выявляют региональные и отраслевые различия в снабжении населения, так как предоставляют сведения по отраслям промышленности и регионам.

Вместе с документами официального происхождения в работе использовались источники личного характера. Одни из них — письма населения о состоянии снабжения — незаменимы, так как говорят о социалистической торговле и рынке языком простых людей. Используемые в книге письма были адресованы руководителям высших партийных и советских органов и отложились в фондах ЦК ВКП(б), СНК, КПК и КСК, ЦИК, Наркомторга/Наркомснаба, редакциях журналов и газет. Берясь за перо, люди преследовали определенные личные цели, что могло вести к искажению информации. Залогом ее достоверности является массовый поток писем с повторяющимися в них сведениями. Именно такой комплекс писем, рассказывающих о продовольственном кризисе 1939—41 годов, удалось найти.

Письма — многофункциональный источник. Они не только позволяют реконструировать события и факты прошедшего времени, но представляют своеобразный собирательный портрет людей, их писавших. С точки зрения данной темы было интересно увидеть, как политэкономические догмы и официальная пропаганда тех дней исказили представления людей о сути социалистической торговли и рынка.

Среди источников личного характера, использованных в работе для исследования действительного состояния торговли, находится комплекс мемуаров и дневников советских людей, известных и простых, а также воспоминания иностранцев, написанные по следам путешествий в СССР. Особое место среди «показаний иностранцев» занимают воспоминания американских инженеров и рабочих, побывавших на стройках социализма в 30-е годы. Помимо статей и книг, написанных ими, в нашем распоряжении есть результаты опроса работавших в СССР, который провел Конгресс США. Хотя главной целью опроса являлось установление факта использования в СССР труда заключенных, в нем были и вопросы о снабжении, о бытовых условиях и многое другое. Эти материалы интересны тем, что составлялись по горячим следам. Это придавало им яркую эмоциональную окраску и обилие деталей¹.

Среди комплексов использованных в книге архивных документов следует особо указать два специальных фонда. Первый — фонд ЦЕКУБУ/КСУ (1919—37 годы), правительственной организации, которая занималась вопросами обеспечения ученых, в том числе и их снабжением. Другим специальным фондом, использованным в работе, является фонд Торгсина — Всесоюзного объединения по торговле с иностранцами. Этот фонд — одна из жемчужин РГАЭ. В голодные годы первой пятилетки Торгсин продавал населению продукты и товары в обмен на золото и валюту. История Торгсина — это история государственного предпринимательства и изобретенных людьми способов выжить.

¹ Материалы опросов и некоторые воспоминания хранятся в Гуверовском архиве войны, мира и революции в Стэнфорде, а также в Библиотеке Конгресса и Национальном архиве в Вашингтоне.

В книге использовались не только архивные материалы, но, после соответствующего анализа, и данные, опубликованные в статистических сборниках, в статьях и монографических изданиях советского времени.

И еще об одном источнике. Для иллюстрации книги отобрано более полусотни фотографий. Эти документальные свидетельства составляют важный зрительный ряд и участвуют в формировании наших представлений о довоенных пятилетках. Как и любой другой источник, фотографии требуют критического анализа. При оценке степени достоверности и представительности информации, которую они несут, важно понять, кто и с какой целью делал снимок. Часть фотографий, выбранных для этой книги, была специально сделана фотокорреспондентами журналов, газет, ТАСС. Эти фотографии можно отличить по позам и взглядам людей, по отсутствию давки в магазинах, специально созданному на время съемки относительно изобилию товаров. Цель, которую преследуют официальные фотографии, — показать улучшение жизни в стране. Особую осторожность при оценках требуют фотографии, сделанные в магазинах Москвы. Если изобилие в сталинском варианте и существовало, то оно было создано в отдельно взятой столице. Безусловно, официальные фотографии приукрашивают действительность, но даже в этом случае они содержат полезную информацию о быте и людях того времени. Другую группу представляют любительские фотографии, сделанные «без инсценировки». Они чаще всего точнее отражают действительность того времени, хотя качество съемки хуже. К сожалению, таких фотографий в архивном комплексе меньше, чем официальных. В третью группу выбранных фотографий можно отнести «изобличающие». Таковыми, например, являются фотографии хлеба с запеченными в нем металлическими болтами, сохранившиеся в фондах НКВД. К изобличающим фотографиям, как и к официальным, приукрашивающим, следует относиться с осторожностью: показывая лишь отрицательное в жизни 30-х годов, они тоже в определенном смысле искажают действительность. Работая с фотографиями, как и с другими источниками, нужно критически анализировать весь массив информации, который находится в распоряжении исследователя.

Рассматривая фотографии, остановите свой взгляд на лицах людей. Они выразительны и неповторимы, принадлежат только тому, единственному, мгновению истории, в который поймал их объектив фотоаппарата. Именно эти люди — простые труженики и представители власти, смирившись и бунтуя, приказывая и исполняя, радуясь и страдая, творили историю социалистической торговли, о которой говорится в этой книге.

ЧАСТЬ 1

**РАЗРУШЕНИЕ РЫНКА
1927–30**

*«Власть ошиблась в политике,
бросив лозунг — бей по кулаку
и нэпману. Били по ним,
а попали по себе».*

*(Из высказываний рабочих,
материалы ОГПУ, 1929 год)*

Достаточно заглянуть в мемуары, рассказывающие о последних годах нэпа, чтобы увидеть, где прошел водораздел. До 1927 года авторы описывают изобилие рынков и еду в достатке, затем по всей стране устанавливается однообразный и скудный рацион: черный хлеб да постные капустные щи. Всего за несколько лет относительное благополучие нэпа сменилось карточками и голодом. Для того, чтобы объяснить столь резкие перемены, необходимо понять, что в системе отношений, обеспечивавших благополучие нэпа, было нарушено, чем новая система снабжения населения отличалась от нэповской и какие последствия это имело. Архивные документы позволяют восстановить драматическую картину слома нэповской и установления господства государственной торговли.

ГЛАВА 1

КАРТОЧКИ И ГОЛОД — ПОЧЕМУ?

На чем покоилось благополучие нэпа

Не стоит идеализировать нэп. Он не стал золотым веком ни для города, ни для деревни. Допущение рыночных отношений позволило восстановить разрушенное войнами и революциями хозяйство страны, но уровень материального обеспечения населения оставался невысоким. Не изобилие, а относительное благополучие — островок между разрухой гражданской войны и голодной жизнью первой пятилетки — вот чем был нэп. По мере роста денежных доходов населения начала сказываться ограниченность производства и торговли: к концу 20-х годов уже остро ощущался дефицит промышленных товаров¹. Однако следует признать, что во время нэпа голод не угрожал стране. Питание населения улучшалось год от года, что фиксировали регулярные обследования, проводимые ЦСУ². Высшей точкой стал 1926 год.

¹ По официальным данным того времени, дефицит промышленных продовольственных и непродовольственных товаров в первом полугодии 1926/27 года исчислялся в 220 млн., а в первом полугодии 1927/28 года — в 500 млн. рублей (РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 354. Л. 5).

² Труды ЦСУ. Т. XXX. Вып. 1. Состояние питания городского населения СССР, 1919—1924 гг. М., 1926; Вып. 2. Состояние питания сельского населения СССР, 1920—1924 гг. М., 1928; Вып. 3. Состояние питания городского населения СССР в 1924/25 сельскохозяйственном году. М., 1926; Вып. 5. Состояние питания городского населения СССР в 1925/26 сельскохозяйственном году. М., 1927. Карр и Дэвис считают, что к 1926 году и рабочие, и крестьяне питались лучше, чем до революции (Foundation of a Planned Economy. P. 697).

Благополучие нэпа покоилось на нескольких «китах». Главный из них — индивидуальное крестьянское хозяйство. Благодаря ему более 80% населения страны обеспечивали себя сами. Являясь монопольными производителями продовольствия и сырья, крестьяне распоряжались выращенной продукцией по собственному усмотрению. Единственным их серьезным обязательством перед государством был сельскохозяйственный налог, который уплачивался с 1924 года деньгами. Крестьянин сам планировал свое хозяйство — сколько посеять, сколько оставить в закромах, сколько продать. Он жил по принципу — в первую очередь обеспечить себя. Поэтому, по словам Алека Нова, крестьянин к концу нэпа, по сравнению с царским временем, больше ел, но меньше продавал. Внутри крестьянского двора кустарным способом производили и одежду, и обувь, и нехитрую мебель, и домашнюю утварь. Да и что оставалось делать? — Сельская торговля не баловала изобилием и была лишь дополнением к полунатуральному крестьянскому хозяйству. Если крестьянин шел в сельскую лавку, то не за хлебом и мясом. Он покупал там то, что не мог произвести сам: соль, спички, мыло, керосин, ситец. Конечно, кустарное домашнее производство не отличалось высоким качеством и определяло низкий уровень жизни.

Крестьянство не было социально однородным. Однако благополучие деревни росло. Доля середняцких хозяйств увеличилась. Крепкое середнячество и зажиточные крестьяне являлись своеобразным гарантом против голода для бедняков и маломощных: в случае нужды, несмотря на кабальные условия займа, было у кого одолжить продукты до нового урожая. В период коллективизации и голода крестьяне нередко просили: «Верните кулаков, они нас накормят».

Развивавшееся крестьянское хозяйство являлось и залогом благополучия города. Крестьянский рынок, который существовал в каждом городе и местечке, был главным источником снабжения горожан. Товарная продукция поступала от зажиточных и середняков, которые либо продавали ее заготовителям (частным, государственным и кооперативным), либо торговали сами. За годы нэпа на основе крестьянской торговли сложилась сложная система связей, составлявших межрайонный товарооборот. Именно благодаря крестьянскому хозяйству и крестьянскому рынку в период нэпа не было проблем с продовольствием.

В благополучии нэпа немалую роль играло частное предпринимательство на заготовительном рынке. Особенно значительна была роль частника в глубинных районах, где государственные заготовители отсутствовали. Во второй половине 20-х годов частник закупал около четверти хлеба в производящих районах, до трети сырья. Он обеспечивал более 20% поставок хлеба в потребляющие районы, в том числе треть поставок пшеницы¹. Частник был очень мобилен — забирался в глухие уголки, скупая продукцию, перебрасывал ее на рынки отдаленных районов, перепродавал мелким рыночным торговцам, владельцам ларьков, палаток, ресторанов, чайных, кафе, снабжал кустарей, занимавшихся промыслами, делал запасы, дожидаясь более выгодных условий продажи.

Частник участвовал и в производстве товаров. К концу нэпа на его долю приходилась пятая часть валовой продукции промышленности. Особенно велика была роль частника в национальных районах и провинции. Сферой

¹ Дихтяр Г.А. Советская торговля в период построения социализма. С. 271; Рубинштейн Г.Л. Развитие внутренней торговли в СССР. С. 236.

действия частного капитала в значительной мере являлась и кустарная промышленность, которая объединяла более половины всех рабочих и производила треть валовой продукции промышленности. Кустарная промышленность в значительной мере сохраняла черты рассеянной мануфактуры дореволюционной России: кустари работали на дому, предприниматель же объезжал их, снабжал сырьем, полуфабрикатами, а затем забирал и сбывал готовую продукцию. Доля кооперированных кустарей, которые получали сырье от государства и сбывали свою продукцию через госторговлю и потребительскую кооперацию, была незначительной¹. Да и под вывеской кооперативов скрывалось немало фиктивных, где на поверку хозяйничал предприниматель.

Особо важную роль в период нэпа частник играл в торговле. На частную патентную торговлю приходилась только четверть розничного товарооборота страны (без рыночной крестьянской торговли). Однако это не отражает действительной роли частного торговца в снабжении населения. Из 551,6 тыс. предприятий розничной торговли, работавших в 1927 году, на долю частника приходилось 410,7 тыс. — около 75%!² В отличие от государственной и кооперативной торговли, сконцентрированной в магазинах крупных промышленных центров, частная торговля была мелкой. Она велась в многочисленных ларьках, палатках и вразнос по всей стране. Частник забирался в уголки, где не было государственных и кооперативных магазинов, быстро приспосабливался к рыночной конъюнктуре. Частная торговля отличалась высокой оборачиваемостью средств. Через частную торговую сеть продавалась не только продукция частного производства, но и продукция госпредприятий³. Личная выгода была главным мотивом в деятельности частника, но именно она обеспечивала быстроту передвижения, эффективность, высокую сохранность товаров. За несколько лет нэпа, благодаря развитию частной торговли, удалось наладить снабжение населения товарами первой необходимости⁴.

Важность рынка и частника для снабжения населения выглядит бесспорной на фоне слабого развития государственной промышленности. Уровень ее развития определялся наследством, которое досталось советской власти от царского времени. Наследство, прямо сказать, небогатое. Обувная, трикотажная, швейные отрасли представляли мелкие кустарные мастерские с большой долей ручного труда. Наиболее развитой была текстильная промышленность, которая работала на импортном оборудовании, к концу 20-х годов сильно изношенном, и, в значительной степени, на импортном сырье. Основным товаром в ассортименте текстильной промышленности были хлопчатобумажные ткани. Но даже эта, наиболее развитая отрасль производила в конце 20-х на человека в год всего лишь 12 м

¹ В 1927 году на долю кооперированной промышленности приходилось 16% всей численности рабочих и вырабатываемой продукции (Дихтяр Г.А. Советская торговля в период построения социализма. С. 259; Рубинштейн Г.Л. Развитие внутренней торговли в СССР. С. 230, 232).

² Рубинштейн Г.Л. Развитие внутренней торговли в СССР. С. 245; Дихтяр Г.А. Советская торговля в период построения социализма. С. 330.

³ Даже после того, как госпромышленность значительно сократила продажу своей продукции частникам, в 1927 году они получали 8% опта синдикатов.

⁴ Свищев М.А. Опыт нэпа и развитие мелкого производства на современном этапе // История СССР. 1989. № 1. С. 11—15.

хлопчатобумажных тканей. Выпуск другой продукции был еще более ничтожным. На душу в год в стране производилось 80 см шерстяных тканей, 0,4 пары кожаной обуви (полботинка на человека), один носок или чулок, а также одна пара белья на 20 человек населения¹.

Отрасли пищевой промышленности царской России, доставшиеся в наследство советской власти, также в массе представляли мелкие и кустарные предприятия — мельницы, крупорушки, маслобойки, пекарни, кондитерские, колбасные мастерские, дедовские бойни, где ручным способом забивали скот. Создание пищевой индустрии только началось в годы нэпа. В 1925 году построили первый хлебозавод. В 1927-м началось строительство первых мясокомбинатов. Даже к концу нэпа пищевая промышленность выпускала продукции меньше, чем перед первой мировой войной. В конце 20-х на человека в год производилось около 5 кг мяса и рыбы, 8 кг сахара, 12 кг молочных продуктов, полкило животного и 3 л растительного масла, менее одной банки консервов. До революции ассортимент пищевой промышленности не превышал ста наименований, в 20-е годы разнообразия было и того меньше. Треть ассортимента приходилась на продукты первой необходимости: муку, крупу, мясные изделия².

Не только государственное промышленное производство товаров потребления, но и государственная торговля была развита слабо³. Государственные торги в период нэпа создавались в окраинных районах и занимались в основном сбытом продукции местной несиндицированной промышленности и кустарей. Государственные магазины в крупных городах специализировались на продаже винно-водочных изделий, мехов, товаров производственно-технического назначения, книг. Как видно, ассортимент госторговли не включал товары первой необходимости.

Для снабжения населения в 20-е годы государство использовало кооперативную торговлю, фактически превратив ее в канал государственного снабжения⁴. В соответствии с договорами между потребительскими кооперативами и промышленными синдикатами, продукция с фабрик и складов

¹ История социалистической экономики. М., 1977. Т. 3. С. 225—234. Душевые показатели высчитаны на основе данных о производстве товаров в 1928 году из расчета 154,2 млн. человек населения.

² История социалистической экономики. Т. 3. С. 234—242. Душевые показатели высчитаны для 1928 года из расчета 154,2 млн. человек населения.

³ Решение о развитии государственной торговой сети было принято только в 1924 году.

⁴ Государство поддерживало и развивало потребительскую кооперацию в противовес частной торговле. Кооперативы не были независимыми, население называло и считало их государственными магазинами. Правительство стремилось к широкому кооперированию населения, видя в кооперации путь к социализму. Вступить в кооператив мог любой, только заплати взносы. Более того, при достаточности товаров покупать в кооперативном магазине могли даже не члены кооператива. При ухудшении товарной ситуации пайщики получали право первоочередной покупки дефицитных товаров. В случае товарного кризиса кооперативы легко могли быть превращены в закрытую торговлю, обслуживающую только пайщиков данного кооператива. Из новейших работ о кооперации см.: Кабанов В.В. Крестьянская община и кооперация России XX века (Проблемно-историографические очерки). М., 1997. Из англоязычной литературы о государственной и кооперативной торговле периода нэпа см.: Carr E.H., Davies R.W. Foundation of a Planned Economy. P. 650—662.

шла в магазины, палатки и ларьки потребительских обществ. Через кооперацию продавалось около 80% продукции государственной промышленности. Вместе с государственными торгами кооперативная торговля обеспечивала три четверти товарооборота. Однако в ее распоряжении была только четверть торговой сети, что свидетельствует о концентрации кооперативной торговли в промышленных центрах.

Анализ механизма снабжения населения в период нэпа позволяет сделать несколько выводов. Рынок и частник — крестьянин, заготовитель, промышленник, торговец играли здесь главную роль. Уберите из нарисованной картины крестьянское самообеспечение, местный крестьянский рынок, частное производство и торговлю. Что останется? — Слаборазвитая государственная промышленность, неспособная обеспечить минимальные потребности населения, скудная торговая сеть госторговли и кооперации с гипертрофией в промышленных центрах.

Развал частного сектора грозил катастрофой. Случись это, государство должно было бы снабжать десятки миллионов потребителей, которые до того обеспечивали себя сами. Развал частного сектора был опасен и тем, что, в соответствии с планами руководства страны, создание государственной легкой и пищевой индустрии не являлось ближайшей перспективой. Приступить к их развитию Политбюро планировало только после создания отечественной машиностроительной и сырьевой базы, однако даже тогда главный приоритет оставался за тяжелой и военной промышленностью.

Интересы потребителя требовали расширения частного и государственного производства товаров народного потребления и торговли. В этом они приходили в противоречие с планами коммунистического руководства, которое в конце 20-х годов приняло решение о форсированном развитии тяжелой и военной промышленности. Индустриализация была проведена силами государства в рамках плановой централизованной экономики. Частный сектор периода нэпа при этом был разрушен¹.

В выборе путей и методов индустриализации сыграла роль идеология — большевистское неприятие рынка и частной собственности. Играла роль и политика — в росте частного сектора виделась реставрация капитализма, потенциальная угроза власти большевиков. В уничтожении частника значенные имели и экономические обстоятельства. Использование рынка и частного капитала в интересах индустриализации представлялось и являлось сложной, кропотливой работой. Сталинское Политбюро же стремилось провести индустриализацию в кратчайшие сроки, ожидая скорой войны. Оно не хотело «возиться» с частником, который, конкурируя с государством, отвлекал ресурсы от индустриальных отраслей, извлекая выгоды из экономических просчетов и неудач государства. Куда проще и, казалось бы, быстрее было просто убрать его из экономики и жизни, сконцентрировать

¹ Исследования нэпа показали, что наступление на рынок и частника началось чуть ли не сразу после введения новой экономической политики и усиливалось по мере восстановления экономики страны. Однако вначале наступление на частника велось преимущественно экономическими средствами. Государство ограничивало снабжение частных предпринимателей сырьем, товарами госпромышленности, сокращало товарное и банковское кредитование частника, транспортные перевозки частных грузов, систематически повышало налоги. 1927/28 хозяйственный год прервал процесс постепенного вытеснения частника и принес драматические перемены. В этот год в дополнение к экономическим санкциям начались массовые аресты и конфискации.

ресурсы в руках государства и направить их на развитие тяжелой и военной промышленности¹. Что и сделали, ввергнув страну в глубочайший кризис.

Следует, однако, сказать, что, хотя кризис и стал результатом политики Политбюро, в развале рынка оно действовало без всякого плана, ситуативно. Более того, Политбюро действовало вопреки принятому плану. В соответствии с решениями XV съезда ВКП(б), где обсуждался первый пятилетний план, вытеснение частника должно было идти постепенно, «в меру возможностей обобществленного сектора так, чтобы не образовывалась брешь в товаропроводящей сети и не возникли перебои в снабжении рынка». Частник и рынок, хотя и в сильно урезанном виде, должны были существовать на протяжении всей первой пятилетки. Планировалось, что к концу первой пятилетки, к 1933 году, частник будет выпускать около 8% промышленной продукции и обеспечивать 9% розничной торговли. Планировалось сохранить и индивидуальное крестьянское хозяйство. Только пятая часть крестьянских дворов должна была быть коллективизирована к концу первой пятилетки. В действительности же уже в начале 30-х годов с легальным частным производством в городе и патентованной торговлей в основном покончили. Остались осколки легального рынка и империя черного. К концу первой пятилетки коллективизировали более 60% крестьянских хозяйств.

Действиями Политбюро руководил не план, а логика начатой форсированной индустриализации. Пытаясь поддержать ее высокие темпы, руководство страны стремилось монополизировать продовольственный фонд и перераспределять его в индустриальных интересах. Этим объясняется парадокс, при котором партийные съезды, пленумы, комиссии, отлично понимая причины кризиса, принимали решения о реанимации частника и

¹ Многие годы в российской и западной историографии идет дискуссия об альтернативах нэпу, об эффективности советской индустриализации. Для одних победа СССР во второй мировой войне является доказательством эффективности и целесообразности индустриализации в сталинском стиле и оправданием жертв, которые принесли советские люди в 30-е годы. Другие считают, что тех же или почти тех же экономических результатов страна могла бы достичь, используя рыночные отношения, избегая форсирования, репрессий, которые принесли немало вреда не только людям, но и самой индустриализации, нивелируя успехи индустриального курса. Среди работ, авторы которых предприняли попытки моделирования результатов экономического развития на основе продолжения экономики нэпа, см.: Hunter H., Szyrmer J. *Faulty Foundations. Soviet Economic Policies. 1928—1940.* Princeton, 1992. Перевод одной из ключевых глав книги и материалы ее обсуждения даны: Отечественная история. 1995. № 6; Бородкин Л.И., Свищев М.А. Ретропрогнозирование социальной динамики доколхозного крестьянства: использование имитационно-альтернативных моделей // Россия и США на рубеже XIX—XX вв. М., 1992.

Как и всякий спор типа «что было бы, если бы», эта дискуссия не имеет конца и, видимо, победителей. Не оспаривая необходимости индустриализации, я вслед за многими авторами ставлю под сомнение эффективность методов, которыми она проводилась в СССР. Для сферы торговли и потребительского рынка форсированная индустриализация имела плачевные последствия. Население любой страны в период индустриализации затягивает пояса потуже, но советские люди заплатили за нее массовым голодом. Более того, вопреки мнению тех, кто считает, что индустриализация вызвала хотя и тяжелые, но кратковременные трудности, на которые нужно было пойти, чтобы подготовиться к предстоящей войне, следует сказать, что трудности и проблемы вовсе не были кратковременными. Форсированная индустриализация привела к господству плановую централизованную экономику, а это имело тяжелые долговременные последствия для населения и страны.

рынка, но практика форсированной индустриализации вела к огосударствлению и централизации, а значит, к ограничению частника и рынка.

Как не было у Политбюро плана «развала рынка», так не было у него и плана мероприятий на случай кризиса. О какой антикризисной программе могла идти речь, если планировалось постепенное «обуздание рынка» и замена его плановым хозяйством. Сталин обратил серьезное внимание на кризис только в 1930 году, когда недостаток продовольствия стал сказываться на промышленном производстве. Решения по преодолению последствий кризиса и нормализации снабжения принимались в Политбюро ситуативно, в конкретный момент под давлением конкретных обстоятельств. Это хорошо видно на примере введения всесоюзной карточной системы. Как будет показано дальше, Политбюро не направляло, не предвосхищало, а в значительной мере «шло в хвосте событий» — утверждало и регламентировало уже сложившийся в практике местного снабжения порядок. Ориентиром при принятии решений в вопросах снабжения неизменно оставались интересы форсированной индустриализации.

В тисках товарного дефицита

Репрессии против частника в городе и в деревне привели к падению показателей производства, особенно сельскохозяйственного. В результате в распоряжении государства оказался меньший товарный фонд, чем тот, который существовал в стране в период нэпа. Но даже если бы в руках государственных распределяющих органов оказался весь товарный фонд лучших времен нэпа, они все равно снабжали бы население хуже, чем частник.

Дело в том, что государственное снабжение работало принципиально иначе, чем частная торговля. Частник подчинялся законам рынка — продавать там, где есть спрос, и всем, у кого есть деньги. Государственное же снабжение представляло целевое распределение товарных фондов. Значительная часть товаров при этом вообще не попадала в торговлю, а шла на так называемое внерыночное потребление — снабжение госучреждений, промышленную переработку, изготовление спецодежды, снабжение заключенных, создание неприкосновенных запасов и прочее. Много товаров требовала и армия. По мере огосударствления экономики внерыночное потребление быстро росло за счет сокращения рыночных фондов¹. Из оставшейся товарной продукции значительная часть шла на экспорт, что также было фактором обострения товарного дефицита на внутреннем рынке. В период нэпа СССР проводил сдержанный внешнеторговый курс, с началом же индустриализации экспорт продовольствия стал быстро расти, представляя один из основных источников валютного финансирования промышленности.

Только то, что оставалось после обеспечения внерыночного потребления и экспорта, поступало в торговлю. Но и здесь принцип целевого распределения товаров продолжал действовать. Численность населения, покупательные возможности и спрос не являлись главными факторами распределения

¹ В 1930-м по сравнению с 1928 годом товарная промышленная продукция выросла на 40%, но рыночный фонд при этом увеличился всего лишь на 26%, остальной прирост пошел на внерыночное потребление (Рубинштейн Г.Л. Развитие внутренней торговли в СССР. С. 349, 355—356; Дихтяр Г.А. Советская торговля в период построения социализма. С. 268, 404).

рыночных фондов между регионами. Снабжение зависело от важности территории в выполнении хозяйственного плана. Внутри региона товар в первую очередь шел на снабжение «плановых централизованных потребителей», т.е. занятых в промышленном производстве, а остальным — как получится. Иерархия государственного снабжения также являлась фактором обострения товарного дефицита.

Не только принципы распределения воспроизводили товарный дефицит в плановом хозяйстве, но и механизм распределения. Частник периода нэпа был сам себе и директор, и плановик, и продавец, и бухгалтер. Он распоряжался небольшими партиями товаров, не зависел ни от каких планов и бюрократии, лично следил за сохранностью товара и его передвижением. В плановой экономике частника-собственника заменили обезличенные государственные ведомства — Наркомторг/Наркомснаб и их местные органы. Они распределяли внушительные товарные фонды (продукция госпромышленности, кооперированных кустарей, совхозов, заготовки), пытаясь сделать невозможное: в огромной стране со слабо развитой инфраструктурой забрать у производителя продукцию, перевезти ее на государственное хранение и переработку, а затем вновь развезти по всей стране потребителям. Например, кооперация по государственным заданиям заготавливала у крестьян масло, мясо, яйца и другие продукты, затем сдавала их объединениям Наркомснаба с тем, чтобы потом Наркомснаб вернул все это потребительской кооперации для продажи населению. По мере развития планового хозяйства государство увеличивало товарные фонды в своем распоряжении, стремясь к полному охвату производимой в стране продукции.

Централизованное распределение к тому же было чересчур детальным. С развитием планирования стали определяться не только общие показатели: величина товарного фонда, его деление на рыночный и вне рыночный, на городской и сельский, но и распределение между торгующими системами, районами и дробными группами потребителей, вплоть до отдельных предприятий и строителей. Практическое осуществление столь дробного распределения представляло сложную, если не сказать невозможную, задачу.

Государство пыталось облегчить выполнение гигантской задачи распределения товарных фондов с помощью планирования торговли. Был создан огромный дорогостоящий бюрократический аппарат. В планировании участвовали тысячи людей. Наркомторг/Наркомснаб получал данные о производстве товаров от промышленных наркоматов и Центросоюза и на их основе составлял торговые планы (месячные, квартальные, годовые, пятилетние). План затем рассматривался в правительственных органах. Высшей инстанцией, утверждавшей план, являлось Политбюро. После утверждения план рассылался объединениям промышленности и Центросоюза, которые начинали отгрузку товаров торговым организациям.

Многоступенчатое и детальное планирование на деле являлось тормозом снабжения. Планы шли сложно и долго. Даже после утверждения их неоднократно пересматривали, изменяли, что повторяло процедуры утверждения и рассылки на места. В результате планы хронически запаздывали. Бумажки ходили по инстанциям, продукция же портилась на железнодорожных станциях, в плохо оборудованных хранилищах, а то и просто под открытым небом. Торговые организации, не дождавшись плана, работали на свой страх и риск.

План не только запаздывал, но зачастую являлся фикцией, распределял несуществующие фонды. Так, Наркомторг/Наркомснаб составлял торговый план из расчета 100% выполнения производственного плана промышлен-

ностью, в то время как промышленность хронически его не выполняла. В самом аппарате Наркомторга/Наркомснаба «правая рука» не знала, что делает «левая». Сектор планирования работал сам по себе, сектор снабжения — сам по себе. Большим местом была и чехарда с контингентами снабжаемых. Точного количества едоков, состоявших на государственном снабжении, не знал никто. В конечном итоге, планирование на практике реализовывалось лишь в определении общих принципов и основных пропорций распределения товарных фондов.

Ни один из планов торговли выполнен не был. Причины тому — не только бюрократизм и хаос. Как показывают исследования, планирование в 30-е годы во многом являлось инструментом мобилизации экономики, методом подстегивания, а не сбалансированного социально-экономического развития. План призывал к большому, и часто нереальному, с тем, чтобы добиться большего. В определении планов доминировали политики, а не ученые-экономисты. Планирование первой пятилетки отличалось особым экстремизмом¹.

Громоздкая, неповоротливая машина централизованного распределения делала быстрое маневрирование фондами невозможным. Торговля страдала от хронических перебоев и неразберихи. Товар отправлялся ради самого факта выполнения «бумажных предписаний»: картофель шел через всю страну из Западной области в Закавказье; в болотистые с тучами москитов районы лесозаготовок и сплава посылались летние футболки, купальные костюмы, детские летние костюмчики, тонкие женские чулки и фильдеперсовые носки; сандалии и майки поступали в торговлю в декабре, а ватные пальто и телогрейки в мае. Фабрики отгружали продукцию без сортировки прямо из-под станка, и, в результате, районы получали платья только одного размера или большую партию галош, но все на левую ногу.

Поскольку не спрос двигал производство, а план, самые необходимые товары неожиданно исчезали из продажи: либо промышленности было невыгодно их производить, хотя и спрос на них мог быть велик, либо кто-то забывал их поставить в план. Отсюда, например, такие казусы, как исчезновение из производства дешевых товаров (план определялся в ценовом выражении), выпуск необычайно толстого печенья (план определялся в тоннаже), замещение в производстве трудоемких товаров теми, которые легче производить. В отсутствии конкуренции, материальных стимулов к труду и всеядности покупателя брак в производстве товаров достигал огромных размеров. Централизация формировала иждивенческие настроения на местах: вместо того чтобы наладить в регионе местное производство необходимых товаров, руководители ждали, пока «спустят план и выделят фонды». Все это также были факторы обострения товарного дефицита, органически присущие централизованному распределению.

Товарный дефицит обострялся и огромными потерями в системе централизованного распределения, потерями гораздо большими, чем в частной

¹ М.Харрисон, например, считает, что «мобилизационная концепция планирования» доминировала в советской экономике 30-х годов, что облегчалось сталинской политической системой. Хотя не исчезала и «концепция планирования как средства достижения социально-экономического равновесия». Последняя усиливалась в периоды, следовавшие за приступами форсирования, для ликвидации ущерба, нанесенного экономике страны. В свою очередь нормализация положения подготавливала наступление нового витка мобилизации экономики (Harrison M. Soviet Planning in Peace and War. 1938-1945. Cambridge Un. Press. 1985. P. 3—5).

торговле. Хотя в органах государственного снабжения было немало людей, которые работали на совесть, в целом централизованное распределение представляло гигантскую обезличенную машину. В ней отсутствовал реальный собственник. Обезличка в условиях массовых и длительных перевозок, плохой работы транспорта, недостатка и плохого оснащения хранилищ и складов оборачивалась астрономическими потерями. Факты таковы, что вместо нескольких дней товар шел к месту назначения месяцами, вагоны продуктов выбрасывались на свалку, на бойни поступали павшие в пути и больные животные, в одежде и обуви заводились мыши. Обезличка оборачивалась и большими хищениями. Все сказанное объясняет, почему, несмотря на концентрацию в распоряжении государственных ведомств огромного товарного фонда, они не справлялись со снабжением населения.

Для иллюстрации сказанного приведу два эпизода, представляющих символические образы частной и государственной торговли. В дореволюционной России ходила байка о том, как известный булочник Филиппов — поставщик хлеба московскому губернатору — однажды съел булку с запеченным тараканом. Булка была куплена в магазине Филиппова, и разгневанный губернатор, обнаружив там таракана, вызвал булочника к себе. «Это — изюм», — заявил Филиппов, проглотив злосчастный кусок, и с этого дня начал выпускать булки с изюмом. Они стали знаменитыми по всей стране. А вот другой образ, уже из истории государственной торговли начала 30-х годов. На Днепропетровском хлебозаводе лаборант поставил в тесто термометр и ушел, забыв его вынуть. Термометр разбился, кусочки стекла и ртути попали в тесто, из которого тем не менее испекли хлеб. Только в целях предохранения продавцов, на ковриги были наклеены записки: соблюдать осторожность, разрезая хлеб на пайки.

Централизованное распределение, составлявшее суть государственной торговли, являлось детищем не только политэкономических идеалов большевиков, но и конкретной экономической ситуации — перераспределения средств в условиях их острого недостатка. Однако, будучи в определенной степени порождением дефицита, централизованное распределение было и его генератором. Не только индустриальные приоритеты — тяжелая промышленность в первую очередь, а производство товаров потребления как получится — создавали товарный дефицит в плановой централизованной экономике, которая набирала силу на рубеже 20—30-х годов. Не только невыполнение планов промышленного производства из-за слабых материальных стимулов к труду ухудшали положение на потребительском рынке. Воспроизводство и обострение дефицита было заложено в самой природе централизованного распределения, что делало перебои, кризисы и карточки в торговле хроническими. Взаимовлияние дефицита и централизованного распределения образовывало своеобразный порочный круг, в котором торговля, да и вся социалистическая экономика вращались десятилетиями.

ГЛАВА 2

1927/28: ПЕРВЫЙ УДАР ПО РЫНКУ — ПЕРВЫЕ КАРТОЧКИ

Провал экономической программы Политбюро

В 1925 году XIV съезд ВКП(б) провозгласил курс на индустриализацию страны. Началась разработка первого пятилетнего плана. В декрете 8 июня 1927 года Совет Народных Комиссаров СССР поставил задачу использовать все ресурсы страны для развития индустрии, в первую очередь тяжелой и военной. XV съезд ВКП(б) в декабре 1927 года рассмотрел первые варианты пятилетнего плана, который был принят в 1929 году в наиболее амбициозном и заведомо неосуществимом варианте. Выполнение индустриальной программы, однако, началось уже в 1926/27 году, и к моменту утверждения плана индустриализация шла полным ходом¹. Было начато три больших проекта: Днепрогэс, Турксиб и Волго-Донской канал. Хотя первый пятилетний план предусматривал развитие легкой и пищевой промышленности, ограниченность средств и стремление в первую очередь наращивать тяжелую индустрию делали выполнение этой программы невозможным.

Хлеб — главный продукт питания в России, и, в связи с начавшейся индустриализацией, расходы хлеба у государства резко возросли. Города вступили в индустриальный бум, и численность городского населения стремительно росла, опережая наметки плана. Нужно было гарантировать городскому населению, занятому в промышленном производстве, снабжение дешевым хлебом через кооперативы. У государства росли расходы хлеба и по военному ведомству. Кроме того, стимулируя развитие отечественной сырьевой базы, в которой нуждалась индустрия, Политбюро убеждало крестьян в районах технических культур не сеять хлеб для собственного потребления, а максимально увеличить посевы хлопка, льна, табака². Правительство при этом брало на себя обязательство снабжать дешево и вдоволь хлебом поставщиков промышленного сырья. На государственном обеспечении находилась также и сельская беднота — социальная опора коммунистов в деревне. Нужно было наращивать и экспорт — главный источник валюты для импорта машин и оборудования, необходимых первенцам пятилетки. Зерно же исконно являлось одной из главных статей российского экспорта.

¹ Капитальные вложения в промышленность в 1926/27 году выросли почти на треть. Главную ставку Политбюро делало на развитие металлургии и угольной промышленности. Инвестиции в новые строительства увеличились более чем в 2 раза.

² Государство не случайно стимулировало отечественное производство технического сырья. Промышленность работала на импортном сырье. В 1928 году на ввоз хлопка, например, страна потратила 150 млн., на шерсть — 70 млн., на кожсырье — 40 млн. рублей золотом. Дальнейшее развитие промышленного производства требовало еще больших расходов. Между тем валютные ресурсы в стране были ограничены. Страна остро нуждалась в своей собственной сырьевой базе (РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 514. Л. 23).

Индустриализация нуждалась в хлебе. Хлебозаготовки, однако, шли не так быстро, как того хотело руководство страны. Первый поток хлеба на государственные и кооперативные заготовительные пункты (лето—сентябрь 1927 года), поступавший от нуждавшихся в деньгах бедняков и маломощного середнячества, быстро иссяк. Крепкое середнячество и зажиточные, выплатив денежный налог государству за счет продажи продуктов животноводства и технических культур, придерживали хлеб либо продавали его частнику — он платил хорошую цену. С октября 1927 года ход государственных хлебозаготовок упал. К концу года положение с хлебом стало критическим: по сравнению с прошлым годом государство недополучило 128 млн. пудов¹.

По сведениям ОГПУ, с конца октября 1927 года продовольственная ситуация в промышленных районах ухудшилась². Перебои с хлебом в городских магазинах вели к повышению цен на рынке. Подорожание зерна, которое кормило не только людей, но шло и на корм скоту, вызвало рост цен на продукты животноводства. Началась цепная реакция повышения цен. 1927/28 год был первым годом резкого скачка рыночных цен³.

Товарный дефицит в стране обострялся эмиссиями и ростом денежных доходов населения. Вместо планируемых 200 млн. рублей эмиссия в 1927/28 году составила 337 млн. Зарплата на промышленных предприятиях, вместо 7,2 по плану, выросла на 10,5%. Увеличение денежной массы в обращении при слабом росте производства товаров вело к быстрому развитию инфляции. Вместо запланированного роста рубль терял покупательную способность⁴.

Резкое подорожание товаров на рынке породило ажиотажный спрос в кооперативах, где государство искусственно поддерживало низкие цены. В результате трудности с хлебом дополнились перебоями в торговле основными продуктами питания. Даже в Москве, которая снабжалась лучше других городов, хроническими стали очереди за маслом, крупой, молоком, перебои с картофелем, пшеном, макаронами, вермишелью, яйцами, мясом⁵.

¹ Дихтяр Г.А. Советская торговля в период построения социализма. С. 271.

² Продовольственные трудности в стране начались несколько раньше, с весны 1927 года. Но в тот момент они были вызваны паникой и покупательским ажиотажем населения, связанными с разрывом дипломатических отношений с Великобританией, а также событиями в Китае. Правительство речами и действиями подогрело «военную тревогу». К осени продовольственные трудности распространились по всей стране. Неудачи хлебозаготовок и форсирование индустриализации еще более обострили ситуацию. Об этом см.: Симонов Н.С. Крепить оборону Страны Советов («Военная тревога» 1927 г. и ее последствия) // Отечественная история. 1996. № 3. См. также сводки ОГПУ о продовольственном положении в стране летом—осенью 1927 года: ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 385, 386, 388. Из англоязычной литературы см.: Carr E.H., Davies R.W. Foundations of a Planned Economy. 1926—1929. Vol. 1. P. 698—700; Simonov N.S. «Strengthen the Defence of the Land of Soviets»: The 1927 «War Alarm» and its Consequences // Europe-Asia Studies. Vol. 48. № 8. 1996.

³ В 1925—27 годах цены на продовольствие в частной торговле хотя и росли, но не давали резких сдвигов. В 1927/28 году произошел их скачок на 40% (среднегодовой индекс розничных цен на продовольствие вырос с 207 в 1926/27 году до 247 в 1927/28, индекс 1913=100), а в следующем году — уже на 119,8% (Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР (1917—1963). М., 1964. С. 401).

⁴ РГАЭ. Ф. 5240. Оп. 18. Д. 6. Л. 4—8.

⁵ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 388. Л. 365, 398.

Поползли слухи о скорой войне, продаже всего хлеба за границу (в уплату долгов иностранным государствам или откупе хлебом за убийство консула в Одессе), голоде и перевороте. Недовольство росло. Активизировались анти-советские настроения. Материалы ОГПУ сохранили резкие высказывания тех лет:

«Коммунисты чувствуют приближение войны и поэтому весь хлеб прятали». «Откупаются хлебом от войны с Англией». «Не может быть, чтобы хлеба не было. Дали бы нам винтовки, мы бы нашли хлеб». «Сами не могут торговать и частникам не дают, а еще воевать думают»¹.

В декабре снабжение промышленных районов все ухудшалось. Очереди, давка, скандалы в магазинах стали обычным явлением. По словам одной из женщин: «Как подумаешь идти в кооператив, так сердце замирает. Того и смотри, раздавят». На рабочих собраниях доклады правлений кооперативов встречались резкой критикой и категорическими требованиями улучшить снабжение. Появилась угроза забастовок². Крестьяне в деревнях, обладая запасами, пока не страдали, за исключением бедняков, для которых хлеб поступал из государственных фондов.

О том, почему крестьяне не хотели продавать хлеб государству, написано немало. Государственные и кооперативные заготовители предлагали низкие цены. Отчасти это было инерцией политики прошлых лет, когда Политбюро, стимулируя развитие сырьевой базы, повышало цены только на технические культуры и продукты животноводства. В 1927/28 году крестьянину было выгодно продавать государству именно эти сельскохозяйственные продукты, что давало достаточно денег для выплаты налога.

В начале заготовок разрыв цен государственных и частных заготовителей был не столь уж большим, но время для ликвидации дисбаланса было упущено. К концу 1927 года, в результате ажиотажа на хлебном рынке, разрыв принял катастрофический характер: цены частника превышали государственные заготовительные цены в несколько раз. Логика форсированной индустриализации делала ликвидацию этого дисбаланса экономическими средствами невозможной: столь резкое повышение государственных закупочных цен привело бы к уменьшению финансирования промышленности³.

Кроме невыгодных цен на зерно были и другие причины, по которым крестьяне придерживали хлеб: гибель озимых хлебов на Украине и Северном Кавказе, поздняя весна 1928 года и ожидание неурожая в следующем году. На позицию крестьянства влияло и растущее насыщение деревни деньгами. Именно в деревне находились главные держатели «кубышки» — денег, которые не поступали в сферу обращения, а копились дома в банках, чулках, матрасах, — зажиточное крестьянство и середнячество. Крестьянина не привлекала перспектива получить в обмен на хлеб, постоянно растущий в цене, обесценивающиеся деньги.

Следует указать и еще одну причину. Шумиха, которую подняло Политбюро вокруг хлебозаготовок, рождала множество слухов и работала против

¹ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 385. Л. 428—442; Д. 386. Л. 45—84.

² ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 386. Л. 1—44.

³ Во время заготовок 1925/26 года, оказавшись в таком же кризисном положении, Политбюро пошло на повышение заготовительных цен и снижение темпов роста промышленности. В 1927/28 году оно отказалось это сделать. Изменение поведения руководства объясняется укреплением позиций Сталина и его сторонников в Политбюро, ослаблением оппозиции курсу форсированной индустриализации.

планов Политбюро. Логика крестьянских рассуждений была проста: если государство так остро нуждается в хлебе, значит, что-то неладно. Крестьяне говорили о голоде не то в северных районах, не то в Москве, о приближающейся войне: «Весной, наверно, будет война, что-то уж усиленно отбирают, даже в принудительном порядке». Сказать определенно, с кем будет воевать Советская Россия, крестьяне не могли. Одни говорили — с Англией, другие — с Румынией и Польшей. Разъяснения местных коммунистов, которые часто сами не понимали, что творится, усиливали толки. Упорен был разговор, что советская власть «по науке» определила, что урожая не будет, и хлеб поэтому скупает. Аресты, конфискации, наезды правительственных комиссий укрепляли опасения крестьян и их решимость придержать хлеб: «Пусть хоть сам ЦИК едет, хлеба не дадим». Крестьяне прятали хлеб¹.

Срыв хлебозаготовок и ухудшение продовольственного снабжения промышленных центров угрожали индустриальным планам руководства страны. В конце декабря 1927 года, когда до распутицы, и, следовательно, до конца хлебозаготовок оставалось 2—3 месяца. Политбюро разродилось директивой «О хлебозаготовках»². Это была *программа экономических мер* в борьбе за хлеб. Вопреки складывающимся в историографии новым стереотипам, архивные документы свидетельствуют, что руководство страны попыталось вначале взять хлеб не силой.

Прежде всего Политбюро категорически отказалось повысить заготовительные цены, положив конец даже тем единичным случаям, когда по специальному разрешению Наркомторга СССР заготовка зерна шла по рыночным ценам. Директива Политбюро недвусмысленно говорила:

«Считать недопустимым повышение хлебных цен и воспретить постановку этого вопроса в печати, советских и партийных органах».

Отказавшись повысить закупочные цены, Политбюро решило взять зерно в обмен на промышленные товары: сдаешь хлеб государству — получи квитанцию на покупку товаров. При полупустых сельских лавках эта мера могла стимулировать заготовки. В соответствии с директивой Политбюро, 70—80% имевшихся в стране промтоварных фондов направлялось в хлебные районы «за счет оголения городов и нехлебных районов». Снабжение района промтоварами зависело от сдачи хлеба — коэффициенты снабжения районов стали показателями их «хлебной важности»³. Решение Политбюро о переброске товаров в деревню было секретным, ведь оно вело к ухудшению рабочего снабжения.

Поступление товаров в деревню оживляло заготовки, но радикальных изменений не произошло. Дефицит корректировал планы Политбюро. Государство не располагало достаточным промтоварным фондом для снабжения сдатчиков хлеба. Так, например, в январе 1928 года, в начале кампании по переброске товаров в деревню, нарком торговли Микоян разрешил местным торговцам и наркомторгам республик продавать дефицитные товары без ограничения, на всю стоимость сданного крестьянами хлеба⁴. Колхозы также могли получить дефицитные товары в неограниченном количестве в обмен на сданные государству излишки. В результате хлебоза-

¹ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 6. Д. 85. Л. 15—16, 154, 294; РГАЭ. Ф. 5240. Оп. 18. Д. 116. Л. 269.

² Принята 24 декабря 1927 года (РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 666. Л. 10—12). Документ будет опубликован в: Трагедия советской деревни. Т. 1.

³ РГАЭ. Ф. 5240. Оп. 18. Д. 65. Л. 202.

⁴ РГАЭ. Ф. 5240. Оп. 18. Д. 65. Л. 203, 204.

готовки стали принимать характер прямого обмена товаров на хлеб. Сдаваемый хлеб почти полностью оплачивался товарами. Такая практика грозила быстрым истощением скудных товарных фондов. Дефицит требовал бережного обращения с ними. Буквально через неделю, 14 января 1928 года, Политбюро положило этому конец. В циркулярной телеграмме оно указало, что платить за зерно нужно деньгами, товары же выдавать только на часть денег, полученных крестьянами за сдачу зерна¹.

В той же телеграмме Политбюро требовало продавать промтовары в первую очередь тем, кто сдавал хлеб в данный момент. Таким образом, бедняки и маломощное середнячество, ранее сдавшие хлеб государству, оставались с бесполезными квитанциями на руках. Так Политбюро ухудшило положение сельской бедноты, которая за свою поддержку власти рассчитывала на государственный патернализм. «Советская власть боится кулаков» — беднота вынесла свой вердикт. Недовольство маломощных рождало комбедовские настроения в деревне и готовность поддержать репрессии.

Товарный дефицит являлся не единственной причиной провала экономической программы Политбюро. Бюрократическая волокита при разработке планов снабжения деревни, многозвенность и неповоротливость кооперативной торговли, плохая работа транспорта не позволили быстро перебросить товары. Перевозка больших партий грузов сопровождалась неразберихой и огромными потерями. Бумаги свидетельствовали о том, что товар давно отправлен, но на места он прибывал с большим опозданием. Об этом, в частности, рассказывают сводки ОГПУ. В январе 1928 года, в разгар кампании по переброске товаров в деревню, они пестрели жалобами на отсутствие товаров для крестьян, сдавших продукцию государству. По словам сводок, «недостаток промтоваров принял в деревне характер самого большого вопроса»².

Переброска товаров в деревню тормозилась также финансовой слабостью кооперации, которая часто не имела денег, чтобы выкупить прибывшие товары. Крестьяне-пайщики, сытые зряшными посулами, неохотно давали кооперации авансы. Вот только один из случаев. На собрании пайщиков Вознесенского кооператива объявили, что Мелитопольский райпотребсоюз получил 40 вагонов мануфактуры, но, чтобы их взять, нужно внести аванс 1000 руб. наличными или зерном. Таких денег у кооператива не было. Крестьяне же отказались авансировать деньги, не видя товаров. Один из выступавших середняков заявил:

«Довольно нас душить. Десять лет душите. Вы привезите нам мануфактуру, и мы пойдём и посмотрим и тогда будем покупать, а не выдуривайте какие-то авансы. А то, продай хлеб, внеси аванс, а тогда получится, что рубль пшеничка, а 300 рублей бречка. Все равно пшеничку не выдурите»³.

Товары оставались лежать на станции или уплывали к частнику за взятки. К слову сказать, увеличение паевых взносов кооперации, являлось

¹ Протокол заседания Политбюро от 19 января 1928 года. Документ будет опубликован в: Трагедия советской деревни. Т. 1.

² Вот лишь одна из выдержек: «Основная масса промтоваров, намеченная по разверстке на январь месяц, до потребителя еще не дошла. Срединная система кооперации, райсоюзы, до сего времени получили незначительное количество промтоваров, но и имеющиеся промтовары недостаточно быстро передаются низовой сети кооперации (сельпо) по причине негибкости кооперативного аппарата и неурегулированности условий расчета райсоюзов и селькооперации» (ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 6. Д. 85. Л. 1—13; Д. 567. Л. 49).

³ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 6. Д. 85. Л. 7.

одной из мер, предусмотренных экономической программой Политбюро (директива «О хлебозаготовках»). Эта была попытка финансово укрепить кооперативы за счет пайщиков.

Провал кампании по переброске товаров в деревню имел и другие причины. Политбюро упустило время. Значительная часть хлеба уже ушла к частнику. Представителям власти крестьянин объяснял это просто: «Не знал, что на рынок везти запрещено». Да и, как признался Микоян на июльском пленуме 1928 года, расчеты Политбюро о запасах хлеба в деревне оказались завышенными. Кроме того, основными держателями хлеба к концу заготовительной кампании оставались зажиточное крестьянство и крепкое середнячество, а их не интересовал дешевый ширпотреб, который государство направляло в деревню. Они хотели покупать строительные материалы, машины и потребительские товары высокого качества, но отечественная промышленность их практически не производила. Поэтому поступление товаров слабо изменило позицию зажиточных крестьян, основных держателей зерна.

Еще одной причиной неудач экономической кампании стало обесценивание денег — неизбежное следствие товарного голода и обильных эмиссий. Крестьяне не отказывались бы покупать товары за деньги, но не в обмен на хлеб. Истинная ценность денег и хлеба была им хорошо известна: «Есть хлеб — есть и деньги», «Я хлеб продам, а что я буду делать с деньгами, когда на них ничего нельзя купить. Пусть лучше хлеб лежит»¹. Политбюро в начале 1928 года предприняло попытку облегчить крестьянскую денежную кубышку и тем самым заставить продавать зерно. Программа экономических мер — директива «О хлебозаготовках» — требовала от Наркомфина взыскать все задолженности с крестьянства. Прошли массовые кампании по сбору недоимок, распространению государственных займов, кампания по самообложению². Конечно, добровольно отдавать деньги никто не хотел. «Если силой — берите корову, если добровольно — идите к черту!» — встречал крестьянин сборщиков³. Кампания по изыманию денег из деревни хотя и пополнила госбюджет, но слабо подтолкнула ход хлебозаготовок. Основные держатели денег и хлеба, зажиточные и середнячество, как правило, недоимок не имели. Бедняки и маломощные середняки, кто имели задолженности по выплате налогов и сборов, не имели ни денег, ни хлеба.

Экономические меры в битве за хлеб не давали быстрого результата. Возможно, что их эффект сказался бы позже, но Политбюро не хотело ждать. Нетерпение, нежелание ждать, ощущение проигрыша и упущенных возможностей, в конечном итоге, стали главной причиной провала экономической программы Политбюро. С конца декабря 1927 года, почти одновременно с экономическими мерами, начались репрессии. Они прокатились по стране двумя волнами. Их первыми жертвами стали частные торговцы, заготовители и скупщики, а затем, с конца января 1928 года, и крестьяне, державшие хлеб.

¹ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 6. Д. 85. Л. 16.

² Последнее предполагало, что крестьяне добровольно облагали себя довольно большим налогом (20—50% сельхозналога), который якобы должен был пойти на социально-культурное благоустройство деревни.

³ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 6. Д. 85. Л. 216.

Начало массовых репрессий против частника

Массовые репрессии явились результатом стремления власти быстро получить хлеб и безуспешных попыток выиграть соревнование с частником экономическими средствами. Частная деятельность по заготовке, транспортировке, продаже хлеба, да и других товаров, составляла огромный и сложный механизм, который работал вне контроля Политбюро по законам рынка. Главным козырем частника были высокие заготовительные цены. Он уводил товар «из-под носа» государственных органов. По словам заместителя председателя ОГПУ Ягоды, в октябре 1927 года на кожевенном рынке частник давал цену, которая превышала государственную на 50—100%, на шерстяном рынке — на 200%. Таким же было положение на мясном и зерновом рынке¹.

Но частник «бил» государство не только ценами. Быстрота и оборотливость представляли важные преимущества частника на фоне бюрократии и неразберихи в действиях государственных органов. Руководство страны хотело получить хлеб, а вместе с тем крестьяне часами, порой сутками, простаивали у ссыпных пунктов, чтобы сдать его государству, бюрократы могли гонять крестьян с одного ссыпного пункта на другой, из района в район. Частник же действовал без волокиты: через агентуру скупал зерно по деревням и рынкам, перемалывал в муку (частные заготовители часто были совладельцами мельниц) и отправлял торговцам. Те продавали на рынке по высокой цене, а деньги вновь пускали в оборот на заготовительный рынок. Скупку хлеба вели и зажиточные крестьяне. Кроме того, огромное количество «простых» граждан — неистребимых мешочников — также небольшими партиями скупали хлеб, перевозили его сами или отправляли ящиками по почте под видом вещей.

Государство пыталось ограничивать частника экономическими мерами: регулировало перевозки частных грузов, повышало тарифы, налоги, запретило повышать установленные для заготовок цены (конвенционные). Однако контролировать всю эту безбрежную крупную и мелкую деятельность и успешно соперничать с ней неповоротливой бюрократической государственно-кооперативной машине было трудно. Конкуренция разворачивалась явно не в пользу государства, хлеб уходил в закрома частника.

Частник активно действовал и на потребительском рынке. Существовали легальные пути получения товара: собственное производство, мелкооптовая закупка товаров у госпромышленности, скупка продукции кустарей и прочее. Кроме того, частный торговец находил множество нелегальных путей выкачивать товар из государственной и кооперативной торговли: за взятки получал товар из-под прилавка, использовал через подставных лиц паевые кооперативные книжки (настоящие и липовые), скупал товары у членов кооперативов. В очередях у магазинов всегда толкались агенты частных торговцев из нанятых безработных. Частник также скупал у крестьян талоны о сдаче хлеба, которые давали право на покупку промтоваров. Да разве можно перечислить все способы добывания товаров!

На рынке частник продавал свой товар втридорога. Полученные барыши вновь пускались в оборот. Правительство пыталось сбить доходы частника и остановить разбазаривание скудного и столь необходимого для обеспечения заготовок товарного фонда. Сокращалось снабжение частных произво-

¹ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 6. Д. 567. Л. 1—4.

дителей и торговцев сырьем и продукцией промышленности. Было запрещено «взвинчивать» цены, превышать так называемые лимитные цены, установленные государством для продажи промышленных товаров¹. Но закон не останавливал в ситуации товарного голода — идеальной для получения барышей. В результате частник отвлекал у государства денежные, сырьевые, товарные ресурсы, наживался на просчетах и слабости государственно-кооперативных органов. Он обеспечивал потребителя, а не нужды индустриализации. Чем успешнее действовал частник, тем сильнее становилось желание расправиться с ним силой. Экономическое бессилие рождало насилие.

Массовые репрессии против частника, проводившиеся в 1927/28 году, не были только детищем Политбюро, а явились результатом санкций «сверху» и стихийных действий местных властей.

В октябре 1927 года ОГПУ обратилось в Совнарком с предложением «об оказании репрессивного воздействия на частников, срывающих заготовку продуктов и снабжение населения по нормальным ценам». При этом ОГПУ информировало, что на мануфактурном рынке из-за остроты положения «административные мероприятия» уже начали проводиться². В то же самое время, как свидетельствуют сводки ОГПУ, пессимизм и пораженческие настроения все более охватывали местное руководство, которое отчаивалось получить хлеб у крестьян в добровольном порядке. Исчерпав просьбы и уговоры, местные власти стихийно переходили сначала к мерам общественного воздействия. По мере ухудшения хода заготовок и усиления нажима Политбюро выполнить план во что бы то ни стало, у местного руководства зрела готовность перейти к репрессиям. Стихийно начинались обыски и изъятия хлеба. Появлялись заградительные отряды, которые задерживали крестьян, когда те, недовольные государственными ценами, пытались увезти хлеб с ссыпных пунктов назад домой. В адрес Политбюро, ОГПУ, Совнаркома, Наркомторга от местных руководителей пошли просьбы разрешить «административное воздействие на кулаков, хотя бы в виде арестов наиболее крупных держателей хлеба»³. Комбедовский нажим бедняков усиливал эти настроения. Почва для репрессий в районах, таким образом, была подготовлена к моменту, когда ОГПУ с санкции Политбюро провело массовые аресты и конфискации.

Массовые репрессии начались в конце декабря 1927 года кампанией арестов частных скупщиков, заготовителей и торговцев вначале на хлебофуражном, а затем мясном, коже-заготовительном и мануфактурном рынке⁴. Кампания была подготовлена: местные органы ОГПУ по заданию Экономического управления ОГПУ провели агентурную разработку и сбор

¹ Еще в 1926 году была принята известная 107 статья УК, которая предусматривала тюремное заключение и конфискацию имущества за действия, ведущие к повышению цен. До времени эта статья активно не использовалась, с началом же массовых репрессий против частника она быстро пошла в оборот.

² ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 6. Д. 567. Л. 1—9.

³ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 6. Д. 567. Л. 54.

⁴ Наиболее ранние из найденных сведений о проведении массовых репрессий пришли из Курской губернии (конец декабря 1927 года). Однако в подавляющем большинстве регионов репрессии проводились в течение января 1928 года. Таким образом, от принятия Политбюро экономической программы борьбы за хлеб (директива «О хлебозаготовках») репрессии были отделены всего несколькими неделями (ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 6. Д. 567. Л. 20—563).

сведений, составили списки лиц для ареста. Крупные предприниматели попадали в руки Особого совещания коллегии ОГПУ, мелкие — в руки прокуратуры. Допзнание длилось всего несколько дней. Меры наказания были относительно мягкими по «сталинским меркам» 30-х годов — лишение свободы от месяца до 5 лет, конфискация имущества, запрет вести торговлю в течение пяти лет.

Частник пробовал маневрировать. Пользуясь тем, что репрессии в губерниях проводились не одновременно, а последовательно, перебрасывал хлеб в районы, где не было репрессий в данный момент; оставлял купленный хлеб на хранение у крестьян с обязательством возвращения по первому требованию; направлял капиталы на рынки других культур. Но, несмотря на маневры, частник понес большие потери. Склады продуктов, деньги, золото оказались в руках ОГПУ и Наркомфина. По сообщениям ОГПУ, к концу апреля 1928 года было арестовано 4930 человек (торговцы, заготовители и кулаки, скупавшие хлеб) на хлебном и 2964 человека на кожевенном рынке¹. Донесения сообщали, что «нервное настроение» среди частников и споры о том, продолжать ли торговать, сменились решением закрывать торговлю. Частник стал уходить с рынка.

Вторая волна массовых репрессий, на этот раз против кулаков и середнячества, державших хлеб, началась во второй половине января. Ее жертвами стали также крестьяне, которые после арестов частных заготовителей и торговцев начали скупать хлеб. Санкцией на проведение массовых репрессий стала телеграмма Политбюро от 14 января 1928 года. Она легализовала и подтолкнула стихийно начавшиеся на местах репрессии против крестьян:

«Доказано, что две трети наших ошибок по хлебозаготовкам надо отнести за счет недочетов руководства. Именно поэтому решили мы нажать зверски на наши парторганизации и послать им жесткие директивы о мерах поднятия хлебозаготовок. Второе, немалую роль сыграло то обстоятельство, что частник и кулак использовали благодущие и медлительность наших организаций, прорвали фронт на хлебном рынке, подняли цены и создали у крестьян выжидательное настроение, что еще больше парализовало хлебозаготовки. Многие из коммунистов думают, что нельзя трогать скупщика и кулака, так как это может отпугнуть от нас середняка. Это самая гнилая мысль из всех гнилых мыслей, имеющих в головах некоторых коммунистов. Дело обстоит как раз наоборот. Чтобы восстановить нашу политику цен и добиться серьезного перелома, надо сейчас же ударить по скупщику и кулаку, надо арестовывать спекулянтов, кулачков и прочих дезорганизаторов рынка и политики цен»².

В хлебозаготовительные районы поехали уполномоченные ЦК принимать меры для ускорения заготовок. На Украине «работал» Каганович, на Северном Кавказе — Микоян. Урал и Сибирь особо выделялись как последний резерв хлебозаготовок. В оставшиеся до распутицы месяцы здесь следовало провести «отчаянный нажим» на крестьян, державших хлеб. На Урал был послан Молотов, в Сибирь поехал сам Сталин. Насильственные

¹ Из них осуждено Особым совещанием коллегии ОГПУ 3497 и предано суду 3579 чел. (ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 6. Д. 567. Л. 466).

² РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 669. Л. 20—26. Документ будет опубликован в: Трагедия советской деревни. Т. 1.

изъятия зерна и аресты крестьян стали широко известны как «урало-сибирский метод».

Социальная ситуация в деревне обострилась. Бедняки поддерживали экспроприации, получая за содействие хлеб от государства и наживаясь на грабеже. Кулак мстил тем, кто участвовал в конфискации. Спецсводки ОГПУ свидетельствуют о взлете антисоветских настроений в деревне, распространении листовок и волнениях. Однако аресты и конфискации сделали свое дело — хлеб пришлось сдавать.

Какие последствия для потребительского рынка имела «битва за хлеб», которая велась в 1927/28 году? — Хлебный рынок стал первым разрушенным рынком, а первые карточки — хлебными.

В результате репрессий и конфискаций по меньшей мере на треть сократился один из важнейших источников снабжения населения — частная патентованная торговля. Одни боялись торговать, другие уже не имели товара. По словам Микояна: «Отвернули голову частнику. Частник с рынка свертывается и уходит в подполье, в фиктивные кооперативы, а государственные органы не готовы его заменить». Кто-то на июльском пленуме вторил ему: «Написано «Чайная купца такого-то», а остального нет. Ничего больше нет. Лавочек больше нет никаких»¹.

Конфискации и репрессии сократили и ресурсы крестьян, что подрывало их самообеспечение и крестьянскую торговлю. Начался процесс превращения миллионов производителей, которые исконно обеспечивали себя сами и кормили город, в потребителей государственных запасов. Пошла миграция сельского населения в город за продуктами. В результате складывалась ситуация, когда фактическая выпечка хлеба в городах росла и превышала нормальную потребность постоянного городского населения, но хлеба не хватало. Грустным пророчеством прозвучали на июльском пленуме 1928 года слова Микояна:

«Внутри крестьянства хлебный оборот громаден по своим размерам. Громаден. Больше, чем наши заготовки. Закрывать местный хлебный оборот значит брать на себя громадные обязательства по снабжению нового распяленного круга потребителей, что совершенно невыполнимо и что никакого смысла не имеет»².

Но именно это и произошло: развал крестьянского самоснабжения и внутреннего товарооборота начался. Рушились основы, на которых покоилось относительное благополучие нэпа.

В борьбе с частником и рынком руководство страны зашло дальше, чем планировало. Как признался на июльском пленуме Микоян, Политбюро перед началом заготовок 1927/28 года рассчитывало на частную торговлю в снабжении населения, предполагало сохранить местный товарооборот и частника. Он должен был обеспечивать пятую часть снабжения хлебом, до трети снабжения мясом. На деле же — сетовал Микоян — слишком сильно нажали на частника. Например, доля частника в мясной торговле снизилась до 3% вместо ожидаемых 20—30%³.

¹ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 375. Л. 11, 22, 46. Появилось даже специальное слово — «пустыни» — для обозначения районов, из которых частный торговец ушел, а государственно-кооперативная торговля отсутствовала (См.: Carr E.H., Davies R.W. Foundations of a Planned Economy. P. 672).

² РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 375. Л. 11.

³ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 375. Л. 11, 22.

Миллионы людей теряли привычные источники снабжения и становились потенциальными покупателями в государственно-кооперативной торговле. Однако ее состояние желало много лучшего. Особенно тяжелым было положение с хлебом. План хлебозаготовок выполнен не был. Государственные заготовители уговорами и силой собрали 11 млн. тонн зерна, что было меньше, чем в прошлом, 1926/27 году. Тогда массовые репрессии не применялись, но заготовили больше — 11,6 млн. тонн¹. Заготовленного хлеба не хватило даже для снабжения «плановых потребителей», находившихся на обеспечении государства (армия, жители индустриальных городов, беднота, сдатчики технических культур). Так, в 1927/28 году только на снабжение промышленных центров планировалось израсходовать на 120 млн. пудов (более 7 млн. тонн) больше, чем в прошлом году. Фактически потребность в хлебе была и того выше, так как численность рабочих росла быстрее, чем планировалось. На апрельском пленуме 1928 года Микоян признался, что у государства был большой перерасход хлеба². Политбюро не только не смогло в тот год экспортировать хлеб — вывоз его сократился на 110 млн. пудов, но, не дотянув до нового урожая, импортировало к 1 июля 1928 года 15 млн. пудов пшеницы³.

Одной из целей Политбюро в борьбе за хлеб было улучшение городского снабжения, однако именно оно в первую очередь и пострадало в результате начавшегося развала внутреннего рынка. Даже в Москве государственно-кооперативная торговля работала с перебоями, обеспечивая не более трети потребности в продуктах⁴. Сводки ОГПУ свидетельствуют, что продовольственные трудности питали «политически нездоровые настроения»⁵. Это подтверждали и многочисленные делегации от предприятий, которые приезжали в столицу. Требования рабочих улучшить снабжение становились все более настойчивыми. По признанию Микояна, плохо снабжались и поставщики технических культур, и сельская беднота. «Хвосты» за хлебом, хлебные карточки или их различные суррогаты к лету 1928 года существовали в различных концах страны⁶.

Карточки распространялись по стране стихийно в результате инициативы «снизу». Местное партийное, советское руководство и торгующие организации под давлением социального недовольства и угрозы срыва произ-

¹ Дихтяр Г.А. Советская торговля в период построения социализма. С. 273; The Economic Transformation of the Soviet Union. P. 290. Оба года считаются хорошими, урожайными, объемы заготовок, несмотря на различие применяемых в них методов, не сильно отличались друг от друга. 11 млн. тонн — может быть, это и был тот объективный предел возможностей, который мог быть достигнут и без нажима и который никакие репрессии не могли изменить?

² В своем докладе на пленуме Микоян привел данные о расходе хлеба за 8 месяцев 1927/28 года: по военному ведомству они выросли на 3 млн. пудов; снабжение промышленных центров — на 60 млн.; Средняя Азия и Закавказье, районы производства технических культур, получили 44 млн.; семенная ссуда составила 15—20 млн. пудов. В итоге по самым приблизительным подсчетам, без полного учета снабжения армии и промышленных центров, зерновые расходы за 8 месяцев составляли не менее 127 млн. пудов, то есть около 8 млн. тонн. А ведь хозяйственный год еще не кончился, нужны были и резервы, и экспорт (РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 354. Л. 5).

³ РГАЭ. Ф. 5240. Оп. 18. Д. 186. Л. 81.

⁴ РГАЭ. Ф. 5240. Оп. 18. Д. 116. Л. 173—179.

⁵ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 6. Д. 567. Л. 46, 56, 161.

⁶ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 375. Л. 1—22.

водства принимали решение о их введении¹. Политбюро пока не участвовало в создании карточной системы. Карточки выдавались только горожанам с целью гарантировать их потребление в условиях наплыва иногородних жителей.

И еще об одном результате заготовительной кампании 1927/28 года. Сократилась не только торговля. В ответ на репрессии крестьяне стали сокращать производство. Это предопределило товарные трудности и неудачи заготовок следующего года. Так, по данным ЦСУ, к осени 1928 года посевная площадь в стране уменьшилась на 6,4%². Крестьяне не видели смысла наращивать производство, ожидая новых репрессий:

«Несколько лет прошло тихо, а теперь опять начинают с нас кожу драть, пока совсем не снимут, как это было во время продразверстки. Вероятно, придется и от земли отказываться или сеять хлеб столько, сколько хватает для прожития»³.

Их худшие опасения оправдались.

¹ Механизм появления карточек на микроуровне хорошо виден на примере Акмолинского уезда. По сообщению председателя губернской контрольной комиссии, заготовка хлеба в уезде производилась методами продразверстки: ходили по дворам, отбирали, почти не оставляя на еду или оставляя на один месяц, и, одновременно, обещали снабжать население хлебом от государства. В результате крестьянские запасы были истощены, внутренний товарооборот разрушен. «Потянулись из деревень, аулов в города за хлебом». Хлеб, который был заготовлен местными государственно-кооперативными органами и предназначался для внутриуездного снабжения, был израсходован за один месяц. От государства ничего не поступило. Началась паника, население вышло на улицы и устроило демонстрацию к зданию исполнительного комитета, требуя хлеба. Испуганный председатель исполкома вызвал милицию, которая разогнала демонстрацию и арестовала несколько человек. Острота положения, однако, требовала принятия мер. В городе была создана продовольственная комиссия и введены карточки на хлеб, чтобы гарантировать снабжение городского населения. В апреле 1928 года в городе «на пайке состояло» 17 тыс. человек (РГАЭ. Ф. 5240. Оп. 18. Д. 116. Л. 118).

² ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 6. Д. 85. Л. 345.

³ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 6. Д. 85. Л. 227.

ГЛАВА 3

1928/29: НАСТУПЛЕНИЕ НА РЫНОК ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Старые проблемы в новом году

Урок 1927/28 года был ясен. Необходимо было соизмерять темпы индустриализации с реальными возможностями страны. Государство не справлялось со снабжением населения. Новый удар по крестьянскому хозяйству и рынку грозил дальнейшим ухудшением продовольственной ситуации. Для нормализации положения необходимо было остановить развал внутреннего рынка: снизить заготовки, прекратить репрессии против частника. Следовало контролировать и рост «плановых потребителей», вместо того чтобы подгонять его или пускать на самотек. В конечном итоге это означало признание намеченных темпов индустриализации невыполнимыми, переход к умеренным, более реалистичным планам.

Казалось, что решения июльского пленума 1928 года, который четыре дня обсуждал политику заготовок и общее хозяйственное положение в стране, шли именно в этом направлении. В них говорилось о повышении государственных закупочных цен на зерно, о недопущении насилия и репрессий в новой кампании, о необходимости оживления местного рынка и частной торговли. Хлебные карточки, по мнению Микояна, который делал доклад на пленуме, должны были быть отменены:

«Практика показала, что карточки не экономят хлеб, а наоборот, при наличии карточек каждый считает революционным долгом использовать полную норму. Надо будет решительным образом отказаться от этой системы. Там, где она введена, ее надо устранить»¹.

Комиссия Оргбюро ЦК, созданная специально для подготовки новой заготовительной кампании, в качестве мер для «оздоровления рынка» предложила дополнительное производство товаров для крестьянства, увеличение планов снабжения деревни. Комиссия считала целесообразным «завоз сверх импортного плана до 30 млн. рублей товаров из-за границы для производственного и личного снабжения деревни» (!)².

Но при этом никто не говорил о снижении темпов индустриализации. Напротив, отправной вариант пятилетнего плана, который был практически невыполним, был заменен еще более фантастичным оптимальным вариантом. В ноябре 1928 года в своем выступлении на пленуме ЦК Сталин поставил задачу догнать и перегнать в промышленном развитии передовые капиталистические страны. Пленум одобрил увеличение на 25% капиталовложений в промышленность в 1928/29 году. Львиная доля шла на развитие тяжелой индустрии. В результате сценарий хлебозаготовок прошлого года повторился³.

¹ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 375.

² РГАЭ. Ф. 5240. Оп. 18. Д. 12. Л. 76.

³ Подробно об организации и проведении хлебозаготовительной кампании 1928/29 года см.: Трагедия советской деревни. Т. 1; Davies R.W. The Socialist Offensive: The Collectivisation of Soviet Agriculture, 1929—1930. Harvard Un. Press. Cambridge, Mass. London, 1980. P. 56—108.

Из-за распутицы заготовки начались с опозданием. Государственные заготовительные цены были повышены незначительно: на рожь от 15 до 30%, на пшеницу от 8 до 16%, частник же платил в 1,5—2 раза больше¹. Нуждавшиеся в деньгах бедняки и маломощное середнячество сдали зерно сразу, и с ноября 1928 года ход хлебозаготовок резко упал. Крепкое середнячество и зажиточные, основные держатели товарного хлеба, недовольные условиями заготовок, продавали хлеб частнику или придерживали его, выплачивая налоги за счет сдачи государству технических культур и мяса. Крестьянская логика была проста:

«Хлеб своего места не пролежит». «Кто же враг своему хозяйству — продавать хлеб по 1 рублю, если же весной возьмет 4—5 рублей»².

Появились и новые трудности. По сравнению с прошлым годом изменилась география заготовок. Из-за неблагоприятных климатических условий и снижения урожаев в «близких» производящих регионах (Украина, Северный Кавказ, Крым) основная масса хлеба оказалась сосредоточена в отдаленных районах с редкой транспортной, складской и мельничной сетью (Сибирь, Казахстан, Урал).

Хлебозаготовки шли на уровне прошлого года, а индустриальный бум нарастал. Численность рабочих, как и других «плановых потребителей», быстро увеличивалась. По сообщению Центросоюза, к осени 1928 года запасы хлеба в рабочих кооперативах важнейших промышленных районов были использованы практически полностью. В ряде мест выпечка ржаного хлеба была приостановлена. Многие рабочие кооперативы оказались перед угрозой закрытия³. Из-за нехватки зерна государство прекратило продавать муку населению. Домашняя выпечка, а во многих районах это был единственный источник обеспечения хлебом, сократилась.

Современному читателю этот хлебный ажиотаж может показаться странным, но в рационе русских хлеб всегда занимал особое место, в периоды же продовольственных трудностей он являлся основной, а иногда и единственной пищей. По признанию рабочих, они за завтраком съедали по полкило, а то и по целому килограмму хлеба⁴. Хлебный ажиотаж питали не только трудности хлебозаготовок, но и слухи о голоде и скорой войне. Люди, наученные горьким опытом войн и кризисов, заготавливали хлеб впрок — сушили сухари. Крестьяне, кроме того, из-за отсутствия фуража и его дороговизны у частника пытались запастись хлебом на корм скоту.

К зиме 1928/29 года ситуация в городах далее обострилась. Прошлогодний объем заготовок выполнялся за счет кормовых культур (ячмень, кукуруза, крупяные, бобовые), в то время как по продовольственным (рожь и пшеница) государство явно недобирало по сравнению с прошлым годом. Страна встречала новый год длинными очередями за хлебом, разгромами хлебных будок, драками и давкой в очередях. По словам сводок ОГПУ, «хлеб получали с боя». Рабочие бросали работу и уходили в очереди, трудовая дисциплина падала, недовольство росло. ОГПУ сохранило для нас наиболее резкие высказывания, подслушанные его агентами:

«Жизнь дорожает. Нужда растет. Нет охоты работать, все равно толку от работы мало».

¹ Дихтяр Г.А. Советская торговля в период построения социализма. С. 273.

² РГАЭ. Ф. 5240. Оп. 18. Д. 1910. Л. 19.

³ РГАЭ. Ф. 5240. Оп. 18. Д. 116. Л. 27.

⁴ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 7. Д. 599. Л. 238.

«Хлеб весь отправили за границу, а сами сидим без хлеба, а наши партийцы кричат о достижениях. 8 часов работаем на промысле да 4—5 часов стоим в очереди. Вот и выходит 13-часовой рабочий день».

«Нам, рабочим, затуманивают головы. Советская власть не заботится о рабочих. Раньше при военном коммунизме нас душили, а теперь очереди душат. Погодите, придет военное время».

«Если не было бы частников, то совсем пропали бы».

«Если у нас нет больше муки, то пусть за границей закупают и накормят рабочих как следует. Ведь мы не шоколад просим».

«Правительство с ума сошло. Если так продолжится, то больше месяца оно не продержится».

«Правительство намерено превратить нас в живой скелет»¹.

Хлебная лихорадка охватила даже столицу, которая снабжалась не в пример другим городам. Нахлынувшее немосковское население скупало хлеб. Большие партии возами и багажом отправлялись за пределы Москвы. В городе выпекалось хлеба больше, чем раньше, но спрос не удовлетворялся. Рабочие в основном покупали дешевый черный хлеб, но длинные очереди — несколько сот человек — выстраивались даже за дорогим белым хлебом. Пытаясь остановить «хлебную лихорадку», кооперативы ввели неофициальные нормы отпуска хлеба — по 2 кг ржаного и не более 3 кг белого «в одни руки»². По воспоминаниям иностранцев, первое впечатление от столицы зимой 1928/29 года было таково — в стране свирепствует голод³. Однако прошло еще три бедственных года, прежде чем этот относительный, по сравнению с обеспеченным Западом, «голод» сменился голодом в российском смысле слова, когда умирали миллионы людей.

В то время как в Москве нормирование хлеба только начало вводиться, во многих других городах к зиме 1928/29 года хлебные карточки уже существовали. Поскольку карточная система распространялась стихийно «снизу», санкциями местной власти, она была разношерстной: нормы и группы снабжения отличались. Но одно правило соблюдалось почти везде. Рабочие снабжались в первую очередь (если не считать самоснабжения руководства). Их хлебные нормы превышали нормы служащих, сельской бедноты, иждивенцев⁴.

¹ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 7. Д. 599. Л. 76, 237, 244, 272.

² ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 7. Д. 65. Л. 39—47, 57—64.

³ Ashmead-Bartlett E. The Riddle of Russia. Cassell and Co Ltd. 1929. P. 34, 81, 129, 207.

⁴ Вот лишь некоторые примеры региональных хлебных карточек. В Московской области мука выдавалась только рабочим и сельской бедноте. Однако их потребность удовлетворялась всего лишь на 35—55%. В Павловской слободе Воскресенского уезда нормы хлеба составляли 100 гр черного и 400 гр белого в день. На Яхромской фабрике в Дмитровском уезде в кооперативах отпускалось рабочим на едока по 300 гр ржаного и по 200 гр белого хлеба в день. В Чувашии рабочие получали по 8 кг хлеба в месяц, члены их семей — по 3 кг. В Иваново-Вознесенске выдавалось: рабочим — по 12 кг, кустарям — по 8, беднякам — по 4 кг в месяц. В Ярославле: рабочим и служащим — по 600 гр, кустарям — 500 гр, детям — 600 гр в день. В Белоруссии, по сообщению полномочного представителя ОГПУ, местные торговые организации ввели для рабочих норму 450 гр хлеба в день, служащих — по 200 гр, бедняки не получали ничего. В Смоленской губернии рабочие и милиция получали по 600 гр в день, служащие и члены семей рабочих и служащих — по 300 гр, в столовых выдавали 50 гр хлеба на завтрак и ужин, и 50 гр на обед. Бедняцкое население Смоленской губ. получало в лучшем случае по 2 кг хлеба в месяц. В Новгородском округе рабочие получали 600—750 гр хлеба в день, служащие — 300—400 гр, члены их семей — по 200 гр. (ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 7. Д. 65. Л. 167, 257, 266—267; Д. 605. Л. 1—6, 7—9).

Вялый ход хлебозаготовок и ухудшение хлебного снабжения промышленных центров требовали действий. Как и в прошлом году, Политбюро не готовилось к трудностям заранее, а стало принимать меры в конце осени — январе после резкого спада заготовок. В «битве за хлеб» Политбюро вновь начало с экономических мероприятий¹. По словам Микояна, к январю 1929 года было сделано все возможное для насыщения хлебных районов промтоварами «при полном оголении, правда, на короткий срок, основных промышленных центров»². Стимулируя сдачу зерна, правительство вновь выкачивало избыточную денежную массу из деревни, взимая недоимки, распространяя займы, повышая размеры самообложения. Но, как и в прошлом году, чуда не произошло, экономические меры не давали быстрого результата, а ждать сталинское руководство не хотело. В ход пошли массовые репрессии против частных заготовителей, скупщиков, торговцев. В результате арестов и конфискации доля частной патентованной торговли в товарообороте страны сократилась до 14%³.

С января 1929 года — заготовительная кампания приближалась к концу — начались «массовые мероприятия общественного воздействия» и репрессии против крестьян, державших хлеб. Они вновь испытали на себе урало-сибирский метод хлебовыколачивания. Вот несколько зарисовок из хлебозаготовок 1928/29 года, сделанных самими государственными заготовителями. Документы в очередной раз свидетельствуют о том, что репрессии были совместным детищем Центра и власти на местах:

«Хлеб есть. Стоит вопрос, как его взять? ...Просьбы, уговоры, наконец то, что мы называем общественной работой, не помогают. Хлеба не дают... Когда иссякли экономические рычаги, когда меры воздействия стали острее, когда к мужику в день приходило несколько заготовителей, монотонно и без толку повторяли зазубренное, без мотивов, по обязанности, по службе — «дай, дай». Мужик встал в позу. Сделал большие глаза, расставил ноги, растопырил руки, весь превратился в вопросительный знак, спрашивал: «Ешшо сколько? Давайте контрольную цифру!!!»

Теперь «контрольная цифра» дана. Мужик встал в новую позу, возмутительную, нахальную, противную. Ничто на него не может подействовать, ничто не может выбить из этой позы: ни доводы об индустриализации, ни необходимость хлеба для Красной Армии, ни крымское землетрясение — ни, ни! Он встал в позу безнадежную, он говорит и в состоянии повторять тысячу, миллиард раз одно-единственное слово: «Нету-ка» или «Нету-ти»... Слово это произносится то неуверенно, нетвердо, нараспев, то со всей твердостью и решительностью, с видом человека, который может и пойдет за него под любую убийственную гильотину... Поэтому наша публика (заготовители. — Е.О.) ищет сильнейшие средства»⁴.

¹ См. решения Политбюро: «О мероприятиях по поднятию темпа хлебозаготовок». Принято 29 ноября 1928 года; «О хлебозаготовках». Принято 17 января 1929 года (РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 714. Л. 10—13; Д. 722. Л. 10—14).

² В январе 1929 года Совет Труда и Оборона рассматривал вопрос об улучшении хлебозаготовок. В секретной части протокола СТО обязал Госплан, ВСНХ и Наркомат торговли СССР «провести дальнейшее (выделено мной. — Е.О.) сокращение снабжения госторговли в городах, в целях увеличения снабжения хлебозаготовительных районов». Отгрузка товаров в районы заготовок должна была производиться «исправно и в первую очередь» (РГАЭ. Ф. 5240. Оп. 18. Д. 5. Л. 131, 132; РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 354. Л. 8).

³ Рубинштейн Г.Л. Развитие внутренней торговли в СССР. С. 282.

⁴ Трагедия советской деревни. Т. I; РГАЭ. Ф. 5240. Оп. 18. Д. 1910. Л. 23—25.

Одним из таких средств стали запреты и бойкоты. Они принимали самые курьезные формы. Запрет на воду означал посты у колодцев, которые определяли, кому давать воду, а кому нет. Бойкот на здравствования означал запрет здороваться с бойкотируемыми. Бойкот на курение запрещал давать закурить или прикуривать. Бойкот на огонь запрещал затапливать печь, а если хозяин ослушался, то приходили и заливали ее. Бойкот на свет — забивали окна, чтобы в избе было темно. Запрещалось ходить к бойкотируемым в гости, а если нужно по делу, то брали понятых. О бойкоте предупреждал плакат на воротах: «Не ходи ко мне — я враг советской власти». В случае исчезновения плаката бойкотируемого штрафовали, поэтому его семья непрерывно дежурила у ворот, дабы плакат не стащили. Был также запрет на посещение общественных мест: гнали из больницы, из сельсовета, детей бойкотируемого исключали из школы. А то и вообще семье бойкотируемого запрещали выходить за ограду дома. Мазали ворота и окна дегтем. Около года отделяло эти события от времени, когда Политбюро примет решение о раскулачивании и выселениях¹, а некоторые сельские собрания уже в заготовительную кампанию 1928/29 года постановляли отбирать землю у бойкотируемого, а самого выселять. Бывало, одна половина деревни бойкотировала другую. Все это сопровождалось персональными допросами, которые шли и днем и ночью, с единственным вопросом: «Когда будешь сдавать хлеб?»²

Вот еще один из применяемых методов нажима. Сами создатели называли его «заготовка оркестром и фотографом». «Зажимщика» хлеба сначала возили по деревням для показа, затем собирали собрание сельчан. Всех зажимщиков сажали на высокую скамью и вызывали поодиночке в президиум, где задавали только один вопрос: «Везешь хлеб али нет?» Если отвечал «да», то играли ему туш, фотографировали и записывали на Красную доску. Если «нет», то били в барабаны, не фотографировали и записывали на Черную доску. Похоже на игру, но у таких игр, как свидетельствуют документы, бывали смертельные исходы.

Одной из разновидностей широко применяемых в ходе заготовок массовых допросов являлись так называемые «ударники». Крестьян, не поддававшихся уговорам сдать хлеб, держали в закрытом помещении по нескольку дней (от 2 до 6 суток), бывало, что им не давали есть и спать. Для кулаков устанавливался наиболее жесткий режим, «на выучку» с кулаками посылали и строптивых середняков. Под нажимом «комиссаров», «боевых штабов», «оперативных троек» крестьяне, запертые в помещении, требовали один от другого раскрыть потайные ямы и сдать хлеб. На время ударника запрещалось кому-либо уезжать из села. Массовые многодневные допросы без сна и пищи дополнялись карнавалами. Вот описание одного из них:

Держателей хлеба (46 человек), из которых большинство были середняки, вызвали в школу и вели обработку. Затем им вручили черное знамя, на котором было написано «Мы — друзья Чемберлена». Говорят, что это у них происходило без особого нажима. Когда учитель вручил черное знамя одному из кулаков, тот его ударил ногой, после чего этого кулака пришлось скрутить, связать ему руки назад, остальные добровольно без всякого нажима взяли

¹ О «ликвидации кулачества как класса» Сталин высказался в декабре 1929 года на конференции аграрников-марксистов. Затем в январе 1930 года комиссия Политбюро, возглавляемая Молотовым, разработала директивные документы по раскулачиванию.

² РГАЭ. Ф. 5240. Оп. 18. Д. 1910. Л. 23—24.

после этого знамя. Тогда они выстроили этот карнавал с черным знаменем по улице. Сзади шли деревенские активисты и беднота с красным знаменем. Кругом бегали детишки и улюлюкали¹.

Это лишь некоторые и, может быть, не самые дикие примеры из истории хлебозаготовок. Архивы сохранили массу других, не менее жестоких эпизодов. Репрессии обеспечивали необходимому руководству результат. Крестьяне сдавали хлеб, но источники самообеспечения крестьянства и местный товарооборот при этом сокращались. Рассчитывать на государственное снабжение крестьянам особо не приходилось. Государство не выполняло своих обязательств даже по снабжению тех, кому давало гарантии. Введение карточек сокращало для крестьян и возможности покупать хлеб в городе.

Весной появились донесения ОГПУ о локальном голоде в деревнях². Страдало в основном бедняцкое население. «Продовольственные затруднения» охватили Ленинградскую область (особенно Псковский, Новгородский, Великолуцкий уезды), ряд губерний Центрального района (Ярославская, Калужская, Тверская, Нижегородская, Иваново-Вознесенская, Владимирская, Рязанская, Тульская), Смоленскую губернию, южные округа Украины (Кременчугский, Запорожский, Мариупольский, Одесский, Криворожский, Подольский и другие), ряд округов Дальневосточного края (Средненский, Читинский, Хабаровский, частично Владивостокский и другие). В пищу употреблялись суррогаты хлеба. Что только не добавляли в него: толченые клеверные головки и сушеную березовую кору, отруби, жмыхи, мякину, овес, гречневую, фасолевую и картофельную муку, отруби, вику, пареный лук. Желудочные заболевания стали принимать массовый характер. Начались опухания. Сводки ОГПУ свидетельствуют и о случаях голодной смерти. Усилился сыпной тиф. Семена проедались, и сев был под угрозой срыва. Нарастал убой и распродажа скота. Усилилось отходничество, нищенство, воровство, стихийное переселенчество в более благополучные регионы. Государственная помощь деревне была недостаточной.

Социальная обстановка в деревне накалялась. Беднота и бедствовавшее середнячество злились на рабочих, с их точки зрения — любимчиков советской власти. Средняки злились на бедноту, так как поступающий от государства хлеб раздавался нуждавшимся. Все вместе они злились на зажиточных, которые наживались на трудностях: скупали скот, заключали кабальные сделки под хлебные ссуды. Комбедовские настроения усиливались. Крестьяне толпами собирались у райисполкомов с требованиями дать хлеб, допустить свободную торговлю и разрешить посылать людей для закупки в хлебные местности, резко выступали на сельских сходах. Росло число «ходовков за правдой», избиений председателей сельсоветов, членов комиссий по распределению хлеба, а также взломов и поджогов амбаров, краж хлеба, демонстративных выходов из кооперативов. Появились листовки. В одной из них, написанной «под народную поэзию», крестьянин жаловался:

*«Ты устань-проснись, Владимир, встань-проснись, Ильич.
Посмотри-ка на невзгону, какова лежит,
Какова легла на шею крестьянина — середняка...*

¹ РГАЭ. Ф. 5240. Оп. 18. Д. 1910. Л. 24; Трагедия советской деревни. Т. 1.

² ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 7. Д. 527. Л. 15—56; Д. 65. Л. 266—272; Д. 605. Л. 31—35,

*В кооперации товару совершенно нет для нас.
Кроме спичек и бумаги, табаку, конфект,
Нет ни сахару, ни масла, нет ни ситца, ни сукна,
Загрузила всю Россию водочка одна»¹.*

Политбюро вводит всесоюзную карточную систему на хлеб

В заготовительную кампанию 1928/29 года Политбюро вновь не смогло прыгнуть «выше головы». План не был выполнен. По сравнению с прошлым годом, в целом зерновых заготовили немногим меньше, но доля продовольственных хлебов, пшеницы и ржи, в них значительно (на 20%) уменьшилась². Это предвещало катастрофу, если учесть быстрый рост состоявших на государственном снабжении плановых потребителей, сокращение частной патентованной торговли, развал крестьянского хлебного рынка, а также становившиеся лавинными крестьянские десанты в города.

В этих условиях зимой 1928/29 года Политбюро приступило к оформлению всесоюзной карточной системы на хлеб. Фактически хлебные карточки уже существовали в регионах в течение всего 1928 года, и это решение Центра лишь унифицировало региональные карточные системы и узаконило действия местных руководителей по регулированию снабжения. Оформление всесоюзной карточной системы прошло несколько этапов.

Как стало обычным в практике Политбюро, «наведение порядка» началось со столиц. 6 декабря 1928 года оно разрешило Советам крупных промышленных центров ввести карточки на хлеб³. Постановление предлагало ленинградским властям первыми апробировать решение Политбюро⁴. Цели карточной системы были точно сформулированы: обеспечение потребления рабочих и служащих за счет сокращения расхода хлеба для снабжения «непролетарского населения», особенно крестьян. Городская торговля пока не была полностью закрыта для сельских жителей, Политбюро оставляло приезжим возможность покупать хлеб по повышенным ценам, но покупка нормировалась⁵.

17 января 1929 года Политбюро, боясь оказаться к весне без запасов, приняло решение о сокращении плана снабжения хлебом по всем районам на вторую половину текущего хозяйственного года⁶. После этого Экономи-

¹ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 6. Д. 605. Л. 130.

² Дихтяр Г.А. Советская торговля в период построения социализма. С. 273. Об итогах хлебозаготовительной кампании 1928/29 года и организации хлебоснабжения в 1929/30 году см. также: Трагедия советской деревни. Т. 1.

³ Это решение Политбюро было оформлено постановлением СТО 11 декабря 1928 года.

⁴ Фактически Ленинградский Совет уже ввел хлебные карточки в ноябре 1928 года. Постановление скорее регламентировало, чем вводило карточное снабжение. В исполнение решения Политбюро, 15 января 1929 года в Ленинграде были установлены двойные цены на хлеб. Ржаной хлеб стоил 9—12 коп. для горожан, 26 коп. для приезжих, ситный хлеб — соответственно 18—22 и 35—40 коп. По кооперативной книжке выдавалось не более 1,2 кг на едока. Без книжки по повышенной цене продавалось в одни руки 2 кг ситного и 0,5 кг ржаного хлеба. Постановление Московского Совета о введении карточек на хлеб появилось в феврале 1929 года (РГАЭ. Ф. 5240. Оп. 18. Д. 74. Л. 110; Саг Е.Н., Davies R.W. Foundations of a Planned Economy. Vol. 1. P. 702).

⁵ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 715. Л. 3.

⁶ РГАЭ. Ф. 5240. Оп. 18. Д. 74. Л. 106—108.

ческий Совет РСФСР распространил «ленинградский опыт» на всю потребляющую и часть производящей полосы Российской Федерации¹.

И наконец, 14 февраля 1929 года карточная система на хлеб стала всесоюзной. Политбюро утвердило проект постановления, внесенный Наркомторгом. По всей потребляющей полосе Российской Федерации, Закавказья, Белоруссии и Украины хлеб населению должен был отпускаться по специальным заборным книжкам. Книжки получало только трудовое население городов. Постановлением был установлен предельный размер хлебного пайка. В Москве и Ленинграде для рабочих и служащих фабрично-заводских предприятий он составлял 900 гр печеного хлеба в день; для членов семей рабочих, служащих и их семей, безработных и прочего трудящегося населения — 500 гр. В остальных промышленных городах и фабрично-заводских поселках — соответственно 600 и 300 гр. Карточки должны были быть введены не позже 1 марта 1929 года. Постановление повторило раннее решение Политбюро о сохранении свободной продажи хлеба без карточек приезжому населению, но только из того, что оставалось после обеспечения главных потребителей, и по двойной цене².

Постановление явилось началом официального оформления иерархии государственного снабжения. Здесь уже видны ее географический и социальный элементы, которые позднее будут развиты в постановлениях Политбюро. Москва и Ленинград особо выделялись в системе снабжения. Население промышленных городов и поселков получало явные преимущества по сравнению с крестьянством и жителями неиндустриальных городов. Работающие на индустриальных объектах — преимущества перед теми, кто работал на второстепенных производствах. Показательно, что в постановлении ничего не говорилось о гарантированном снабжении сельских бедняков — они стали первой группой, изъятой Политбюро из списков плановых потребителей государственных запасов хлеба. Особенность этого постановления, по сравнению с последующими, состояла в признании за местным руководством больших прав в регулировании снабжения. Совнаркомы республик, краевые и областные исполкомы должны были составлять списки снабжения, могли в установленных пределах изменять нормы. В последующих решениях Политбюро будет урезать права местной власти в снабжении населения.

Из-за бюрократической процедуры составления и утверждения списков введение всесоюзной карточной системы в жизнь затянулось. В Москве карточки официально были введены только 17 марта, в Закавказье — в апреле. Реальные хлебные нормы в регионах, как правило, были меньше указанных в постановлении предельных норм и отличались между собой³.

С введением карточек хлебное положение в крупных городах несколько нормализовалось. По донесениям ОГПУ, рабочие в массе приняли карточки спокойно и даже с удовлетворением: «Крестьяне перестанут таскать мешками хлеб из города». Служащие были недовольны низкими нормами, «непролетарского обывателя» охватила паника, слухи о скорой войне, не то

¹ РГАЭ. Ф. 5240. Оп. 18. Д. 1910. Л. 62.

² РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 726. Л. 2—4.

³ В Закавказье было установлено 700—800 гр хлеба для рабочих, 400 гр для членов семей и служащих. В Донбассе, как правило, 800 гр для горняков и металлистов, 600 гр — прочих рабочих, 300—400 гр — членов семей. В Москве норма рабочего была 800 гр, служащего и членов семей — 400 гр хлеба в день (ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 7. Д. 65. Л. 49—51; Д. 599. Л. 233—244; РГАЭ. Ф. 5240. Оп. 18. Д. 186. Л. 34—37).

с Англией, не то с Румынией или Польшей, усилились. ОГПУ сохранило для нас тревожные голоса того времени:

«Еще войны нет, а нас переводят на паек, что же будет, когда начнется война».

«Постепенно нас приучают к голодной норме. Мануфактуру дают по ордерам, чай и сахар по книжке, а теперь хлеб — по карточке».

«В кооперации постепенно уменьшаются продукты питания и предметы первой необходимости. Приближается период голодовки».

«Соввласть своими карточками похоронит себя»¹.

Хлебная проблема в 1928/29 году была главной, но не единственной. Остро ощущался недостаток всех основных продуктов питания. Неурожай сахарной свеклы повлек уменьшение производства сахара и сахарную проблему. Невысокий урожай и сокращение посевов крупяных культур вызвали крупяной кризис. Недостаток кормов (овсяной кризис), повышение налогов и репрессии стимулировали забой скота, что ставило под угрозу мясные ресурсы. С весны 1929 года в стране начали ощущаться мясная и жировая проблемы.

Из-за недостатка ресурсов планы снабжения централизованных потребителей, которые составлял Наркомторг, были ниже реальной потребности в продуктах и товарах. Так, по расчетам Церабсекции², годовая потребность крупы для снабжения рабочих промышленных центров в 1928/29 году составляла 5,1 млн. пудов. Наркомторг же выделил для этой цели в два раза меньше — 2,6 млн. пудов. Церабсекция просила 2 млн. пудов растительного и 400 тыс. пудов животного масла, план Наркомторга составлял соответственно 805 и 191 тыс. пудов³. Из-за бумажной волынки, больших потерь, плохой работы транспорта и торговли даже эти недостаточные планы снабжения не выполнялись. Как писалось в одном из донесений, «завоз продуктов носил случайный характер». По сообщениям Церабсекции, снабжение рабочих кооперативов крупами, маслом, мясом периодами совершенно прекращалось⁴. Государственно-кооперативная торговля, в общем-то, и раньше работала с перебоями, но нэпманы и крестьянский рынок выручали. Теперь же репрессии и конфискации подорвали их работу. Росли, как на дрожжах, рыночные цены — индикатор товарного дефицита⁵.

Перебои с продовольствием привели к тому, что в 1928/29 году в регионах в дополнение к хлебным карточкам стали стихийно распространяться нормирование и карточки на другие продукты: масло, мясо, сахар, крупу и пр. Открытая продажа непродовольственных товаров в магазинах также постепенно сворачивалась из-за огромных очередей и эксцессов. Вместо этого вводилось их распределение на предприятиях и в организациях по талонам и ордерам. Как и в случае с хлебом, нормирование и карточки оформлялись «снизу» решениями торгующих организаций и санкциями местной власти. Распространение нормирования шло без участия Политбюро.

¹ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 7. Д. 599. Л. 237, 239, 242, 244.

² Кооперативное объединение, снабжавшее индустриальных рабочих и городское население промышленных центров.

³ РГАЭ. Ф. 5240. Оп. 18. Д. 116. Л. 28.

⁴ РГАЭ. Ф. 5240. Оп. 18. Д. 116. Л. 27—29.

⁵ За 10 месяцев 1928/29 года, по сравнению с соответствующим периодом прошлого, рыночные цены подскочили почти на 50% (Дихтяр Г.А. Советская торговля в период построения социализма. С. 318).

Схема перехода от свободной торговли к нормированию, а затем и к карточкам была следующей. При достаточности товаров кооперативы продавали их всем желающим. При недостатке появлялись ограничения, в первую очередь устанавливался максимальный размер покупки. Нельзя, например, было получить больше 3 кг крупы «в одни руки». Такое нормирование было скользким: оно то вводилось, то отменялось в зависимости от наличия продуктов; в одних районах ограничения покупки на данный продукт существовали, в других — нет; нормы продажи везде отличались. Если же перебой становился хроническим, то появлялись новые ограничения: продажа дефицитных товаров только членам кооператива. Не члены кооператива в лучшем случае могли покупать товары в меньшем количестве и по более высокой цене, но чаще всего вообще лишались возможности купить дефицитный товар. Дальнейшее ухудшение в торговле вело к более жестким мерам — вводились карточки. Они выдавались определенной группе людей — членам данного кооператива, жителям данного города или группы городов. Карточки означали, что только эта группа людей могла покупать дефицитный товар или товары в данном городе или районе. Товар можно было покупать в строго определенном магазине, в строго ограниченном количестве и ограниченное число раз. Как правило, указывалась месячная норма покупки (на хлеб существовали дневные нормы). Карточки, таким образом, означали не только нормирование продаж, но и учет покупателей, и контроль за количеством покупок. Примером стихийного развития нормирования и региональных карточных систем в 1928/29 году могут служить истории снабжения населения в Москве и Донбассе.

В столице уже зимой 1928/29 года кооперативы, то в одном районе, то в другом, вводили ограничения — продажу по членским книжкам, предельные нормы покупки, разные нормы для членов кооператива и посторонних. К апрелю сформировались общемосковские нормы продажи. В одни руки отпускалось 400 гр макарон на члена кооператива и 200 гр остальным; масла животного, соответственно, 500 и 400 гр; чая — 50 гр в месяц пайщикам кооперации и 25 гр остальным; сахара — по 2 кг в месяц для москвичей и 0,6—1,5 кг для жителей губернии. Растительное масло получали только члены кооператива — по 500 гр на едока. Месячная норма крупы варьировалась по районам и месяцам от 3 до 5 кг. Яйца продавались не более 10 штук в одни руки. В мае обострилась мясная проблема, очереди достигали сотен человек. В результате спонтанно было введено ограничение покупки — не более 1 кг в руки. Хозяйственное мыло можно было купить по кооперативной книжке, москвичам полагалось 1 кг на 3 месяца, жителям губернии — 725 гр. Зимой сложилась единая для всей Москвы норма продажи хлопчатобумажных тканей — 12 м на книжку на 3 месяца. Остальные непродовольственные товары распределялись по специальным талонам¹.

Осенью 1929 года нормирование в Москве далее развивалось. Появились более строгие ограничения в торговле, которые позволяют говорить уже о существовании карточной системы на основные продукты питания. Углубилась иерархия снабжения — городское население делилось на группы по социальному признаку. По решению Моссовета, в сентябре мясо стали продавать по кооперативным книжкам из расчета 200 гр в день на рабочего, 100 гр на служащего и по 100 гр на их иждивенцев. Появились обязатель-

¹ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 7. Д. 65. Л. 19—166.

ные мясопостные дни. Была установлена норма отпуска мяса в столовых: для фабрично-заводских — 200 гр, для остальных — 100 гр на человека в день. Начиная с сентября нормировалась продажа сельдей: рабочим 800 гр, членам семей рабочих, служащим и членам их семей по 400 гр в месяц. С октября молоко получали только дети до 8 лет по 0,5 л в день. Яйца выдавались по талонам: детям до 8 лет — 25 штук, рабочим и служащим-пайщикам — по 15 штук в месяц. Были снижены нормы продажи масла: пайщикам — 600 гр, непайщикам — 300, детям — 200 гр в месяц¹.

В Донбассе проведенное в апреле 1929 года обследование положения рабочих показало, что помимо карточек на хлеб существовало нормирование основных продуктов питания. Развал частной торговли, которая обеспечивала почти половину потребностей населения в мясе, сделал мясной вопрос самым большим. Мясо поступало теперь только в рабочие кооперативы, где выстраивались большие очереди. Карточки на мясо пока не вводились, но его продажа ограничивалась до 1—2,5 кг в руки. Нормировалась также продажа крупы и сахара. Колбасы и сала в кооперативах не было совсем, а масло и рыба поступали в ограниченном количестве. Сами рабочие просили расширить список нормируемых продуктов².

Осенью 1929 года положение в Донбассе, как и по всей стране, далее ухудшилось. Центральный комитет профсоюза горнорабочих СССР сообщал, что «рабочих форменным образом душат черным, сырым хлебом. О мясе и овощах абсолютно не приходится говорить». По отзывам самих рабочих: «Нет ни мяса, ни картошки, а если и бывает, то не добьешься, потому что кругом очередь». В результате росли прогулы, отлив рабочих из отрасли, угроза срыва производства. О какой работе могла идти речь, если рабочие практически не спали, «с 2—3 часов ночи с подушками отправлялись к продуктовым лавкам». Выручали воскресные крестьянские базары. По бюджетным данным в семье горняка на одного едока в день в 1929 году приходилось 300—400 гр хлеба, 350 гр картофеля, 80 гр фруктов, 133 гр мяса и 7 гр коровьего масла. На других предприятиях горнодобывающей промышленности положение было не лучше. Осенью 1929 года власти Донбасса вплотную подошли к введению карточек на основные продукты питания³.

Положение в Москве и Донбассе не являлось исключением. По сообщению Экономического управления ОГПУ, которое подвело неутешительные итоги хозяйственного года, к осени 1929 года нормирование основных продуктов питания существовало во всех промышленных районах. Особенно плохим было снабжение мясом и жирами. Ухудшилось и положение с хлебом. Выдача пайков запаздывала, нормы снижались, стратификация углублялась — в некоторых регионах со снабжения снимались рабочие, связанные с сельским хозяйством. Распространялись слухи о скорой мобилизации, голоде в Поволжье, отделении Украины от СССР. «Нездоровые» настроения среди рабочих усилились. Бурно проходили собрания — «Врете... Долой... Дармоеды... Нас обманываете, муку гноите». Рабочие требовали прекратить вывоз зерна за границу. Дисциплина падала, росли прогулы, вспыхивали дискуссии во время работы. Прошли забастовки се-

¹ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 7. Д. 674. Л. 4—11; РГАЭ. Ф. 5240. Оп. 18. Д. 4. Л. 36; РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 757. Л. 3.

² РГАЭ. Ф. 5240. Оп. 18. Д. 186. Л. 34—37.

³ РГАЭ. Ф. 5240. Оп. 18. Д. 105. Л. 1—6, 10—12.

зонников, недовольных снабжением. Кадровые рабочие пока ограничивались критикой.

Руководство страны знало о продовольственном положении в регионах: ОГПУ посылало экономические сводки руководителям партии, правительства и заинтересованных ведомств, о чем свидетельствуют листы рассылки. В начале нового, 1929/30 хозяйственного года Политбюро приступило к официальному оформлению всесоюзной карточной системы на основные продукты питания и непродовольственные товары. Как и в случае с хлебом, оно прошло несколько этапов и началось с важнейших индустриальных центров.

В октябре 1929 года появились постановления о нормах снабжения Москвы, Ленинграда, Донбасса, летом 1930 года — Кузбасса. Список включал основные продукты питания — хлеб, крупу, мясо, сельдь, масло, сахар, чай, яйца. Постановления официально утвердили и регламентировали уже существовавшую практику нормирования и сложившуюся в снабжении иерархию: рабочие имели преимущества по сравнению с прочими трудящимися (служащие, члены семей рабочих и служащих, кустари)¹. Нормы, установленные для рабочих, рассчитывались на основе их бюджетов и были немного выше их фактического потребления в 1928/29 году. Для остальных групп нормы снабжения на 1929/30 год были установлены ниже их потребления в прошлом году (прилож., табл. 1)².

Окончательное оформление всесоюзной карточной системы на основные продукты питания и товары затянулось затем на год. Только в начале 1931 года, когда массовый голод стал реальной перспективой и карточки уже фактически существовали по всей стране, Политбюро официально установило нормы снабжения не только для избранных промышленных центров, но всего городского населения СССР.

¹ В каждой группе снабжения члены кооперации пользовались преимуществами. Тем самым Политбюро пыталось стимулировать развитие кооперативного движения. Однако чем дальше, тем меньше «кооперативный признак» играл роль в государственной политике снабжения. Она все более строилась на четких и «чистых» социально-производственных принципах. Место в ней определялось важностью в выполнении государственных планов и близостью к власти.

² РГАЭ. Ф. 8043. Оп. 11. Д. 26. Л. 249; Д. 2. Л. 224; Д. 113в. Л. 225, 228. Товарный кризис углублялся, и в начале 1930 года нормы снабжения Москвы и Ленинграда были снижены (РГАЭ. Ф. 8043. Оп. 11. Д. 7. Л. 92).

ГЛАВА 4

1929/30: «ГОЛОВОКРУЖЕНИЕ ОТ ...ГОЛОДА»

Коллективизация и другие причины ухудшения положения

В сентябре 1930 года в одном из писем Молотову Сталин попытался объяснить падение темпов производства, прорывы и провалы, катастрофическую «текучесть» рабочих, которые переживала промышленность. Неужели из-за плохого продовольственного снабжения? Но разве в прошлом году лучше снабжали? — недоумевал он¹. Не знаю, что ответил ему Молотов. Но мой ответ был бы — «Да. В 1929 году, хотя и было плохо, но лучше, чем в 1930-м». Предшествующие два года представляли лишь прелюдию к вакханалии, которая началась в 1930 году и продолжалась до конца первой пятилетки. В этот год был нанесен сокрушительный удар по частнику и рынку периода нэпа. Наркомторг был преобразован в Наркомат снабжения, что как бы символизировало конец торговли периода нэпа и начало эры централизованного распределения.

1930-й стал первым годом, когда продовольственное снабжение стало серьезно волновать Сталина: пагубные последствия кризиса сказались на производстве. Вопрос о рабочем снабжении часто ставился на повестку дня Политбюро. По словам самого Сталина, к концу 1930 года снабжение рабочих являлось одним из самых «боевых вопросов», а Наркомторг — «самым сложным наркоматом». Осенью 1930 года Сталин сам возглавил комиссию по рабочему снабжению, вместо С.И.Сырцова, которым был недоволен.

Главной причиной резкого ухудшения продовольственного снабжения в 1930 году являлась насильственная коллективизация, начавшаяся осенью 1929 года. Она и стала последним аккордом в развале рынка и броском к голоду. Причины коллективизации хорошо показаны в современной историографии. Планы заготовок предшествующих лет не выполнялись. Репрессии во время заготовительных кампаний влекли уменьшение посевных площадей и истребление скота. Несмотря на сокращение сельскохозяйственного производства, план заготовок на 1929/30 год был увеличен — индустрии нужно было сырье и машины, рабочим — продовольствие. Очередной кризис заготовок был, таким образом, предсказуем. Перспектива вновь преодолевать сопротивление крестьян с тем, чтобы в итоге прийти к новому сокращению сельскохозяйственного производства, не устраивала сталинское руководство. Начав коллективизацию, Политбюро стремилось к тому, чтобы крестьяне, оставаясь производителями продукции, перестали быть ее собственниками. Новый собственник — колхозы, полностью зависимые от государства, должны были исправно сдавать продукцию в государственные закрома в соответствии с планом и по ценам, которые дикто-

¹ Письма И.В.Сталина В.М.Молотову. С. 219.

вало государство. Только то, что оставалось после выполнения планов заготовок, создания семенных и резервных фондов, распределялось между колхозниками.

Три процесса разворачивались в деревне осенью—зимой 1929/30 года: конфискация продукции в ходе заготовок, насильственное обобществление земли, скота и инвентаря, которые передавались в распоряжение создаваемых колхозов, репрессии против кулаков и середнячества. Крик, плач и стон стояли в крестьянстве. Первая волна коллективизации и репрессий продолжалась до весны 1930 года — половина крестьянского населения была загнана в колхозы. Затем, с публикацией статьи Сталина «Головокружение от успехов», последовала пауза, дабы дать крестьянам спокойно провести весеннюю посевную. Но с осени 1930 года коллективизация и раскулачивание развернулись с новой силой. К 1933 году основные аграрные районы были коллективизированы. В целом процесс был объявлен завершенным к 1936 году, когда 90% хозяйств и 94% посевных площадей были объединены в колхозы. Но ударный кулак коллективизации пришелся на 1930—32 годы.

Коллективизация разрушила гордиев узел хлебозаготовок. Хлебный вопрос разрешился в интересах индустриализации. В результате коллективизации заготовки зерновых в начале 30-х годов увеличились, что обеспечило зерновой экспорт и гарантировало кусок хлеба рабочим. Дешевый черный хлеб был единственным продуктом в государственном снабжении, который относительно стабильно выдавался городскому населению. Успешное «хлебовыколачивание» в кампанию 1929/30 года позволило увеличить нормы снабжения хлебом и подтянуть к нормам Москвы и Ленинграда рабочих других промышленных центров¹. Но экспорт и дешевый рабочий паек обеспечивались за счет голода миллионов крестьян².

Плачевных последствий коллективизации, как кратковременных, так и долговременных, не перечислить. Урожайи резко упали. поголовье скота со-

¹ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 769. Л. 7—8.

² Так, если в 1928 и 1929 годах было заготовлено соответственно 11,1 и 10,8 млн. тонн, то в 1930 году — 16,1; в 1931-м — 22,2; в 1932-м — 22,8; в 1933-м — 19,3 млн. тонн зерна. В период 1934—36 годов заготовки находились на уровне 26—28 млн. тонн, в конце 30-х превысили 30 млн. и достигли к 1940 году 36,4 млн. тонн. Рост заготовок происходил за счет изъятия продукции, которая ранее оставалась в крестьянском хозяйстве для собственного потребления и продажи на рынке. Так, доля заготовок в валовом сборе зерна в 1928 и 1929 годах находилась на уровне 15%, в 1930 году она достигла 20%, в период 1931—33 и в 1937 годах государство изымало около трети валового сбора, в 1934—36 годах доля заготовок приблизилась к отметке 40% валового сбора, а в 1938—40 годах превысила ее. Остаток зерна в распоряжении крестьян уменьшался. Если в 1928 г. он составлял около 50—60 млн. тонн, то в 1931—32, 1934—35, 1938—39 годах около 40 млн. тонн. При такой политике неурожайный год грозил массовым голодом, так как не отменял и не снижал планов государственных заготовок. Неурожайными стали 1931 и 1932 годы. За ними последовал массовый голод. Неурожайным был и 1936 год. В деревне вновь начался голод. Статистику урожая, заготовок и других показателей сельскохозяйственного производства, о последствиях коллективизации см.: Данилов В.П. Коллективизация сельского хозяйства в СССР // История СССР. 1990. № 5; Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание; The Economic Transformation of the Soviet Union; Hunter H., Szygmer J.M. Faulty Foundations. Soviet Economic Policies и другие.

кратилось¹. Короткое изобилие мяса на рынке и крестьянских столах — в деревнях резали скот и птицу, не желая отдавать их в колхозы, сменилось многолетней мясо-молочной и жировой проблемой. Преуспевавшие крестьянские хозяйства были ограблены: часть имущества ушла в колхозы, часть — лично тем, кто участвовал в грабеже. Сотни тысяч семей сосланы на спецпоселения. Крестьянство превратилось в население второго сорта. После того как конкретного хозяина заменил коллективный собственник — колхоз, обобщественное имущество быстро пришло в негодность. Государство почти даром изымало львиную долю произведенной продукции — отсутствие материальных стимулов к труду в колхозах сделало дефицит продовольствия в СССР постоянным.

Одновременно с началом коллективизации была уничтожена частная патентованная торговля. Постановление Политбюро от 15 августа 1929 года, принятое по инициативе Сталина, санкционировало новую волну репрессий против частных заготовителей и торговцев². Доля частной торговли в розничном товарообороте страны сократилась в 1930 году до 5,6%. В 1931-м частная патентованная торговля вообще была запрещена³.

На обострение продовольственного кризиса в стране влиял и внешне-торговый курс. С конца 20-х годов Политбюро стремилось наращивать вывоз зерна, но только с началом коллективизации смогло резко увеличить экспорт⁴. В одном из писем в августе 1930 года Сталин требовал:

«Микоян сообщает, что заготовки растут и каждый день вывозим хлеба 1—1,5 млн. пудов. Я думаю, что этого мало. Надо поднять (теперь же) норму ежедневного вывоза до 3—4 млн. пудов минимум. Иначе рискуем остаться без наших новых металлургических и машиностроительных (Автозавод, Челябинский завод и пр.) заводов... Словом, нужно бешено форсировать вывоз хлеба»⁵.

Сталин не хотел ждать — с конца октября должен был начать поступать на рынок американский хлеб. Вывоз зерна происходил в условиях мирового экономического кризиса, когда цены на сырье и продовольствие падали, а цены на машины и оборудование, которые составляли главную статью советского импорта, росли. Импорт потребительских товаров был ничтожен. «Верно ли, что ввезли из Англии ботинки (на несколько мил. руб.)? — спрашивал Сталин Молотова в августе 1930 года. — Если это верно, это ошибка»⁶.

На обострение продовольственного кризиса влияло и то, что, Политбюро на случай войны увеличивало неприкосновенный фонд зерна, который в 1930 году достиг 120 млн. пудов⁷.

Диспропорции на потребительском рынке обострялись постоянными денежными эмиссиями, с помощью которых Политбюро тщетно пыталось

¹ Так, количество крупного рогатого скота в 1928 году превышало 6 млн. голов. В результате убоя скота крестьянством, в ответ на насильственное обобществление, его численность упала до 3,3 млн. голов в 1934 году. Даже к 1940 году она не достигла и 5 млн. Численность лошадей сократилась с 3,2 млн. в 1928 году до 1,5 млн. в 1934 а к 1940 году поднялась только до 1,7 млн. голов.

² Письма И.В.Сталина В.М.Молотову. С. 141—144.

³ Рубинштейн Г.Л. Развитие внутренней торговли в СССР. С. 282.

⁴ В 1928-м вывезли 0,3 млн., в 1929 году — 0,2 млн., а в 1930-м — 4,8 млн. тонн зерна (The Economic Transformation of the Soviet Union. P. 316).

⁵ Письма И.В.Сталина В.М.Молотову. С. 198, 203—205.

⁶ Письма И.В.Сталина В.М.Молотову. С. 194.

⁷ Письма И.В.Сталина В.М.Молотову. С. 170—171.

покрыть дефицит госбюджета¹. Председатель правления Государственного банка СССР Г.Л.Пятаков в письме Сталину дал анализ болезненного денежного состояния в стране². Он писал, что с конца 1928-го по июль 1930 года в обращение было выпущено 1556 млн. рублей, в то время как за всю пятилетку планировалось выпустить 1250 млн. «Эмиссионную пятилетку», таким образом, страна выполнила менее чем за 2 года.

Масса денег в обращении росла, в то время как торговля сворачивалась. Поступление денег из обращения в бюджет замедлялось. Если в 1926—28 годах до половины выпущенных в обращение денег возвращалось в госбюджет, то в 1929/30 году — только четверть. Деньги оседали у населения. По расчетам Госбанка, основная денежная масса находилась в частном секторе, а главными держателями «кубышки» в стране являлись середнячество и кулаки³. Репрессии против частников усиливали процесс наполнения кубышки, прежде всего потому, что те не могли пускать деньги в оборот, и, во-вторых, потому, что свертывание частной торговли сокращало траты денег населением. Насильственная коллективизация, при которой крестьяне старались распродать свое имущество до вступления в колхоз, а деньги спрятать, также увеличивала объем кубышки.

Свертывание торговли, накопление и обесценивание денег имели тяжелые последствия для потребительского рынка. Началось расхватывание товаров. Пятаков писал:

«Мануфактура по двойным ценам до середины марта (1930 года. — Е.О.) шла туго. После этого, в особенности в мае и июне, она расхватаана вся. Из продажи исчез шелк, расхватываются примуса, швейные машины и т.п. Из Нижнего Новгорода, из Чернигова пишут, что крестьяне в стремлении сбыть бумажные деньги покупают все, что попадает под руку. Характерно сообщение из Харькова о том, что там в короткий срок был совершенно раскуплен магазин антикварных вещей». Население, кооперативы, предприятия переходили к натуральному обмену.

Другим следствием инфляции стал кризис разменной монеты. Госбанк выпускал серебро в обращение, откуда оно мгновенно исчезало, оседая у населения, которое его переплавляло и хранило в слитках. «Серебряный прорыв», как назвал его Пятаков, начался в апреле 1930 года и к июлю достиг Москвы. Работники кооперации «зажимали» серебро в кассах магазинов, трамваи из своей выручки не сдавали ни одной серебряной монеты. Очереди в несколько сот человек собирались у касс размена денег в филиалах Госбанка. Частники на серебро продавали дешевле, чем на бумажные

¹ К слову сказать, другим источником пополнения бюджета, помимо эмиссий, было производство водки, которое росло «как на дрожжах». В сентябре 1930 года он писал Молотову: «Нужно, по-моему, увеличить (елико возможно) производство водки. Нужно отбросить ложный стыд и прямо, открыто пойти на максимальное увеличение производства водки на предмет обеспечения действительной и серьезной обороны страны... Имей в виду, что серьезное развитие гражданской авиации тоже потребует уйму денег, для чего опять же придется апеллировать к водке» (Письма И.В.Сталина В.М.Молотову. С. 209—210).

² РЦХИДНИ. Ф. 85. Оп. 27. Д. 397. Л. 2—7.

³ По расчетам Госбанка, на 1 октября 1929 года в обобщественном секторе находилось 450 млн. рублей, у рабочих и служащих — 260, в частном секторе — 1830 млн. Из последней суммы на долю частника в городе приходилось не более 200—300 млн., а остальная сумма находилась в деревне. Около трети ее держал кулак, более половины — середняк, около 15% — бедняк (РЦХИДНИ. Ф. 85. Оп. 27. Д. 397. Л. 2—7).

деньги. Крестьяне прямо объявляли две цены на свою продукцию: одну — в серебре, другую — в бумажных деньгах. При обысках у крестьян и городских торговцев находили большие суммы разменного серебра. Кроме прочих неудобств, серебряный кризис бил по валютным планам, так как серебряная монета производилась из импортного сырья. Правительство не смогло остановить «серебряный прорыв». В январе 1932 года Политбюро приняло решение о выпуске никелевой и медной монеты взамен серебряной.

В своем письме Пятаков рискнул дать Сталину рекомендации по оздоровлению денежного обращения и потребительского рынка. Среди них: увеличение производства и импорта предметов потребления, сокращение и даже полный отказ от экспорта продуктов, помощь сельскому хозяйству. Можно представить себе реакцию Сталина на эти антииндустриальные предложения, ведь ради сверхиндустриализации вождь был готов оставить людей голыми и голодными.

Для трудящегося населения ситуация в 1930 году осложнялась еще и тем, что правительство провело перетарификацию во всех отраслях промышленности — нормы выработки продукции были повышены, а расценки понижены. В результате зарплата сократилась в 1,5—2 раза. Токарь в механическом цехе после перетарификации стал получать 48 руб., тогда как раньше зарабатывал 100 руб., зарплата литейщика вместо 90 руб. стала 50—60 руб. В текстильной промышленности, кроме того, прошли массовые сокращения кадров. В 1930 году промышленность перешла на непрерывную рабочую неделю, что увеличило занятость рабочих на производстве¹. Люди работали 4 дня, пятый день отдыхали. Выходные дни у членов семьи не совпадали. Субботы и воскресенья, как дни совместного отдыха, исчезли. Часто люди затруднялись сказать, какой шел день недели, для них это были 1-й, 2-й и так далее день непрерывки.

Продовольственный кризис в городах

Сводки ОГПУ свидетельствуют о том, что ухудшение продовольственного снабжения в городах следовало за «приступами» коллективизации². Первые плачевные результаты развала крестьянского хозяйства городское население испытало весной 1930 года. Возобновление коллективизации осенью вызвало новое обострение продовольственного кризиса. «Головокружение от успехов» обернулось головокружением от голода.

В 1930 году остро встала мясная проблема. Развал мясного рынка был вторым большим шагом к голоду после развала хлебного рынка в стране. Мясное благополучие страны, как и хлебное, держалось на крестьянских плечах. Государственной мясной промышленности не существовало. Политбюро с удивлением обнаружило, что бойни находились в ведомстве

¹ Проект СНК о переходе на непрерывную рабочую неделю (введение скользящих выходных дней) был одобрен Политбюро 22 августа 1929 г. (РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 754. Л. 2).

² В этом разделе приводится анализ спецсводок ОГПУ о состоянии продснабжения рабочих и прочего трудового населения городов, о перебоях в снабжении городов и рабочих районов продовольствием и предметами первой необходимости, о продовольственных затруднениях, об отрицательных моментах в настроении населения города и деревни, о недочетах в работе кооперации промрайонов и городов Союза и других (ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 6. Д. 674; Оп. 8. Д. 655).

Наркомата внутренних дел наряду с милицией, угрозыском, канализацией и водопроводом. И не случайно, ведь бойни являлись не предприятиями мясной промышленности, а помещениями, сдаваемыми в аренду.

«Бойни были в буквальном смысле слова убойным местом, — говорил Микоян на декабрьском пленуме 1930 года, — которое по камерам, по комнатам сдавалось в аренду прасолу Иванову, прасолу Сидорову, ЦРК и всем, кому требуется забить скот»¹.

В стране только треть из 75 наиболее оборудованных боен имели водопровод, пятая часть — канализацию и только 5% — станции для очистки сточных вод. Американские специалисты, которые провели две недели на московских бойнях (лучших в стране), в ужасе заявили, что такого хаоса они нигде не видели. Политбюро только приступало к созданию мясной промышленности. По его заказу в Америке начали проектировать Московский и Семипалатинский мясокомбинаты. Но они пока оставались на бумаге, в то время как развал крестьянского мясного рынка уже стал реальностью.

В июле 1930 года Политбюро официально ввело карточную систему на мясо. Назвать ее всесоюзной, хотя она и определяла принципы снабжения городского населения всей страны, довольно трудно. Всего лишь 14 млн. человек из более чем 160 млн. населения СССР получали мясо по карточкам из государственных центральных фондов. В наилучшем положении находились рабочие Москвы и Ленинграда, а также шахтеры и рабочие горячих металлургических цехов. Им полагалось по 200 гр мяса в течение 20—22 дней в месяц, служащим тех же предприятий — по 100 гр. Остальные города далее делились по степени индустриальной важности. Мясные нормы для рабочих в них составляли от 150 гр, выдаваемых 15 дней в месяц, до 100 гр в течение 10 дней, нормы служащих — от 100 до 75 гр в течение 10 дней в месяц². Введя всесоюзную карточную систему на мясо, как и в случае с хлебом, Политбюро лишь упорядочило практику нормирования мясного снабжения, уже широко существовавшую в стране.

Развал в ходе коллективизации крестьянского рынка создал проблему и с овощами. В 1929 году частник обеспечивал около половины снабжения овощами и картофелем, а в 1930-м его доля в торговле упала до 5%. Не за горами были карточки на картофель — второй, после хлеба, продукт в рационе русских.

Сводки ОГПУ свидетельствуют, что карточки на основные продукты питания существовали в 1930 году во всех городах и рабочих поселках, хотя официально в стране были введены только всесоюзная карточная система на хлеб (февраль 1929 г.) и мясо (июль 1930 г.), а также нормирование основных продуктов питания для жителей Москвы, Ленинграда, Донбасса (октябрь 1929 г.) и Кузбасса (лето 1930 г). Ассортимент торговли в стране резко сузился и свелся к списку так называемых нормированных товаров, в который входили жизненно важные продукты: хлеб, мясо, рыба, крупа, растительное масло, сахар. Ненормированные продукты — сыр, колбаса, творог, конфеты, сметана и прочее — отсутствовали в кооперативах неделями, а то и месяцами, а когда появлялись, также продавались по нормам.

Политбюро пыталось остановить хаос норм, карточек и их суррогатов, царивший в регионах, и контролировать спонтанное распространение кар-

¹ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 460. Л. 92.

² РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 789. Л. 12—13.

точной системы. В декабре 1929 года оно запретило вводить нормирование без разрешения Наркомснаба. Но незаконная практика продолжалась¹.

Положение с одеждой, обувью, тканями и другими непродовольственными товарами также оставалось тяжелым. Открытая их продажа в магазинах практически прекратилась. Политбюро пыталось ограничить бронирование фондов и распределение промтоваров по ордерам, так как эта практика вела к замораживанию товарооборота, а следовательно, уменьшала поступления в госбюджет. В постановлении от 30 октября 1930 года Политбюро требовало сохранить ордерную систему только для одежды и обуви и направлять их в первую очередь на обеспечение рабочих². Но из-за острого недостатка товаров это постановление повсеместно нарушалось, практика бронирования фондов расширялась.

Обострение товарного дефицита вело к дальнейшей стратификации государственного снабжения. Прагматизм в централизованном распределении все более усиливался. Элементы социальной справедливости (привилегии детям, больным, низкооплачиваемым группам населения и пр.) существовали, но выглядели хилыми ростками на фоне мощного цветения производственного принципа — снабжать в первую очередь тех, кто делал индустриализацию. Пытаясь обеспечить индустриальный авангард, Политбюро и местная власть снимали с централизованного снабжения все новые и новые группы потребителей. Вслед за сельской беднотой сезонники, рабочие, имевшие хозяйство в деревне, а также многие второстепенные для индустриализации города и производства один за другим теряли право получать продукты из государственных фондов. Их переводили на снабжение из местных заготовок, отчислений от гарнца и сверхплановых закупок, которые «подскребали-добирали» то, что осталось после выполнения государственных планов. По сути, это означало, что оазисы рынка с его астрономическими ценами становились для большей части населения главным, а иногда и единственным источником обеспечения. Положение тех, кого снимали с централизованного снабжения, отягчалось тем, что они являлись низкооплачиваемыми, по сравнению с индустриальным авангардом, группами населения — политика зарплаты ведь тоже подчинялась интересам индустриализации.

В 1930 году географическая и социально-производственная иерархия государственного снабжения, признаки которой проявились в предшествующие годы, далее углубилась. Привилегированное положение Москвы и Ленинграда укрепилось. Остальные промышленные города и объекты в конце 1930 года по решению Политбюро были разделены на два списка в зависимости от степени их индустриальной важности. На предприятиях преимущества в снабжении имели инженерно-технические работники (ИТР) и индустриальные рабочие, далее шли неиндустриальные рабочие, далее служащие, потом иждивенцы — члены семей рабочих и служащих. Дети составляли особую группу, но и их снабжение зависело от того, в каком городе они жили и где работали их родители. Число социальных групп в практике снабжения разных городов и производств варьировалось, но принципы деления повторялись. При обострении продовольственной ситуации снабжение высших групп обеспечивалось за счет снижения норм и сокращения ассортимента для низших групп. Нормы, указанные в постановлениях центральных органов и распоряжениях местной власти, для

¹ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 769. Л. 17.

² РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 803. Л. 17.

кооперативов являлись ориентиром-максимумом. Реальные пайковые нормы зависели от товарного фонда в распоряжении кооперативов и повсеместно были ниже установленных.

Скудость государственного снабжения создавала иерархию бедности. Сводки ОГПУ о снабжении предприятий и промышленных районов показывают, в чем реально состояли преимущества индустриальных рабочих, по сравнению с остальными плановыми потребителями. Рабочие получали не 300, как остальные, а 600—800 гр черного хлеба плохого качества, по 100—200 гр мяса в «мясные дни». Но что это было за мясо — конина, солонина. Частенько мясо заменялось воблой, рыбой, консервами. Другие продукты — крупа, сахар, масло, чай, сельдь, макароны — продавались с переборами. В лучшем случае рабочая семья получала в месяц по 0,5—1 кг сахара и крупы да бутылку растительного масла. Дети рабочих в мизерном количестве от случая к случаю получали масло; яйца, молоко. По сравнению с пайком служащих, который включал лишь хлеб, сахар и крупу, рабочие имели преимущества, но они не обеспечивали сытой жизни.

Еще более скудным было государственное снабжение непродовольственными товарами. Даже в Москве потребность в чулках, носках, платках удовлетворялась лишь наполовину, потребность в одежде и обуви — в лучшем случае на треть, в нитках — на 10—20%. Очереди за керосином были хроническими, а спичек выдавали — по 2 коробка в руки. Вот и весь ассортимент. О качестве, конечно, никто даже не заикался — люди хватали, что дают, давась в очередях. Рабочие имели преимущества в получении товаров, но они выглядят смехотворными. Так, на 338 человек фабрики Гознак было получено 9 ордеров на женскую и 11 на детскую обувь. Другой пример, взятый из сводок ОГПУ: на одной из шахт Донбасса на 326 рабочих было выдано 15 ордеров на костюмы и обувь. После этого рабочие пытались избить членов комиссии по распределению талонов, «швыряли им в лицо членские книжки ЦРК». На следующий день треть не вышла на работу. Мотивировка — отсутствие одежды. Еще один пример. На 175 рабочих кожзавода (Тифлис) было получено 50 катушек ниток; на 122 пайщика Гостипографии в Баку — 16 ордеров на полушерстяную ткань; на 190 пайщиков Литографии Полиграфтреста в Тифлисе — 29 ордеров на чулки и по 1 катушке ниток.

При скудном государственном снабжении даже для индустриальных рабочих крестьянский рынок превращался в спасительный оазис, где можно было выменять или купить продукты. Для тех же, кто не попал в число «плановых потребителей», рынок был единственной возможностью достать продукты. Но крестьянский рынок, подорванный коллективизацией, переживал тяжелые дни. Привоз сократился, цены кусались. При зарплате рабочих 60—90 руб. в месяц пуд муки на рынке стоил 20—30 руб. (3 руб. в кооперации), килограмм мяса — 3—4 руб. (70 коп. в кооперации), пуд картошки — 9 руб. (в кооперации — 8 коп. за килограмм), литр молока — 1 руб., килограмм сливочного масла — 7 руб. (1—3 руб. в кооперации), десяток яиц — 2 руб. (50 коп. в кооперации)¹.

Высокие рыночные цены не останавливали покупателей. Как говорилось в спецсводке, горожане ночью, за несколько километров от города

¹ После тарификации, проведенной в начале 1930 года, зарплата 60—90 руб. в месяц являлась наиболее распространенной среди рабочих. Низкооплачиваемые группы рабочих получали 30—50 руб., наиболее высокооплачиваемые — порядка 180 руб. в месяц.

поджидали крестьянские подводы, буквально вырывали из рук привозимые продукты. У подвод на рынке собирались очереди. По требованию покупателей вводились нормы продажи, чтобы хватило продуктов каждому. Крестьяне отказывались от бумажных денег, но охотно брали серебро или обменивали продукты на сахар, чай, табак. О натурализации рыночной торговли писал Пятаков в уже упоминавшемся письме Сталину:

«На Урале, например, за 50—100 гр махорки дают 10 яиц, за ситцевый платок, ценою в 30 коп. — полкило масла. Меновыми единицами для сельскохозяйственной продукции служат на базаре также мыло, нитки, сахар, мануфактура, обувь. В Северном крае, а именно в Вологде, за 100 гр махорки можно получить 400 гр масла, за 50 гр — 5—7 яиц. Мы имеем сообщения о натуральном товарообмене и из Ульяновского округа, из Средней Волги, из Вятки, из Тверского округа и из некоторых округов Сибири. Даже на Московском рынке мы имеем целый ряд сообщений о том, что крестьяне отказываются от продажи продуктов за деньги, продавая их в обмен на мануфактуру и продукты, получаемые по заборным книжкам — сельди, пшено, и т.п.»¹

В условиях товарного голода бурно развивался черный рынок, который паразитировал на государственной системе снабжения. Продукты и товары из кооперативов, со складов, ворованные или купленные из-под полы, перекачивались на рынок, где продавались втридорога. Частью подпольного черного рынка стала и сильно сократившаяся нэпмановская торговля.

Города переживали товарный кризис, а что же в деревне? Продовольственное положение деревни в 1930 году, по сравнению с прошлым годом, ухудшилось. Насильственная коллективизация вела к сокращению производства, реквизиции истощали крестьянские запасы. По подсчетам экономистов, после заготовок 1929/30 года в деревне оставалось на 6 млн. тонн зерна меньше, чем в прошлом году². Однако большинство крестьян пока сохраняли свои индивидуальные хозяйства. Надел земли и скот позволяли обеспечить семью и даже кое-что продавать на рынке. Деревня пока не страдала от недостатка продовольствия, за исключением бедняков и мало-мощного середнячества, которые вновь стали жертвами локального голода.

По свидетельству ОГПУ, локальный голод начался зимой 1929/30 года, особенно усилился весной и продолжался до получения нового урожая. Страдали безземельные и малоземельные бедняки, которые перестали получать государственную помощь и не могли рассчитывать на помощь соседей — те либо сами не имели достаточно продовольствия, либо мстили бедноте за участие в реквизициях. Ощущался недостаток хлеба и у некоторых середняков. Среди неблагополучных районов сводки ОГПУ называют Башкирию и Казахстан. Там были зарегистрированы случаи голодных смертей. По мнению самих казахских властей, причиной голода стал развал местного крестьянского товарооборота. Ранее Казахстан снабжался из соседних хлебопроизводящих районов и не испытывал трудностей. Шедшие в ОГПУ на имя Ягоды телеграммы свидетельствуют о том, что весной и летом 1930 года в Сибири также начался голод. Катастрофическое положение с продовольствием складывалось на Северном Кавказе и Средней Волге. Так, жители поселка Ленинградский (Самарский край) в декабре 1930 года писали о том, что весь хлеб был вывезен во время заготовок и теперь они пухнут от голода. Люди «молили не дать помереть». Краевой

¹ РЦХИДНИ. Ф. 85. Оп. 27. Д. 397. Л. 4.

² 46 млн. вместо 52 млн. тонн (The Economic Transformation of the Soviet Union. P. 290).

исполком приказал провести медицинское обследование поселка. Оно подтвердило бедственное положение: из 33 человек только 2 находились в удовлетворительном состоянии¹. Голод сопровождали его неизбежные спутники: нищенство, самоубийства, рост заболеваний, истребление скота, распродажа имущества, переселения в благополучные районы, бегство в город. Но это была лишь прелюдия к надвигавшейся трагедии.

Народ возмущается — ОГПУ ищет виновных

Жизнь ухудшилась, и недовольство населения росло. Но насколько серьезным было недовольство продовольственным положением в стране? Материалы ОГПУ свидетельствуют, что «продовольственные затруднения» представляли один из основных вопросов, тревоживших рабочих. Собрания на заводах независимо от повестки дня часто сводились к проблеме продовольствия и могли длиться несколько дней. Делегации рабочих направлялись искать правду в Москву. О настроениях рабочих говорит интересный эпизод.

В августе 1930 года в Днепропетровск приехал председатель Всеукраинского ЦИКа Г.И.Петровский. Цель — встретиться с рабочими завода имени себя, пожуричь их за невыполнение плана и вдохновить на трудовые подвиги. Местное руководство, боясь подачи коллективных жалоб, решило заранее не оповещать рабочих о приезде высокого гостя. Да и сам Петровский, зная о недовольстве рабочих, побоялся созвать общезаводское собрание и беседовал с небольшими группами. Напрасно он пытался свести разговор на производственные темы, рабочие все время возвращались к одному и тому же:

«Скажите о сале... Пусть попробует пшеничную кашу и пусть знает, что нас кормят селедкой».

«Тов. Петровский пользуется среди нас большим уважением. Если бы приехал другой вождь, он бы имел большие неприятности, так как рабочие теперь разъярены. Даже те, которые хорошо относятся к соввласти, теперь против всех озлоблены и ищут, на ком бы злобу излить»².

Статистика, однако, свидетельствует, что продовольственные трудности представляли не главную причину забастовок, а лишь общий фон, на котором острее ощущались другие проблемы. Безусловно, недовольство продовольственным положением присутствовало во всех выступлениях, но главными причинами забастовок в 1930 году были плохие условия труда, снижение зарплаты, сокращение кадров. В целом количество забастовок, в которых участвовали кадровые рабочие, не столь велико, как можно было бы ожидать, зная положение в стране. В сознании кадровых рабочих миф о пролетарском характере государства и власти еще не был развенчан, индустриализация принималась как необходимый, а для многих и желанный курс, сулящий не только тяготы, но и профессиональный рост.

Особое спокойствие «в продовольственном вопросе» сохраняли кадровые рабочие-мужчины. По данным ОГПУ, в металлопромышленности в 1929 году (до этого продовольственные забастовки не были зарегистрирова-

¹ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 674. Л. 79–81, 96–98; РГАЭ. Ф. 8043. Оп. 11. Д. 13. Л. 161–164, 174–176; Д. 15. Л. 9, 115, 121, 232; Д. 16. Л. 37; Д. 17. Л. 139, 200.

² ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 655. Л. 918–919.

ны) из 67 забастовок только 1, а из 22 забастовок за первое полугодие 1930 года только 4 были непосредственно вызваны плохим снабжением¹.

Менее спокойно вели себя кадровые работницы. Женщины, на чьих плечах лежала задача достать продукты и накормить семью, к тому же были вынуждены за паек работать наравне с мужчинами на производстве. Они чувствовали ухудшение снабжения наиболее остро. Кроме того, в отраслях промышленности с преобладанием женского труда зарплата была ниже, а снабжение хуже, чем в преимущественно мужских отраслях тяжелой индустрии. Самые крупные «продовольственные» забастовки в 1930 году произошли в женских отраслях. И в целом в текстильной промышленности, где женщины составляли подавляющее большинство, бастовали чаще, чем в мужских отраслях. В первом квартале 1930 года в отрасли прошло 92 забастовки (в 1929 году — 66), из них 9 были непосредственно вызваны перебоями в снабжении². Наиболее крупная забастовка, в которой участвовало 600 человек, состоялась в апреле на Телегинской ткацкой фабрике в Шуйском округе. Женщины остановили работу на полчаса: «Работой души-те, а хлеба нет». Еще одна крупная забастовка прошла в июле на джутовой фабрике в Одессе. Бастовавшие работницы пытались организовать демонстрацию и пойти с агитацией на другие предприятия. Летом 1930 года прошли массовые выступления работниц на торфоразработках Орехово-Зуевского округа с требованиями выдать мануфактуру³.

Однако производство страдало не столько от забастовок, сколько от бегства рабочих за продуктами: опозданий и прогулов, огромной текучести кадров в тщетных поисках лучших условий снабжения, «отлива» рабочих в деревню в периоды урожая.

Продовольственный кризис позволяет по-иному взглянуть на движение 25-тысячников — рабочих, которые по зову партии поехали в деревню проводить коллективизацию и «поднимать» колхозы. Отнюдь не для всех это был «идейный порыв», многими двигала надежда достать в деревне продукты. Как сообщалось в одном из донесений ОГПУ, «несмотря на недостаточность разъяснительной работы, а на некоторых предприятиях полное ее отсутствие, добровольная запись на работу в деревню дала цифры в 2—3 раза превышающие намеченную разверстку, рабочие при этом часто даже не понимали, что такое колхоз»⁴.

Наиболее частыми формами открытого проявления недовольства являлись отказы рабочих идти на праздничные демонстрации, участвовать в соцсоревнованиях, демонстративные выходы из кооперативов и из партии. Наиболее распространенной формой протеста были резкие высказывания и выступления. Конечно, не все рабочие разделяли антисоветские выпады собратьев по классу. Но даже не отражая всех настроений того времени, приводимые ниже высказывания помогают озвучить мертвую статистику архивных материалов:

«Как в колхозы стали загонять, жрать буквально нечего стало». «Скоро и картофель будет выдаваться по карточкам». «Надоела проклятая жизнь. Говорят, все для рабочих, а между тем рабочего жмут всюду, дерут с него и на займы, и на колхозы, и на пятилетку, а давать ничего не дают. Эта пятилетка загонит рабочих в гроб. Жить стало хуже, чем до революции». «Что

¹ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 655. Л. 764—770.

² ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 655. Л. 137—149, 466.

³ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 655. Л. 362, 839.

⁴ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 674. Л. 529—530.

толку, что стали работать 7 часов и зарплату повысили, когда есть нечего» (Москва и область).

«Довольно поели мяса, пора на 13 году революции и за конину приниматься. При соввласти пора отвыкать от еды». «Наши правители о нас забыли, не видят, чем питается рабочий». «Детей кормим хлебом с солью, сами едим только хлеб, какое может быть тут ударничество» (Ивановская обл.).

На стенах завода им. Маркса в Астрахани кто-то написал: «Каждый дурак может так править, как советская власть морит людей с голоду». «Да здравствует пятилетка с голодным желудком». «Нам только глаза замазывают, дескать, все для рабочих, а дают кусок хлеба и тухлую селедку. Довольно сказок. Мы видим, что лучшее отправляют за границу. Рабочим центра, как барскому лакею, дают больше, а мы, рабочие провинции — жри картошку, потому что у тебя черная кость» (Нижняя и Средняя Волга).

«Требуют производительности труда, а не взглянут, как ходят рабочие. Утром уходишь не евши, а обед в столовой дают какую-то бурду без мяса. 100 гр мяса на всю семью. Думали колхозами устранить кризис, а получилось наоборот. Жрем конину». «Какое тут ударничество, когда кишки в бильярд играют. Сначала надо дать хлеба, а потом соревноваться». На одной из железнодорожных станций на паровозах появились надписи: «СССР — страна благородная, хлеб отправляет за границу, а сама голодная». На Красноярском ремонтном заводе в паровозном цеху на стене была нарисована карикатура — рабочий с молотом, рядом скелет с косой и подпись: «Скелет — это пятилетка, которая берет рабочего за горло» (Сибирь).

«Ничего не стало. Наступает 1918 год. От недоедания отпадает охота работать». «Правительство рано ликвидировало кулаков. Колхозы — это миф, голод неизбежен». «Страна идет к гибели из-за перегибов в деревне». «Что же, и теперь, как в 1905 году, идти просить хлеба». «Все подышаем с голоду, а работать нет сил». «Не дождемся мы вашего социализма. Да и не нужен он нам. Раньше мы были сыты, а теперь ноги протянем скоро» (Ленинградская обл.).

«Мы еле держимся у станка». «Темпы, взятые партией нам не под силу. Все равно мы их не выполним». «Попы уговаривали: терпите, на том свете будет лучше, сейчас говорят: терпите, после пятилетки будет лучше». «Октября, товарищи, давно уже нет, кормят нас отбросами». «Надо бастовать, нам перестали даже деньги платить, о мануфактуре и обуви мы давно забыли. Какой тут промфинплан и ударничество, когда мы голодные и раздетые». Распространялись листовки: «План Сталина — это бред фанатика, а не революционера, недалёковидного человека, готового во имя своей славы переступить через труп народов России» (Северный Кавказ).

«Дурят наши головы пятилеткой. Говорят, потерпите немного, через пять лет все будет. До окончания пятилетки большинство рабочих погибнет от невыносимой эксплуатации и голода». «Вам хочется построить пятилетку на неблагополучии рабочих». «Пусть соревнуется, кто сыт». «Пятилетку построить в 4 года нельзя. Строить ее нужно не на костях рабочих, а так, чтобы не было головокружения от голода» (Украина)¹.

По выступлениям кадровых рабочих нельзя судить о подлинном размахе социального недовольства в городах. Забастовки составляли лишь мизерную часть «продовольственных выступлений», зарегистрированных в 1930 году. Их большую часть представляли эксцессы в очередях. Здесь вновь главными возмутителями спокойствия выступали женщины — хозяйки и домработницы. Сводки ОГПУ свидетельствуют об избиениях работников кооперативов и милиции, которая наводила порядок в магазинах. Очереди

¹ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 655, 674.

стихийно превращались в митинги и демонстрации. Крупнейшая произошла в июне 1930 года в Новороссийске. Причиной ее стал недоброкачественный хлеб и перебои в снабжении. Толпа женщин (около 350 человек), к которым затем присоединились грузчики, разгромила две хлебные лавки и направилась к зданию горсовета с криками: «Даешь хлеба и мяса!». К полудню число демонстрантов выросло до 800 человек. Толпой были избиты заместитель председателя ЦРК и два агента уголовного розыска. Шла агитация послать делегатов в красноармейские лагеря и на заводы. Обращения к железнодорожникам и рабочим цементного завода «Пролетарий» присоединиться к демонстрантам не получили поддержки. Толпа предприняла попытку пробраться к элеватору и иностранным пароходам, чтобы остановить погрузку продуктов. На глазах иностранных моряков и представителей итальянского консульства толпа избивала капитана иностранного судна. Демонстранты разошлись только к 2 часам дня, после того, как городское руководство пообещало включить представителей демонстрантов в комиссию по расследованию причин выдачи плохого хлеба и назначило экстренное заседание горсовета по вопросу снабжения¹.

Сводки ОГПУ представляют длинный список стихийных возмущений в очередях. В апреле 1930 года в Киеве полуторатысячная толпа женщин, недовольных завозом мороженого мяса, которое часто бывало испорченным, пыталась сжечь подводу. 27 мая на рабочей окраине Киева милиция устроила облаву на торговцев мясом, но толпа женщин, окружив милиционеров, дала возможность торговцам скрыться. В мае в Одессе в тысячной очереди, состоявшей в основном из женщин, появились портреты Ленина и лозунги «Дайте кушать!». Слышались крики: «Николай полетел из-за продовольствия, пора громить лавки»².

Социальная обстановка в деревне была более острой, чем в городе. Судя по статистике выступлений, крестьяне возмущались более активно, чем рабочие, и не только потому, что в период «социалистического наступления» в деревне вершился главный беспредел. Представление о государстве диктатуры пролетариата как о своем государстве, а о власти большевиков как о своей власти в сознании крестьянства было развито неизмеримо слабее, чем в сознании промышленных рабочих.

Как и в городе, в возмущении деревни женщины играли исключительную роль. В 1928 году — продовольственные трудности только начали ощущаться — толпы женщин собирались у сельсоветов и кооперативов, требуя выдать хлеб. В 1929 году из 1307 зарегистрированных в СССР «сельских» выступлений 486 были поголовно женскими и 67 с преобладанием женщин среди участников. За первое полугодие 1930 года из 8707 зарегистрированных в деревне выступлений 2800 являлись почти исключительно женскими по составу³.

Следует, однако, сказать, что ни в 1929-м, ни в 1930 году продовольственный вопрос в деревне не был главным. От недостатка продуктов крестьяне пока в массе своей не страдали. Гораздо более остро стояли другие проблемы: хлебозаготовки, религиозный вопрос, а с 1930 года — коллективи-

¹ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 674. Л. 210.

² ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 655. Л. 429, 673, 843.

³ Справка об отрицательных моментах в настроении женской части населения города и деревни (ЦА ФСБ. Оп. 8. Д. 655. Л. 883—908).

зация и раскулачивание¹. В 1929 году продовольственный кризис вызвал 31 выступление (около 2% всех зарегистрированных выступлений). В 1930 году число «продовольственных выступлений» выросло до 1220, но это составляло менее 9% в общем количестве зарегистрированных выступлений². Продовольственные требования крестьян представляли широкий спектр, начиная от возвращения к рынку («Верните кулаков, они нас накормят») и кончая готовностью принять государственный патернализм, но при условии равенства города и деревни («Заберите все и посадите на паяк, как в городе»).

Недовольство населения вызывалось не только плохим снабжением, но и неравенством в иерархии централизованного распределения. Периферия требовала «снабжать наравне с Москвой». Те, кто, работал на небольших предприятиях и неиндустриальных производствах, угрожали оставить свои рабочие места, перейти в отрасли тяжелой индустрии. Крестьяне завидовали рабочим, пользовавшимся государственным покровительством. Те, в свою очередь, злились на крестьян за высокие рыночные цены и нежелание задарма отдать государству хлеб. Росло возмущение привилегиями руководства:

«Небось у наркомов на столе белого хлеба сколько угодно, а нам по фунту сырого хлеба не хватает».

«Ясно, они проживут, потому что получают жирные оклады, а нам что делать, получаем маленькое жалование и обременены семьей»³.

Политбюро отказалось взять на себя ответственность за ухудшение продовольственной обстановки в стране. Начался поиск «козлов отпущения». ОГПУ по заказу Политбюро «раскрыло» контрреволюционную организацию «вредителей снабжения», которая якобы ставила цель «создать в стране голод и вызвать недовольство среди широких рабочих масс и этим содействовать свержению диктатуры пролетариата». Во главе организации якобы стояли профессор Рязанцев и Е.С.Каратыгин, в прошлом чиновник министерства финансов и главный редактор «Торгово-промышленной газеты». ОГПУ провело аресты в основных ведомствах, занятых снабжением населения, и расстреляло 48 человек. Сообщение о расстреле появилось в газетах 25 сентября 1930 года. Сталин подстегивал ОГПУ и лично принял решение о расстреле арестованных и публикации «показаний»⁴. Дело «вредителей снабжения» стало частью большой кампании, которую ОГПУ вело с конца 20-х годов против научно-технической интеллигенции, сваливая на нее неудачи пятилетки.

«Вредители по мясу, овощам, консервам и прочие» были расстреляны, но продовольственное положение, как того и следовало ожидать, не улучшилось. Главный виновник кризиса — форсированная индустриализация,

¹ Подробно о крестьянских выступлениях в 1930 году см.: Viola L. Peasant Rebels under Stalin. Collectivization and the Culture of Peasant Resistance. Oxford University Press, 1996. Автор рассматривает события, разворачивавшиеся в деревне в трагическом 1930 году, как гражданскую войну между государством и крестьянством, войну, в которой столкнулись две культуры. Формы крестьянского сопротивления вырастали из крестьянской культуры и национальных особенностей страны. Специальное внимание в книге уделено «бабьим бунтам».

² Viola L. Peasant Rebels under Stalin. P. 136—137.

³ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 7. Д. 599. Л. 243, 272.

⁴ Письма И.В.Сталина В.М.Молотову. 1925—1936. С. 185—186, 216—218.

повлекшая огосударствление экономики и развал рынка, набирала силу. В начале 1931 года Политбюро официально ввело всесоюзную карточную систему на основные продукты и товары, узаконив и упорядочив региональные карточные системы, уже существовавшие в стране¹.

¹ По мнению Сталина, индустриальный прагматизм должен был определять принципы всесоюзной карточной системы. Место в иерархии государственного снабжения должно было определяться близостью к индустриальному производству. Принципы социальной справедливости, членства в кооперации за ненадобностью были выброшены за борт. В конце сентября 1930 года Сталин поставил задачу:

«Сосредоточить средства снабжения рабочих в основных, решающих районах (особый список), ...взяв эти районы под особое наблюдение ЦК.

Выделить на каждом предприятии ударников и снабжать их полностью и в первую очередь как продуктами питания и мануфактурой, так и жилищами, обеспечив им все права по страхованию полностью.

Неударников разбить на две категории, на тех, которые работают на данном предприятии не меньше года, и тех, которые работают меньше года, причем первых снабжать продуктами и жилищами во вторую очередь и в полной мере, вторых — в третью очередь и по урезанной норме. Насчет страхования от болезни и т.д. повести с ними, примерно, такой разговор: ты работаешь на предприятии меньше года, ты изволишь «летать», — изволь-ка получить в случае болезни не полную зарплату, а, скажем, 2/3, а те, которые работают не меньше года, пусть получают полную зарплату. И т.д. в этом роде».

15 декабря 1930 года Политбюро приняло постановление «О рабочем снабжении», где учло основные пожелания Сталина (Письма И.В.Сталина В.М.Молотову. С. 225—227).

ЧАСТЬ 2

**НЕИЗБЕЖНОСТЬ РЫНКА
1931–35**

*«Все существо поглощено лишь
заботой что-либо достать, начиная от куска
хлеба до одежды и от коробка папирос до сапог.
На это тратишь всю силу: и свою, и семьи, а
для души осталась лишь боязнь и трусость за
будущий день».*

(Листовка, Одесса, 1931 год)

Государственное снабжение в первой половине 30-х годов определялось принципами введенной в 1931 году всесоюзной карточной системы. Рынок периода нэпа был разрушен, однако он не погиб. В годы карточной системы в рамках централизованной экономики формировалась новая система рыночных отношений и предпринимательства. Воистину: рынок умер. Да здравствует рынок! Чем объяснить живучесть рынка? Какими путями развивался он в экономике 30-х годов? Как взаимодействовали централизованное распределение и рынок в повседневной жизни первых пятилеток? Ответы на эти вопросы раскрывают историю борьбы людей за выживание.

ГЛАВА 1

ВСЕСОЮЗНАЯ КАРТОЧНАЯ СИСТЕМА — КНУТ И ПРЯНИК ИНДУСТРИАЛЬНОГО КУРСА

Кто не работает на государство, тот не ест

В январе 1931 года по решению Политбюро Наркомат снабжения СССР ввел всесоюзную карточную систему на основные продукты питания и непродовольственные товары¹. Процесс оформления нормированного снабжения, развивавшийся в стране с 1927 года по мере развала внутреннего рынка, завершился.

Стержнем карточной системы являлся крайний индустриальный прагматизм — порождение форсированного промышленного развития и острого товарного дефицита. Революционный лозунг «Кто не работает, тот не ест» получил индустриальный подтекст: «Кто не работает на индустриализацию, тот не ест». Карточки выдавались только тем, кто трудился в государственном секторе экономики (промышленные предприятия, государственные, военные организации и учреждения, совхозы), а также их иждивенцам. Вне государственной системы снабжения оказались крестьяне и лишенные политических прав («лишенцы»), составлявшие более 80% населения страны!²

¹ Постановление «О введении единой системы снабжения трудящихся по заборным книжкам в 1931 году» было принято коллегией Наркомснаба 13 января 1931 года.

² С.Коткин считает систему государственного снабжения 30-х годов с ее патернализмом и искусственно низкими ценами своеобразным воплощением народной идеи о социальной справедливости, которая, как ни парадоксально это звучит, осуществлялась силами государства, а не народа. С этим, однако, трудно согласиться, имея в виду иерархичность государственного снабжения и его недоступность 80% населения страны в период карточной системы 1931—35 годов (Kotkin S. Magnetic Mountain. P. 278).

Снабжение тех, кто получил карточки, представляло сложную иерархию групп и подгрупп и зависело от близости к индустриальному производству. По замыслу творцов, в условиях полуголодного существования карточки должны были выполнять роль кнута и пряника в индустриализации страны. Политбюро или по его поручению центральные государственные органы оценивали индустриальную важность людей и в зависимости от этого определяли условия их жизни — зарплату, нормы снабжения, ассортимент получаемых товаров, цены на них, даже магазины, где их можно было купить, и столовые, где можно было поесть¹. Избирательность и неравномерность государственного снабжения делали развитие рынка неизбежным.

«Где вы живете? На каком предприятии работаете?» — эти главные два вопроса следовало задать *рабочему или служащему*, чтобы составить представление об условиях их жизни. С начала 1931 года в стране существовало 4 списка снабжения (особый, первый, второй и третий). Их называли «списки городов», но, по сути, это были группы промышленных объектов, так как предприятия одного города могли быть отнесены к разным спискам снабжения.

Преимущества в снабжении имели особый и первый списки, куда вошли ведущие индустриальные предприятия Москвы, Ленинграда, Баку, Донбасса, Караганды, Восточной Сибири, Дальнего Востока, Урала. Жители этих промышленных центров должны были получать из фондов централизованного снабжения хлеб, муку, крупу, мясо, рыбу, масло, сахар, чай, яйца в первую очередь и по более высоким нормам. Потребители особого и первого списков составляли только 40% в числе снабжаемых, но получали львиную долю государственного снабжения — 70—80% поступавших в торговлю фондов².

Во второй и третий списки снабжения попали малые и неиндустриальные города, предприятия стекло-фарфоровой, спичечной, писчебумажной промышленности, коммунального хозяйства, хлебные заводы, мелкие предприятия текстильной промышленности, артели, типографии и пр. Они должны были получать из центральных фондов только хлеб, сахар, крупу и чай, к тому же по более низким нормам, чем жители городов особого и первого списков. Остальные продукты обеспечивались им из местных ресурсов³.

Иерархия государственного снабжения не ограничивалась делением на группы по степени индустриальной важности городов и предприятий. Внутри каждого из четырех списков существовали разные стандарты снабжения, которые зависели от производственного статуса людей. Высшую категорию в каждом из списков представляли нормы индустриальных рабо-

¹ Иерархия распределения материальных благ, конечно, не была только результатом решений Политбюро. Заинтересованные ведомства, региональные руководители участвовали в этом процессе, стараясь «выбить» для своих производств и территорий наилучшие условия. О ведомственных интересах в истории см.: Хлевнюк О.В. Сталин и Орджоникидзе. Конфликты в Политбюро в 30-е годы. М., 1993. Английский вариант: In *Stalin's Shadow*. M.E.Sharp. N.Y., 1995; Rees E.A. *Stalinism and Soviet Rail Transport. 1928—1941*. N.Y. Macmillan Press. 1995.

² Экономика советской торговли. М., 1934. С. 250.

³ Эти ресурсы складывались из местных заготовок, которые осуществлялись государственно-кооперативными органами после выполнения централизованных заготовок, имевших главный приоритет, а также из продукции мелкой местной промышленности, не имевшей союзного или республиканского значения. Порядок формирования местных ресурсов свидетельствует о их скудости.

чих (группа «А»). К их числу относились рабочие фабрично-заводских предприятий и транспорта. Нормы прочих рабочих (группа «Б») и лиц физического труда, не занятых на фабрично-заводском производстве, представляли вторую категорию снабжения. По нормам группы «Б» должны были снабжаться также кооперированные кустари, рабочие в учреждениях здравоохранения и торговли, персональные, то есть имевшие заслуги перед государством, пенсионеры, старые большевики и бывшие политкаторжане на пенсии. Третью, низшую категорию снабжения в каждом из списков представляли нормы служащих. Эти нормы распространялись также на членов семей рабочих и служащих, некооперированных кустарей, ремесленников, обычных пенсионеров, инвалидов и безработных. Дети составляли отдельную группу снабжения. Возрастной ценз — 14 лет (случайно или нет) ограничивал детскую группу только теми, кто был рожден после 1917 года (прилож., табл. 2, 3).

Сельские рабочие и служащие, которых представляли главным образом работники совхозов, находились в худших условиях по сравнению с городскими. Большинство сельских рабочих было отнесено к третьему списку снабжения. Внутри одного совхоза рабочие снабжались лучше, чем служащие, но рабочие разных совхозов имели разные нормы. Различия в снабжении между совхозами, как и в городе между предприятиями, определялись их хозяйственной значимостью. Зерновые и хлопковые совхозы имели преимущества перед остальными.

Таким образом, в системе государственного снабжения рабочие и служащие не представляли монолитных социальных групп. Положение рабочих и служащих в индустриальных центрах было лучше положения их собратьев в малых, неиндустриальных городах и в сельской местности. Даже дети, с точки зрения творцов карточной системы, были не просто дети. Они имели свою иерархию, которая повторяла неравенство снабжения их родителей. В индустриальных центрах дети получали высшие нормы и более богатый ассортимент продуктов. В малых и неиндустриальных городах дети не получали из центральных фондов ни мяса, ни рыбы, ни масла, ни яиц (прилож., табл. 3).

Границы между классически выделяемыми социальными группами, с точки зрения снабжения, становились размытыми. Только внутри одного и того же списка городов и предприятий рабочие имели преимущества перед служащими. Если же сравнивать положение рабочих и служащих разных предприятий, то на индустриальном гиганте нормы служащих были намного лучше, чем нормы рабочих небольшой текстильной фабрики или хлебозавода. Даже дети в индустриальных центрах должны были получать пайки лучше, чем рабочие и служащие в малых городах.

По мере того как страна с началом насильственной коллективизации все ближе подходила к голодной катастрофе, происходила дальнейшая стратификация снабжения. Яснее становилась та роль кнута и пряника, которую карточки играли в осуществлении индустриализации. В декабре 1932 года по решению Политбюро была выделена особая группа крупнейших предприятий¹. Их заводская администрация, а не исполкомы местных Советов, как это было ранее, выдавали карточки, определяли группы и устанавливали нормы снабжения в пределах, указанных Наркомснабом. Главная зада-

¹ Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 4 декабря 1932 года «О расширении прав заводоуправлений в деле снабжения рабочих и улучшении карточной системы» // Правда. 5 декабря 1932.

ча, которую Политбюро поставило перед директорами предприятий, — увязать снабжение с интересами производства. Пайковые нормы внутри завода должны были зависеть от значения цеха или группы людей для выполнения производственной программы. В результате появились новые градации: рабочие-ударники, рабочие-неударники, служащие-ударники, служащие-неударники, рабочие с почетными грамотами и без них, ударники производственных цехов, ударники непромышленных цехов — все они получали разные нормы. За перевыполнение плана полагалось дополнительное количество продуктов. В зависимости от выполнения производственных показателей следовало распределять ордера на одежду и обувь. Для ударников открывались специальные магазины.

Администрация предприятий была обязана провести проверку и снять со снабжения «прихлебателей» и «мертвые души», не работавшие на данном производстве. Лишение карточек становилось также наказанием для прогульщиков и «летунов». На карточке два раза в месяц, а в некоторых случаях один раз в декаду или пятидневку, ставился штамп о выходе на работу. Без этой отметки продукты не выдавались. Лишение карточек тяжело сказывалось на положении человека: оно влекло увольнение с предприятия и потерю жилья. Политбюро ужесточило и законодательство. Виновные за «разбазаривание государственных фондов снабжения» привлекались к уголовной ответственности. Так паек в руках заводской администрации превращался то в кнут, то в пряник, с помощью которых выполнялся производственный план.

С началом индустриализации и коллективизации стремительно возрастало число *подневольных рабочих ГУЛАГа* — заключенных и спецпереселенцев. Сотни тысяч крестьян, рабочих, служащих и интеллигенции оказались «за колючей проволокой». Их роль в сталинской индустриализации огромна. Рядом с вольными рабочими они трудились на всех «стройках социализма». ГУЛАГ обеспечивал рабочей силой не только лесоповал и добычу полезных ископаемых. Дешевым трудом его рабочих производились сталь и чугун, одежда и обувь, посуда и мебель. Часть продукции шла на экспорт, обеспечивая валюту для пятилеток.

Быстрый рост лагерей требовал решения вопроса о снабжении заключенных. С конца 20-х годов в общем плане Наркомторга, а затем сменившего его Наркомснаба появилась специальная графа — «ГУЛАГ». Постепенно формировались принципы снабжения лагерей и поселений. Их эволюция примечательна. Проследим ее на примере обеспечения спецпереселенцев, главным образом репрессированных крестьян, которые жили в контролируемых ОГПУ поселках при предприятиях и совхозах¹. Режим в спецпоселениях был мягче, чем в исправительно-трудовых лагерях. Однако спецпереселенцы являлись заключенными в полном смысле этого слова. Они не могли менять предписанных мест жительства и работы, подчинялись особому режиму.

Уже первые постановления определили главный принцип снабжения — нормы для спецпереселенцев должны зависеть от выполнения производственных заданий. Вначале установленные для них пайки были меньше, чем пайки вольных рабочих данного предприятия, в то время как цены — на

¹ Специально созданная комиссия СНК СССР разрабатывала общие принципы снабжения спецпереселенцев. Конкретизацией решений этой комиссии и практической реализацией постановлений занимался Наркомторг/Наркомснаб СССР.

15% выше существовавших розничных цен¹. Однако по мере разрастания ГУЛАГа и роста его значения для индустриализации Политбюро вносило коррективы, все более сближая положение заключенных и вольных рабочих. В мае 1930 года постановления СТО и СНК СССР уравнили паек спецпереселенцев с пайком вольных рабочих предприятий, на которых они работали. Предписывалось обеспечивать спецпереселенцев одеждой и обувью в размерах, необходимых для выполнения заданий. Однако зарплата спецпереселенцев должна была быть на 20—25% меньше зарплаты вольных рабочих. На заключенных не распространялись законы о социальном страховании рабочих, но им должна была обеспечиваться минимальная медицинская помощь².

Индустриализация набирала ход, вместе с ней рос и ГУЛАГ. Важность заключенных для выполнения пятилеток предопределила дальнейшую эволюцию принципов их снабжения. Постановления 1931—33 годов все более рассматривали спецпереселенцев не как наказуемых, а как важную рабочую силу на стройках социализма. Постепенно на них были распространены принципы рабочего снабжения и государственного патернализма. Постановления подтверждали, что спецпереселенцы, наряду с вольными рабочими, должны получать нормы, установленные для предприятий, новостроек, совхозов, лесоразработок, в распоряжении которых они находились, а члены их семей — нормы членов семей рабочих. В результате иерархия снабжения спецпереселенцев, как и вольных рабочих, стала определяться не только выполнением производственных заданий, но и индустриальной важностью предприятий, на которых они работали. Был пересмотрен вопрос о ценах и зарплате. Продажа товаров спецпереселенцам должна была производиться по ценам, действующим в пунктах поселения. Их зарплата уравнивалась с зарплатой вольных рабочих данного предприятия. Равными должны были быть и жилищные условия, и медицинское обслуживание. Появились постановления о санитарном и культурно-бытовом обслуживании спецпереселенцев³.

В результате к концу первой пятилетки различий между вольными рабочими и спецпереселенцами, с точки зрения принципов государственного снабжения, изложенных в постановлениях, не существовало. Более того, индустриальный прагматизм приводил к тому, что нормы спецпереселенцев, работавших на крупнейших промышленных объектах, например, Магнитке или Кузбассе, превышали нормы вольных рабочих и служащих типографии или небольшого предприятия.

¹ Постановление СНК СССР от 3 февраля 1930 года, п. 7. Во исполнение решения СНК Наркомат внутренней и внешней торговли СССР 18 февраля 1930 года принял постановление «О порядке снабжения продовольствием и промтоварами кулацких хозяйств в связи с выполнением ими твердых производственных заданий» (РГАЭ. Ф. 8043. Оп. 11. Д. 7. Л. 131).

² Постановление комиссии СНК по вопросу об устройстве выселенных кулаков от 6 мая 1930 года. Приложение к протоколу заседания СТО от 26 мая 1930 года (РГАЭ. Ф. 8043. Оп. 11. Д. 1. Л. 61, 63, 68—72, 80, 119).

³ Постановление Наркомснаба от 27 мая 1931 года «О снабжении вновь переселяемых кулацких хозяйств». Постановление СНК от 1 июля 1931 года «Об устройстве спецпереселенцев», п. 5. Постановление СНК от 16 августа 1931 года «О спецпереселенцах». Постановление Наркомснаба от 31 августа 1931 года «О порядке снабжения детей спецпереселенцев» (РГАЭ. Ф. 8043. Оп. 11. Д. 18. Л. 141, 203; Д. 31. Л. 40, 92, 97, 137; Д. 38. Л. 164).

Снабжение заключенных в лагерях, в соответствии с постановлениями, должно было подчиняться тому же главному принципу, что и снабжение спецпереселенцев — продукты выдаются только при выполнении задания, больше получают те, кто лучше работает. Принципы государственного снабжения в очередной раз подтверждали условность деления общества на «свободных» и «заключенных».

Индустриальный прагматизм определял и *снабжение интеллигенции*. Понятие интеллигенции включало многие профессии: инженерно-технический персонал на предприятиях и в учреждениях (техническая интеллигенция), ученых, преподавателей вузов, учителей, врачей, юристов, агрономов (научная интеллигенция), артистов, художников, музыкантов и прочих (творческая интеллигенция). Индустриализация нуждалась в работниках интеллектуального труда. Одновременно с созданием «своей» рабоче-крестьянской интеллигенции власть стремилась использовать и специалистов, получивших образование до революции. По мере того как индустриализация набирала ход, «старую» интеллигенцию перестали третируют как «буржуазную» и враждебную режиму. В начале 30-х годов власть предложила ей хлеб в обмен на знания и профессионализм, необходимые для индустриализации¹.

В соответствии с январским 1931 года постановлением коллегии Наркомснаба, снабжение интеллигенции должно было определяться не ее классовой, «буржуазной» или «пролетарской», принадлежностью, а близостью к промышленному производству. Инженерно-технический персонал на предприятиях, научные работники в лабораториях на производстве, преподаватели школ фабрично-заводского ученичества (ФЗУ), врачи, обслуживавшие предприятия, должны были снабжаться по высшему официальному стандарту — нормам индустриальных рабочих того списка, к которому относился данный город или предприятие, а также пользоваться всеми социальными льготами индустриальных рабочих. Вторую группу интеллигенции составили преподаватели индустриальных вузов и техникумов, которые хотя сами непосредственно и не работали на производстве, но готовили для него кадры. Они получили нормы рабочих группы «Б» того списка, к которому относился город их проживания. В низшую группу снабжения, получившую нормы служащих данного города, Наркомснаб определил преподавателей неиндустриальных вузов и техникумов, а также так называемых «лиц свободных профессий» (частнопрактикующие врачи, художники, скульпторы, адвокаты, преподаватели частных уроков и пр.) и их иждивенцев.

Весной 1931 года научная элита — 10 тыс. человек (около 40% научных работников страны) стала снабжаться по нормам индустриальных рабочих

¹ Об изменении в начале 30-х годов отношения власти к «буржуазной» интеллигенции писала Шейла Фицпатрик. Она связывает эти изменения с концом культурной революции, которую датирует периодом с лета 1928 до июня 1931 года. Культурная революция, по ее мнению, являлась выражением классовой борьбы за создание рабочей интеллигенции и продвижения ее на высшие посты в системе образования и управления хозяйством. Такой подход отличается от позиции большинства исследователей, которые связывают репрессии против интеллигенции конца 20-х — начала 30-х годов с поиском виновных в неудачах первой пятилетки (Fitzpatrick S. *The Cultural Front. Power and Culture in Revolutionary Russia*. Cornell University Press, 1992. Ch. 6. *Cultural Revolution as Class War*. P. 115—148).

особого и первого списков¹. В эту группу интеллигенции вошли академики, профессора, доценты вузов, старшие научные работники НИИ. Серией постановлений 1929—33 годов научная элита была приравнена к индустриальным рабочим в правах на жилье, медико-санитарную помощь, образование и пр.²

Сельская интеллигенция получила худшее снабжение по сравнению с городской. Врачи, «просвещенцы села» — учителя, агрономы, счетоводы и другие, если они работали при колхозах и совхозах, должны были снабжаться из их ресурсов по нормам неиндустриальных рабочих (группа «Б») второго списка предприятий. В местностях, где не было колхозов, государство брало на себя обязательство снабжать интеллигенцию хлебом, крупой и сахаром по нормам рабочих третьего списка, самым низким в то время. Снабжение промтоварами должно было осуществляться по нормам рабочих данной местности.

Принцип «чем ближе к производству, тем лучше снабжение» действовал и для студентов. Учащиеся ФЗУ, которые сочетали работу на предприятии с учебой, получили нормы индустриальных рабочих. Студенты индустриальных вузов — будущие инженеры и техники на производстве — нормы прочих рабочих; студенты неиндустриальных вузов — нормы служащих.

Связь индустриализации страны с милитаризацией не вызывает сомнений³. Создание тяжелой промышленности имело одной из своих главных целей перевооружение военных сил. Страна готовилась к войне, и это определяло особую заботу руководства страны об армии. Кроме того, армия была призвана служить опорой режиму. От нее ожидали не только лояльности, но и активного участия во внутренних преобразованиях. *«Военные потребители»* поэтому составляли особую группу в государственном снабжении. Политбюро и здесь руководствовалось соображениями прагматизма.

Личный состав армии и флота получал красноармейский паек, который существовал и до введения карточной системы. Он был лучше по ассортименту и при этом дешевле пайка индустриальных рабочих, имел более высокую калорийность⁴. Паек должен был не только укрепить боеспособность красноармейцев, но и привлечь новые силы в армейские ряды. Красноармейский паек выдавался также студентам и преподавателям военизированных институтов, учащимся школ и курсов милиции. Несмотря на

¹ Этот порядок был введен постановлением СТО от 3 мая 1931 года. Распоряжения Наркомснаба от 30 мая и 25 июня 1931 года уточнили категории работников, на которых распространялось постановление СТО (ГАРФ. Ф. 4737. Оп. 1. Д. 326. Л. 17. Д. 344. Л. 9, 29).

² Постановление СНК СССР «О медико-санаторной помощи научным работникам СССР» от 10 сентября 1932 года. Постановление ЦИК и СНК СССР «Об улучшении жилищных условий научных работников» от 27 марта 1933 года и другие.

³ По мнению Н.С.Симонова, постановление Политбюро «О состоянии обороны страны» от 15 июля 1929 года определило приоритеты первого пятилетнего плана развития народного хозяйства. Главная задача, которую ставило это постановление, заключалась в коренной технической реконструкции армии, авиации и флота (Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс в СССР. С. 70).

⁴ В 1930 году по красноармейскому пайку в сутки полагалось: 1 кг хлеба, 150 гр крупы, 700 гр овощей, 250 гр мяса, 50 гр жиров, 35 гр сахара. В период военных лагерей и маневров дополнительно полагалось ежедневно 100 гр белого хлеба и по 200 гр сахара, кондитерских изделий и рыбы. Стоимость красноармейского пайка по кооперативным ценам составляла 17 руб. 14 коп., но Военно-хозяйственное управление отпускало его по цене 12 руб. 45 коп. В это же время стоимость рабочего пайка была 13 руб. 97 коп. (РГАЭ. Ф. 8043. Оп. 11. Д. 26. Л. 24; Д. 31. Л. 78).

острейший продовольственный кризис, нормы красноармейского пайка, за исключением мясных¹, оставались стабильными на всем протяжении карточной системы, в то время как нормы снабжения гражданского населения, в том числе и индустриальных рабочих, Наркомснаб постоянно уменьшал.

В соответствии с постановлениями 1931 года, начальствующий и командный состав армии и флота должен был снабжаться по нормам индустриальных рабочих особого списка через специальные закрытые распределители и кооперативы². На периоды военных сборов полагалось добавочное снабжение. Военные имели специальные санаторные и госпитальные пайки (до 1933 года существовало 10 норм военно-лечебных заведений и санаториев). Более высокими были для военных и нормы в общепите. Любая попытка снизить нормы снабжения военных встречала бешеное сопротивление со стороны наркомвоенмора К.Е.Ворошилова. Так, в 1930 году Наркомторг пытался перевести закрытые столовые начальствующего состава РККА в Москве с ежедневных мясных обедов на 15 мясных и 15 рыбных дней в месяц, а также снизить мясную норму в общепите до 150 гр в день. Но Ворошилов отстоял привилегии военных³.

Прагматизм виден и в снабжении ОГПУ. Репрессии становились одним из основных методов управления обществом — не только войска, но и сотрудники ОГПУ получили красноармейский паек, а начальствующий состав войск ОГПУ — нормы индустриальных рабочих особого списка.

К военным потребителям относилась и милиция. Снабжение работников милиции и уголовного розыска проводилось по нормам рабочих того списка, к которому относился город, где они работали. Сельская милиция находилась в наихудшем положении. Она получила наиболее низкие в то время нормы рабочих третьего списка (позже была переведена во второй список).

Относительная стабильность и надежность снабжения «военных потребителей» обеспечивались специальными военными складами, созданием резервов, первоочередными поставками государственных и кооперативных организаций, выделением дополнительных фондов снабжения. В случае перебоев в снабжении военные имели право «заимствовать» товары из общегражданских фондов. Военные ведомства покупали продукцию государственных и кооперативных организаций по льготным ценам.

¹ Армия, как и все общество, испытала последствия коллективизации и массового убоя скота в деревне. В конце 1932 года суточная норма мяса в красноармейском пайке была снижена с 250 до 200 гр, а в 1933 году — до 175 гр. Однако по сравнению с другими группами населения мясные нормы для армии оставались высокими — 4–5 кг в месяц. Приказом А.И.Микояна было запрещено отпускать на снабжение «военных потребителей» второстепенные виды мяса — конину, верблюжину, зайчатину, мясо диких животных, т.к. «это могло вызвать нездоровые настроения среди красноармейцев». В то же самое время другим «централизованным потребителям» Микоян разрешил выдавать даже продукты переработки скота (сбои) (РГАЭ. Ф. 8043. Оп. 1. Д. 117. Л. 236).

² Постановление Наркомснаба СССР от 10 июля 1931 года «О нормах снабжения начсостава РККА, войск ОГПУ и конвойной стражи СССР». Постановление СНК СССР от 27 июля 1931 года «Об улучшении материально-бытового положения начсостава РККА». Постановление СНК СССР от 14 декабря 1931 года «О довольствии РККА и остальных потребителей, проходящих по графе «военные потребители» (РГАЭ. Ф. 8043. Оп. 11. Д. 18. Л. 13, 152, 166, 169; Д. 31. Л. 78).

³ РГАЭ. Ф. 8043. Оп. 11. Д. 14. Л. 8.

Помимо особого положения в системе снабжения военные имели налоговые и жилищные льготы, льготы в здравоохранении, образовании, выплате денежных пособий, в санаторно-курортном лечении и другие¹.

Партийные, советские, профсоюзные руководители всех рангов и мастей, являясь проводниками политики Политбюро, составляли еще одну группу на государственном обеспечении. Индустриальный прагматизм государственного снабжения проявился и здесь. Согласно январскому 1931 года постановлению Наркомснаба, те руководители, которые работали на производстве, получали нормы индустриальных рабочих особого списка, если до выдвижения на эти должности они снабжались по нормам индустриальных рабочих. Если же до выдвижения они снабжались по нормам неиндустриальных рабочих (группа «Б»), то сохраняли их и на руководящей работе. В конце 1931 года нормы индустриальных рабочих первого списка получили районные партийные руководители². Контингент снабжаемых был установлен из расчета 20 работников на район. Так появились специальные «закрытые распределители двадцатки». В наихудшем положении находился сельский актив. Как и сельские специалисты, секретари и председатели сельсоветов должны были снабжаться из местных скудных ресурсов.

Лишенные избирательных прав, или «*лишенцы*», относились к «забытым» властью группам населения, которых Политбюро отказалось снабжать из государственных фондов³. Лишенцами стали представители бывших привилегированных классов России и недавние нэпманы. Последним вменялось в вину то, что их деятельность не составляла «общественно-полезного труда». Даже переход на работу в государственный сектор экономики не позволял им сразу получить карточки. После «смены нетрудового занятия на трудовое» следовало работать как минимум год, чтобы получить их. В семьях лишенцев по карточкам обеспечивались только дети. В системе государственного снабжения положение лишенцев, таким образом, было хуже положения спецпереселенцев, которые трудились на индустриальных объектах: первые не получили пайка, вторые же постепенно были уравнены в правах на снабжение с вольными рабочими⁴.

Крестьяне — порядка 80% населения страны — также не получили карточек. Однако Политбюро не могло просто «забыть» о крестьянстве, как это сделало с лишенцами. Прагматизм сыграл свою роль и здесь: промышленность нуждалась в сырье, рабочие и армия — в продовольствии. Не отказываясь в принципе снабжать крестьян, Политбюро задумывало государственное снабжение деревни как дополнение к самообеспечению крестьян. Предполагалось, что единоличники будут кормиться за счет своего хозяйства. Для колхозников главным источником снабжения становились колхозные фонды. Раз в году, осенью, после сдачи продукции государству и

¹ Законодательство об обороне СССР. М., 1939. С. 94—196, 231—244.

² Постановление Наркомснаба СССР от 28 ноября 1931 года «О продовольственном снабжении районных руководящих работников». Постановление СНК СССР от 5 декабря 1931 года «О продовольственном снабжении и лечебной помощи районным руководящим работникам» (РГАЭ. Ф. 8043. Оп. 11. Д. 18. Л. 34—36; Д. 31. Л. 4).

³ В 1932 году лишенные избирательных прав составляли порядка 5% населения страны.

⁴ Весной 1932 года Политбюро разрешило лишенцам вступать в потребкооперацию. Однако покупать продукты и товары в кооперативах они могли в последнюю очередь, только после того, как потребности других членов кооператива были удовлетворены.

создания семенных фондов колхозы распределяли между колхозниками оставшуюся часть урожая и полученные от государства деньги. Из государственных фондов в деревню должно было направляться главным образом то, что крестьяне не производили сами.

Всесоюзная карточная система не устанавливала ни норм, ни ассортимента, ни контингентов для снабжения крестьянства, как это было сделано для населения, получившего карточки. Поступление товаров из государственных фондов в деревню находилось в зависимости от выполнения крестьянами планов заготовок. Сдаешь продукцию государству — имеешь право что-то получить от него, не сдаешь — ничего и не получишь. Хотя численность населения районов и принималась во внимание при определении размеров снабжения, она не играла определяющей роли. Больше товаров поступало не в те районы, где население было больше, а в те, которые перевыполнили план. Провалившие план заготовок не получали товары из государственных фондов. В системе централизованного распределения снабжение легко превращалось в орудие наказания.

Для снабжения крестьян правительство бронировало специальные товарные фонды по отдельным видам заготовок: промтовары для сдатчиков хлеба, хлеб для сдатчиков технического сырья и т.п. За сданную государству продукцию крестьяне получали деньги и квитанции на право купить товары и продукты. При этом крестьянину разрешалось купить только ограниченное количество. Например, в 1930—31 году за проданную государству тонну табака крестьянин мог купить от 300 до 700 кг хлеба из государственных фондов.

Неравенство крестьян, по сравнению с работавшими в государственном секторе, состояло не только в неопределенности, зыбкости государственного снабжения, но и в дороговизне. Сдавая свою продукцию государству по низким заготовительным ценам, крестьяне покупали государственные товары по высоким коммерческим ценам, в несколько раз превышавшим цены карточного снабжения в городе. Для примера, в начале 30-х годов за сданный пуд хлеба крестьянин мог получить промтоваров на 30—40 коп. Это значит, что за яловые сапоги, которые по сельскому фонду стоили 40 руб., он должен был продать государству ни много—ни мало 100 пудов хлеба!¹

Государственное снабжение зависело также от социального статуса крестьянина и призвано было подстегивать коллективизацию. В первую очередь получали товары колхозники, затем отоваривались единоличники. Запрещалось продавать дефицитные товары кулакам. Они вообще могли покупать товары только при полном выполнении своих обязательств по сдаче продукции государству. Разными были и нормы отоваривания. Так, в 1931 году колхозник мог купить товаров на 30—40% суммы, полученной им за сданные государству хлеб, мясо, шерсть, и т.д. Норма отоваривания единоличников была меньше — 25—30%².

Анализ принципов, заложенных во всесоюзной карточной системе, показывает, что стратификация государственного снабжения не совпадала с официальной классовой структурой советского общества. Внутри хрестоматийно выделяемых классов и групп — рабочие, служащие, интеллигенция, военные — существовали страты, для которых Политбюро определило раз-

¹ РГАЭ. Ф. 8043. Оп. 1. Д. 7. Л. 49; Оп. 1в. Д. 1. Л. 35; Оп. 11. Д. 38. Л. 137.

² РГАЭ. Ф. 8043. Оп. 1. Д. 7. Л. 49; Оп. 1в. Д. 1. Л. 35; Оп. 11. Д. 38. Л. 137.

ные условия снабжения. Образно говоря, в снабжении лезвие стратификации проходило не между классами, а внутри их, рассекая классы на множество групп. Эти группы затем перемешивались государственными декретами и постановлениями и объединялись, по принципу «нужен — не нужен», «очень нужен — не очень нужен», в новые страты.

Классовой, вертикальной, стратификации общества с точки зрения снабжения, таким образом, не существовало. Складывалась горизонтальная иерархия. В одной группе снабжения объединялись индустриальные рабочие ведущих промышленных предприятий и строек, инженерно-технический персонал, врачи и учителя, партийные и советские лидеры, работавшие на индустриальном производстве, учащиеся фабрично-заводских училищ, профессора, начальствующий и командный состав армии, флота и ОГПУ. Всем им были назначены нормы индустриальных рабочих особого списка. В другую группу снабжения постановлениями были объединены служащие, преподаватели и студенты неиндустриальных вузов, члены семей рабочих, которые должны были получать нормы служащих. В наиболее низкой группе снабжения вместе с рабочими совхозов и мелких предприятий оказались и спецпереселенцы на лесоразработках и сельхозработах, сельские учителя, врачи, агрономы и прочая сельская интеллигенция, а также сельская милиция.

Индустриальный прагматизм формировал не только своеобразную социальную, но и географическую иерархию. Горожане получили преимущества перед сельским населением, а население крупных индустриальных городов — перед жителями малых и неиндустриальных городов.

Мировой опыт свидетельствует, что многие государства прибегали к регламентации снабжения главным образом в периоды войн. Именно войны создавали к этому два необходимых условия: острый дефицит товаров и усиление централизации. Однако при всем многообразии систем государственного регулирования снабжения, сталинская остается уникальной. За редким исключением, государственная регламентация снабжения в других странах не сопровождалась уничтожением частного сектора в экономике. Система распределения товаров 1931—35 годов уникальна еще и попыткой создать крайне стратифицированную систему снабжения. Даже карточная система, существовавшая в СССР в период второй мировой войны, уступала в этом карточной системе первых пятилеток. И, наконец, по принципам, на которых строилось государственное регламентирование снабжения, сталинская система являлась крайне прагматичной. В ней почти отсутствуют принципы социальной справедливости и в гипертрофированном виде выражены принципы государственной выгоды.

Сравнивая мировые системы государственного регулирования снабжения, приходишь к выводу, что сталинское руководство разрабатывало свою, руководствуясь законами военного времени¹, а советское общество в мирные 30-е годы жило в условиях, которые некоторые нации не испытали даже в периоды мировых войн².

¹ С начала 30-х годов экономика СССР уже во многом работала как военная экономика. Шло производство вооружения, практически на каждом предприятии параллельно с гражданской продукцией выпускалась и военная, использовались военные методы мобилизации ресурсов и др.

² Подробно о мировом опыте государственного регулирования снабжения читай очерк в приложении.

Спецснабжение: «Государство — это я»

Индустриальный прагматизм не был единственным принципом централизованного распределения в период карточной системы 1931—35 годов. Принадлежность к власти также играла огромную роль в системе государственного снабжения.

Согласно опубликованным постановлениям, в стране не существовало норм выше норм индустриальных рабочих и красноармейского пайка. Если Политбюро хотело подчеркнуть особое положение той или иной социальной группы, оно уравнивало ее в правах с индустриальными рабочими. Даже высшая партийная, советская, военная и интеллектуальная элита официально по нормам снабжения и другим социальным бенефитам была приравнена к классу-гегемону. Действительность, конечно, расходилась с постановлениями. Печать не афишировала этого факта, но в стране существовало спецснабжение. Оформление спецснабжения проходило по мере углубления продовольственного кризиса — Политбюро стремилось защитить права элиты.

Спецснабжение высшей партийной, советской, военной, интеллектуальной номенклатуры составляло важную часть их привилегий, которые зародились вместе с Октябрем и развивались по мере укрепления советского государства¹. Сила номенклатуры зависела от силы государства: огосударствление экономики, проведенное на рубеже 20—30-х годов, умножало ее привилегии. По словам известного в период нэпа экономиста Е.А.Преображенского, страна на рубеже 20—30-х годов проходила период «первоначального социалистического накопления». Номенклатура в 30-е годы проходила, по выражению современного экономиста Егора Гайдара, период «первичного наедания»². Отгремели войны и революции, власть была захвачена и удержана в боях. В условиях мирного времени мещанский дух прорывал оболочку революционного пуританства и идейной сознательности. Шел не только процесс перерождения пришедших к власти революционеров, но и формировалась новая молодая номенклатура. Ее составили люди без глубоких идейных убеждений. Они усвоили официальную риторику и выполняли необходимые ритуалы, поскольку это был путь к личному успеху и материально обеспеченной жизни.

Представляя государство, *высшая партийная и советская номенклатура* назначила себе лучшее в стране спецснабжение³. История подтвердила

¹ О становлении и развитии системы привилегий партийной, советской, военной и интеллектуальной номенклатуры см.: Matthews M. *Privilege in the Soviet Union. A Study of Elite Life-Styles under Communism*. London: George Allen & Unwin. 1978. На русском языке сокращенный текст первой главы этой книги был опубликован в: *Вопросы истории*. 1992. № 2—3. Мэтьюз считает, что система привилегий советской элиты появилась уже в первые месяцы после Октября. Другой историк, С.А.Павлюченков, оспаривает эту точку зрения. По его мнению, советская элита «начинала свою государственную карьеру» очень скромно. Эра спецраспределения, по его мнению, была открыта в мае 1919 года постановлением Оргбюро ЦК. Спецраспределение включало специальный совнаркомовский паек, индивидуальные выдачи из продовольственного отдела ВЦИК, особые столовые (Павлюченков С.А. *Военный коммунизм в России*. С. 246).

² Гайдар Е. *Государство и эволюция*. М., 1995. С. 113.

³ Французский историк Тамара Кондратьева провела интересное исследование, относящееся к российской истории XVII века. Она обратила внимание на ритуальное значение царской и патриаршей подачи как знака, демонстрирующего власть. Ее

слова Маркса: «Бюрократия имеет в своем обладании государство... Это есть ее частная собственность». «Новый класс», как назвал его Милован Джилас, мог повторить вслед за Людовиком XIV: «Государство — это я».

Высший уровень государственного снабжения представляли распределители руководящих работников центральных учреждений, которые выдавали лучший в стране паек литеры «А». Через распределители руководящих работников обеспечивались секретари ЦК ВКП(б) и ЦК ВЛКСМ, председатели и их замы ЦИК СССР и России, СНК СССР и РСФСР, ВЦСПС, Центросоюза, Госплана СССР и РСФСР, Госбанка, наркомы и их замы союзных и российских наркоматов, а также семьи всех перечисленных. Спецснабжение литеры «А» предназначалось также для советского дипломатического корпуса и ветеранов революции, живших в Москве.

Рангом ниже в иерархии спецснабжения стояли распределители ответственных работников центральных учреждений, которые выдавали паек литеры «Б». Они обслуживали вышеперечисленные центральные союзные и российские организации (ЦК ВКП(б) и ВЛКСМ, ЦИК СССР и России, СНК СССР и РСФСР, ВЦСПС, союзные и российские наркоматы, Центросоюз, Госплан СССР и РСФСР, Госбанк, Прокуратуру СССР и другие), но контингент снабжаемых был ниже. Он включал начальников объединений, управлений, секторов, отделений и их замов, руководителей групп и их помощников, а также управляющих и их замов всесоюзных и республиканских трестов, заведующих редакциями центральных газет и других. Через распределители ответственных работников, но несколько хуже, обеспечивались также специалисты, работавшие в центральных учреждениях: экономисты, референты, инженеры, агрономы, бухгалтеры, выдвиженцы из рабочих. В 1932 году к распределителям ответственных работников были прикреплены ранее снабжавшиеся по нормам индустриальных рабочих персональные пенсионеры, краснознаменцы, политкаторжане. Нормы в распределителях ответственных работников были скромнее распределителей руководящих работников, но выше норм индустриальных рабочих¹.

Одежду и обувь номенклатура шила на заказ в специальных мастерских, хотя возможности здесь были не безграничны. В зависимости от статуса во внутренней иерархии, выдавались ордера на пошив, которые определяли количество разрешенных заказов.

Документы свидетельствуют, что спецснабжение полагалось центральной союзной и высшей российской номенклатуре. Распоряжений Центра, санкционировавших республиканское спецснабжение, я не нашла, как не нашла и постановлений, запрещающих его. Не вызывает сомнения, однако, что на практике система привилегий, аналогичная союзной и российской, была скопирована в республиках для руководящих организаций республи-

выводы, касающиеся представлений о власти и практики ее осуществления, показывают, что генезис государства и его природа тесно связаны не с правовыми гражданскими и торгово-промышленными функциями власти, а с религиозно-кормленческой функцией (Kondratieva T. *De la Fonction Nourriciere du Pouvoir Autocratique au XVII Siecle // De Russie et d'ailleurs. Feux Croises sur l'Histoire.* Paris, IES. 1995. P. 255—268). Продолжая свое исследование, Кондратьева готовит рукопись, в которой анализирует возобновление кормленческой функции в советское время. Для этого, в частности, она исследует принципы продовольственного и товарного снабжения высшей советской номенклатуры.

¹ Списки должностей руководящих и ответственных работников, получавших пайки литеры «А» и «Б» в 1932 и 1935 годах, см.: РГАЭ. Ф. 8043. Оп. 1. Д. 5. Л. 213; ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 16а. Д. 343. Л. 4—5.

канского значения. Периодически, в основном на юбилеи, Центр выделял от щедрот своих республиканской номенклатуре, чтобы та, по словам одного документа, «приоделась и подкормилась». Областные, краевые, районные, городские партийные и советские лидеры, за исключением Москвы и Ленинграда, не получили официального разрешения на спецснабжение.

Высшие политические бюрократы не могли существовать без профессиональной помощи и поддержки других категорий бюрократов и, следовательно, должны были делиться частью привилегий. Кроме партийной и советской номенклатуры спецснабжение в стране имела высшая военная, научная и творческая элита. Получая спецснабжение вместе с должностями, она становилась частью правящей номенклатуры.

В состав *военной элиты*, пользовавшейся спецснабжением, вошли высшие чиновники Наркомата обороны, ОГПУ/НКВД¹ и других военных организаций союзного значения. К военной элите относился также высший командный состав — командующие округов, армий, корпусов. Помимо особого продовольственного снабжения, в пользовании военной элиты были специальные закрытые столовые, мастерские для индивидуального пошива обуви и одежды, специальные квартиры. В соответствии с военной иерархией у них были и наивысшие среди военных оклады.

В число привилегированных входила и *интеллектуальная номенклатура*. Ее становление имеет любопытную историю². Советская власть начала с того, что отменила все ученые звания и степени, существовавшие в дореволюционной России, приступив к созданию «своей интеллигенции на службе у государства» и новой иерархии среди интеллектуалов. Первый шаг в этом направлении сделала Центральная комиссия по улучшению быта ученых (ЦЕКУБУ) — правительственная организация, созданная в конце 1921 года при СНК Советской республики³. По словам писем, приходивших из местных университетов, в то время «люди науки вымирали пачками», «преподаватели сидели без куска хлеба, а некоторые питались исключительно сборкой и скупкой картофельной шелухи»⁴. ЦЕКУБУ должна была помочь ученым выжить.

ЦЕКУБУ создавалась по принципу элитарной, а не профсоюзной организации. На ее обеспечение было принято 8000 человек с семьями — наиболее ценные специалисты всех отраслей знания и искусства. Списки ученых составлялись на местах и рассматривались экспертной комиссией ЦЕКУБУ, после чего утверждались правительством. Членство в ЦЕКУБУ давало бесплатный академический паек дополнительно к основному пайку, который получала интеллигенция в период «военного коммунизма». Академический паек был в 1,5—2 раза больше пайка «рабочего ударного пред-

¹ По воспоминаниям И. Чекалина (писал под псевдонимом А. Ф. Алмазов), который 18 лет был офицером пограничной охраны НКВД в Белоруссии, заметное улучшение в материальном положении среди служащих началось с должностей начальника отдела и его помощников в областных и республиканских управлениях НКВД, начальников отделений в центральном аппарате НКВД или командира полка и его помощников в войсках НКВД (Hoover Institution Archives. Коллекция Б. Николаевского).

² В основе этой истории лежит анализ документов из фондов ЦЕКУБУ/КСУ (ГАРФ. Ф. 4737).

³ Петроградское КУБУ и Московское КУБУ были созданы ранее — в 1920 году.

⁴ ГАРФ. Ф. 4737. Оп. 1. Д. 11. Л. 42. Д. 15. Л. 37—38.

приятия»¹. Кроме того, ЦЕКУБУ выдавала «списочным ученым» небольшое денежное обеспечение и премии за лучшие научные труды, а также, что более существенно, чем обесцененные деньги, дрова, белье, обувь, платье, бумагу, карандаши, чернила, электрические лампочки. В условиях разрухи и голода это были бесценные дары. С развитием ЦЕКУБУ система благ и льгот расширилась².

Внутри интеллектуальной элиты, попавшей в списки ЦЕКУБУ, формировалась внутренняя иерархия. Поскольку старые звания и регалии не действовали, а новые еще не были созданы, единственным мерилем значимости ученого служили его научные труды. Иерархия снабжения определялась научной значимостью ученого. Этот принцип действовал порой независимо от службы на государство. Ученые и деятели искусства могли получать блага, просто работая дома и даже находясь за границей.

По мере развития ЦЕКУБУ становилась все более элитарной организацией. С 1923 года, после отмены академического пайка, на обеспечении ЦЕКУБУ осталась только высшая группа ученых союзного и мирового значения. Им выплачивалось денежное академическое обеспечение. В распределении благ все более учитывалась работа на государство и лояльность к власти. Списки ученых на содержании ЦЕКУБУ регулярно пересматривались. В них в первую очередь попадали не ученые с дореволюционными заслугами, а те, кто активно работал на советское государство в данный момент. Из списков исключались те, кто был связан в работе с частными учреждениями, ученые богословы и «служители культов», арестованные за антисоветскую деятельность, высланные за границу или те, кто жил за границей постоянно. В октябре 1928 года из списков ученых ЦЕКУБУ были вычеркнуты имена Н.А.Бердяева, Р.Ю. и Б.Р.Випперов, А.А.Кизеветтера, К.А.Сомова и многих других³. И позже репрессии и аресты вели к пересмотру списков ученых, пользовавшихся привилегиями в обществе. Получая хлеб от государства, следовало быть лояльным к нему и работать на него. Отношение руководства ЦЕКУБУ к фальсифицированным судеб-

¹ ГАРФ. Ф. 4737. Оп. 1. Д. 7. Л. 56.

² Ученые, состоявшие в списках ЦЕКУБУ, были уравнены в жилищных правах с рабочими. Это означало право на дополнительную комнату, а также то, что домоуправление не могло выселить семьи ученых или подселить к ним жильцов, «уплотнить», без согласия организаций, в которых ученые работали. ЦЕКУБУ выдавала «охранные грамоты» на жилье, защищала права ученых в суде, ходатайствовала об улучшении их жилищных условий перед правительством. Ученые ЦЕКУБУ получили льготы в системе образования, равные правам рабочих. Их дети, как и рабфаковцы, зачислялись в вузы бесплатно, для них бронировались места. ЦЕКУБУ оплачивала командировки, выпуску иностранной литературы, академические и персональные пенсии. Государство передало в управление ЦЕКУБУ особняки для организации домов отдыха и санаториев на курортах. Ученые, состоявшие в списках ЦЕКУБУ, имели оплачиваемый двухмесячный отпуск. В распоряжении ЦЕКУБУ была своя поликлиника, дома престарелых и Дома ученых (Дома культуры), торговые кооперативы с магазинами, свои загородные хозяйства и фермы.

³ Бердяев Н.А. (1874—1948) — русский философ, в 1922 году был выслан за границу. Виппер Р.Ю. (1859—1954) — русский советский историк. Виппер Б.Р. (1888—1967) — искусствовед. В 1924 году отец и сын Випперы эмигрировали в буржуазную Латвию. Вернулись в Москву в 1941 году. Кизеветтер А.А. (1866—1933) — русский историк, деятель кадетской партии. В 1922 году был выслан из СССР. Сомов К.А. (1869—1939) — русский живописец и график, один из основателей журнала «Мир искусства». В 1923 году уехал из СССР и с 1925 года жил в Париже.

ным процессам против интеллигенции было предсказуемо — оно осудило «кучку предателей». За предоставляемые блага от интеллектуальной элиты требовали послушания и подчинения официальной лжи.

Конечно, среди ученых, которые пользовались благами ЦЕКУБУ, были и противники режима, особенно в связи с усилением его тоталитарного характера и репрессий. Например, Анна Ахматова или академик И.П. Павлов, который, кстати сказать, не подавал заявления о включении его в списки ЦЕКУБУ. За него ходатайствовала «группа научных работников». Однако, оставаясь в стране, а уехать с конца 20-х годов становилось все труднее, нужно было иметь кусок хлеба, чтобы выжить и работать. Дать же этот кусок хлеба могло только государство.

Оформление интеллектуальной номенклатуры нашло свое завершение в образовании Комиссии содействия ученым (КСУ), которая сменила ЦЕКУБУ в 1931 году. В отличие от ЦЕКУБУ, КСУ обеспечивала не 8 тыс. человек, а 1,5—2 тыс. ученых, куда вошла только высшая элита союзного и мирового значения. Они пользовались дополнительным денежным обеспечением, ведомственными больницами, домами отдыха и санаториями, мастерскими по пошиву одежды, получали персональные и академические пенсии, премии. Для них строились элитные жилые дома. КСУ обслуживала только ученых. Для обеспечения писателей, композиторов, архитекторов и прочих были созданы соответствующие фонды и союзы.

Стратификация внутри интеллигенции выразилась и в другом. ЦЕКУБУ в большей степени занималась обеспечением столичной интеллигенции, однако одновременно с центральной комиссией в городах Российской Федерации существовало 20 КУБУ, которые заботились о местных кадрах (Казанская, Уральская, Крымская, Воронежская, Саратовская, Самарская, Ярославская и другие). КСУ же имела своих представителей только в Москве, Ленинграде и при СНК Украины. Все остальные местные комиссии содействия ученым, созданные в республиках, краях и областях, объявлялись незаконными. Как и в случае с партийной и советской номенклатурой, иерархия интеллигенции была не только иерархией должностей, но и иерархией территорий. Демаркационная линия проходила между городами союзного и республиканского значения, с одной стороны, и остальной периферией, с другой.

За предоставляемые блага государство требовало от ученых участия в социалистическом строительстве. Это было записано первой строкой в задачах КСУ. В 1932—33 годах был проведен учет всех научных работников страны: собраны анкеты, на каждого заведены персональные дела. Цель — «определить территориальное распределение научных кадров и распределение по научным дисциплинам для того, чтобы рационально использовать и планировать научную работу в интересах социалистического строительства». Основными критериями присуждения премий ученым в КСУ, наравне с вкладом в мировую науку, стало «освобождение СССР от иностранной зависимости, разрешение проблем социалистического строительства». К началу 30-х годов стало ясно, что путь к привилегиям лежал через сотрудничество с властью.

Принцип научной квалификации, хотя и продолжал учитываться при предоставлении льгот, постепенно вытеснялся должностным принципом. Экспертные комиссии, которые рассматривали списки каждый год и делили ученых на группы в зависимости от квалификации, были отменены. Вместо обсуждения научных достоинств каждого при определении социальных бенефитов, что было в практике ЦЕКУБУ, в начале 30-х годов была разработана номенклатура научных работников — единая иерархия долж-

ностей в научных учреждениях страны. Если в период ЦЕКУБУ состав высшей группы ученых и деятелей искусства, выглядел так: М.Н.Ермолова, И.П.Бородин, В.И.Вернадский, И.П.Павлов, С.Ф.Платонов, В.А.Обручев, А.Н.Бенуа и т.д., то в период КСУ он выглядел следующим образом: члены союзной и республиканских академий наук, заслуженные деятели науки и искусства. Были люди — стали должности.

В зависимости от занимаемой должности ученые попадали в определенную страту и получали определенный набор благ. Занятие высших должностей в научных учреждениях страны означало получение наибольших бенефитов. Степень доктора наук стала одним из основных, формальных, условий зачисления в списки Комиссии¹. Теперь не столько научная значимость ученого являлась критерием его ценности и определяла место в иерархии интеллигенции, сколько должность и место в номенклатурном списке становились критерием его научной значимости. Ученые стали стремиться попасть в список уже не для того, чтобы выжить, как в начальный период работы ЦЕКУБУ, а для того, чтобы лучше жить. К середине 30-х годов система достигла своего логического завершения. С 1936 года списки высшей научной элиты стал утверждать отдел науки ЦК ВКП(б). Твердо вошло в оборот понятие общественной ценности ученого, напрямую связанное с партийностью и занимаемой им должностью. Как и все остальное руководство, интеллектуальная номенклатура тоже стала партийной.

Именно интеллигенция, состоявшая в списках КСУ и других элитных организаций интеллектуалов (союзы писателей, композиторов, архитекторов и прочие), получила в 1932 году спецснабжение, близкое к нормам работников центральных партийных и советских учреждений (прилож., табл. 4). В состав интеллектуальной элиты входили академики союзной и республиканских академий наук, профессора, имевшие большое количество научных трудов и преподавательский стаж не менее 10 лет, заслуженные деятели науки, техники и искусства, всего 3 тысячи человек. До этого времени, в соответствии с постановлениями, они снабжались по нормам индустриальных рабочих.

Во вторую группу интеллигенции, также получившую спецснабжение в 1932 году, вошли профессора и доценты вузов, старшие научные сотрудники НИИ, директора и их замы в музеях, художественных и библиотечных учреждениях союзного и республиканского значения, всего 10 тысяч человек. Установленные для них нормы были меньше норм высшей группы интеллектуальной элиты, но больше норм индустриальных рабочих.

И наконец, еще одна группа, получившая спецснабжение — *иностран-ные рабочие и специалисты*. Решение о массовом привлечении иностранцев на работу в СССР Политбюро приняло в марте 1930 года. Было решено пригласить не менее 4700 человек в 1929/30 и 10 тыс. в 1930/31 годах².

¹ Научные степени были восстановлены в 1926 году.

² Существует довольно обширная советская историография, посвященная «помощи трудящихся зарубежных стран в построении социализма в СССР», написанная в 60-е годы. Но это был лишь первый шаг. К изучению этой проблемы следует вернуться, используя новые документы и освободившись от прежних стереотипов. Из новейших работ по этой теме см.: Graziosi A. Foreign Workers in Soviet Russia, 1920—40: Their Experience and Their Legacy // International Labour and Working-Class History. Vol. 33. Spring 1988. Об опыте создания базы данных о иностранцах, работавших в России, см.: Журавлев С.В., Тяжелыникова В.С. Иностранная колония в Советской России в 1920—1930-е годы (Постановка проблемы и методы исследования) // Отечественная история. 1994. № 1.

Непосредственное руководство этой кампанией осуществлял ВСНХ¹. В соответствии с индустриальными приоритетами, иностранцы в первую очередь направлялись в отрасли тяжелой индустрии. Но небольшое число специалистов «выписали» и неиндустриальные ведомства. Наркомат снабжения, например, пригласил специалистов, в основном поваров, для работы в системе общественного питания². Санитарное управление Кремля пригласило иностранных врачей для работы в кремлевских больницах.

Тысячи немцев, американцев, французов, чехов, австрийцев, англичан, финнов, норвежцев работали на ударных стройках социализма — на Челябинском тракторном, Горьковском машиностроительном, Магнитке, Грозненских нефтеприисках, даже на лесоразработках в Карелии и других местах. Многие приняли советское гражданство. Что двигало людьми? Великая депрессия, потрясшая Европу и Америку, работала на советскую индустриализацию. Люди бежали от безработицы на Западе в страну, где не было безработных, не зная, что безработный на Западе живет лучше рабочего в

¹ Вербовка иностранцев проводилась за границей специальными техническими бюро, которые работали при советских торгпредствах или акционерных обществах. В Европе центром была Германия, где правительство не препятствовало вербовочной деятельности советских учреждений. Крупные масштабы приняла вербовочная деятельность в США (через Амторг) и Канаде. Советские учреждения не прибегали к помощи зарубежных правительственных организаций и не любили заключать договоры о найме с фирмами, боясь засылки шпионов под видом специалистов. Они старались действовать своими собственными силами: расклеивали объявления на биржах труда, или помещали их в специальных журналах, либо использовали для пропаганды просоветски настроенные партии и общества за рубежом (коммунистические партии, общества друзей СССР, общества культуры и техники, секции Профинтерна, Лиги профединства и пр.). Все нанимаемые должны были пройти собеседование для проверки физического состояния, квалификации и политических настроений. Инструкции требовали отбирать только здоровых и политически надежных. Все вербующие организации за рубежом получили инструкции Политбюро давать только объективную информацию об условиях работы.

Условия договора (жилье, зарплата, доля валютных выплат и пр.) зависели от важности нанимаемого. Инженеры и другие высококвалифицированные специалисты получали преимущества по сравнению с рабочими. Советская сторона брала на себя обязательства обеспечить жильем, оплатить проезд, предоставлять ежегодно одномесячный отпуск, медицинскую страховку и бесплатное лечение в случае травмы во время работы. Только часть зарплаты должна была выплачиваться в валюте, остальное в рублях. В начальный период советская сторона, как правило, обещала отчислять часть зарплаты (от 25 до 40%) в валюте семьям специалистов, если те остались на родине. Это обязательство, однако, как правило, не выполнялось, и, в конечном итоге, за исключением небольшой части наиболее ценных кадров, взаимоотношения с иностранными рабочими и специалистами стали строиться на безвалютной основе. Из своей зарплаты иностранцы выплачивали налоги, квартплату и плату за коммунальные услуги. Они не могли требовать вознаграждения за работу, которая выполнялась вне рабочего времени, если она входила в круг их обязанностей. Не могли они требовать и вознаграждения за изобретения. Право на патент принадлежало работодателю. Иностранцы должны были хранить все служебные тайны. Договоры заключались на 2—3 года. Для всех устанавливался испытательный срок, в течение которого договор о найме мог быть аннулирован без предупреждения. В этом случае иностранец не получал выходного пособия и должен был оплачивать обратный проезд. Все споры решались в советских судах. Те, кто ехал на работу в СССР, могли везти определенный набор продовольствия и личных предметов на льготных условиях.

² О работе иностранцев в системе советского общепита см.: РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 2. Д. 12; Осокина Е.А. Иерархия потребления. С. 93—96.

СССР. Многие приезжали из идейных соображений. Это были не только коммунисты. Людей захватывала идея построения нового мира, участия в великом эксперименте XX века. Жизнь в СССР бурлила, в то время как остальной мир находился в стагнации. Такими энтузиастами были Джон Скотт, Зара Уиткин (Заря Уткин), Маргарет Уэтлин, которые оставили нам мемуары о своей жизни в СССР¹.

Политбюро пыталось создать наилучшие условия для иностранных рабочих и специалистов — не хотелось «ударить в грязь лицом» перед миром, так как иностранцам предстояло вернуться домой и распространять информацию об СССР. Этот пропагандистский мотив, однако, не был главным. Забота об иностранцах, в первую очередь, объяснялась все тем же прагматизмом. В начале первой пятилетки у советских руководителей была огромная вера в то, что западные технологии, перенесенные с помощью иностранных специалистов на «советскую почву» и соединенные с «преимуществами плановой экономики», совершат экономическое чудо в СССР — заблуждение, которому вскоре суждено было растаять.

Особенно велико было уважение перед производственными достижениями США. Большинство индустриальных объектов строились по американским образцам. Не случайно Нижний Новгород, где на новом автомобильном заводе копировалась, при помощи американцев, конвейерная система Форда, назывался русским Детройтом, а Новосибирск — сибирским Чикаго. Строительство Кузнецкого металлургического комбината — второго по величине в СССР — шло под руководством Freyn Engineering Company of Chicago, в строительстве Магнитки участвовали American Coppers Company и McKee Company of Cleveland². Американские нефтяные компании имели свои представительства в Баку и Грозном. Слова «американские темпы» и «фордизм», превратившись в поговорки, звучали по всей стране. Приезжавшие в СССР иностранцы встречали своих соотечественников на всех важнейших индустриальных объектах. Их поражало обилие современной европейской и американской техники, лучшие образцы которой затем копировались на советских производствах.

Иностранцы, хотя и в незначительных количествах, работали в сельском хозяйстве, в основном в совхозах в качестве консультантов по эксплуатации иностранного оборудования. На Дону, в степи, с 1922 года существовала Сизетловская коммуна — основанная 87 выходцами из Америки³. Ее директором был американец — Виктор Салит (Victor Saulit). В начале 30-х годов более 100 американцев приехали работать в этой коммуне. Они выдержали отборочный конкурс и заплатили по 500 долларов вступитель-

¹ Их судьбы сложились по-разному. Зара, пережив личную трагедию в СССР, разочарованный вскоре вернулся в Америку. Джон Скотт, даже испытав суровость Магнитки, решил остаться и работать. Он был вынужден покинуть СССР перед самой войной, так как в период массовых репрессий потерял работу и подвергался личной опасности. Маргарет Уэтлин вышла замуж за русского театрального режиссера и прожила в России полвека, вернувшись в Америку только после смерти своего мужа (Scott J. *Behind the Urals. An American Worker in Russia's City of Steel*. Indiana University Press, 1989); Wettlin M. *Fifty Russian Winters. An American Woman's Life in the Soviet Union*. John Wiley and Sons, Inc., 1994; *An American Engineer in Stalin's Russia: The Memoirs of Zara Witkin. 1932—1934*. Berkeley. Un. of California Press, 1991).

² Walter E. *Russia's Decisive Year*. G.P. Putnam's Sons. New York—London, 1932. P. 76, 108.

³ Walter E. *Russia's Decisive Year*. P. 206—212.

ного взноса. В коммуне использовалась американская техника. Даже в 1931 году, когда страна уже вступила в полосу голода, жизнь в коммуне представляла островок относительного изобилия.

Политбюро вначале не ограничивало снабжение иностранных рабочих и специалистов никакими нормами, в то время как советские трудящиеся уже жили на пайке. Но продовольственный кризис углублялся, и в 1931 году появилась целая серия постановлений, регламентировавших снабжение иностранцев¹. В соответствии с ними открывались специальные магазины, был установлен ассортимент и нормы снабжения. Вопросами снабжения иностранцев занимался Инснаб — специальная контора Государственного объединения розничной торговли (ГОРТ). В 1932 году контора была передана Торгсину (Всесоюзное объединение по торговле с иностранцами), который обеспечивал иностранцев лучшими в стране продуктами и товарами.

Нормы, установленные для иностранцев, по тем голодным временам были очень высоки (прилож., табл. 5). Особенно поражают нормы мяса — 9 кг в месяц для специалистов и 6 кг для рабочих! В конце 1932 года мясные нормы были снижены соответственно до 5 и 3 кг, однако все еще оставались очень высокими по сравнению с нормами других потребителей. Для индустриальных рабочих, например, в то же время норма мяса составляла 2 кг в месяц. Установленные для иностранцев нормы превышали и нормы красноармейского пайка. Продукты, не указанные в списке нормированных, должны были продаваться иностранцам в неограниченном количестве. Попытки Наркомснаба повысить для иностранцев цены на продукты до уровня коммерческих пресекались по протестам ВСНХ и наркоматов. Иностранные рабочие и специалисты покупали товары по низким ценам карточного снабжения.

Иностранцы, работавшие в России, получили еще одну привилегию. Для них Политбюро разрешило беспошлинный ввоз товаров из-за границы. Правда, число посылок, ассортимент и количество ввозимых вещей ограничивалось размерами личного, довольно скромного потребления, но тем не менее посылки из-за границы были существенным подспорьем в те годы. Для советских граждан были установлены огромные пошлины на индивидуальный ввоз из-за границы предметов одежды, домашнего обихода и продуктов питания. За несколько кусочков мыла на таможне нужно было заплатить 80, а за фруктовый торт — 60 рублей пошлины (при средней зарплате рабочего 125 руб. в месяц). Высокими запретительными пошлинами руководство страны закрывало один из возможных путей самоснабжения населения.

Привилегии, установленные для иностранцев, не распространялись на тех, кто приехал работать в СССР по своей инициативе, не заключив контракта с советскими представительствами за рубежом. В этом случае иностранцы делили судьбу советских рабочих.

Иностранные дипломаты и корреспонденты вначале пользовались особыми распределителями, где покупали товары на рубли. В конце 1932 года в связи с начавшимся в стране массовым голодом и «валютной лихорадкой» дипраспределители были закрыты. Вместо них открылся специальный

¹ Постановления Наркомснаба СССР от 17 мая, от 3 июня и от 1 июля 1931 года (РГАЭ. Ф. 8043. Оп. 11. Д. 31. Л. 90, 103; Д. 35. Л. 202; Д. 49. Л. 8—9; Д. 50. Л. 74).

магазин Торгсина, где продажа шла на валюту. Несмотря на предложения НКИДа, Политбюро отказалось понизить цены на продукты для представителей дипкорпуса¹.

Концентрация высших государственных, партийных, военных, научных, культурных организаций, работники которых получили спецснабжение, в немногих крупных центрах еще более усиливала географическую иерархию в снабжении. В областном или краевом городе не могло быть наркомов, академиков, дипломатов или заслуженных деятелей искусств. В этом правиле были лишь редкие исключения².

Центром географии снабжения являлась Москва. Индустриальный характер и сосредоточение в столице высшей номенклатуры обеспечивали ей особый статус. Без преувеличения можно сказать, что столица пользовалась спецснабжением, не доступным ни одному другому городу, а тем более поселку или селу. В начале 30-х годов население Москвы составляло около 2% населения страны, а фонды промтоваров, направляемых в столицу, — 15—20% всех городских фондов Советского Союза. Вслед за Москвой по привилегиям в снабжении следовал Ленинград. Ленинград получал более 10% всех союзных городских товарных фондов. Только два города, Москва и Ленинград, «оттягивали» до трети промышленных товаров, предназначенных для снабжения городов СССР.

Распределение продовольствия еще ярче подчеркивает привилегированное снабжение двух городов. В 1932 году Москва получила около пятой части всего государственного фонда мяса, рыбы, муки, крупы, маргарина, вино-водочных изделий, предназначенного для снабжения городов СССР, Ленинград — чуть меньше этого. В 1933 году поставки были еще выше — для Москвы и Ленинграда Наркомснаб выделил почти половину государственного городского фонда мясопродуктов и маргарина, треть фонда рыбопродуктов и вино-водочных изделий, четверть фонда муки и крупы, пятую часть фонда животного масла, сахара, чая и соли³.

Привилегии Москвы и Ленинграда не оставались на бумаге. Они гарантировались вполне конкретными действиями властей. Снабжение Москвы и Ленинграда находилось на специальном контроле Политбюро. Только в самую последнюю очередь, после других групп населения, снижались нормы столичных индустриальных рабочих. В случае перебоев, которых

¹ Это вызвало возмущение в рядах дипкорпуса. Однако дипломатам и инкоррам было объявлено, что решение принято с ведома правительства и никаких изменений этого решения не будет (РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 13. Л. 129, 138).

² Одним из таких исключений являлся И.В.Мичурин (1855—1935), академик ВАСХНИЛ, почетный член АН СССР. Он проживал в небольшом городке Козлове Тамбовской области, где организовал селекционную станцию плодово-ягодных культур. Мичурин получал продукты из Москвы. Так, в 1931 году по одной из записок ему было послано: по 1 кг сливочного масла и чая, по 5 кг сахара, сыру, копченостей, осетра, 5 коробок консервов и 6 кусков мыла. В условиях голодавшей в то время периферии это был поистине бесценный подарок.

³ В 1932—33 годах Москва получала в 4—6 раз больше мяса, рыбы, маргарина, в 3 раза больше животного масла, чем все остальные города Московской области. По сравнению со всеми остальными городами Ленинградской области в 1932 году Ленинград получил мясопродуктов в 7, а в 1933 году — в 14 раз больше, а также в 4—5 раз больше рыбы, в 3—6 раз больше животного масла, в 5—12 раз больше маргарина. В планах реализации рыночных фондов Москва и Ленинград всегда выделялись специальными строками (РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 2. Д. 662, 663, 664, 667).

конечно же было немало, принимались экстренные меры: выделялись дополнительные фонды, вплоть до разбронирования неприкосновенных запасов, создаваемых на случай войны, товары отправлялись специальными эшелонами, как говорилось в постановлениях, «воинской скоростью». За Москвой и Ленинградом закреплялись сельскохозяйственные районы, колхозы и совхозы, которые поставляли продовольствие рабочим промышленных предприятий. Упрощался и порядок снабжения — посреднические звенья исключались, продукция шла прямо от производителя к потребителю.

Было ли того, что направлялось в Москву и Ленинград, достаточно для снабжения их населения — вопрос другой, но ясно, что в результате государственного перераспределения ресурсов они получали львиную долю рыночных фондов. До революции столицы также имели особый статус. Именно там располагались крупные и дорогие магазины, продававшие предметы роскоши, заморские товары. Однако никогда эти два города не имели исключительного права на получение самых обыденных предметов обихода и жизненно важных продуктов. В любом заштатном городке дореволюционной России мелкие частные лавочки и казенные магазины обеспечивали население всем необходимым. В Москву ехали покупать французские вина и модные парижские туалеты, но не хлеб и нитки.

Огосударствление экономики и централизованное распределение превратили Москву и Ленинград в места товарного паломничества всего населения СССР. Недаром в советское время шутили, что правительство решило задачу распределения товаров просто: направляет все фонды в Москву, а затем сами приезжие развозят купленные товары по городам и весям. В иерархии городов, вслед за Москвой и Ленинградом, следовали республиканские столицы, которые оставляли у себя львиную долю фондов, поступавших в их республики, и крупные промышленные центры, которые правительство, в интересах выполнения пятилеток, также старалось подкармливать.

Иерархия магазинов, столовых и цен

Иерархия государственного снабжения, кроме различия норм и ассортимента, включала также иерархию магазинов, столовых и цен. Магазины закреплялись за определенными группами потребителей, хотя магазинами их уже никто не называл. Слово исчезло из употребления. Его заменили: закрытый распределитель (ЗР), закрытый рабочий кооператив (ЗРК), отдел рабочего снабжения (ОРС)¹. Каждая группа потребителей могла купить товары только в «своем» распределителе, который был закрыт, недоступен для чужака из другой группы. Вход в распределитель разрешался при наличии документов, подтверждавших принадлежность к данной группе потребителей.

В голодные годы карточной системы бурно развивалось общественное питание. Столовые, кафе, рестораны составляли важный дополнительный источник снабжения каждой семьи. Поскольку общепит представлял государственно-кооперативную организацию, то иерархия общественного пита-

¹ Исчезало из употребления и слово продавец. Его заменил «резчик», так как главной обязанностью продавца стало нарезать пайков как можно больше и быстрее.

ния зеркально повторяла иерархию государственного снабжения¹. Нормированным и иерархичным являлось и питание в больницах, санаториях, школах, детских садах, интернатах.

Для всех групп населения, получивших карточки, Наркомснаб установил нормы потребления в общепите. Каждая группа прикреплялась к определенной столовой. Лучшие условия предоставляла система спецснабжения, где существовало несколько категорий питания. Высшую составляли литерные столовые². Они обслуживали руководящих работников центрального партийного и советского аппарата. Среди них числились столовые ЦК ВКП(б), ЦИК СССР, ВЦСПС, СНК, «Прага» в Москве, а также столовая при Смольном, «Красная Звезда» и другие в Ленинграде³. Мемуары сохранили для нас описание «совнаркомовской столовки» — огромного кремлевского ресторана, устроенного в кавалерском корпусе дворца⁴. Доступ в кремлевскую столовую получал тот, кто становился «человеком» в номенклатурном мире, т.е. выслужился как минимум до члена коллегии наркомата. По воспоминаниям, после окончания рабочего дня в совнаркомовской столовой для обеда собиралась вся сановная Москва:

«Это своего рода клуб, где узнаются все новости, откуда разносятся сплетни, где складываются очередные анекдоты.

Здесь кормят обильно и вкусно. Настоящий, немного тяжелый русский стол. На столах кувшины молока и хлебного кваса. Душистый хлеб из своей пекарни. Пирожки с капустой и мясом. Те же пирожки и разные бутерброды разносятся по утрам в кабинеты работающих в Кремле сановников»⁵.

¹ Иерархия магазинов и столовых дополнялась иерархией складов, с которых поставлялись в торговлю товары и продукты. Например, руководителей центральных партийных и советских учреждений обслуживала База особого назначения. Среди ее привилегированных клиентов были не только кремлевская больница, столовые СНК и ЦИК, особняк Наркоминдела (снабжение дипломатических приемов), но и особняк пролетарского писателя Максима Горького (РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 16. Д. 29. Л. 4). Этот порядок отличался от практики снабжения, например, в США. Приглашенный летом 1931 года на совещание по улучшению работы общепита М. Веббер пытался рекламировать американский опыт: «В США все школы, больницы, гостиницы, клубы, рестораны и магазины снабжаются из одних и тех же, дополняющих друг друга снабжающих баз. Вы должны решить, хотите ли вы установить такую же практику, или вы предпочтете выделить отдельные базы для каждой потребляющей группы» (РГАЭ. Ф. 8043. Оп. 1. Д. 50. Л. 12, 30). «Предпочтение» отдали второму варианту.

² В 1935 году нормы питания в литерных столовых Москвы и Ленинграда составляли 6—7,5 кг мяса; 7,5 кг рыбы; 700 гр сливочного масла; 5 яиц в месяц. На ужин выдавался сухой паек из расчета 2 кг масла; 1,5 кг сыра; 20—30 яиц в месяц (ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 16а. Д. 343. Л. 3). Для руководителей рангом ниже существовали свои нормы в общепите и свои столовые. Расход мяса, например, в столовых для руководящих работников Московской области в 1931 году составлял 4,5 кг в месяц на человека. Это было выше пайковых норм для рабочих золото-платиновой промышленности, работавших в тяжелейших условиях, и находилось на уровне специального красноармейского пайка для Примонгольских и Тувинских трактов (РГАЭ. Ф. 8043. Оп. 1. Д. 5. Л. 162; Оп. 11. Д. 79. Л. 6, 13).

³ Перечень элитных столовых и контингентов обслуживаемых ими см.: ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 16а. Д. 343. Л. 1—4.

⁴ В самом начале 30-х годов совнаркомовская столовая была перенесена из Кремля в город, на улицу Грановского, д. 2.

⁵ Дмитриевский С. Советские портреты. Стокгольм, 1932. С. 27—28.

Для тех, кто не хотел есть в столовой, обед приносили из кремлевской кухни домой или давали повышенные пайки, которые должны были заменить кремлевские обеды.

Интеллектуальная элита также имела свое «общественное питание». Закрытые столовые АН СССР, союзов советских композиторов, архитекторов, писателей, художников, Домов ученых, высших школ, университетов, различных академий, столовая Большого театра, сануправления Кремля и другие составляли вторую, так называемую академическую группу «спецобщепита» и частично третью группу, которая обслуживала среднее звено работников центральных учреждений¹. Свои особые столовые имела и военная элита. Среди них были, например, закрытые столовые начальствующего состава РККА в Москве, столовая ОГПУ/НКВД и другие.

Для тех, кто не имел доступа к спецобщепиту, но получил карточки, иерархия столовых определялась их местом в общей иерархии государственного снабжения. На одном и том же предприятии или учреждении разные столовые обслуживали рабочих, служащих, инженеров. Для ударников полагалось отводить особые «ударные столовые» с белыми скатертями, цветами и музыкой или по крайней мере отдельные столы. Обеды для них должны были стоить дешевле. Свои закрытые столовые существовали для местных партийных и советских работников, милиции, учителей, врачей, военных. Чем выше были пайковые нормы индивидуального снабжения той или иной группы, тем выше были ее нормы и в общепите.

Для групп населения, которые не получили карточки, вход в общепит был практически закрыт. Для крестьян и лишенцев оставались дорогие коммерческие столовые и рестораны, хотя и в них питание нормировалось². Дороговизна открытого общепита не останавливала, мемуары свидетельствуют о длинных очередях, которые с ночи выстраивались к ресторанам в голодные годы первой пятилетки. Вот, например, что писал в воспоминаниях о Новосибирске 1931 года Эллери Уолтер:

«В 9 часов (утра. — Е.О.) мы пошли в гостиничный ресторан позавтракать. Пролеты лестницы были заполнены толпой людей, которые полуразвалились сидели на ступеньках или стояли, опираясь на перила и стены. Многие из них провели здесь целую ночь. Они ждали открытия лучшего ресторана в «Чикаго» (Новосибирск называли сибирским Чикаго. — Е.О.). Запах немых «жителей Среднего Запада» пропитал воздух. Это отбило нам аппетит, и мы решили не ждать открытия»³.

Зеркальным отражением иерархии снабжения являлась и иерархия цен: чем меньше человек получил привилегий в карточной системе, тем дороже обходилась ему покупка товаров и продуктов. В наихудшем положении были те, кто не получил карточек. Лишенцы и крестьяне могли покупать товары только в дорогих коммерческих магазинах, в Торгсине на золото и валюту или на крестьянском рынке, где цены доходили до астрономичес-

¹ По академическому спецснабжению в общепите полагалось в месяц на человека: 5 кг мяса; 7,5 кг рыбы; 600 гр животного масла; 5 яиц (ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 16а. Д. 343. Л. 1—4).

² Даже в коммерческих и «фешенебельных» ресторанах существовали нормы питания. Например, для так называемых открытых столовых повышенного типа мясная норма была установлена 2,25 кг; в коммерческих ресторанах «Европа», «Гранд-Отель» — 3 кг в месяц на человека.

³ Walter E. Russia's Decisive Year. P. 45. Здесь и далее перевод с английского Е.А.Осокиной.

ких величин. Те же, кто получил карточки, покупали товары по низким пайковым ценам нормированного снабжения. Среди этих в наилучшем положении был тот, кто пользовался спецснабжением, оно обеспечивало самые низкие в стране цены при лучшем качестве продуктов (прилож., табл. 6).

Кроме того, спецраспределители продавали по низким ценам такие продукты, которых ни служащие, ни рабочие по карточкам не получали, а могли купить только втридорога на рынке, в коммерческой торговле или за золото в Торгсине. Например, килограмм икры в правительственном распределителе стоил 9, а в государственном коммерческом магазине — 35 рублей. Сыр, также доступный большинству населения только в коммерческих магазинах, стоил там 20—24, а в правительственном распределителе — 5 рублей килограмм. Вслед за ценами спецраспределителей наиболее низкими были цены красноармейского пайка, затем цены пайка промышленных рабочих. Среди получивших карточки в наихудшем положении были снабжавшиеся по второму и третьему спискам — из-за скудости государственного снабжения им также в большей степени приходилось покупать товары по коммерческим и рыночным ценам.

Разными для разных групп населения были и цены в общепите. В мае 1933 года при средней стоимости обеда в городе 1 руб. 15 коп. обед рабочего стоил 84, строителя — 80 коп., инженера — 2 руб. 8 коп., служащего в учреждении — 1 руб. 75 коп., а в коммерческих ресторанах — 5 руб. 84 коп.¹

Иерархия государственного распределения не ограничивалась сферой продовольственного и товарного снабжения, хотя в условиях голода снабжение играло наиболее значимую роль в жизни людей. В сфере государственного распределения находились и другие блага: зарплата, жилье, льготы в системе образования, медицины, налогов, в обеспечении старости и прочие. Их распределение подчинялось тем же приоритетам и принципам, что и централизованное снабжение продуктами и товарами. Все это также работало на создание новой социальной иерархии².

¹ Советская торговля. 1934. № 2. С. 63.

² Исследование М.Мэтьюза показало, что в распределении материальных благ (жилье, зарплата, пенсии, налоговые льготы и пр.) Политбюро руководствовалось едиными принципами (Matthews M. Privilege in the Soviet Union).

ГЛАВА 2

ИЕРАРХИЯ В БЕДНОСТИ

Голод в деревне

Анализ принципов всесоюзной карточной системы, которому посвящена предыдущая глава, опирается более на постановления, чем на реальную жизнь. Схема государственного снабжения, разработанная Наркомснабом по заданию Политбюро, была по-своему рациональна и стройна. Населению, связанному с индустриальным производством, и армии государство обещало обеспечение не хуже, чем в годы нэпа. Всем остальным также были определены источники снабжения: кому-то — центральные фонды, кому-то — местные заготовки, собственное хозяйство, колхозные фонды и т.д. Однако, как поется в песне, «план написан на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить». Жизнь вносила серьезные поправки¹.

Форсированная индустриализация и товарный дефицит определили то, что социальная и географическая стратификация, о которой говорилось в официальных постановлениях, оборачивалась в жизни иерархией в бедности. Говоря о бедности, я имею в виду только материальную сторону жизни. Подлинное вдохновение, энтузиазм и мечты о светлом завтра, которые уживались с нищетой материальной жизни, остаются за рамками этой книги².

Дно нового «социального ландшафта» составляло сельское население, которое в период карточной системы находилось в наиболее бедственном положении. Если снабжение горожан представляло иерархию в бедности, то обеспечение сельского населения формировало иерархию нищих. Противоположность города и деревни, которая существовала и раньше, при Сталине приобрела иной характер. До революции, при всей отсталости деревни, в числе сельского населения были группы с относительно высоким уровнем потребления и жизненных стандартов (помещики, зажиточное крестьянство, крепкое середнячество). Образованная элита не брезговала жить в деревне. В периоды войн и кризисов сельское население, близкое к земле, как правило, питалось лучше городского. Горожане с мешками промышляли в деревнях либо вообще переселялись из города в деревню.

Огосударствление экономики изменило эту модель. В 30-е годы в периоды кризисов не горожане ехали в деревню за продовольствием, а, наоборот, сельчане с мешками за спиной штурмовали города в надежде «разжиться» хлебом и другими продуктами, нехитрой мануфактурой. В плановой эконо-

¹ В этой главе дан анализ положения гражданского населения. Но и армия в период карточной системы разделила продовольственные трудности и иерархию в бедности. Хотя красноармейцы в государственной системе снабжения занимали особое положение, как показывали инспекторские проверки, временами и армия сидела на голодном пайке. Положение высшего военного руководства соответствовало уровню материального обеспечения высшей партийно-государственной элиты страны.

² Здесь я отсылаю читателя к книге С.Коткина (Kotkin S. *Magnetic Mountain. Stalinism as a Civilization*), в которой автор попытался разгадать загадку парадоксального сочетания нищеты и вдохновения в советском обществе 30-х годов.

мике победителями оказывались живущие в городах, проигравшими — живущие в деревне¹.

Нищета и бесперспективность сельской жизни стали одной из главных причин миграции в города во все десятилетия советской власти. Развитие миграции в конечном итоге привело к «вымиранию» деревень и целых аграрных регионов. Гремевшая в 70-е годы в СССР трагедия Нечерноземья — бесперспективных деревень в центре России, откуда бежала молодежь и только старики оставались доживать свой век, имела своим началом сталинские 30-е. Вопреки утверждениям советской историографии, противоположность города и деревни при советской власти не стиралась, а, по меньшей мере, сохранялась.

Причины бедственного продовольственного положения деревни в годы карточной системы нетрудно увидеть. Государственная система снабжения строилась на предположении о самообеспечении сельского населения. Однако возможность самообеспечения подрывалась все возрастающими государственными заготовками, которые изымали не только товарный, но и необходимый для потребления самих сельчан продукт². В итоге колхозы оставались с небольшой суммой денег — заготовительные цены для колхозов были убыточными³ — и с небольшим запасом выращенной ими продукции, из которой еще предстояло выделить семенные и резервные фонды. В результате, как говорит русская поговорка, «сапожник сидел без сапог»: хлеборобы не имели в достатке хлеба, те, кто растил скот, не ели мяса, не пили молока.

Вычищая колхозные закрома, государство снабжало сельское население скудно и нерегулярно. Хотя сельское население по численности более чем в три раза превосходило городское, в период карточной системы сельское снабжение составляло всего лишь около трети товарооборота страны. Товар завозился главным образом в третьем и четвертом кварталах, чтобы стимулировать сбор урожая. В 1931—33 годах на снабжение сельского населения Наркомснаб выделил лишь 40—30% швейных изделий, обуви, мыла, трикотажа. Еще хуже сельское население обеспечивалось продовольствием. В указанный период Наркомснаб направил в города СССР более половины рыночного фонда растительного масла, порядка 80% фондов муки, крупы,

¹ Другой подобный пример являл постреволюционный Китай, где в результате политики Мао, но, как ни парадоксально это звучит, вопреки его намерениям, социальное деление шло в первую очередь по линии город—село и было близко к географии расселения населения (*Class and Social Stratification in Post-Revolution China*. Ed. by James L. Cambridge, 1984).

² Если в 1927/28 году было заготовлено 11,5 млн. тонн зерна, то к концу карточной системы в 1934/35 году — более 26 млн. тонн (*The Economic Transformation of the Soviet Union*. P. 290).

³ В 1931 году директивные хлебозаготовительные цены составляли порядка 5—12 коп. за кг. В то же самое время стоимость одного килограмма пшеничной муки даже по низким карточным ценам была 25—28 коп., а на рынке — 4—5 руб. В том же году государственные заготовительные цены на говядину и баранину составляли от 17 до 36 коп. за килограмм, на молоко — 17 коп. за литр. При этом наиболее низкая цена на мясо в торговле (карточное снабжение в городе) составляла в 1931 году 1 руб. 50 коп., в 1932-м — более 2 руб. Коммерческие и рыночные цены были значительно выше. Так, в 1932 году средняя рыночная цена на мясо в Москве была 11 руб., на молоко — 2 руб. (Осокина Е.А. Иерархия потребления. С. 46).

животного масла, рыбных продуктов, сахара, почти весь фонд мясopодуктов (94%), весь маргарин, треть всех государственных фондов чая и соли¹. Если учесть, что и города, получая львиную долю государственных фондов, обеспечивались крайне недостаточно, то ясно, что остававшиеся сельскому населению крохи не могли улучшить его положения.

Даже эти данные, будучи усредненными, лишь в слабой мере характеризуют скудость государственного снабжения сельского населения. Направляемые в деревню фонды имели целевое назначение. Это значит, что товары не распределялись поровну между жителями, а шли на обеспечение определенных групп населения, в первую очередь работников политотделов МТС и совхозов. К моменту поступления товаров в сельпо, бóльшая их часть оказывалась закрепленной за определенными группами потребителей. Например, по данным за третий квартал 1933 года, 10 тыс. тонн сахара, которые были выделены правительством для сельского населения (города получили 57 тыс. тонн), предназначались только для работников совхозов и стимулирования заготовок; 3,5 тыс. тонн растительных жиров (города получили 18 тыс. тонн) предназначались для политотделов МТС, районного актива и совхозов; 2,1 тыс. тонн рыбы (города получили 75,8 тыс. тонн) пошли на стимулирование заготовок. Животное масло направлялось на село только для снабжения работников политотделов МТС. По плану первого квартала 1934 года, сельский фонд — 100 тыс. тонн муки (для городов было выделено около 2 млн. тонн) предназначался только для стимулирования заготовок технических культур².

Архивные материалы свидетельствуют, что и без того недостаточные планы завоза хронически не выполнялись. Вместо реальных товаров крестьяне получали бумажки — квитанции, которые подлежали отовариванию в неопределенном будущем, облигации государственных займов. Бóльшую часть времени сельпо стояли полупустыми, представляя жалкое зрелище. Для иллюстрации приведу одно из описаний сельского кооператива:

«Соли нет хорошей — пустячного предмета. Немолотая, комьями, только для скота. Мыла простого нет больше месяца. Подметок — необходимого товара для крестьянина нет. Имеется только 3 носовых платка и 10 пар

¹ На 1 января 1933 года городское население СССР, по подсчетам ЦУНХУ, составляло порядка 40,4 млн. человек, сельское — 125,4 млн. В расчете на душу населения в 1931—33 годах государство в среднем в год направляло на одного горожанина больше, чем на сельского жителя, муки — в 12—18 раз, крупы — в 12—28 раз, рыбы — в 10—14 раз, сахару — в 8—12 раз, винно-водочных изделий — в 2,5—3 раза, чая — в 1,5 раза. Мясо и животное масло практически в деревню не посылались. Поставки непродовольственных товаров в год в расчете на одного горожанина за период 1931—1935 годов превосходили поставки на одного сельского жителя: по швейным изделиям — в 3—6 раз, мылу — в 3—10 раз, кожаной обуви — в 2,5—5 раз, трикотажу и табачным изделиям — в 5—12 раз. Только по так называемым товарам сельского спроса (хлопчатобумажные ткани, платки, махорка) дисбаланс сельского и городского снабжения, хотя и существовал, был менее резким. Эти показатели высчитаны на основе годовых отчетов Наркомснаба СССР о распределении рыночных фондов планируемых товаров и демографической статистики ЦУНХУ Госплана СССР о численности городского и сельского населения (РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 2. Д. 662, 663, 667; Ф. 1562. Оп. 329. Д. 16, 19, 49, 83, 85).

² ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 657. Л. 18-23, 118.

валяных серых сапог да половина полки вина. Вот — деревенский кооператив»¹.

Бедствовали не только колхозники, но и все, чье снабжение зависело от колхозных фондов. По сообщениям ЦК профсоюза работников просвещения, куда шел поток жалоб от сельских учителей, плохое питание приводило к голодным обморокам учителей во время уроков, нищенству («Ходят под окнами Христа ради»), массовому уходу учителей с работы, особенно весной, склонению учительниц к сожительству за продукты. Колхозы, сами бедствуя, отказывались снабжать сельскую интеллигенцию. «В лучшем случае там, где местная колхозная общественность и сельсовет внимательно относятся к нуждам школы и учителя, — говорилось в одном из сообщений, — колхозы в каждом отдельном случае по просьбе учителя кое-что ему уступают из своей продукции»². Снабжение сельского руководства было немногим лучше, чем снабжение остальных групп сельского населения. Секретари и председатели сельсоветов также обеспечивались из нищих колхозных ресурсов, да дополнительно за счет крестьянства — 2% начислений на хлебопоставки.

Сельчане, которые «сидели на государственном пайке», также бедствовали, ведь сельское население относилось к низшим спискам снабжения. Худо-бедно поступал только хлеб и сахар, но, чтобы получить их, нужно было порой отшагать несколько километров в жару и в холод до ближайшего распределителя. Положение усугублялось высокой задолженностью государства (достигала 3—4 месяцев) по выплате зарплаты сельским специалистам. Архивные материалы свидетельствуют о том, что бедствовали и работники совхозов. Даже паек директоров совхозов был скудным и нерегулярным.

Скудость колхозных фондов и государственного пайка приводила к нивелировке снабжения практически всех групп сельского населения. Сельские специалисты и интеллигенция в снабжении занимали низшую позицию в составе советской интеллигенции, сельские рабочие — низшую позицию в составе рабочего класса, сельское руководство (председатели сельсоветов, колхозов, секретари сельских партячеек) располагались на низшей ступени в иерархии партийной номенклатуры, от государственного пирога им практически ничего не оставалось. Все вместе группы сельского населения составляли довольно однородную бедную массу. Хуже положения сельского населения в период карточной системы было разве что положение заключенных ГУЛАГа, хотя никто пока не подсчитал, где смертность была выше — в ГУЛАГе или в деревне во время голода 1932—33 годов. Исключение в скудном сельском снабжении составляли политработники МТС, которые получали красноармейский паек через закрытые распределители «двадцатки» (районных руководящих работников). Однако поток жалоб свидетельствует, что нормы и их пайка в условиях кризиса не выполнялись.

¹ Из письма рабочего Н.Д. Богомолова, который находился в Центрально-Черноземном районе в составе хлебозаготовительной бригады. Письмо адресовано Сталину. Богомолова мучил вопрос о том, как объяснить крестьянину необходимость растить хлеб и скот, когда в условиях заготовок, сельского снабжения и цен он оставался ни с чем (РГАЭ. Ф. 8043. Оп. 11. Д. 16. Л. 58, 59).

² РГАЭ. Ф. 8043. Оп. 11. Д. 108. Л. 23.

Система государственных заготовок и снабжения приводила к тому, что локальный голод не покидал деревню даже в урожайные годы. Неурожай же, который не учитывался при составлении планов заготовок, грозил голодным мором. Неурожайным стал 1931 год, он же — прелюдия к массовому голоду и предостережение о нем. Несмотря на плохой урожай, планы заготовок в тот год пересмотрены не были. Вот лишь один из примеров. На одном из «хлебных совещаний» в Наркомате снабжения СССР представитель Башкирии говорил:

«В прошлом году (1930. — Е.О.) за август месяц было заготовлено всего 1 млн. пудов. В настоящее время мы имеем на 1 сентября 2 млн. 600 тыс. пудов, то есть более чем в 2,5 раза больше против прошлого года. Но это не значит, что хлебозаготовки идут хорошо, так как плановое задание на август сего года выполнено только на 29%»¹.

Последствия не замедлили сказаться. Весной 1932 года из Башкирского обкома партии пришла телеграмма, в которой говорилось, что в колхозах отсутствует продовольственный хлеб, колхозники нищенствуют и пухнут от голода. Весной—летом 1932 года случаи опухания от голода, отравления, вызванные употреблением в пищу суррогатов и падали, рост нищенства были зарегистрированы и в Казахстане².

Следующий, 1932 год вновь был неурожайным, но планы заготовок росли. Запасы в деревне истощались³. Архивы сохранили для нас сводку ОГПУ о настроении районного и сельского актива Украины в связи с планом хлебозаготовок на 1932 год. В 220 случаях колхозы и сельсоветы отказались принять план, и только в 2 случаях план был принят. Вот высказывания не просто колхозников, а сельского руководства:

«План прикончит район». «Если выполним, то опять останемся без хлеба. Для посева не останется семян». «План составлен без учета урожая и потребности колхоза». «Останемся голодными как в прошлом году». «План выполним при условии, если государство после этого окажет нам помощь». «В этом году придет конец нашему сельскому хозяйству. План хлебозаготовок этого года ликвидирует все. Нужно заблаговременно уезжать куда-нибудь на Кавказ, а то мы подохнем с голоду». «При объявлении народу плана у него сейчас же отпадет всякое желание работать». «План хлебозаготовок мы не выполним, а за это меня отдадут под суд. Не хочу оставлять колхозников голодать, не хочу идти под суд. Поэтому быть председателем не могу». «Возьмите у меня партбилет, но я плана не приму. Я боюсь показываться перед массами». «В прошлом году при выполнении плана хлебозаготовки приходилось хватать за грудь, а сейчас дело дойдет до ножа. Я боюсь ехать в село, потому что если сказать колхозникам о плане, то они разбегутся»⁴.

На одном из совещаний в Наркомснабе сообщалось, что председатели собирали ночью колхозников и советовали зерно прятать, перемалывать в

¹ РГАЭ. Ф. 8043. Оп. 1. Д. 48. Л. 116; Д. 58. Л. 53—55.

² ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 10. Д. 116. Л. 170, 171.

³ По подсчетам историков, в конце 20-х годов в деревне после окончания хлебозаготовок оставалось около 50 млн. тонн зерна, после неурожайных 1931 и 1932 годов — соответственно 33 и 37 млн. тонн (The Economic Transformation of the Soviet Union. P. 290).

⁴ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 10. Д. 339. Л. 2—18.

муку, так как ее государство не принимало¹. Местные руководители отлично понимали, чем грозило деревне выполнение планов заготовок, в своих телеграммах, рапортах и донесениях они предупреждали о возможности голода. Однако система заготовок и снабжения зависела от политики форсированной индустриализации и могла быть изменена только вместе с ней.

Колхозы в 1932 году добровольно или под нажимом сдали все, что могли, но план не выполнили. Поскольку государственное снабжение села зависело от выполнения плана, поставки продовольствия и товаров на село были приостановлены, а в некоторых случаях и вообще прекращены. Так, постановление правительства от 8 октября 1932 года и последовавшие вслед за ним постановления Наркомснаба предписывали прекратить отгрузку товаров и продуктов для всех сельских районов Украины. Под угрозой суда продажа хлеба колхозам была запрещена, осуществлялось только снабжение городов, пограничных районов и целевые поставки². В результате с конца 1932 года до получения нового урожая основные сельскохозяйственные районы СССР (Украина, Северный Кавказ, Нижняя и Средняя Волга, Казахстан, Черноземный Центр и частично Урал) были объяты голодом, который унес миллионы жизней. Число жертв по разным оценкам колеблется от 3 до 7 млн. человек.

В условиях карточной системы, когда покупка товаров в открытой торговле была ограничена, сельское население практически лишалось возможности выжить. Кроме того, пытаясь держать факт голода в секрете, правительство предприняло меры к изоляции голодающих деревень: заградительные отряды останавливали бегство в города, в том числе и стремительно возраставший поток беспризорных детей. Поскольку Сталин расценил факт невыполнения заготовительных планов как саботаж крестьянства, достаточной помощи голодающим оказано не было. Планы товарного снабжения 1933 года свидетельствуют, что голодавшие регионы снабжались наихудшим образом. Относительно высокими были только поставки соли и винно-водочных изделий³. Лишь в преддверии весеннего сева, когда закладывался урожай будущего года, Политбюро стало оказывать голодавшим колхозам помощь, в основном семенами. Выданные ссуды подлежали возвращению не позже осени того же года. Международная общественность была лишена возможности помочь умиравшим людям, так как советское правительство отказывалось признать факт голода в СССР. Всякое упоминание о голоде в печати или в

¹ Заготовками изымался не только хлеб. В письме из Бурятии (конец 1933 года) говорилось, например, что установленные планы приведут к полному изъятию товарного молока в колхозах и фермах. На этом фоне издевкой прозвучали слова одного из партийцев, сказанные на пленуме Московского обкома: «Мы рады, что колхозники пьют молоко. Но мы хотим, чтобы они пили его вместе с рабочим классом, а не отдельно от него» (РГАЭ. Ф. 8043. Оп. 1. Д. 4. Л. 99; Оп. 11. Д. 76. Л. 55; Д. 48. Л. 117).

² Это постановление имело тяжелые последствия и для городского населения. Оно привело к резкому снижению товарооборота, кассовых сборов и, следовательно, невыплате зарплат. Украинские власти просили об отмене этого постановления уже через месяц после его принятия (РГАЭ. Ф. 8043. Оп. 11. Д. 50. Л. 19; Д. 73. Л. 230; Д. 116. Л. 144).

³ Осокина Е.А. Характер демографических процессов и система централизованного снабжения продовольствием в 1933 году (Опыт работы с базой данных по торговой и демографической статистике) // Россия и США на рубеже XIX—XX вв. М., 1992. С. 155—173.

выступлениях было запрещено. Читая документы тех лет, вы вряд ли найдете слово «голод». Чаще всего в официальных документах вместо него употреблялась фраза «известные события».

Голод 1932—33 годов — один из наиболее трагических уроков истории, который показывает опасность соединения государственной монополии снабжения и тоталитарной власти. В огосударствленной экономике система снабжения легко превращалась в орудие наказания и расправы¹. Прекращение государственных поставок в условиях, когда альтернативные источники торговли были скудны или вовсе отсутствовали, стоило жизни миллионам людей.

«Считает ли советская власть крестьян людьми?» — этот вопрос, заданный государственному уполномоченному по коллективизации и посевной кампании во время сельского собрания в одном из районов Сибири, показывает, как чувствовали себя крестьяне в социальной иерархии общества². В то время, как официальная пропаганда твердила о равноправии и «неустанной заботе государства», народный фольклор давал четкий ответ на этот вопрос:

*Стоит Сталин на трибуне, держит серп и молоток,
А под ним лежит крестьянин без рубашки и порток.*

Крестьянам приходилось самим заботиться о себе. Личное приусадебное хозяйство и рынок в обеспечении сельского населения приобретали жизненное значение.

Иллюзорные привилегии индустриального авангарда

Первое впечатление человека, посетившего советские города в период карточной системы 1931—35 годов, можно выразить фразой — «вряд ли есть другая столь стратифицированная страна». Иностранцы, побывавшие в СССР, отмечали, одни разочарованно, другие злорадно, что идеи социального равенства и бесклассового общества, несмотря на победу социалистического Октября, так и остались нереализованными.

¹ История 30-х годов знает и другие примеры, когда снабжение, а лучше сказать, неснабжение, становилось орудием карательной политики. Один из них — случай с Ленинградом. В 1935 году его снабжение резко ухудшилось. По душевым показателям сельские поставки в Ленинградскую область стали намного превосходить снабжение этого второго по значению и привилегиям города в СССР. Объяснения следует искать в сфере политики. Убийство 1 декабря 1934 года руководителя ленинградской партийной организации С.М.Кирова повлекло не только политические репрессии («кировский поток»), но и экономические санкции. Поводом к карательным действиям стало существование в городе пресловутой «троцкистско-зиновьевской оппозиции», якобы виновной в убийстве Кирова. На деле же карательные санкции, которыми руководил Сталин, были направлены на разгром ближайшего окружения Кирова и наказания ленинградцев, в том числе и рабочих, которые составляли его социальную опору. Киров представлял угрозу личной власти Сталина, что показали выборы в высшие партийные органы на XVII съезде ВКП(б), и Сталин ударил политическими и экономическими мерами по людям, которые поддерживали его потенциального соперника (Осокина Е.А. Иерархия потребления. С. 97—99).

² В записку уполномоченного попали и другие интересные вопросы, заданные крестьянами во время докладов, бесед и разговоров: Какая разница между сплошной коллективизацией и крепостным правом? Имеет ли право мужик что-нибудь делать без разрешения и указания? Может ли мужик высказывать свое мнение и не попасть «на карандаш»? и другие (Коллекция С.А.Красильникова. Hoover Institution Archives).

Внешняя картина действительно подтверждала подобные выводы. Каждое предприятие, каждое учреждение имело несколько закрытых распределителей, закрытых кооперативов, закрытых столовых, которые обслуживали строго определенные группы населения. Однако присмотримся к иерархии государственного снабжения. Насколько существенны были различия, создаваемые ею?

Бесчисленное множество закрытых распределителей и столовых являлось фасадом, за которым в реальной жизни скрывалась стратификация в бедности. Государственное снабжение не обеспечивало городскому населению, за исключением небольших элитарных групп, даже прожиточного минимума. Различия в снабжении групп населения были ничтожны. Вот описание снабжения Магнитки, данное одним из ее рабочих — американцем Джоном Скоттом. Действительно, инженеры и рабочие питались в разных столовых. Однако пища в них была «из одного котла». Преимущество «инженерских» или ИТРовских столовых состояло в том, что там было относительно чисто, не толпился народ, не надо было подолгу стоять в очередях, хватало приборов. В рабочей же столовке за спиной каждого евшего стояло несколько ожидавших, чтобы получить освободившееся место, тарелку, вилку, ложку. Единственной разницей в рационе инженера и рабочего на Магнитке было то, что инженер получал на обед 300, а рабочий — 200 гр хлеба. Похожая картина существовала и в торговле. По словам Скотта, и в рабочих и в ИТРовских распределителях хлеб был единственным продуктом, который продавался регулярно. Разница состояла в том, что в распределителях ИТР по случаю можно было купить мясо, масло и рыбу. «По случаю» значило один-два раза в месяц по скудной норме¹.

Американский инженер Джозеф Томсон, который работал в Свердловске, вспоминает, что единственным преимуществом в питании ударников, по сравнению с другими рабочими, была тарелка горячих постных щей, которую они получали сразу же при перевыполнении нормы. Значит, по существу, реальную разницу в этой стратификации представляла всего лишь тарелка кипятка, в котором сварили капусту².

Сводки ОГПУ о состоянии продовольственного снабжения крупных промышленных центров за 1930—31 годы также являются свидетельствами стратификации в бедности. Государственное снабжение не обеспечивало сытой жизни даже индустриальному авангарду. Продукты были низкого качества. Преимущества инженеров и рабочих, по сравнению со служащими, исчислялись 0,5—2 кг мяса или рыбы, 400 гр постного масла, 500 гр сахара, получаемых в месяц на всю семью³.

Летом 1932 года в Ивановской области рабочие неиндустриальных производств получили только сахар. По сравнению с ними рабочие ведущих промышленных предприятий снабжались государством лучше. Кроме сахара они получили мясо, рыбу и крупу. Но сколько? Семья индустриального рабочего, состоявшая как минимум из 3—4 человек, на месяц получила 1 кг крупы, 500 гр мяса и 1,5 кг рыбы — продуктов, достаточных всего на несколько дней питания. Конечно, в глазах одного голодного другой, кото-

¹ Scott J. Behind the Urals. An American Worker in Russian City of Steel. Indiana Un. Press, 1989. P. 30—33, 38, 42, 78.

² Thomson Joseph L. A Yankee Expert in Free Russia // The Saturday Evening Post. June 27, 1931. P. 122.

³ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 6. Д. 674; Оп. 8. Д. 655.

рый раздобыл кусок мяса, — богач, но оба они остаются бедняками. В Иванове и семьи индустриальных рабочих, и семьи рабочих неиндустриальных производств влачили полуголодное существование.

Скудость снабжения приводила порой к тому, что за иерархией распределителей и столовых вообще не скрывалось никакой фактической разницы. В Донбассе, например, один из магазинов был разделен перегородками на шесть частей, в каждой из которых «отоваривалась» определенная группа рабочих. Заводская администрация стремилась обеспечить дифференцированное снабжение для групп рабочих «разной индустриальной важности». Лучший магазин предназначался для ударников производственных цехов с Почетными грамотами, далее шли ударники и рабочие-неударники производственных цехов, затем ударники непромышленных цехов, служащие-ударники и просто служащие. При входе в каждое из шести отделений сидел человек, который проверял пропуска или «ударные книжки». Чужак не мог пройти не «в свой» магазин. Однако если бы вы смогли посетить все шесть отделений, то увидели бы, что в них продавался один и тот же скудный ассортимент¹.

«За нашу ударную работу — говорилось в письме, написанном в 1931 году, — нас произвели «в ударников», дадут специальную карточку. Какие привилегии даст нам это ударничество, я еще не знаю. Кажется, никаких. Теперь так много развелось ударников, что в очередях, например, их бывает больше, чем неударников...»²

От отдельных примеров перейдем к статистике. Попробуем на основе бюджетов реконструировать паек индустриального рабочего. Не считая спецснабжения и красноармейского пайка, это было лучшее, на что могло рассчитывать население в те годы. Пересматривая нормы по несколько раз в год, Наркомснаб в первую очередь и наиболее резко снижал нормы предприятий второго и третьего списков, стараясь за счет этого лучше обеспечить индустриальный авангард. Внутри списков в первую очередь снижались нормы служащих, а в последнюю — нормы индустриальных рабочих.

Однако бюджеты фабрично-заводских рабочих свидетельствуют о том, что введение всесоюзной карточной системы в 1931 году не улучшило рабочее снабжение³. Более того, положение ухудшилось и достигло в 1932—33 годах такого состояния, при котором ЦУНХУ не решалось публиковать, даже для ограниченного круга «заинтересованных организаций», традиционные ежемесячные бюллетени о потреблении рабочих. Об этом сообщалось Сталину и Молотову в одной из докладных записок⁴. По данным ЦУНХУ, нормы снабжения рабочих, установленные правительством, за исключением хлебных, не выполнялись. Эти выводы подтверждали и эконо-

¹ Советская торговля. 1935. № 8. С. 50.

² Коллекция документов Е.Ф.Павловской (Hoover Institution Archives). Приведена цитата из письма сестры Павловской, которая работала машинисткой в Воронеже. Все свои письма она начинала с описаний продовольственных трудностей, приводила рецепты «новых блюд», которые изобретали люди в условиях недостатка продуктов, делилась опытом, как лучше достать, как экономнее приготовить еду. В одном из писем она писала: «Как много и разнообразно мы ели раньше и как мало — теперь». Она признавалась, что ее сокровенная мечта — «съесть семь кур».

³ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 62.

⁴ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 62. Л. 99—105.

номические материалы ОГПУ¹. В отличие от ЦУНХУ, ОГПУ констатировало по основным промышленным районам ухудшение и хлебного снабжения.

Таблица 7 (прилож.) представляет данные о питании фабрично-заводских рабочих СССР за 1932—35 годы в сравнении с 1926 годом. Следует обратить внимание, что здесь учтено не только государственное снабжение (общественное питание, пайки, государственная коммерческая торговля), но и продукты, которые рабочие покупали на рынке. Это было то, что усилиями всей семьи, используя все источники снабжения, имели рабочие семьи.

Данные свидетельствуют о количественном уменьшении и о качественных изменениях в питании рабочих. Дорогой и более калорийный белый пшеничный хлеб заменялся дешевым и грубым черным. Резко сократилось потребление мясо-молочных продуктов и жиров. Вместо 150 гр мяса в день, как в 1926 году, рабочий в среднем ел 70 гр в 1932-м и 40 гр в 1933 году. Практически исчезли из рациона сливочное масло, яйца, молоко. Примерно на уровне 1926 года оставалось только потребление хлеба, картофеля, крупы, рыбы. В целом, рацион становился более растительным, хотя потребление растительных продуктов и не увеличивалось. В 1934—35 годах питание рабочих улучшилось, но все же ко времени отмены карточной системы восстановить уровень потребления мясо-молочных продуктов, существовавший в конце 20-х годов, так и не удалось. Несмотря на скудость питания в период карточной системы, на покупку продуктов уходила львиная доля расходов в бюджете рабочей семьи (60%).

Что же в этом скудном рационе индустриального рабочего обеспечивалось государственным пайковым снабжением? Обратимся к таблице 8 (прилож.), которая показывает средний ежедневный рацион рабочих без питания в заводских столовых² и покупок продуктов на крестьянском рынке. Данные таблицы подтверждают выводы, сделанные ранее. Иерархия снабжения существовала. Питание рабочих Москвы и Ленинграда, относившихся к привилегированным спискам снабжения, было лучше среднего уровня питания промышленных рабочих, существовавшего в стране. Индустриальные рабочие столиц ели белого пшеничного хлеба, мяса, рыбы, сахара больше, чем рабочие областных городов или текстильщики Иваново, относившиеся, по сравнению с Москвой и Ленинградом, к более низким спискам снабжения.

Подтверждается, однако, и другой вывод. Государственное снабжение создавало стратификацию в бедности. Все рабочие, включая и индустриальный авангард, владели полуголодным существованием. Никто, даже семьи столичных индустриальных рабочих, практически не получали из государственных фондов жиров, молочных продуктов, яиц, фруктов, чая. Снабжение мясом можно считать чисто символическим: член рабочей семьи в Московской или Ивановской области ел в среднем в день не более 10 гр. По сравнению с ними столичные рабочие получали больше — 35—40 гр в день, но этого было недостаточно для тех, кто занимался тяжелым физическим трудом. По данным бюджетов (табл. 8), паек индустриального

¹ ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 10. Д. 116. Л. 66—69, 166—174.

² Заводские столовые в годы карточной системы главным образом обеспечивались продуктами из заводских подсобных хозяйств. Из государственных фондов туда поступали в основном хлеб, крупа, чай.

рабочего Москвы, один из лучших в стране, обеспечивал в 1933 году на члена семьи полкило хлеба, 30 гр крупы, 350 гр картофеля и овощей, 30—40 гр мяса и рыбы, 40 гр сладостей и сахара в день, стакан молока в неделю.

Получая даже столь скудный паек, индустриальные рабочие имели реальные преимущества перед рабочими мелких предприятий, служащими, студентами, которые снабжались из государственных фондов в основном хлебом да по случаю получали немного крупы и сахара. Преимущества индустриальных рабочих выглядят еще более очевидными, если сравнивать с положением крестьян, которые практически не обеспечивались государственным снабжением и в условиях роста государственных заготовок сельскохозяйственной продукции были обречены на голод. Однако даже для индустриального авангарда, не говоря уже об остальных группах населения, государственного снабжения было недостаточно и рынок был жизненно необходим.

Централизованное распределение непродовольственных товаров повторяло иерархию продовольственного снабжения, с той лишь разницей, что здесь товарные ресурсы государства были еще более худосочными. Бюджеты фабрично-заводских рабочих СССР за 1932—33 годы являются свидетельством нищеты советского пролетариата¹. В среднем в год на одного члена рабочей семьи покупалось (включая государственную торговлю и рынок) около 9 м ткани, в основном ситец. Реально это могло материализоваться в два летних платья или две-три рубахи в год. Шерстяные ткани практически отсутствовали — 40 см в год на человека. В соответствии с бюджетами, на одного члена рабочей семьи приходилось в год менее пары кожаной обуви (0,9), одна галоша (0,5 пары), а также кусок мыла (200 гр) и немногим более литра керосина в месяц². Кроме того, рабочий в месяц приобретал около 12 кг угля для отопления жилья и немного дров (0,03 куб. м). Мебель, хозяйственные вещи практически не покупались. Расходы на них составляли около одного рубля на человека в месяц, столько же, сколько тратилось на покупку мыла. В целом на непродовольственные товары в 1932—33 годах уходило всего лишь 10% расходов в бюджете рабочей семьи.

Сколь ни ничтожны эти данные, но не все из перечисленного обеспечивалось государственным снабжением. На рынке покупалось 40—45% дров, 20% кожаной обуви, 10—15% швейных изделий, мыла, 7% угля. Только керосин и ситец поступали почти исключительно от государства.

Централизованное распределение непродовольственных товаров также подчинялось индустриальным приоритетам. В наилучшем положении находились московские рабочие. Но в чем реально состояли их преимущества? В 1932—33 годах московский пролетарий, по сравнению со средним промышленным рабочим в СССР, получал из государственных фондов на каждого члена своей семьи в год на 2 м ситца больше, кусок мыла в месяц весом не в 200, а в 350 гр, керосина на 2,5 л больше. Московский рабочий меньше, чем средний рабочий в стране, покупал товаров на рынке, что

¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 62. Л. 12, 15, 16, 31, 82, 83.

² Керосин играл исключительно важную роль в быту, так как являлся топливом для примусов, на которых готовила пищу вся страна. Без преувеличения можно сказать, что первые пятилетки шагали в жизнь не только под звуки рабочего молота, но и шипение примусов.

делало для него жизнь дешевле¹. В этом немногом реально и состояли преимущества индустриального авангарда в системе государственного снабжения непродовольственными товарами.

В условиях столь скудного товарного снабжения люди выглядели бедной, однообразно одетой массой. По словам одного из американских инженеров, в «России требовалось не умение одеваться, а умение во что одеваться». Вот некоторые высказывания сторонних наблюдателей:

«Все похожи друг на друга в однообразных одеждах. Отсутствуют нарядные женщины, привычные на Западе. Ты быстро начинаешь различать разницу в одежде полов, но никто не носит ничего, кроме коричневого и черного» (Москва, 1928)².

«Теперь уже довольно холодно, а в Сталинграде есть тысячи людей, не имеющих даже сапог, не говоря уже о теплом платье. Они одеты в лохмотья, да и те так обтрепаны, как мне еще не случалось видеть ни на одном «тряпичном карнавале», — сообщал в конце 1930 года немецкий рабочий в письме своему другу³.

Эллери Уолтер вспоминает, как в «Национале» за подаренные им 4 носовых платка и кусок мыла ликующая прачка стирала ему рубашки за полцены (1931)⁴.

«Одежда, которую носили наши русские друзья, была главным образом странной комбинацией пиджаков, жилеток и штанов — так трудно было достать целый костюм. Все, что мы могли предложить им из одежды, охотно принималось и высоко ценилось» (Грозный, 1932)⁵.

В 1934 году Энн О.Маккормик писала: *«Люди лучше одеты, чем раньше. Но одежда не имеет стиля, мало отличается и сшита из материала такого качества, что не могла бы быть продана в Западной Европе»⁶.*

Плачевны были и жилищные условия. Официально индустриальный авангард имел преимущества при распределении жилья. Но опять же практически реализовать их было трудно — города переживали острый жилищный кризис. Средняя душевая норма по стране составляла менее 4 кв. м на человека, хотя во многих местах было и того хуже. В Донбассе, например, 40% рабочих имели менее 2 кв. м жилой площади на человека⁷. Население в городах жило скученно, главным образом, в коммуналках — квартирах, где семьи имели отдельные комнаты, но общую кухню и ванну. На новостройках — и того хуже, жили в землянках, палатках, бараках, общежитиях по несколько семей в комнате. Бывало, что люди занимали кровать по-сменному: один пришел с работы, другой ушел на работу. Жили и на производстве в подсобных помещениях, цехах.

Различия, которые создавала для основной массы населения иерархия государственного снабжения и централизованного распределения других благ, были невелики. Это, однако, не облегчает ответа на вопрос, насколько

¹ По данным бюджетов, в среднем по СССР рабочий покупал на рынке около 10—15% швейных изделий и мыла, 20% кожаной обуви, в то время как московский рабочий соответственно 2—4 и 10%.

² Ashmead-Bartlett E. The Riddle of Russia. P. 32.

³ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 33. Л. 35, 36.

⁴ Walter E. Russia's Decisive Year. P. 24.

⁵ Burrell G.A. An American Engineer Looks at Russia. P. 126.

⁶ McCormick A. O'Hare. Russia's Trend — To Main Street? // The New York Times Magazine. February 18, 1934. P. 20.

⁷ The Economic Transformation of the Soviet Union. P. 103.

ко существенными являлись эти различия для осознания людьми своей принадлежности к разным социальным группам. Для стороннего наблюдателя из капиталистического общества, более сытого, более резко стратифицированного, те преимущества, которые обеспечивала государственная распределительная система индустриальному авангарду, казались смехотворными. По-другому мог оценивать эти преимущества человек, принадлежавший к советскому обществу 30-х годов. В его сознании лишний кусок хлеба и мяса, доступ в специальный распределитель (пусть даже его ассортимент мало чем отличался от других), лишний метр жилой площади, дополнительный рубль в зарплате могли восприниматься как существенные различия и преимущества. Тем более, если об этом каждый день твердила официальная пропаганда. Обладание лишним куском хлеба и лишней парой штанов в обществе бедняков могло иметь не меньшее значение в сознании людей, чем обладание лишней машиной или домом в обществе состоятельных людей.

Хотя основные жертвы на алтарь индустриализации принесло сельское население, городское также не избежало тяжелых последствий полуголодного существования в период карточной системы. В 1933 году практически повсеместно, за исключением Московской, Ленинградской областей, Белоруссии и Закавказья произошла убыль городского населения СССР, причиной которой стало резкое снижение рождаемости¹. По масштабам убыли городского населения выделялись Нижняя и Средняя Волга, Северный Кавказ и Черноземный Центр, Крым. Это были регионы, охваченные массовым голодом в деревне, и одновременно территории с преобладанием неиндустриальных городов, попавших в низшие списки снабжения.

Тяжелые условия жизни питали антисоветские настроения в среде городского населения, толкали людей на крайние действия. Материалы ОГПУ свидетельствуют о забастовках, эксцессах в очередях, избиениях работников кооперации, самовольном расхищении продуктов и пр. К сожалению, невозможно оценить точные масштабы выступлений. Сводных данных о забастовочном движении не удалось найти. Приведу лишь некоторые факты, которые попали в сводки. Крупнейшие в период карточной системы стачки прошли на текстильных предприятиях Тейкова и Вычуги Ивановской области в апреле 1932-го и феврале 1933 годов². На Урале в первом квартале 1932 года по причине плохого снабжения прошло 10 забастовок, в апреле — еще 7. Крупнейшей из них стала забастовка на Воткинском заводе. В ней участвовало 580 человек. Плохое снабжение стало причиной забастовок, волынок, демонстраций в Донбассе, Нижегородском крае, Черноморском округе и других местах³.

Следует, однако, подчеркнуть, что в период карточной системы в городах, несмотря на тяжелейшие условия жизни, недовольство не принимало формы общесоюзных выступлений. Оно чаще оборачивалось текучестью

¹ По подсчетам ЦУНХУ, в 1931 году в городах РСФСР родилось 621 тыс. человек, в 1932-м — 713, а в 1933-м — всего лишь 445 тыс. человек. На Украине соответственно — 152, 167 и 110 тыс. человек (РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 107).

² Подробно об этом см.: Rossman Jeffrey J. The Teikovo Cotton Workers' Strike of April 1932: Class, Gender and Identity Politics in Stalin's Russia // The Russian Review 56. January 1997. P. 44—69.

³ РГАЭ. Ф. 8043. Оп. 11. Д. 56. Л. 51; ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 10. Д. 116. Л. 69, 172—174.

кадров, практически бегством с предприятий, ростом аполитичности, снижением производственной активности и пр. Главной стратегией решения жизненных проблем являлась не открытая борьба, а приспособление. Люди изобретали множество способов, чтобы выжить. Предприимчивость и изворотливость создавали рынок товаров и услуг, который восполнял огрехи государственной системы снабжения.

Материальное положение элиты

В своей книге «Российский железный век» журналист Уильям Чемберлин в начале 30-х годов писал:

«Когда я вернулся из Америки в Советский Союз и прочитал своим друзьям список продуктов, которые получают семьи безработных в Милуоки, они воскликнули: «Это больше похоже на нормы ответственных работников, чем на нормы наших обычных рабочих и служащих»¹.

Автор других мемуаров подмечает:

«Новая классовая система начинает появляться в России. Ступени новой социальной лестницы расположены очень близко друг к другу, ее высшая позиция равна одной из низших в буржуазной системе»².

Вот свидетельство другого наблюдателя:

«Вся эта роскошь (имеются в виду товары, продаваемые в 1934 году в лучших советских магазинах. — Е.О.) не считалась бы роскошью где-либо еще. Даже самый большой комфорт, которым наслаждается советская элита, не удовлетворил бы представителя низших слоев среднего класса (the lower-middle-class citizen) в Соединенных Штатах»³.

В то же время Троцкий считал, что сталинская бюрократия жила жизнью западноевропейских магнатов. Есть и современные российские исследователи, которые видят в политическом руководстве СССР 30-х годов мультимиллионеров. Каким же в действительности было материальное положение высшей политической элиты? Поскольку высшее руководство страны в огосударствленной экономике являлось наиболее обеспеченным слоем общества, мы можем поставить вопрос и так: как высоко располагалась планка богатства в СССР?⁴

По свидетельствам мемуаров, в начале 30-х годов в Кремле жили довольно скромно, грубовато-просто, скорее по-солдатски, чем аристократически⁵. Жизнь высшей политической элиты была далека от жизни бывшей российской аристократии и высшего общества Запада. Это определялось во многом вкусами и культурой самих обитателей Кремля, системой ценнос-

¹ Chamberlin William Henry. Russia's Iron Age. Boston. Little, Brown, and Company, 1934. P. 96—97.

² Thompson D. The New Russia. P. 37.

³ McCormick A. O'Hare. Russia's Trend — To Main Street? P. 2.

⁴ Говоря о высшем политическом руководстве или элите, автор имеет в виду партийно-государственных руководителей, получавших в период карточной системы наилучшее спецснабжение (пайки литеры «А» в закрытых распределителях для руководящих работников центральных учреждений). О том, какие должности составляли эту группу, говорилось ранее.

⁵ Дмитриевский С. Советские портреты. С. 21, 22. Автор считает, что в 20-е годы жизнь в Кремле была более роскошной и тон в этом задавали бывшие в силе большевики-аристократы — Троцкий, Зиновьев, Каменев.

тей социализма, которой они должны были следовать, но имел значение и уровень экономического развития общества, тип господствовавшей в нем экономики.

Самой большой привилегией элиты в голодные годы первых пятилеток являлась сытая жизнь. Но, строго говоря, в стране был только один человек, который не жил «на пайке, по ордерам и талонам» — Сталин. Обильные застолья в Кремле и на даче «хозяина» описаны в мемуарах. Остальное высшее политическое руководство получало паек. Паек был дешевым, почти даровым и достаточно сытным, но все же это был паек.

Вот один из примеров спецпайка. Его получали летом 1932 года жившие в Доме правительства на Болотной площади в Москве. Месячный паек включал 4 кг мяса и 4 кг колбасы; 1,5 кг сливочного и 2 л растительного масла; 6 кг свежей рыбы и 2 кг сельди; по 3 кг сахара и муки (не считая печеного хлеба, которого полагалось 800 гр в день); 3 кг различных круп; 8 банок консервов; 20 яиц; 2 кг сыра; 1 кг кетовой икры; 50 гр чая; 1200 штук папирос; 2 куски мыла; а также 1 литр молока в день¹. Сытно, но, если не считать икры, без излишеств. В ассортименте были также кондитерские изделия, овощи и фрукты. Перебоев с продуктами в спецраспределителях, как правило, не было. Нормы могли варьироваться, одни продукты заменяться другими, но всегда существовал выбор.

Одеждой и обувью высшее руководство страны обеспечивалось по ордерам и талонам². Источники снабжения были ограничены. В зависимости от ранга разрешалось определенное количество заказов на пошив в специальных мастерских. По нормам и по очереди можно было купить вещи в специальных распределителях или получить со склада в Кремле. В последнем случае одежда бывала «с чужого плеча», бывшей в употреблении, конфискованной. Те руководители, кто ездил по службе за границу, привозили импортные вещи — шелковые чулки, шляпки, духи, белье, платья. Молодые жены кремлевских сановников старались следовать европейской моде по журналам, которые попадали в страну. (К слову сказать, одним из каналов проникновения иностранных журналов в СССР являлось ОГПУ/НКВД. Сотрудники получали их по служебным каналам, но часто использовали в личных целях.) Но в общем-то высшее руководство страны внешне выглядело скромно — пиджачки, мягкие рубашки, косоворотки,

¹ Стоимость этого пайка (литера «А») составляла немногим более 147 руб. Паек для ответственных работников (литера «Б») был скромнее. В конце 1931 года он включал: 2 кг мяса и 3 кг колбасы, 3 кг рыбы, 2 кг сельди, 0,5 кг кетовой икры, 5 банок консервов, по 1 кг жиров и сыра, по 1,5 кг сахара и сухофруктов, 10 штук яиц в месяц, а также 1 л молока в день. Ко времени отмены карточной системы нормы рыбы, жиров, сахара были повышены (РГАЭ. Ф. 8043. Оп. 1. Д. 71. Л. 107—108; Оп. 11. Д. 32. Л. 30; ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 16а. Д. 343. Л. 4—5).

² Летом 1931 года Наркомснаб утвердил следующие нормы снабжения в закрытых распределителях ответственных работников (литера «Б»): зимнее, демисезонное пальто, плащ, костюм, брюки, толстовка, 3 рубашки, 4 пары белья, 24 м ткани, 6 пар носков, 12 кусков туалетного мыла, 2 пары обуви, 2 пары галош, 2 простыни на человека в год. Ко времени отмены карточной системы руководящим работникам (литера «А») полагалось товаров на 300 рублей в квартал, ответственным работникам (литера «Б») — на 250 рублей (РГАЭ. Ф. 8043. Оп. 11. Д. 32. Л. 30; ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 16а. Д. 343. Л. 5).

толстовки, военная форма у мужчин, закрытые платья у женщин. Смокинги, фраки, вечерние платья были у тех, кто находился на дипломатической службе¹.

Зарплата политического руководства была наивысшей в стране². Канули в Лету времена, когда партиец на руководящей работе не мог получить больше партмаксимума — средней зарплаты рабочего. Руководству полагались и персональные пенсии. Существовали и другие дополнительные источники денежных доходов. Так, для «помощи» руководящим работникам создавались «секретные денежные фонды». Секретными их называла сама власть. Они появились в 20-е годы, но в рассматриваемый период получили широкое распространение. Секретные фонды шли на оплату питания в закрытых столовых, спецбуфетах, покупку квартир, книг, пособий на лечение, оплату путевок, строительство закрытых домов отдыха и пр.³. Однако в условиях скудной социалистической торговли и практически бесплатного государственного обеспечения деньги в материальном положении элиты не играли особой роли.

Как и вся страна, высшее партийное и советское руководство переживало, на своем уровне, жилищный кризис. Получить квартиру в Кремле считалось престижным, но свободных мест не было. Обитатели Кремля в борьбе за жилую площадь мало отличались от простых обывателей. С начала 30-х годов новые квартиры в Кремле практически не предоставлялись. На государственные средства велось специальное жилищное стро-

¹ Интересный рассказ, правда, относящийся к более позднему времени, привлек мое внимание в воспоминаниях Григория Климова. Еще одна черточка в портрете номенклатуры, ее вкусах, системе ценностей, уровне обеспечения. Григорий Климов вспоминает, что в конце войны наркоматчиков Москвы можно было безошибочно узнать по светло-коричневым кожаным пальто. Эти пальто, в качестве спецодежды для шоферов, вместе с автомашинами присылались американцами по лендлизу. Машины уходили по назначению на фронт, а кожаные пальто оставались в Москве (Hoover Institution Archives. Коллекция Б. Николаевского).

² В октябре 1933 года постановлением ЦИК и СНК были установлены твердые должностные оклады работникам советских организаций. Так, председатели и секретари ЦИК СССР и союзных республик; СНК СССР и союзных республик, их замы; председатели краевых, областных исполкомов и горсоветов Москвы, Ленинграда, Харькова; наркомы СССР и РСФСР и их замы; председатели Верховного суда СССР, РСФСР, краевых и областных судов; прокуроры СССР, союзных республик, краев, областей; ректора Института Красной профессуры и ряда других университетов получали оклад 500 рублей в месяц. Персональные зарплаты доходили до 800 рублей в месяц. Средняя зарплата рабочих в это время составляла 125 рублей. Лишь небольшой слой высокооплачиваемых рабочих имел заработок 300—400 рублей в месяц. Зарплата учителей начальной и средней школы составляла 100—130, врачей — 150—275 рублей в месяц. Существовали в стране и оклады 40—50 рублей в месяц, которые получал, например, средний и младший медперсонал (РГАЭ. Ф. 8043. Оп. 1. Д. 90; Оп. 11. Д. 78. Л. 15—20; Д. 26. Л. 2—4; Ф. 1562. Оп. 329. Д. 62. Л. 1). О зарплате и других денежных доходах высшего руководства СССР также см.: Matthews M. *Privilege in the Soviet Union*. P. 91—101.

³ В 1933 году в Наркомате снабжения СССР секретный денежный фонд для помощи руководящим работникам составлял 600 тыс. рублей в год. Из этих средств должны были выделяться дотации в столовую в размере 80 руб. в месяц на человека, книжные абонементы — 50 руб. на человека в квартал, лечебный фонд в размере 400 руб. на человека в год, а также 7 тыс. руб. в месяц — на содержание закрытых буфетов (РГАЭ. Ф. 8043. Оп. 11. Д. 74. Л. 146).

ительство в городе¹. Строительство элитных домов приравнивалось к ударным стройкам страны, к Днепрогэсу или Магнитке. Элитные дома имели обширный штат obsługi, который содержался за государственный счет. Дворники, слесари, электромонтеры, истопники и прочий обслуживающий персонал получали нормы индустриальных рабочих особого списка, охрана домов — нормы красноармейского пайка. Как правило, в доме располагался свой закрытый распределитель и гараж. Квартплата составляла чисто условную сумму, а то и вообще все оплачивалось за счет учреждения, в котором работал сановник. По советским меркам жилищные условия были роскошными — три, четыре, пять комнат на семью. По западным же стандартам до роскошества было далеко.

Мебель и прочая домашняя утварь покупались или выдавались с материального склада Кремля. Те, кто имел вкус и желание, могли из бывшего дворцового имущества создать роскошную обстановку. Квартира Рудзутака, например, по свидетельствам, напоминала музей. Однако в 30-е годы стиль в Кремле задавал Сталин, квартира которого была скромной, почти спартанской — «книги, несколько портретов, мебель простая, самая необходимая. Единственный комфорт — это диваны, их всегда у него по несколько в каждой комнате, разных форм, а иногда и цветов»². Скромной была и квартира второго человека в государстве — Молотова. Обстановка большинства кремлевских квартир, как свидетельствуют мемуары, была казенная, нежилая, не квартиры, а гостиничные номера. Мебель, утварь — сборные, разнокалиберные, безвкусно подобранные, старое дворцовое вперемежку с советским ширпотребом низкого качества. Для большинства руководителей квартира была местом, где ели и спали, все остальное время отдавалось работе, служебному кабинету.

Помимо квартир в городе, высшему руководству полагались государственные дачи. В зависимости от ранга в иерархии, это могли быть загородные дома или/и виллы на курортах в Крыму и на Кавказе. Дачи также содержались за государственный счет. Те, рангом ниже, у кого не было «своего» дома на курорте, пользовались ведомственными санаториями, домами отдыха. Нормы питания в элитных санаториях выгодно отличались от «общегражданских»³.

Личные машины были редкостью в первой половине 30-х годов, руководящие работники пользовались государственными машинами, не платя ни за бензин, ни за ремонт. За государственный счет оплачивались и их шоферы. В распоряжение высшей элиты предоставлялись личные салон-

¹ Одним из таких элитных домов был Дом правительства, построенный в центре Москвы, недалеко от Кремля, и известный, благодаря книге Юрия Трифонова как «Дом на набережной». В наши дни серый фасад этого здания увешан мемориальными досками с именами партийных и государственных сановников, военных и ученых, живших в нем в сталинские годы. Этот мрачный «номенклатурный некрополь» — один из первых рукотворных памятников иерархии советского общества.

² «Иосиф бесконечно добр...». Дневник М.А.Сванидзе // Источник, 1993. № 1. С. 11.

³ В 1934 году нормы питания в санатории «10-летие Октября», предназначенного для лечения партактива, в сравнении с нормами «общегражданского» санатория, составляли в день на одного отдыхающего: сахара соответственно — 125 и 100 гр, сливочного масла — 125 и 33 гр, мяса — 500 и 165—200 гр (РГАЭ. Ф. 8043. Оп. 11. Д. 85. Л. 112; Д. 116. Л. 126, 127).

вагоны для путешествия по железной дороге¹. Проезд на транспорте был бесплатным. Обслуживание служебных вагонов проходило за государственный счет. В 1933 году, в разгар массового голода в стране, по словам официального документа, «ежемесячное потребление продуктов служебными вагонами ЦК» составило: 200 кг сливочного масла, 250 кг швейцарского сыра, 500 кг колбасы, 500 кг дичи, 550 кг разного мяса, 300 кг рыбы (кроме того, 350 кг рыбных консервов и 100 кг сельдей), 100 кг кетовой икры, 300 кг сахара, 160 кг шоколада и конфет, 100 ящиков фруктов и 60 тыс. штук экспортных папирос².

Номенклатура имела и свое закрытое медицинское обслуживание, свой штат врачей, свои больницы. Высшее политическое руководство обслуживалось Санупром Кремля бесплатно. (Остальное население страны также пользовалось бесплатным медицинским обеспечением, хотя качество его был несравненно хуже.) Путевки в санатории выдавались за символическую плату. Но заграничные поездки на лечение в связи с валютной проблемой в 30-е годы сокращались.

Светская жизнь в западном понимании слова отсутствовала. Высшая политическая элита не ходила в рестораны и кафе, совнаркомовская столовая была ее рестораном. Никаких публичных развлечений, за исключением театров — там существовали правительственные ложи. Сталин, как известно, любил кино. Однако просмотр кинофильмов был закрытый, для узкого круга людей. Ни светских приемов, ни балов. Дипломатические приемы и правительственные банкеты по случаю советских праздников и в честь иностранных гостей представляли официальные мероприятия — скорее работа, чем развлечение. Светская жизнь в Кремле ограничивалась вечеринками и «междусобойчиками», скорее напоминавшими чиновничьи вечеринки дореволюционного провинциального города. По свидетельствам мемуаров, никакой особой сервировки, украшений, ритуалов в обычном обиходе не было. Советская элита была лишена также еще одного развлечения западной аристократии — праздных путешествий. Кроме ежегодного

¹ Салон-вагоны изготовлялись по индивидуальному заказу на деньги ведомства, в котором работал сановник, и стоили круглую сумму. При нормальной стоимости мягкого вагона 70 тыс. руб. изготовление салон-вагона обходилось в 300—400 тыс. руб., а были случаи, что и более миллиона руб. Вот описание одного из салон-вагонов, предназначенного для наркома финансов Гринько: «Двери купе, спальни и ванной с внутренней стороны зеркальные, внутренняя отделка — из дуба под красное дерево с полировкой под лак, обивка потолка салона клеенкой, стен — линкрустом по сукну, мебель особой конструкции под красное дерево, обитая шагреновой тканью». Проверка Комиссии советского контроля, показала, что вагоностроительный завод им. Егорова к 1937 году был завален подобными заказами и только тем и занимался, что изготовлял салон-вагоны. Заказчики же, по определению Комиссии, «бесились с жиру». Так, в 1935 году по заказу начальника Главвагонпрома Фушмана был изготовлен салон-вагон длиной 25 м, стоимостью 1,5 млн. руб. (ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 24а. Д. 409. Л. 27). Совнарком пересматривал списки организаций, которые могли пользоваться служебными вагонами, пытаясь остановить разбазаривание государственных средств. В 1932 году права на салон-вагоны имели секретари и члены Политбюро ЦК ВКП(б), председатели ЦИК СССР, СНК СССР и РСФСР, ОГПУ СССР, наркомы СССР, командующие округов. Последующие проверки показали, однако, что салон-вагонами продолжали пользоваться без разрешения правительства областные и краевые руководители.

² РГАЭ. Ф. 8043. Оп. 11. Д. 85. Л. 152—154.

отпуска на советских курортах, все поездки по стране и за границу были служебно-деловыми. Не было и счетов в банках, вообще денежные накопления, как правило, отсутствовали.

В оценке материального положения советской и западной элиты есть одно обстоятельство, которое затрудняет сравнение. Советская элита практически ничего не имела своего. Она жила на казенный счет. В этом состояло ее преимущество — в отличие от западной аристократии, жизнь ей практически ничего не стоила, была даровой¹. Но в этом заключалась и огромная слабость советской номенклатуры — с потерей должности терялось все². «Вельможи», может, больше, чем нищие в стране, зависели от государства. Не случайно советские руководители держались за свои должности буквально до конца и уходили с них прямо на кладбище. По мнению Егора Гайдара, зыбкость прав номенклатуры на приобретенное благополучие породила горбачевские рыночные реформы, которые в первую очередь преследовали цель создать частную собственность номенклатуры, отличную и отдельную от государственной собственности. Элита хотела «приватизировать» свое материальное благополучие, получить право передавать его по наследству, а не оставлять вместе с должностью своему преемнику по службе³.

Иерархия в бедности — подобная оценка советского общества в определенном смысле включает и элиту страны. Речь не идет о масштабах власти и влияния, речь не о том, чем могло бы пользоваться политическое руководство, имея в распоряжении богатейшую страну, а только о том, чем оно в действительности пользовалось, о том, что представляло ее реальное материальное благосостояние. Планка богатства в советском обществе первой половины 30-х годов по западным меркам располагалась невысоко: обильная, но без особых изысков еда, скромный гардероб, квартира средних размеров, загородный дом для отдыха, казенная машина, походы в театр, вечеринки⁴. Обеспечение советской элиты вряд ли превышало, даже

¹ Рассказывают случай, который произошел после войны. Дочь Сталина, Светлана, пришла к отцу и попросила у него деньги на покупку машины. Сталин открыл ящик стола и бросил пачку купюр на стол. Он очень удивился, когда узнал, что этой суммы было недостаточно, чтобы купить машину. Живя за государственный счет, политическое руководство страны не знало действительных цен социалистической торговли.

² Кроме того, понятие материально обеспеченной элиты в советском и западном обществе не совпадало. Если в СССР партийно-государственное руководство, именно в силу занятия высших должностей, составляло слой наиболее обеспеченных людей, то в западном обществе лишь отдельные представители государственной администрации являлись в то же время наиболее богатыми людьми. По мнению Мьютьюза, в 70-е годы только президент США получал достаточно высокую зарплату, чтобы быть включенным в число элиты. Источники богатства в западном обществе являлись иными, чем в советском обществе (Matthews M. Privilege in the Soviet Union. С. 182).

³ Гайдар Е. Государство и эволюция. Гл. IV. Частная собственность номенклатуры. С. 103—143.

⁴ В воспоминаниях И. Чекалина говорится о материальном положении сотрудников НКВД за период 1934—41 годов. Порядка 70% сотрудников и служащих, хотя и жили лучше среднего советского гражданина, по мнению Чекалина, находились по материальному положению ниже среднего уровня рабочего в западном обществе. К концу 30-х годов их зарплата составляла в среднем 2 тыс. руб. в месяц. Кроме того, работники НКВД имели бесплатную форму (шерстяной костюм, шинель, фуражка на 2 года, хлопчатобумажный костюм, сапоги, 3 пары белья на год). Раз в год полагалась путевка на курорт и денежное пособие на отпуск. Для жилья семейным предоставлялось 2 комнаты, холостым — комната в коммуналке. Работники НКВД имели также свои магазины, где покупали товары по более низким ценам, чем «обычное» население.

с учетом последствий мирового экономического кризиса, материальные возможности высших слоев среднего класса Запада¹.

Высшее руководство НКВД к концу 30-х годов получало зарплату 3—4-тыс. рублей в месяц, денежные дотации из специальных фондов, квартиру из 3—4 комнат, государственную дачу и машину, бесплатное питание из особого ресторана — прямо в кабинет, продовольственные пакеты для семьи с доставкой на квартиру. Пошив одежды осуществлялся в специальных мастерских. Раз в год — отпуск на советском курорте. Ни одна категория НКВДистов, по словам Чекалина, не имела накопленных средств. Деньги вкладывались в импортные вещи, это был капитал на черный день (Коллекция Б. Николаевского. Hoover Institution Archives).

¹ Представление о жизни среднего класса США в 30-е годы дают материалы интервью, которые проводились в период с 1936 по 1940 год. Были опрошены тысячи человек по всей стране. Сбор информации осуществляли безработные писатели, юристы, учителя, библиотекари и другие. Интервьюеры выезжали на места и лично беседовали с людьми, которые вспоминали свою жизнь, в том числе и период первой половины 30-х годов. В обязанности интервьюера входил сбор информации о внешнем виде людей, условиях их жизни, образовании, работе, доходе, питании, времяпрепровождении, религиозных и политических взглядах и другое. В настоящий момент материалы коллекции «Истории жизни американцев» (American Life Histories) хранятся в отделе рукописей Библиотеки Конгресса в Вашингтоне. Коллекция насчитывает 2900 документов, представляющих работу 300 писателей из 24 штатов, и является частью огромного Федерального писательского проекта (The Federal Writers' Project), проводившегося администрацией президента Рузвельта в рамках Нового курса. Благодарю Ричарда Марка Лэнга за то, что он привлек мое внимание к этому проекту.

В соответствии с материалами, условия жизни среднего класса США варьировались в зависимости от места жительства, доходов, размеров семьи и пр. Проводить обобщения непросто, так как в состав среднего класса входили рабочие, фермеры, служащие, люди интеллектуального труда, мелкие и средние предприниматели, доходы которых отличались. Тем не менее наиболее общие выводы можно сделать. Условия жизни американских рабочих выгодно отличались от положения их советских коллег. В одном из худших вариантов в крупных городах, как Нью-Йорк, рабочая семья располагала несколькими комнатами в квартире на 2—3 семьи с общей кухней и ванной. Но не редкостью были отдельные квартиры, а на периферии и собственные дома, особенно у рабочих со стажем. Одежда и питание везде описываются как хорошие. Мое внимание привлекло описание элитного дома в Гарлеме (этот район Нью-Йорка в 30-е годы имел, в отличие от нынешнего времени, хорошую репутацию): «Совершенно исключительное здание с большим великолепием и обилием услуг. Лифтеры, швейцары, носильщики в специальной форме, все помогают держать здание в безукоризненной чистоте». Этот элитный дом предназначался для ... высокооплачиваемых рабочих.

Те, кто занимался небольшим бизнесом (маленький магазин, изготовление одежды или продуктов на заказ и т.п.), как правило, имели 3—6-ти комнатные квартиры на семью в городах; дом или несколько домов в маленьких городах и сельских местностях. Мебель, одежда, питание, образование, данное детям, описываются как хорошие. Приведу лишь один пример для иллюстрации. Некто Мэри Тейлор жила в большом (7 комнат), хорошо обставленном доме во Флориде, свой другой дом она сдавала в аренду, имела небольшую машину. Ее пять детей закончили колледж, старшая училась в престижном университете Джона Хопкинса. Семья питалась хорошо, в основном в ресторанах, так как готовить дома не хотелось. Свободное время проводили в клубе, играя в бридж, или устраивали вечеринки. Одежда была хорошая. Свой основной доход Мэри Тейлор получала от изготовления на заказ джемов и желе, работая вместе с помощницей ежедневно с 7 утра до 3 часов дня. Ее месячный доход не превышал \$100. Своим материальным положением она не была довольна, так как в молодости, пока ее муж не разорился, жила гораздо лучше. Данное описание относится к среднему слою среднего класса США, но по набору материальных благ не очень уступает материальному положению советской элиты.

Российские исследователи, которые утверждают, что советское политическое руководство 30-х годов жило жизнью западных мультимиллионеров, исходят в своих оценках либо из потенциальных возможностей власти в огосударствленной экономике, либо сравнивают обеспечение элиты с нищим положением большинства населения СССР¹. Действительно, по сравнению с крестьянами, рабочими, служащими, большей частью интеллигенции материальное обеспечение советского политического руководства выглядело верхом благополучия, в сравнении же с богачами капиталистического мира того времени оно не являлось блестящим. Не случайно, иностранцы, посетившие СССР в 30-е годы, как и современные западные исследователи, оценивающие положение советской элиты «извне», с позиций стратификации западного общества, не видят в ней мультимиллионеров. Советское общество, хотя и имело внутреннюю стратификацию, своих богатых и бедных, оставалось более однородным, чем западный мир. Но это было не равенство сытых и обеспеченных людей — идеал коммунизма, а неравенство, заметьте, не поравнение, а неравенство в бедности.

Эти черты советское общество сохраняло и в последующие десятилетия. Хотя жизнь улучшалась, численность и богатство элиты росли, советское общество по-прежнему оставалось более нивелированным в бедности, чем западное. В 70-е годы уровень жизни советской элиты, как показывает исследование Мэтьюза, примерно соответствовал среднему уровню жизни в США того времени. Материальное благосостояние советского общества повышалось медленно, его разрыв с материальным благополучием развитых капиталистических стран не сокращался². Хотя в Кремле уже не сидели «солдаты революции», экономика дефицита, политическая система и идеология, созданные ими, продолжали определять уровень материальной жизни общества и их преемников у власти.

Численность элиты, которой централизованное распределение в первой половине 30-х годов обеспечивало сытую жизнь, была ничтожна. В архиве есть данные о спецснабжении высшей союзной и российской номенклатуры. Ко времени отмены карточной системы число руководящих работников центральных учреждений, получавших лучший в стране паек литеры «А», составляло всего лишь 4,5 тыс. человек; группа ответственных работников, получавших паек литеры «Б», включая областной, районный и городской актив Москвы и Ленинграда, — 41,5 тыс.; высшая группа ученых — 1,9 тыс. человек (все данные приводятся без учета членов семей). Если прибавить сюда персональных пенсионеров союзного и республиканского значения, политкаторжан, то число пользовавшихся спецснабжением возрастет до 55,5 тысяч семей, из которых 45 тыс. жили в Москве³.

¹ Примером такой работы является книга В.Роговина «Сталинский неонэп». М., 1994. На позицию автора в оценке материального положения советской элиты повлияла также его приверженность к взглядам Троцкого, который стремился показать перерождение власти в 30-е годы, доказать, что сталинская бюрократия предала идеалы революции. При этом и Роговин, и ранее его идейный герой «забывают» о жизни самого Троцкого в 20-е годы в Кремле. Мягко говоря, она не была аскетической.

² Matthews M. Privilege in the Soviet Union. С. 176—183.

³ Группа спецснабжения в общепите была больше за счет включения в списки специалистов, работавших в центральных учреждениях. Без них число пользовавшихся спецстоловыми составляло 53 тыс., вместе с ними — 86,7 тыс. человек (ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 16а. Д. 343. Л. 1—5).

Конечно, кроме тех, кто получил законные права на сытую жизнь, в стране были и те, кто незаконно пользовался спецснабжением. Местные партийные и советские лидеры, руководители крупных предприятий истроек, представители прокуратуры, политической полиции на местах, официально не получив спецснабжения, пользовались всем лучшим на своем уровне: все, что поступало в регион, попадало в их руки и распределялось ими. Самоснабжение местного руководства шло за счет ухудшения снабжения населения данной территории, так как обеспечивалось не из дополнительных источников, а из общих государственных фондов, выделяемых Наркомснабом для данной местности.

Однако в общей обстановке скудного снабжения периферии материальные возможности местных руководителей были ограничены. Они зависели от размеров управляемой территории и ее важности в правительственных планах. Индустриальные районы с крупными промышленными объектами обеспечивались лучше, а значит, существовало больше возможностей поживиться за государственный счет. На крупных предприятиях и стройках к тому же обязательно работали иностранцы, для которых правительство выделяло особые фонды. Официально распределители, снабжавшие иностранцев, были недоступны советским гражданам, но с замечательной закономерностью к этим распределителям оказывалась прикрепленной вся местная верхушка¹. Торгсин являлся еще одним источником самоснабжения местного руководства. Его магазины были открыты для любого, но за товары нужно было расплачиваться золотом или валютой. Местные руководители обходили это правило. Они рассматривали Торгсин как свою вотчину: брали товары и платили совзнаками. В отношении других материальных благ (квартиры, дачи, санатории, больницы, зарплата, пенсия и пр.) местная номенклатура также пользовалась лучшим на своем уровне, однако реальный объем получаемых благ зависел в конечном итоге от места в иерархии.

Положение руководства в аграрных регионах было хуже, чем в индустриальных: поступающие фонды государственного снабжения невелики, меньше торгсинов и инснабов. Приходилось довольствоваться малым. Кроме того, обеспечение местного руководства зависело от его численности на местах. Шел стихийный рост номенклатуры, который стимулировали как стремление добраться до государственной кормушки, так и объективная потребность в увеличении числа проводников политики Политбюро. Особенно много «толкачей» требовала коллективизация в аграрных регионах, ведь крестьяне сопротивлялись. Стихийный рост местной номенклатуры вел к снижению доли получаемых ее представителями материальных благ.

В письме секретаря Северо-Кавказского краевого комитета, которое было направлено в мае 1933 года в ЦК ВКП(б), например, говорилось, что

¹ Джон Скотт описал снабжение руководства Магнитки. Партийные лидеры, директорат и представители ОГПУ/НКВД покупали товары в распределителях для иностранных специалистов, работавших на строительстве. Там продавались и икра, и кавказские вина, импортные продукты и приличный по тем временам выбор обуви и одежды. Та же иерархия была и в жилищных условиях. В то время как рабочие жили в землянках и бараках, в лучшем случае в общежитиях, для руководства был построен специальный жилой район «Березки» с индивидуальными коттеджами. Та же иерархия была и в зарплате, хотя деньги не играли большой роли. Как писал Скотт, их имел каждый, но в полупустых распределителях нечего было купить (Scott J. Behind the Urals. P. 42).

Наркомснаб установил для центрального снабжения контингент в 1440 руководящих работников из расчета 20 человек на район. Между тем положение на Северном Кавказе, одном из основных сельскохозяйственных районов страны, было тяжелым — шла насильственная коллективизация, свирепствовал голод. Поэтому в действительности в районах было не по 20, а по 40—45 партийных и советских работников, а в национальных областях, где ситуация осложнялась и межнациональными конфликтами, по 60—200 человек. «И меньше этого при теперешнем положении в деревне на Северном Кавказе иметь не можем!» — восклицал секретарь крайкома. В результате фонды, которые Наркомснаб направлял для снабжения 1440 человек, шли на обеспечение 6000 руководящих работников в районах, национальных областях и городского актива Северного Кавказа. «До сих пор эти разрывы покрывались за счет общих фондов рабочего снабжения (читай: за счет ухудшения рабочего снабжения. — *Е.О.*), — писал секретарь крайкома, — но продолжать это при нынешнем состоянии рабочего снабжения нельзя». Одним из путей улучшения положения местного руководства в аграрных регионах являлись конфискации у крестьян и частных торговцев.

Политика Центра по отношению к «периферийным руководителям» заключалась в том, чтобы держать под контролем «расширенное воспроизводство» местной номенклатуры и, не допуская ее к наивысшему в стране спецснабжению, все же подкармливать по мере возможности и в соответствии с внутренней иерархией. Свообразным клановым кормлением из государственной кормушки являлись многочисленные съезды, конференции, другие партийные и советские собрания, на которые съезжались руководители со всей страны. Для их обеспечения создавались особые фонды. Так, для питания участников сентябрьского 1932 года пленума партии (500 человек на 15 дней) был затребован ассортимент продуктов из 93 наименований: более 10 тонн мясных продуктов (мясо, колбаса, грудинка, ветчина, куры, гуси, утки и пр.), свыше 4 тонн рыбы (судак, осетр, севрюга, балык), 300 кг икры, 600 кг сыра, 1,5 тонны масла, 15 тыс. штук яиц, а также овощи, фрукты, ягоды, грибы, молочные продукты, кофе и другое¹. Каждому давался и продовольственный паек «в дорогу». Аналогичные «товарищеские» завтраки, обеды и ужины организовывались и для военных, ученых и артистов.

Периодически появлялись распоряжения Политбюро о выделении дополнительных фондов продовольствия и ширпотреба, об организации специальной медицинской помощи, строительстве новых санаториев, увеличении количества путевок на курорты, повышении зарплаты для республиканского, краевого и областного активов. Средства для этого, как правило, выделялись из местного бюджета. Так и просится аналогия между «номенклатурными кормлениями» и феодальной системой кормлений за счет управляемых территорий.

Оценивая материальное положение местных руководителей, следует сказать, что вряд ли кто-то из них достиг уровня благополучия высшего политического руководства СССР. Но даже при включении местного руководства в число «сытых» общее количество людей, которые в период кар-

¹ РГАЭ. Ф. 8043. Оп. 11. Д. 52. Л. 146; Д. 73. Л. 26, 27; Д. 80. Л. 123; и другие.

точной системы во многомиллионной стране могли существовать за счет государственного снабжения без использования рынка, было ничтожно¹.

*«Трудно привыкать к социализму»:
иностранцы в иерархии бедных*

Попадая в материально бедное общество, приходилось жить по его возможностям. Острый продовольственный и товарный кризис определял не только положение советских граждан, но и иностранцев, живших в СССР. Бесспорно, что центральное и местное руководство пыталось создать для иностранных специалистов и рабочих наилучшие условия. Практически на любом предприятии они обеспечивались лучше своих советских коллег. Среди иностранцев, работавших на одном и том же предприятии, инженеры и техники получали преимущества перед рабочими. Однако это была все та же иерархия в бедности.

В Карелии, например, на лесоразработках советские рабочие жили в бараках по 30 человек в комнате. Для американцев, приехавших из Абердина, штат Вашингтон, власти создали лучшие условия. Они жили в отдельных комнатах всего лишь (!) по три семьи в каждой, пользуясь общей кухней. Из специального распределителя, который находился в Петрозаводске, приехавшие абердинцы получали в месяц по килограмму масла, сала, макарон, 2,5 кг сахара, 3 буханки хлеба в день. Периодически в их распределителе появлялись ветчина, сыр, копченый лосось, орехи, ликер, сигареты, конфеты, фрукты. На фоне того, что получали советские рабочие — буханка хлеба в день, немного сахара и масла, — снабжение иностранцев выгодно отличалось, но тем не менее оно было скудным и не обеспечивало сытой жизни.

По признанию американца Джэка Моррисея, который работал в Воронеже, власти старались дать ему лучшее из того, что имели. Проблема заключалась в том, что они не имели почти ничего. Американец жил в гостинице. Обычный его рацион состоял из омлета, чая и черного хлеба на завтрак, жареной в жиру конины, водянистого картофельного пюре, поли-того растительным маслом, и чая на ланч. Обед отличался от ланча тем, что подавались капустные щи. Это было лучшее в Воронеже. Коммунистические бюрократы, которые наполняли гостиницу, разделяли ту же, более чем скромную трапезу. Все остальное население получало только суп, черный хлеб и скудную порцию картофеля. Когда американец пожаловался своей переводчице на плохое питание, та была неподдельно изумлена: «Но Вы получаете мясо дважды в день!» — воскликнула она. Действительно — большая роскошь по тем временам, но, по сути, что это было за мясо — конина!²

Нормы, обещанные иностранцам в постановлениях Наркомснаба, практически повсеместно не выполнялись. Исключения составляли немногие крупные центры — вновь географическая иерархия. В лучшем положении

¹ Для 70-х годов, исходя из размеров зарплаты, Мэтьюз определяет численность элиты в размере 227 тысяч человек. В его подсчетах социальный состав элиты шире, чем в этом исследовании, что в определенной степени отражает рост материального благосостояния в обществе. Однако даже в этом случае советская элита составляла ничтожную долю трудоспособного населения СССР (Matthews M. Privilege in the Soviet Union. P. 30—33).

² Morrissey Jack P. Forced Idleness // The Saturday Evening Post. December 26, 1931. P. 17.

были те, кто работали в Москве и Ленинграде. На фоне жалкого ассортимента других магазинов американский распределитель в Москве впечатлял. По словам того же Джэка Моррисея, в нем было все, что душе угодно. Когда он привел туда свою голодную переводчицу, та буквально разрыдалась при виде изобилия. Но это была, по его же словам, московская показуха — на всей остальной территории, от Балтики до Владивостока, ничего близкого к этому не существовало. Именно в Москве жили и работали наиболее привилегированные иностранцы. Например, берлинские строители, которые добились неограниченного нормами снабжения. Сравнительно неплохие условия были созданы в других крупных промышленных центрах — Свердловске, Магнитогорске, Горьком и других. Там работали большие группы иностранцев, а значит, государство выделяло больше фондов, открывало специальные распределители. Хуже было тем, кто работал в небольших городах, на новых, еще не обжитых строительствах. Там иностранцы голодали, болели, умирали. При недостаточном государственном снабжении рынок в обеспечении иностранцев играл не менее важную роль, чем для остального населения страны.

Со всеми преимуществами и привилегиями уровень жизни иностранных рабочих и специалистов в СССР был существенно ниже их обеспечения на Западе, а для многих и хуже положения безработных в развитых капиталистических странах. Недовольство толкало порой на довольно резкие действия. Один из инженеров вспоминает, как в Грозном уставшие от обещаний американцы сбросили со второго этажа кровать на голову ответственного за их обеспечение¹. Но чаще протестовали разрывом контрактов и бегством.

Почти для всех иностранных рабочих и специалистов пребывание в СССР закончилось глубоким разочарованием. Идеалисты, которые ехали в Россию по зову сердца, увидели бесправие, террор, проституцию, нищих и покидали первое пролетарское государство разуверившимися в идеях социализма. Коммунистический рай не состоялся на Земле и так и остался утопией. Многие из них, вернувшись домой, выступали в прессе и на собраниях, подрывая своими рассказами многолетнюю пропагандистскую работу коммунистических и социалистических организаций. Те, в свою очередь, просили советские власти больше не вербовать рабочих.

Те же, кто поехал в Россию «за длинным рублем», поверив «сладким песням» Амторга и других вербуемых организаций, в лучшем случае вернулись с тем, что имели. Даже высокооплачиваемые инженеры и техники, которые выполнили свои контракты, мало что заработали. Советское руководство всячески старалось не обменивать получаемые иностранцами советские рубли на иностранную валюту. В тех случаях, когда обмен все-таки происходил, он был убыточен для иностранцев, так как осуществлялся по заниженному принудительному курсу, установленному советскими властями². Для тех же, кто не выдержал тяжелейших условий и разорвал контракт, оставался один путь — распродать все личное имущество, чтобы выручить деньги на билет домой. К сожалению, много было и таких, кто перед отъездом в СССР распродали имущество и в итоге потеряли все.

Не все иностранцы могли покинуть СССР. Те, кто поторопились принять советское гражданство, навсегда здесь и остались, многие из них

¹ Burrell George A. An American Engineer Looks at Russia. P. 93.

² Например, 0,5—0,6 марки за рубль при настоящем курсе 2,17 марки за рубль.

погибли во время массовых репрессий. Те же, кто, пленившись красотой и душой русских женщин, женились, оказались заложниками режима. Приключенческие романы могли бы быть написаны о том, как иностранцы вывозили своих советских жен за границу. Вот одна из историй, которую рассказал Джон М. Пеликан.

Получив трижды отказ на выезд своей русской женой вместе с ним на родину в США, он попытался контрабандно переправить ее на моторной лодке Черным морем в Турцию. Попытка не удалась. Беглецы были остановлены советским патрульным кораблем и арестованы. После подтверждения его американского гражданства господина Пеликана освободили, жена же его, оставаясь советской гражданкой, была отправлена в тюрьму в Батуми с перспективой получить за контрреволюционную деятельность от 1 до 3 лет ссылки в Сибирь. ГПУ Закавказья, однако, дало знать американцу, что его жена может быть освобождена. Для этого господин Пеликан должен был продлить на 1—2 года свой контракт и согласиться вести экономический шпионаж в пользу СССР.

Пытаясь спасти свою жену, Пеликан подписал договор с ГПУ. Спустя полчаса после этого его жену освободили (она провела в тюрьме 5 недель). История, однако, закончилась неожиданно быстро, и ОГПУ не смогло воспользоваться услугами новоприобретенного агента. Один из знакомых Пеликана, журналист «Чикаго трибун» Дональд Дэй, согласился помочь переправить русскую женщину через контрабандистов в Латвии в обмен на разрешение обнародовать в печати эту историю. Через неделю г-жа Пеликан оказалась в Риге. Там же в Риге Джон Пеликан написал письменное показание под присягой и отказ от обязательств, данных ОГПУ¹.

Не все истории заканчивались столь счастливо. Были выстраданы потери близких. Люди приезжали неподготовленными. Вербующие организации давали неверные сведения не только о бытовых, но и даже о климатических условиях — иначе как же было выполнять вербовочные планы. Например, немецким рабочим, отъезжавшим на работу в Донбасс — степная зона СССР с тяжелейшими условиями быта и работы в старой каменноугольной промышленности, — была обещана «работа на новых предприятиях в местности, богатой лесами и водой, еды вволю, новые жилища с центральным отоплением и ваннами и т.д.». Даже партийное руководство Донбасса не имело подобных жилищных условий, не говоря уже о том, что изменить природно-климатические условия степного Донбасса никому было не под силу. Вербовка в Германии проходила с большой шумихой. Немецких рабочих удерживали от привоза необходимых вещей и валюты. В результате целые семьи, некоторые с грудными детьми, поехали в СССР. Преодолев тяжелейшие условия пути, когда вагоны часами стояли без воды и нельзя было купить еды, рабочие прибыли в Донбасс, где и узнали об острейшем жилищном кризисе — 2 кв. м на рабочую семью, о плохой воде и отсутствии еды. Единственным продуктом, в котором не было недостатка, была водка. Многие из прибывших заболели дизентерией и тифом. Маленькие дети умерли в пути или вскоре после прибытия².

¹ Джон Пеликан находился в СССР с 1930 по 1931 год. Письмо, в котором он описывает обстоятельства этого дела, датировано маем 1932 года (Hoover Institution Archives. Коллекция документов Джона М. Пеликана).

² РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 36. Л. 23—25.

«Знаешь, Якоб, — писал немецкий монтер из Сталинграда своему приятелю в Германию, — к чему меня больше всего тянет? К кружке пива и ломтю лимбургского сыра. Эх, вы не цените условий, в которых живете! Лишений, которые мы здесь переживаем, не пожелаешь и врагу. У нас животное живет лучше, чем здесь человек. Чего тут только не делают, в этом «отечестве»! Для многих было бы неплохо посмотреть, как проводится на практике их теория»¹.

Почти каждый иностранец, работавший в СССР в 30-е годы, покидая страну, давал зарок никогда больше туда не возвращаться.

¹ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 33. Л. 35—36.

ГЛАВА 3

СТРАТЕГИИ ВЫЖИВАНИЯ И СТИХИЯ РЫНКА

«Барахолка», «мертвые души», «прихлебатели», «несуны» и другие

Избирательность и скудность государственного снабжения заставляли людей искать дополнительные источники самообеспечения. Одним из них являлась «барахолка» — место обмена и продажи бывших в употреблении вещей¹. Барахолка составляла обязательную часть всех колхозных рынков. Существовали и специальные «блошинные» рынки, толкучки, разрешенные властями в выходные дни. На барахолках покупали одежду, обувь, домашнюю утварь, мебель. На вещи можно было выменять продукты, а продукты обменять на вещи. Индустриальные рабочие, например, обменивали дешевый пайковый хлеб, который получали в достатке, донецкие рабочие — уголь, который имели в избытке². По мере ухудшения обстановки в стране продажа и обмен личных вещей получали все большее значение. Голодной зимой—весной 1933 года они давали в бюджет рабочему более 9% всех доходов. С улучшением положения продажа личных вещей играла все меньшую роль в бюджете, а барахолка все более превращалась в место покупки новых вещей «у спекулянтов».

Огромное значение в период карточной системы барахолка играла в жизни лишенцев, которые не получали пайки и могли покупать продукты только в открытой торговле втридорога (Торгсин, коммерческие магазины, крестьянский рынок). Главным источником доходов и средством выживания для лишенцев, в числе которых находилась и бывшая российская аристократия, становилась распродажа и обмен личного имущества. Ценности уходили в Торгсин или к иностранцам — лишенцы даже ходили по домам, предлагая их купить, остальное попадало на барахолку. Вот описание знаменитого Смоленского рынка Москвы зимой 1930 года:

«Сейчас воскресное утро, и знакомая пригласила меня посетить то, что было описано мне как самая удивительная достопримечательность Москвы. Это — огромная распродажа под открытым небом личного имущества на Смоленской улице, разрешенная правительством по воскресеньям. Это уступка тем, кто дошел до такой крайности, что не может заработать деньги другим способом.

Когда я прибыл на место, я с трудом мог поверить собственным глазам. Представьте, ужасно холодный день, термометр показывает 20—30 градусов мороза, земля покрыта снегом. Трамваи идут по центру улицы — их звонки

¹ На особое значение рынка подержанных вещей в социалистической экономике обратил внимание американский экономист Владимир Г. Тремль. См.: «A Coping Mechanism: Redistribution of Assets in Soviet and Post-Soviet History». Paper for the Annual Meeting of the Southern Conference on Slavic Studies, Ashville, NC, April 1996.

² Поскольку к обмену или продаже части пайка прибегали чуть ли не все рабочие и служащие, правительство вынуждено было заявить, что подобные сделки не являются спекуляцией (ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 15а. Д. 1071. Л. 30—31).

эхом раздаются в ушах, — разделяя на части эту огромную толпу. Мебель и другое домашнее имущество, растянувшись на мили, свалено в кучи по обеим сторонам улицы, оставляя тротуар свободным для предполагаемых покупателей. Рядом с этими грудями хлама — мужчины, женщины, девушки всех возрастов. Судя по внешнему виду и поведению, большинство из них принадлежит к бывшим высшим и средним сословиям. Здесь час за часом они стоят или сидят на корточках, дрожа на морозе, в надежде продать последнее, оставшееся в их домах, чтобы выручить несколько рублей на еду. На их посиневших лицах, онемевших от голода и холода, — бессмысленное, покорное, лишенное эмоций выражение, как если бы всякая надежда давно покинула их души.

Ощущение такое, как если бы дома внезапно обвалились и ушли в матушку-землю, оставив на поверхности груды мебели и домашней утвари. Вы могли бы обставить свой дом подержанным имуществом, просто двигаясь вдоль этой линии оставшихся в живых замерзших представителей старого времени. Двухспальные кровати, односпальные кровати, пианино, гардеробы, умывальники, горшки без ручек лежат на снегу бок о бок с сотнями священных икон, грудями старых одеял и изношенных простыней. Старые жестяные ванны, ножи, вилки, тарелки, стаканы и блюда лежат вперемешку. Здесь же старые одежды всех фасонов и размеров, кочерги и совки, музыкальные инструменты, семейные портреты, картины, фотографии, странные туалетные принадлежности, зеркала, электрическая арматура, коробки гвоздей, бывшие в употреблении кисточки для бритья и зубные щетки, гребни с выпавшими зубьями, наполовину измыленные куски мыла. Есть множество странных сапог и ботинок — многие русские имеют только один ботинок и подыскивают к нему второй для пары. Покупатель движется вдоль линии, держа одинокий ботинок или сапог, пока не найдет похожий в пару своему. Мир никогда доселе не видел столь беспорядочного смешения пестрого ничего не стоящего хлама, представляющего последнюю надежду тысяч людей.

Какая устрашающая трагедия лежит за этим! Я спешу прочь, так как зрелище оставляет болезненное впечатление в моем мозгу. Вы можете представить себе возвращение большинства этих несчастных с непроданным странным ботинком, старым гребнем для волос или семейным портретом в лишенную комфорта холодную комнату, теперь уже почти ободранную и пустую, без денег на покупку еды. Тогда мысли мои возвращаются к прошедшему вечеру среди прекрасных балерин в Доме Харитоненко (где накануне автор посетил дипломатический прием с обилием еды и напитков, устроенный НКВД СССР. — Е.О.). Я бросаю еще один взгляд на замерзшую, голодную группу «людей из прошлого». Многие из них, должно быть, когда-то танцевали в этом доме или посещали блиставшие там приемы. Некоторые, возможно, продают сейчас части костюма, который они одевали на последний бал»¹.

Среди множества путей самоснабжения следует назвать распространенную практику «мертвых душ» и «прихлебателей». По закону те, кто увольнялись с предприятия, теряли право на получение пайка. Карточки в этом случае должны были выдаваться им на новом месте работы. Администрация предприятий, однако, частенько оставляла в списках на получение продуктов тех, кто уволился, или даже вносила в списки вымышленные имена. Это и были «мертвые души». При огромной текучести кадров в годы

¹ Ashmead-Bartlett E. The Riddle of Russia. P. 207—209. Перевод с английского Е.А.Осокиной.

первых пятилеток их число достигало внушительных размеров. Пайками «мертвых душ» распоряжалась, как правило, заводская администрация, но могли поживиться на этом и люди, занимавшиеся выдачей карточек.

Карточки продавались, подделывались. Махинации с карточками были облегчены халатностью в их хранении, о чем свидетельствуют материалы бесчисленных правительственных проверок. На многих предприятиях продуктовые карточки лежали без всякого присмотра, хотя по правилам должны были запираяться в сейф, а на некоторых — распределялись между цехами не поштучно, а на вес. Документы зафиксировали случаи, когда рабочие имели сверх нормы до 20 карточек.

«Прихлебателями» называли тех, кто не работал на данном предприятии, но получал его пайки. Незаконно прикрепиться к распределителю можно было за взятку, за услуги, по знакомству, по родству. Система личных связей и обмена услугами, по советской терминологии — «блат», играла огромную роль в жизни общества. Блат был одним из основных путей добывания продуктов и товаров. За взятку или по блату можно было прикрепиться даже к спецраспределителю ответственных работников. Не удивительно, что система спецснабжения разбухла, как на дрожжах. Чтобы остановить махинации, руководство принимало меры. Прикрепления к спецснабжению стали возможны по особому распоряжению наркома снабжения или его замов. В 1933 году при Наркомате снабжения создали специальное бюро прикрепления к спецснабжению. «За подрыв государственной системы снабжения» правительство ввело уголовную ответственность. Действовали правительственные комиссии по чистке ведомственных систем снабжения от «прихлебателей» и «мертвых душ». Однако практика, позволявшая выжить одним и обогатиться другим, была неистребима.

Мешочничество являлось верным признаком продовольственных кризисов и проверенным способом выживания. Жители небольших городов, крестьяне с котомками, заручившись справками сельсоветов о своем бедственном положении, ехали в крупные города за продовольствием. Скопления мешочников на вокзалах в ожидании поездов, по сведениям ОГПУ, ежедневно достигали тысяч человек. Отход на заработки был для крестьян еще одним способом добыть средства. Крестьяне пополняли ряды кадрового пролетариата в городах, становились сезонными рабочими на близлежащих предприятиях, стройках, совхозах. Как правило, их жены и дети оставались в деревне, получая от мужей помощь деньгами и вещами.

Определенную экономию средств и возможность выжить населению давали «социальные преимущества социализма». Жилищные условия были ужасны, но жилье обходилось дешево. В соответствии с бюджетами индустриальных рабочих в 1932—33 годах на жилье уходило 4—5% всех расходов семьи. Экономить средства позволяли также бесплатное медицинское обслуживание, бесплатная система образования, различные социальные пособия и выплаты. В таких условиях люди могли тратить почти весь свой заработок на питание.

Кризис и голод первой половины 30-х годов сопровождались ростом преступности в СССР. Всплеск пришелся на 1929—33 годы. Документы свидетельствуют, что основную массу преступлений представляли денежные растраты, крупные хищения товаров, мелкое воровство «социалистической собственности». К 1934 году они составили две трети всех зарегистри-

стрированных преступлений¹. Правительство принимало драконовские постановления, пытаясь остановить воровство и хищения.

Некоторые историки видят в росте экономических преступлений проявление осознанного социального сопротивления режиму. С этим трудно согласиться. Крупные хищения преследуют цель обогащения, и примеры их вы найдете в любой стране. Мелкое же воровство, которое в СССР в первой половине 30-х годов приняло гигантские масштабы, скорее представляло способ выживания и самоснабжения в условиях хронического дефицита товаров, чем сопротивление власти. Не случайно наибольшего размаха воровство достигло в смертоносном 1933 году. С нормализацией экономической обстановки в стране в середине и второй половине 30-х годов число экономических преступлений снизилось. Новый подъем преступности вызвала только война². Окраску социально-политического сопротивления экономическим преступлениям придавало само государство, которое называло их не иначе как преступления против социалистической собственности. Но ведь никакой другой собственности в стране не существовало³.

Размеры хищений были огромны. Основной урон государству наносили не банды, совершавшие вооруженные грабежи и налеты на поезда, склады, магазины, а «преступления по месту работы» — крупные хищения денег и товаров, которые совершались администрацией, и мелкое воровство простых работников. При пустых полках магазинов всякая мелочь имела ценность, «несуны» становились бичом социалистической экономики. «Несли» с работы то, что производили, либо то, что лежало без присмотра.

Вот лишь некоторые факты. На предприятиях легкой промышленности стоимость украденных товаров на каждого рабочего в год превышала 150 рублей. На Горьковском автомобильном заводе машины исчезали прямо со сборочного конвейера. На заводе «Треугольник», выпускавшем галоши, в 1932 году было украдено более 100 тысяч пар⁴. Бюджеты показывают, что член шахтерской семьи в Донецкой области имел в месяц более 70 кг угля, в то время как в среднем по СССР рабочий — 12,5 кг. В 1932 году в мясосовхозах было расхищено около 10 тысяч голов крупного рогатого

¹ Анализ статистики преступности первой половины 30-х годов дан в работе: Shearer D. R. *Crime and Order in Stalin's Russia During the 1930s. A Reassessment of the Great Retreat and the Origins of Mass Repression. Presentation at the 6th Meeting of the Seminar on Russian and Soviet History: New Directions in Research on the 1930s.* Paris. May, 1996.

² Количество осужденных общими судами РСФСР в 1927 году и второй половине 30-х годов составляло порядка 700 тыс. человек в год, в период же 1929—33 годов больше 1 млн. человек в год (ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 2. Д. 42. Л. 125).

³ С. Коткин, анализируя работу черного рынка в Магнитогорске, тоже приходит к выводу о том, что для людей запрещенная рыночная деятельность являлась борьбой за выживание или средством наживы. Именно власть с ее неприятием рынка рассматривала подобную деятельность как сопротивление. Сопротивление, таким образом, проявлялось не в осознанной антиправительственной деятельности, а в экономическом противостоянии власти. Другими словами, сам факт существования экономической сферы вне контроля власти, сферы, где люди могли принимать решения и заключать сделки по своему усмотрению, был ненавистен режиму и противоречил его политэкономическим идеалам. Только в этом смысле можно говорить об экономических преступлениях как о форме сопротивления власти (Kotkin S. *Magnetic Mountain. Stalinism as a Civilization.* P. 277—278).

⁴ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 14а. Л. 2—3.

скота, в овцеводческих совхозах тысячами пропадали овцы, в зерновых исчезали сотни тысяч пудов хлеба, десятки стогов сена и т.д.¹.

Воровство процветало и в системе государственного нормированного снабжения. Произведенная весной 1932 года органами ОГПУ в Москве проверка показала, что в среднем ежедневно со всех вокзалов мешочниками вывозилось до 17 тыс. пудов хлеба. Источник хлеба — хищения из торговой сети потребительских кооперативов, хлеб из-под прилавка продавался без карточек². По словам Микояна, проверка хлебных магазинов в Москве показала, что воровали по 12 вагонов в день. На совещании директоров ГОРТа в апреле 1932 года он говорил:

«Воруют все, вплоть до коммунистов. Коммунисту легче воровать, чем другому. Он забронирован партбилетом, на него меньше подозрений»³.

Отсутствуют данные об общем количестве потерь по причине воровства, есть только фрагментарные сведения. Только за март—апрель 1932 года по 11 областям и краям РСФСР потери от хищений составили около 5 млн. рублей. В 1933 году, по неполным данным, только по Москве и области, и только в кооперативной торговле, потери от воровства исчислялись суммой более 25 млн. рублей⁴.

Продажа личного имущества, незаконные прикрепления к распределителям, мешочничество, воровство играли важную роль в самоснабжении населения, смягчали крайности и исправляли изъяны государственной системы снабжения. С их помощью имевшийся товарный фонд перераспределялся по принципам, отличным от принципов государственного снабжения. За редким исключением в основе этого перераспределения лежали рыночные отношения — товар получал тот, кто имел достаточно денег, чтобы заплатить, цены определялись спросом и предложением. Основным механизмом перераспределения являлась спекуляция — незаконная частная торговля.

Спекуляция окутывала и масштабно превосходила каждую из легальных форм торговли. Социалистическое законодательство 30-х годов трактовало спекуляцию очень широко. В понятие спекуляции попадала перепродажа краденого, купленного и даже собственно произведенного товара, если он продавался по ценам, превышавшим государственно-кооперативные. Только крестьянам и колхозам разрешалось продавать свою продукцию по рыночным ценам. Но в случае, если ту же продукцию продавал перекупщик, он тоже попадал в разряд спекулянтов. Спекулянтами считались и кустари, которые продавали свою продукцию не через кооперацию, а по рыночным ценам. Не удивительно, что спекуляция представляла один из наиболее распространенных видов экономических преступлений.

Спекулятивный рынок паразитировал на социалистическом хозяйстве. Туда «перетекали» пайковые товары, товары Торгсина, коммерческих магазинов, продукция кустарного производства, колхозов и совхозов. Тогда как магазины стояли полупустые, а люди часами простаивали в огромных очередях, на черном рынке можно было купить все необходимое. Завися от социалистической торговли, спекулятивный рынок менял свое лицо по мере ее успехов и улучшения экономической ситуации в стране. К концу карточной системы спекулятивный рынок походил на своеобразный филиал образцовых универмагов и фирменных продуктовых магазинов. Его

¹ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 14а. Д. 755. Л. 3.

² ЦА ФСБ. Ф. 2. Оп. 10. Д. 116. Л. 133—134.

³ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 62. Л. 12, 31; Ф. 8043. Оп. 1. Д. 72. Л. 1.

⁴ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 14а. Л. 2—3.

основной ассортимент составляли уже не подержанные вещи, излишки пайка, а дефицитные товары промышленного производства.

Причиной перетекания товаров из легальной торговли на черный рынок являлись баснословно высокие спекулятивные цены — результат острого товарного дефицита и голодного покупательского спроса. Они в несколько раз превышали даже цены коммерческих магазинов¹. Доходы от спекуляции представляли круглые суммы. По данным фининспекции, минимальные обороты в мелочной торговле составляли 200—300, в крупной — 1000 и более рублей в день. Чем выше поднимались прибыли на черном рынке, тем более росли потери государства от неуплаты налогов и сборов. Только по городу Киеву, например, в 1934 году потери от неуплаты налогов составляли от 500 тысяч до 1 млн. рублей ежемесячно.

Масштабы спекулятивной деятельности невозможно точно оценить. Любой город имел рынки, в крупных городах через них в воскресные дни «проходили» сотни тысяч человек². Толпы народа заполняли не только отведенную для торговли площадку, но и прилегающие улицы, переулки. Только небольшая часть продавцов, те, кто имел разрешение на продажу, регистрировались у рыночной администрации. Остальные продавали товар на ходу с рук, из-под полы. Внешне отличить трудящегося от спекулянта было практически невозможно. Да чаще всего никакой разницы и не было. Проверки показывали, что среди спекулянтов и перекупщиков преобладали простые трудящиеся³. Не будет преувеличением сказать, что каждый гражданин в той или иной степени участвовал в спекулятивной деятельности на черном рынке, а каждый профессиональный спекулянт имел для прикрытия легальное место работы⁴. В Москве, например, существовала своеоб-

¹ В 1935 году мужские ботинки, которые в коммерческом магазине стоили 77 руб., на рынке продавались за 130; мужской костюм, купленный в коммерческой торговле за 130 руб., на рынке шел за 320; цены на женский костюм соответственно составляли 108 и 200, мужское пальто — 180 и 375, велосипед — 250 и 650—800 руб. (ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 16а. Д. 404. Л. 12).

² По данным Комиссии партийного контроля, осенью 1935 года посещаемость рынка в Ростове-на-Дону составляла 10 тыс. человек в выходной день, Ярославского рынка в Москве — 300 тыс. человек (ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 16а. Д. 404. Л. 11).

³ Проверка рынков Ленинграда в 1934 году показала, что среди спекулянтов профессионалы занимали только 10%, треть задержанных составляли рабочие, еще треть — домохозяйки, 10% — служащие. В Киеве 27% среди задержанных составили колхозники, 10% — кустари, около трети — иждивенцы рабочих и служащих, на долю профессионалов перекупщиков приходилось только 5%. В Москве самыми большими группами среди спекулянтов при проверке оказались домохозяйки — 20% и кустари — 15—20% (ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 15а. Д. 1071. Л. 16—20).

⁴ Занималась спекуляцией и советская элита. В одной из автобиографических повестей Ю.М.Нагибин рассказывает о своеобразном бизнесе жены и дочери директора крупнейшего в Москве автомобильного завода И.А.Лихачева. Для себя дамы шили одежду и обувь на заказ в закрытом ателье, а те вещи, которые получали в закрытом распределителе на Петровке продавали на Тишинском рынке: «На каждую (имеются в виду дочь Лихачева и домработница. — Е.О.) напяливалось по две дамские шубы, через левую руку перекидывались мелкие вещи: кофты, платья, юбки, комбинации. Они шли на промысел в кишашую глубину рынка...» Жена Лихачева осуществляла общее руководство и ожидала в это время в машине. Семья красного директора обеспечивалась хорошо и перепродавала вещи не из нужды. Жены других сановников также занимались «реализацией промтоварного лимита». Эпизод относится к концу войны, но вряд ли 10 лет что-то изменили в поведении людей. Они продолжали заниматься тем, что привыкли делать (Нагибин Ю.М. Моя золотая теща // Тьма в конце туннеля. М., 1996. С. 219—221).

разная биржа по устройству спекулянтов на работу — артель по обслуживанию гардеробов в учреждениях и театрах. Подобная работа оставляла много свободного времени и была находкой для тех, кто занимался перепродажами.

Незаконная частная торговля стала головной болью для Политбюро и Совнаркома. Число постановлений по борьбе со спекуляцией все увеличивалось. В августе 1934 года была образована правительственная комиссия по борьбе со спекуляцией во главе с Рудзутаком. На борьбу были брошены НКВД, фининспекция, милиция. По словам Ягоды, в начале 1934 года милиция рассматривала около 10 тысяч случаев спекуляции ежемесячно. Это не включало крупную спекуляцию, которой занималось экономическое управление ОГПУ. За первую половину 1934 года за спекуляцию было привлечено к ответственности более 58 тыс. человек, за 1935 год — около 105 тысяч¹. По приказанию Политбюро устраивались показательные процессы с заранее известным приговором — расстрел². Приведенные данные, однако, скорее показывают результаты отдельных рейдов по чистке рынков и городов «от паразитического и чуждого элемента», чем действительные размеры незаконных продаж. По признанию Ягоды, несмотря на меры, рынки по-прежнему «были наводнены спекулятивным элементом».

Кроме перераспределения товарного фонда в арсенале методов выживания присутствовали и стратегии, связанные с дополнительным производством товаров. Они также определяли развитие легальных и подпольных рыночных отношений в стране.

«Днепрострой капустного производства»

«Спасение утопающих — дело рук самих утопающих» — по сути, сказала руководство страны, когда призвало всех создавать «огородные кольца вокруг городов», строить «Днепрострой капустного производства» и «Магнитострой птичьих инкубаторов», осваивать прудовое хозяйство «на основе мирного содружества и сожительства зеркального карпа, и гуся, и утки»³. Правительство стало стимулировать развитие подсобных хозяйств.

Предприятия строили свои свинарники, крольчатники, молочные, рыбные фермы, вели самозаготовки в деревне (это разрешалось после завершения госзаготовок). Автозавод им. Сталина, например, для снабжения своих рабочих купил несколько совхозов в Подмоскowie, имел подшефные свиноводческие, мясо-молочные, овощные совхозы и колхозы, водоемы в Московской области и Астрахани, кроме того, свои пригородные хозяйства. Правительство выделило автозаводу семь районов для ведения заготовок сельскохозяйственной продукции. Ведущие индустриальные производства получили от Политбюро наибольшие льготы в проведении заготовок и развитии подсобных хозяйств.

Правительство также разрешило предприятиям заключать шефские договоры с колхозами и совхозами. В обмен на помощь запчастями, специа-

¹ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 15а. Д. 1071. Л. 16—20; Д. 1073. Л. 186; Оп. 18а. Д. 904. Л. 4.

² В протоколе Политбюро от 23.4.32 значится: «О хищениях продовольственных и промышленных товаров. Поручить комиссии выбрать для постановки в суде из представленных дел 4 дела с применением ВМН, по одному делу в Москве, Ленинграде, Харькове и Сталинграде. Остальные дела направить во внесудебном порядке» (РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 12. Л. 107).

³ Болотин З. Вопросы снабжения. М.—Л., 1935. С. 84.

листами и рабочей силой, которых предприятия посылали на уборочные, посевные кампании, строительство ферм, силосных башен и пр., колхозы и совхозы выделяли рабочим продовольствие. Однако опять же это разрешалось только после выполнения плана государственных заготовок.

Шефство в реальной жизни служило «фиговым листком» для прикрытия бурного развития запрещенного правительством «бартера». По-своему решая проблему снабжения рабочих, предприятия браковали часть произведенной продукции и напрямую обменивали ее в колхозах и совхозах на продукты. При обмене повсеместно нарушалось правило, по которому колхозы могли предоставлять продовольствие только после выполнения государственных планов заготовок. Натуральный обмен, как паутина, связывал государственные предприятия, кооперативы, колхозы в единую сеть. Ни постановлениями, ни проверками, ни комиссиями Политбюро не могло остановить эту практику.

Продукты, которые выменивались у колхозов/совхозов или производились в подсобных хозяйствах промышленных предприятий, составляли главный источник снабжения заводских столовых. От государства в заводской общепит поступало немного, в основном мука, крупа, чай. В голодные годы первой пятилетки общепит переживал подлинный взрыв. Рабочие ходили в столовые целыми семьями. Обороты общепита выросли в период с 1928 по 1932 год с 0,4 до 4,9 млрд. руб. К 1933 году в общественных столовых питалось более 70% всех рабочих основных отраслей промышленности. Это в шесть раз превышало плановое задание на пятилетку. Вплоть до отмены карточной системы доля рабочих, евших в общепите, оставалась высокой: в 1935 году — более 60% семейных рабочих СССР, а в Москве и Ленинграде около 80%¹.

Бюджеты рабочих показывают, сколь важную роль заводские столовые играли в рабочем питании. В 1932—33 годах в рационе рабочего они обеспечивали до трети крупы, картофеля, овощей, 30—40% мяса, рыбы, молочных продуктов, половину жиров (прилож., табл. 9). Только в 1935 году с отменой карточной системы значение общественного питания в рабочем рационе стало падать².

Организация самоснабжения на промышленных предприятиях отнимала немало времени у производства. Вот описание одного из предприятий — образцового с точки зрения организации рабочего снабжения. Для проведения сельхозработ в своих собственных и подшефных хозяйствах постоянно проходила мобилизация рабочих и технических кадров. За цехами закреплялись определенные участки работы, и заводское радио каждый день объявляло, сколько требуется рабочих рук на поля и фермы. Собрания по вопросам снабжения шли на заводе одно за другим: совещания секторов по распределению продуктов, составление списков по категориям снабжения и обсуждение их на собраниях (два раза в месяц списки пересматривались), распределение талонов между цехами, продажа обеденных талонов, совещания уполномоченных по общественному питанию, совещания продавцов

¹ Рубинштейн Г.Л. Развитие внутренней торговли в СССР. С. 304—305. Причиной бурного развития общепита был не только голод, но и рост женской занятости. В условиях скудного пайкового снабжения было невыгодно оставаться домохозяйкой. В начале 1932 года правительственным декретом все домохозяйки моложе 56 лет были лишены карточек. Чтобы получать пайки, они должны были идти работать.

² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 62. Л. 8, 10, 86, 88.

с участием рабочих, дежурства и проверка работы столовых, баз, складов, для чего создавались специальные лавочные комиссии, летучие отряды, добровольческие активы, хлебные инспекции и прочее. Формировалась огромная армия «снабженцев», не участвовавшая в производстве¹. При знакомстве с этим положительным опытом невольно возникает вопрос: кто же работал, если только для того, чтобы обратиться с заявлением на хлебозавод, мобилизовывали целую бригаду? Подсчитать убытки, которые нанесла производству организация снабжения, конечно, невозможно, но они огромны. Получался заколдованный круг: либо рабочие плохо работали, потому что были голодны, либо они были сыты, но не работали, так как все время уходило на обеспечение их питания.

Подсобные хозяйства были палочкой-выручалочкой не только для работающих на промышленных предприятиях, но буквально для всех. Кооперативы, школы, больницы, санатории, союзы деятелей науки и искусства заводили свои крольчатники, свинарники, парники. Свои подсобные хозяйства имели и Совнарком, и ОГПУ, и ЦК ВКП(б). Выращенная продукция поступала в ведомственные столовые и буфеты.

Да что организации! Каждая городская семья имела свой огородик. Земля для этого выделялась государством, но могла захватываться людьми и безо всякого на то разрешения. Каждый подходящий участок за городом или в городской черте раскапывался, в основном под картошку — второй после хлеба продукт питания в России. Горожане заводили также скот и птицу, которых держали не только в сараях при огородах, но и в своих жилищах. В архиве Уилларда Гортон, американского инженера, который работал в начале 30-х годов в Ташкенте, сохранился типографский текст любопытного приказа, изданного комендантом одного общежития:

«Приказ 2. Пункт 2. Также воспрещается водить в комнатах кур, собак, поросят и всяких животных до медведей включительно, как было замечено, коих приказываю с сего числа ликвидировать бесследно»².

В рабочих бюджетах есть графа — «процент безденежных поступлений продуктов домашнего питания». Она показывает, что давало рабочему его подсобное хозяйство и что поступало от родственников из деревни. В голодных 1932—33 годах подсобное хозяйство обеспечивало в домашнем питании промышленных рабочих до трети молока, яиц, около 10% картофеля, овощей, фруктов, сала.

Гораздо более важную роль, чем огороды горожан, в питании населения в годы первых пятилеток сыграли приусадебные хозяйства крестьян. Они были разрешены в 1930 году уставом сельскохозяйственной артели. Однако устав не определял ни размеров подсобного хозяйства, ни гарантий от посягательств на него государства. Неопределенность устава объяснялась

¹ Салов А. Организация рабочего снабжения. М., 1933.

² Другие пункты этого приказа не менее интересны. Так, пункты 1 и 3 гласили: «С сего числа строжайше воспрещается выбрасывать в окна и форточки и иным путем во двор дома и на улицу сор и очистки, также выливать помои и горшки, равно мочиться с балконов вниз, кои должны быть, как и окна, ввиду зимнего времени, наглухо закрыты во избежание порчи водопроводных труб, а также (выбрасывать) человеческие экскременты, завернувши в бумажку, как неоднократно было замечено и поступали жалобы ввиду бездействующих уборных, что совершенно недопустимо и источник заразы... 3. Также воспрещается заходить в чужие комнаты, для чего необходимо стучать в дверь до ответа живущего гражданина. Виновные в неисполнении замеченных проступков будут выселены в 24 часа и наложены административные взыскания» (Hoover Institution archives. Коллекция Уилларда Л.Гортон).

тем официальным мнением, что с развитием коллективизации личное хозяйство потеряет свое значение. Жизнь доказала обратное, и в 1935 году, в соответствии с новым уставом, крестьяне получили юридически гарантированные права на личное подсобное хозяйство. К этому времени оно доказало свою важность в обеспечении как самих крестьян, так и городских жителей.

Разрешенные размеры личного хозяйства оказались более чем скромными. Еще в 1934 году специальная комиссия ЦК рассматривала, но не решила «проблему двух коров» в личном подсобном хозяйстве колхозников. Отсутствие решения определялось вмешательством Сталина, который считал, что две коровы для крестьянина — это слишком много. Даже напор крестьянских делегатов на Втором съезде колхозников-ударников в феврале 1935 года, внесших множество поправок в новый устав сельскохозяйственной артели, не позволил им получить разрешение на слишком большое личное хозяйство. В соответствии с новым уставом размеры личного хозяйства не могли превышать 0,5—1 га земли, 1—3 коровы (только для районов кочевого животноводства допускались большие размеры).

Вообще логика, по которой Сталин согласился гарантировать колхозникам права на личное подсобное хозяйство, была своеобразна. Следовало показать единоличнику, а к 1935 году вне колхозов оставалось еще около пятой части крестьянских хозяйств, что жизнь в коллективе была лучше, чем вне его. Контролируя рост хозяйства крестьян-единоличников, Политбюро запретило им арендовать колхозную землю, установило для них единовременный налог¹.

Личное хозяйство крестьян являлось основным источником их продовольственного обеспечения и развития крестьянского рынка. Именно крестьянин, торгующий продукцией со своего подсобного хозяйства, был там главным продавцом, колхозы после выполнения планов государственных заготовок мало что имели для продажи². Это поистине был крестьянский, а не колхозный рынок.

Хотя формально крестьянский рынок не был запрещен правительством и раньше, активно стимулировать его развитие руководство страны начало в голодном 1932 году. Для этого Политбюро сократило экспорт, несколько снизило планы сельскохозяйственных заготовок, предоставило торгующим налоговые льготы, но главное, приняло постановления о важности колхозного рынка и его якобы социалистической природе, чем остановило антирыночные акции властей на местах.

Колхозы, колхозники, единоличники могли продавать часть своей продукции по рыночным ценам, складывавшимся в зависимости от соотношения спроса и предложения. Начать рыночную торговлю разрешалось только после выполнения планов государственных заготовок и следовало немедленно прекратить с началом нового урожая. По основным продовольственным культурам — хлебу и картофелю — Политбюро принимало специальные для каждого региона постановления, которыми разрешало начать рыночную продажу.

В реальной жизни сроки рыночной торговли не соблюдались, о чем свидетельствуют материалы Политбюро, Наркомснаба, ОГПУ. Крестьяне

¹ Зеленин И.Е. Коллективизация и единоличник // Отечественная история. 1993. № 3.

² Рубинштейн Г.Л. Развитие внутренней торговли в СССР. С. 358.

потихоньку вывозили на рынок небольшие партии продуктов даже в периоды запрета их рыночной продажи. Милиция совместно с ОГПУ периодически совершала рейды на рынки, конфисковывала запрещенные к вывозу продукты, устраивала облавы и засады. Конфискованное засчитывалось в счет плановых поставок. Одновременно выявлялись держатели крупных партий товаров, которых ОГПУ брало на учет как спекулянтов. Тем не менее нелегальная торговля не останавливалась.

Роль крестьянского рынка в снабжении горожан в период карточной системы трудно переоценить. Бюджеты свидетельствуют, что в питании рабочих он обеспечивал от 50 до 80% картофеля, молока, яиц, сала, сливочного масла, 20—30% мяса, крупы, овощей, фруктов, растительного масла, муки (прилож., табл. 9). Те группы населения, которые плохо или вообще не обеспечивались по карточкам, жили почти исключительно за счет крестьянского рынка.

В условиях голодного спроса цены на рынке «кусались». В 1932—33 годах по карточкам ржаной хлеб по стране стоил 14—27, пшеничный — 36—60 копеек. Рыночная же средняя цена на ржаной в начале 1932 года составляла 2, а в 1933 году подскочила до 5 рублей, пшеничный хлеб в те годы стоил соответственно 2,5 и 8 рублей килограмм. Мясо в государственном секторе тогда же обходилось рабочему от 2 до 4 рублей за килограмм, а на рынке — 5—12 рублей; картофель стоил около 20 копеек в государственной торговле и 1—2 рубля на рынке; молоко у государства рабочий покупал от 40 копеек до рубля за литр, на рынке же платил за него 1,5—3 рубля; масло коровье стоило 6—10 рублей по карточкам и 20—45 рублей на рынке; яйца — соответственно 2,5—9 и 10—22 рублей¹. Своего пика рыночные цены достигли весной—летом 1933 года. В следующем году началось сближение цен государственной и рыночной торговли².

Высокие рыночные цены были главным источником денежных доходов крестьян и позволяли им покупать товары в государственной коммерческой торговле. Однако в голодные годы крестьяне охотнее обменивали продовольствие на промышленные товары, чем брали деньги. В этих случаях они даже снижали цену на свою продукцию.

Значение подсобных хозяйств и крестьянского рынка в снабжении населения признавали и правительственные органы. В одной из записок ЦУНХУ сообщалось, что продовольственные фонды, поступившие в 1932 году на снабжение населения, приблизительно равнялись фондам 1931 года. Но то была заслуга не государства, говорилось в записке, а крестьянского рынка и пригородных хозяйств. Действительно, государственное снабжение в 1932 году резко сократилось. По сравнению с предыдущим годом фонд мясопродуктов составлял половину, фонд животного масла — меньше 40%, фонды рыбопродуктов, картофеля, овощей — около 70%. Развитие крестьянского рынка и подсобных хозяйств компенсировало это сокращение³. Если кто-нибудь задался бы мыслью увековечить память о

¹ Чтобы подчеркнуть дороговизну рынка, укажу, что, по данным бюджетов, средний доход на каждого члена семьи индустриального рабочего, с учетом всех денежных поступлений, составлял в 1932—33 годах 55—65 рублей в месяц (РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 62. Л. 17—18).

² В первой половине 1934 года рыночные цены по сравнению с первой половиной 1933 года снизились в 2 раза (РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 62. Л. 39).

³ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 62. Л. 137.

голодных первых пятилетках, то он должен был бы создать памятник небольшому участку земли — огороду.

Предприимчивость людей двигала развитие рыночных отношений. Но приведенные факты показывают и другое. Рынок развивался не только энергией и изобретательностью людей, но и действиями власти. Неизбежное возвращение к рынку было трагедией советского руководства, которое и хотело бы обойтись без него, да не могло этого сделать: при каждой попытке воплотить в жизнь утопию безрыночной экономики страна оказывалась в кризисе. Плановое хозяйство нуждалось в рынке. Кризис и голод убедили в этом. Ввергнув форсированным огосударствлением экономику в хаос, руководство использовало предпринимательство и рынок, чтобы нормализовать продовольственную обстановку в стране. Конечно, не было пересмотра постулатов марксистской политэкономии, но был принят ряд постановлений, которые создавали некоторую легальную основу для развития рыночных отношений.

Однако пределы для развития легальных рыночных отношений, установленные руководством страны, были очень узки. По замыслу, частное предпринимательство могло быть только индивидуальной мелкой деятельностью по самообеспечению, дополнением к государственному снабжению, но не источником обогащения. Политбюро старалось втиснуть рынок и частное предпринимательство в прокрустово ложе политэкономии социализма. Остались незыблемыми постулаты о недопущении частной собственности на землю и средства производства. Использование найма рабочей силы запрещалось.

Масштабы легальной частной деятельности, допущенные Политбюро, были значительно уже не только капиталистического рынка царской России, но даже ограниченного рынка периода нэпа¹. Так, в 20-е годы производство сельскохозяйственной продукции практически полностью являлось частным делом. В 30-е же годы частное аграрное производство, помимо оставшихся крестьян-единоличников, было представлено лишь огородами горожан и небольшими подсобными хозяйствами колхозников. Ограничение частной инициативы в сельскохозяйственном производстве приводило к тому, что предложение продуктов на рынке оставалось недостаточным, а материальное обеспечение населения даже с учетом покупок на рынке — невысоким. Бюджеты свидетельствуют, что усилиями всей семьи, с учетом всех источников снабжения, примерное ежедневное меню члена рабочей семьи в 1932—33 годах, выглядело так: треть буханки черного хлеба, два-три ломтя белого, тарелка каши, слегка сдобренная постным маслом, тарелка овощного или рыбного супа с крошечным кусочком рыбы в 30 гр, две-три картофелины с кусочком мяса в 40—70 гр, стакан молока каждые четыре дня, которое отдавалось в семье детям, кипяток почти без заварки, несколько кусков сахара, горстка дешевых конфет.

¹ Рынок 30-х годов был уже и рынка периода военного коммунизма. Как показывают исследования, голод в период гражданской войны гнал на запрещенный рынок не только обывателя, но и государственные учреждения. Во время успешных наступлений «белых» на рынке шла продажа национализированных фабрик, заводов, имений их бывшими владельцами. Складывается впечатление, что рынок в период военного коммунизма, хотя и был ограничен декретами, во многом работал по инерции дооктябрьского времени (Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России. С. 229—250).

Сужение границ легальных рыночных отношений существовало и в сфере торговли, и в промышленном производстве. Частная торговля ограничивалась колхозным рынком, продажей бывших в употреблении вещей (продажа новых вещей запрещалась), а также мелочной торговлей с лотков по установленному правительством ассортименту¹. Частное производство предметов одежды и обихода в 30-е годы представляло мелкую кустарную деятельность. Продавать свою продукцию кустари могли по ценам государственных и кооперативных организаций. Политбюро ограничивало масштабы кустарного производства, стремилось свести его к работе на заказ. В конце 1935 года постановление ЦИК и СНК СССР запретило выдавать регистрационные удостоверения на занятие кустарными промыслами тем, кто работал «из своего сырья на рынок». Разрешалась только работа из материала заказчика. Заниматься кустарными промыслами можно было только во внеурочное время при наличии письменного разрешения руководителя предприятия, где протекала основная трудовая деятельность кустаря².

Предпринимательство и рынок не умещались в отведенном для них легальном экономическом пространстве и развивались за его пределами. Все, что выходило за рамки разрешенной Политбюро рыночной деятельности, составляло империю черного рынка и было наказуемо³. Политбюро пыталось решить свои разногласия с нелегальным рынком не путем расширения экономической свободы, а запретами и ограничениями. Противозаконный характер черного рынка определялся не только и не столько криминалом в деятельности людей, сколько ограниченностью проведенных рыночных реформ. Подавляющая часть рыночной активности, которая в СССР 30-х годов являлась незаконной, не считалась бы таковой в странах рыночной экономики. Значение черного рынка в обеспечении населения в годы карточной системы велико⁴. А заправлял там частный капитал.

¹ В постановлении ЦИК и СНК СССР от 20 мая 1932 года о порядке проведения колхозной торговли говорилось: «Не допускать, чтобы частные торговцы открывали лавки и магазины». Инструкция Наркомфина СССР от 10 июня 1934 года позволяла финорганам выдавать частным лицам разрешение только на мелкую торговлю с рук и лотков такими товарами, как мелкая галантерея, замазка, сода, синька, вакса, мелкие железо-скобяные изделия, щепные изделия для хозяйственных нужд, игрушки, фрукты, ягоды, орехи, семечки, прохладительные напитки, сладости, сырки, простокваша, варенец, СТАРАЯ (значит, бывшая в употреблении, выделено мной. — *Е. О.*) одежда и обувь (ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 15а. Д. 1071. Л. 14).

² ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 16а. Д. 404. Л. 1—3.

³ Постановление ЦИК и СНК СССР от 22 августа 1932 устанавливало в качестве меры наказания для спекулянтов и перекупщиков от 5 до 10 лет концлагерей без применения амнистии. Суровость наказания вредила делу борьбы со спекуляцией: суды не решались применять столь суровые приговоры к мелким спекулянтам, которые буквально наводняли рынки и создавали главную проблему. Они отделялись легкими штрафами. В конце 1934 года НКВД просил ввести, в качестве наказания для мелких спекулянтов, штраф в размере 500 рублей или 3 месяца принудительных работ с конфискацией имущества, сохранив для крупных спекулянтов в силе закон 1932 года.

⁴ Вот только один из примеров. Опрос рабочих Челябинского тракторного завода в 1935 году показал, что 6 человек покупали одежду в комиссионках, 8 — по ордеру в закрытом распределителе, 180 — в коммерческих магазинах, а подавляющее большинство — 512 человек — на толкучке (ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 16а. Д. 404. Л. 11).

Частное нелегальное предпринимательство не всегда легко разглядеть за фасадом огосударствленной экономики, так как, будучи преследуемо по закону, оно маскировалось под ту или иную форму социалистического хозяйства. Частный капитал прикрывался колхозными справками, патентами на кустарную деятельность, государственными должностями, вывесками общественных организаций. Материалы Наркомфина, ОГПУ/НКВД, комиссий партийного и советского контроля помогают увидеть многообразие форм частного капитала в социалистической экономике.

Частное предпринимательство развивалось под прикрытием государственных учреждений. Продавцы в ларьках, столовых, буфетах, палатках вместе с государственным товаром продавали «свой». Это мог быть и товар собственного производства, и купленный у кооператоров, в магазинах, на складах. «Свой» товар не регистрировался в документах, и наценки на него доходили до 100%. Частыми представителями подобного бизнеса являлись, например, продавцы минеральных и газированных вод, которые торговали на улицах в ларьках. Кроме торговли государственной продукцией, они могли производить и свою: на собственные деньги закупали баллоны углекислоты и с помощью наемных рабочих вырабатывали минеральные воды. Доход исчислялся тысячами рублей. Парикмахеры, фотографы и т.п. в государственных учреждениях также «работали на сторону». Работники пекарен покупали муку на свои средства, выпекали хлеб в государственных или кооперативных пекарнях, а затем продавали его на рынке.

Среди государственных учреждений особым размахом предпринимательской деятельности прославились комиссионные магазины¹. Они создавались для того, чтобы «помочь трудящимся продать ненужные вещи без перекупщиков и спекулянтов». В реальной жизни, однако, работники комиссионки отказывались принимать у населения поношенные или дешевые вещи, говоря, что это барахло, немодно, неизяшно, зато искали большие партии дефицитного товара. Для поиска, скупки и реализации товаров комиссионные магазины имели специальных агентов. Кроме зарплаты, суточных, командировочных агенты получали проценты с оборота. Поставщиками в комиссионные магазины были и «спекулянты», которые скупали товар в государственных магазинах либо приносили краденое со складов, фабрик, заводов, из магазинов.

Цены в комиссионных магазинах назначались очень высокие, даже выше цен государственной коммерческой торговли. Например, хромовые мужские ботинки в магазине стоили 76, а в комиссионке шли за 143—172 рубля; 3 метра импортного бостона, которые в магазине стоили 550 рублей, в комиссионке продавались за 1000 рублей. Стоимость трех метров сукна в универмаге составляла 600, а в комиссионке — 945 рублей. Из прибыли 100 рублей шло поставщику, 245 — магазину². Несмотря на высокие цены, товар в комиссионках раскупался быстро, ведь в других магазинах за ним нужно было гоняться и стоять часами в очередях.

¹ Комиссионные магазины принимали от населения вещи, оценивали их и затем продавали. Определенный процент с продажи составлял доход магазина.

² Здесь и далее используются факты из «Докладной записки о широком использовании частником комиссионных магазинов», составленной Комиссией партийного контроля для СНК СССР в мае 1935 года (ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 16а. Д. 402. Л. 1—13).

Доходы от продажи товаров через комиссионные магазины составляли внушительные по тем временам суммы. Гражданин Краснов, например, через комиссионный магазин продал в 1934 году обуви на 100 тыс. рублей, а граждане Сахаров, Волков, Смирнов — на 400 тысяч. Некто Рыжиков продал через магазин № 93 Гормосторга более тысячи часов. Если учесть, что в Москве и Ленинграде работало около ста комиссионных магазинов, то масштабы «комиссионной деятельности» выглядят внушительно.

Товар в комиссионные магазины поступал и от кустарей. Например, магазин № 23 на Красной Пресне за 1934 и два месяца 1935 года продал электронагревательных приборов (плиты, печи, кипятильники и т.п.) на сумму 150 тыс. рублей. Эти приборы изготовлял кустарь Каменев, который имел мастерскую во дворе магазина. Материалы и сырье он покупал в государственных организациях по доверенности магазина. Деньги от продажи магазин переводил на текущий счет Каменева, который к тому же был освобожден от уплаты налогов, так как имел от психиатра справку о том, что он душевнобольной.

Ошибочно думать, что комиссионки продавали только ширпотреб. В них существовали специальные отделы продажи стали, алмазов, деталей, проводов, станков и машинного оборудования. Тот же магазин на Красной Пресне продал Туркменской высшей сельскохозяйственной школе, Черкизовской авторемонтной мастерской Метростроя и другим организациям 183 пуда стали и на 300 тыс. рублей фрезерных, револьверных и токарных станков. Покупателями сырья и средств производства являлись учреждения и организации, а поставщиками могли быть и частные лица (воровали ведь не только галоши). Выявление «собственников средств производства» затруднялось тем, что товар сдавался под вымышленными именами и адресами. Магазин часто в таких случаях выступал лишь посредником между владельцем товара и агентом государственного учреждения, покупавшим его. Сделка лишь оформлялась через магазин, товар же хранился на частных квартирах. Бумаги в магазине составлялись так, что определить, сколько продано, кому и от кого, было порой невозможно.

Большие доходы комиссионным магазинам приносила продажа «стильной мебели». Источниками ее поступления являлись «бывшие люди», высланные НКВД, перекупщики и другие. В комиссионных магазинах мебель слегка реставрировали — «восстанавливали стиль эпохи» — и перепродавали организациям по баснословно высоким ценам. Руководители учреждений тратили огромные (государственные) средства, чтобы обставить свои кабинеты старинной мебелью. Например, представитель Кабардино-Балкарского исполкома Никонов закупил в комиссионном магазине на 300 тыс. рублей старинной мебели, причем не только кабинеты, но и три гостиные и даже четыре спальни. С этой целью он провел в Ленинграде два месяца. Наркомсовхоз в Москве купил семь кабинетов стиля «ренессанс» и две гостиные в стиле «ампир», заплатив 91 тыс. рублей (магазин приобрел эту мебель за 60 тыс. рублей). Наркомвнуторг купил два кабинета и т.д. Только два комиссионных магазина Ленпромторга продали старинной мебели пяти учреждениям на 800 тыс. рублей.

Комиссионные магазины являлись государственными учреждениями и доход от их работы поступал в госбюджет. Однако путем махинаций с товарами и работники комиссионок зарабатывали немало. Они могли умышленно задерживать товар, заставляя сдатчика понизить цену, а затем по сниженной цене покупали товар сами с тем, чтобы перепродать его дороже. Другой пример. От органов НКВД, суда, Наркомфина конфискации для продажи поступали с указанием общей суммы стоимости на всю пар-

тию товаров. Работники магазина в этой партии товаров наиболее ценные вещи оценивали дешево и покупали сами для дальнейшей перепродажи, худшие — оценивали по более высокой цене. В итоге общая сумма стоимости товара соблюдалась, работники же клали кругленькую сумму денег в карман.

Анализируя предпринимательскую деятельность комиссионных магазинов и лично их работников, Комиссия партийного контроля пришла к выводу, что комиссионки являлись «частнокапиталистическим сектором в социалистическом хозяйстве». Будь то рыночная экономика, государство легализовало бы предпринимательскую деятельность комиссионных магазинов, обложив ее налогом, запретив при этом принимать краденое и тратить государственные средства на покупку стильных кабинетов. В государственной же экономике выводы вновь шли по запретительной линии. КПК предложила сократить сеть комиссионных магазинов, ограничить прием вещей только теми, что были в употреблении, запретить устанавливать цены выше цен государственной и кооперативной торговли. В предпринимательстве виделся порок, испорченность, а не закономерный ответ на покупательский спрос. В случае реализации рекомендаций КПК предпринимательство вряд ли бы остановилось, оно просто приняло бы новые формы мимикрии.

Частный бизнес развивался и под прикрытием общественных организаций: райкомов, Осоавиахима, товариществ «Долой неграмотность», комитетов Красного Креста и других. Вопреки запретам, при общественных организациях на частные средства открывались столовые, буфеты, кондитерские, пекарни, слесарные мастерские и т.п. По договору частник должен был уплачивать ежемесячно определенную сумму организации, под «крышей» которой он работал, остальные доходы брал себе. Работа велась на собственном материале и на собственные средства предпринимателя. Организация обеспечивала частнику легальное прикрытие, предоставляла документы на закупку материалов и продуктов.

Вот лишь некоторые примеры¹. В Киевской области, в селе Лукашевка, 13 частников организовали под вывеской Украинского Красного Креста «комбинат», в состав которого входили пекарня, кондитерская, завод минеральных вод, буфет, парикмахерская. Оборотные средства комбината состояли из вкладов частников. В г.Черняхове Комиссия красных партизан открыла буфет-столовую на средства гражданина Борятинского (3600 руб.). Сам Борятинский работал в качестве заведующего буфетом, закупку продуктов вел на свои деньги на частном рынке и в Торгсине. Бизнес делали и те, кто занимался закупкой продуктов по заданию государственных и общественных организаций (частные закупки были запрещены). Часть продуктов покупалась на собственные средства и сбывалась «на сторону».

Частный капитал действовал и под прикрытием колхозов. В Винницкой области колхоз им. Ворошилова, например, заключил договор с кустарем-одиначкой по фамилии Шрифтелих. По доверенности колхоза он закупал сырье и изготавливал повидло, которое продавал от имени колхоза. Сам кол-

¹ Здесь и далее используется «Материал о выявленных случаях проникновения частника в государственные и кооперативные предприятия», подготовленный Наркомфином СССР для СНК СССР в ноябре 1934 года (ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 15а. Д. 1071. Л. 40—57). Примеры частного предпринимательства в социалистической экономике 30-х годов приводятся в упоминавшемся ранее докладе Д.Шерера, а также, на примере Магнитогорска, в книге С.Коткина.

хоз не имел сырья и не производил повидла. В течение 1933 года Шрифтелих продал разным организациям повидла на более чем 71 тыс. рублей, колхоз же, а лучше сказать — его администрация, получила 8% комиссионных. После того как факт предпринимательства стал известен финорганам, все участники этого бизнеса были наказаны в судебном порядке.

Частный предприниматель скрывался и под личиной колхозника, торгующего на рынке якобы своей продукцией. Проверки показывали, что часто продавцы ничего общего с колхозами не имели. Под видом «колхозников» работали перекупщики, которые скупали товар у крестьян на подъездах к городу либо привозили для продажи на рынке купленное в других регионах. По сообщениям Наркомфина, например, на рынки Харьковской области осенью 1934 года поступило из Закавказья большое количество фруктов и орехов. Продавцы предъявляли справки якобы уполномоченных колхозов, посланных продать колхозную продукцию. При проверке справки оказывались фиктивными. В частности, граждане Басаевы, Дмитрий и Артем, привезли в Харьков 50 ящиков яблок на 7 тыс. рублей. Они имели документы от колхоза «Революция» (Южная Осетия). Их частые приезды вызвали подозрение финнадзора, который задержал продавцов с товаром. В результате специальной инспекторской поездки в Осетию было установлено, что справки на реализацию являлись фиктивными и выдавались за взятку председателем колхоза Хабуловым. В колхозе «Революция» не имелось ни одного фруктового дерева. Весь товар закупался предприимчивыми продавцами в соседних районах. Другой пример. Некто Алиев-Абас продавал в Харькове сушеные фрукты по фиктивным документам колхоза «Имени 26 бакинских комиссаров». За два месяца он наторговал на 28 тыс. рублей. Во время обыска у него также нашли мешок серебряных денег. Еще пример. Председатель инвалидной артели в Ставрополье и еще два ее члена покупали в местном колхозе подсолнечное масло по 6 руб. за литр, а продавали в Харькове на рынке по 18 рублей.

Частное предпринимательство подпольно развивалось и в кустарно-промысловой деятельности. В первой половине 30-х годов большая часть кустарей была кооперирована. Они покупали сырье у государства и должны были сбывать произведенную продукцию через кооперативы по установленным государством ценам. Однако в реальной жизни лишь небольшая часть произведенной кустарями продукции продавалась через кооперативы по государственным ценам, львиная доля шла на черный рынок. Патент почти всегда служил прикрытием нелегальной деятельности, приносящей немалые доходы.

В докладной записке КПК в октябре 1935 года говорилось, что из 8000 кустарей, зарегистрированных в Москве, только 4—5% продавали продукцию через кооперативы¹. Остальные, либо сами, либо через мелких оптовиков, сбывали произведенный товар на черном рынке по «высоким спекулятивным ценам». Вопреки запретам применялся наем подсобных рабочих для расширения производства. Сырье покупалась нелегально на государственных фабриках и заводах через работавших там «несунов». Доходы утаивались от фининспекции. Кустарь получал десятки тысяч рублей в год чистой прибыли. Деньги по тем временам немалые. Зарплата главного конструктора на станкостроительном заводе, например, составляла немногим более 19 тыс. рублей в год.

¹ Докладная записка «О спекуляции промтоварами на базарах» (ГАРФ, Ф. 5446. Оп. 16а. Д. 404. Л. 13—14).

Та же докладная записка приводит примеры предпринимательства кустарей. Машинист Люберецкого завода Янбаев имел патент на производство юбок. Продавая их не через кооператив, а на черном рынке, он зарабатывал более 20 тыс. рублей в год. Для сравнения: его зарплата как машиниста составляла 300 руб. в месяц. Гражданину Конкину кустарное производство и торговля одеждой приносили доход в 11 тыс. рублей в год. При этом его легальный заработок (пенсия + зарплата сторожа) составлял всего лишь 160 рублей в месяц.

На черном рынке действовали не только кустари-одиночки, но и целые подпольные фирмы. «Предприниматели с размахом» подкупали заводскую и колхозную администрацию и так получали сырье. Для производства товаров нанимали кустарей в городах и деревнях (чем не рассеянная мануфактура!), снабжали их сырьем, а затем сбывали продукцию на рынках и барахолках в крупных городах. Для прикрытия нелегальной деятельности всегда имелся государственный патент. Однако он не отражал действительных размеров предпринимательства. Налоги, которые подобные фирмы платили государству, не соответствовали их доходам.

«Киевские кустари» представляют один из примеров подобной рассеянной мануфактуры. Кустари на дому работали для этой «фирмы» — шили женскую обувь. Организаторы бизнеса затем отправляли товар в Ленинград, где он хранился в арендованных квартирах. Предприниматели совершали в Ленинград «челночные рейсы», подкупали администрацию рынков и продавали продукцию. Затем исчезали из города, с тем чтобы вновь вернуться с очередной партией товара.

Вот еще пример частной рассеянной мануфактуры. Граждане Ильевский, Щедровский, Фельтейштейнт имели патенты кустарей-одиночек для производства фетровых шляп и беретов. На деле же они являлись организаторами и руководителями фирмы, в которой работало 12 наемных рабочих. Организаторы снабжали их сырьем и продавали произведенную продукцию на черном рынке¹.

В Харьковской области снабженческо-сбытовое товарищество «Коопкустарь» фактически являлось прикрытием подпольной фирмы. За 1933 и первую половину 1934 года оборот товарищества составил 8 млн. рублей. Товарищество составляли группы предпринимателей, каждая из которых имела свой бизнес. Одна группа из восьми человек покупала на фабриках отходы, а после сортировки продавала их другим государственным предприятиям с наценкой в 40—50, а то и 100%. Так, трикотажные обрезки, которые покупались по 800—830 рублей за тонну, продавались затем заводам в виде обтирочных концов по 1800—1900 рублей за тонну. Оборот этой группы составлял 413 тыс. рублей. Другие члены товарищества покупали жестяные отходы на заводах по 200 рублей за тонну, а после сортировки и обрезки продавали их для обивки ящиков по 790 рублей за тонну. Гр. Вызгородинский только за март месяц продал 24 тонны жестяных отходов на 19 тысяч рублей. Как говорят документы, предприниматель использовал наемных рабочих, т.к. он один вряд ли мог за месяц пересортировать более двух тонн отходов. Еще одна группа членов товарищества покупала скот у частных, перерабатывала на колбасу и продавала на рынке. Для фининспекции колбаса именовалась «паштет из растительного вещества», что позволило укрыть от обложения налогом 237 тыс. рублей. За полтора года 13

¹ Докладная записка «О спекуляции промтоварами на базарах» (ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 16а. Д. 404. Л. 13—14).

человек этой группы переработали 39 тонн мяса, 5,5 тонн сала. Их доход составил 552 тыс. рублей. Другая группа «вырабатывала» вафли с начинкой. Оборот по продаже составил 870 тыс. рублей. Были и предприниматели широкого профиля. Гр. Кричевский, например, одновременно «выделывал» пирожные-микадо, мухоморы, стироль, желе, перец, лавровый лист и краску для материй. Оборот его предприятия составил 70 тыс. рублей.

Артель «Транспорт» в составе 33 человек, используя два-три воза и пять-шесть лошадей, заработала за полтора года 400 тыс. рублей. Организаторы этого бизнеса сами не занимались извозом, а только нанимали рабочих и обеспечивали их средствами производства. Доход организаторов составлял 20—30 тыс. рублей в год. Товарищество «Гумхимпром», которое занималось производством химических изделий, одновременно изготавливало кондитерские изделия, галантерею, занималось фасовкой кофе, перца, ванилина, красок.

В стране существовал и подпольный рынок услуг. Нэп остался позади, но люди продолжали зарабатывать деньги привычными способами. Портнихи шили на дому, прачки стирали, стоматологи лечили зубы, ювелиры изготавливали украшения на заказ, репетиторы давали уроки и т.д. В каждой семье был свой способ подработать. Нелегальная деятельность и доходы от нее тщательно скрывались от соседей и фининспекции, клиентура формировалась через друзей и знакомых.

Милиция, ОГПУ/НКВД, фининспекция призваны были бороться с подпольным предпринимательством. Периодически проводились рейды по очистке рынков, инспекторские проверки учреждений и организаций, аресты подпольных предпринимателей на дому «по доносу». Но хотя немало людей было осуждено, черный рынок продолжал жить. Распыленность и масштабы подпольного предпринимательства были настолько широки, что органы правопорядка физически не могли справиться. А часто и не очень старались — городские власти получали доход с рынков и смотрели на «беззакония», которые там творились, сквозь пальцы, милиция и фининспекторы брали взятки.

Определить точные размеры частного предпринимательства и количественно оценить его вклад в экономику не представляется возможным. Патенты не отражали действительных масштабов производства и торговли, а выплачиваемые налоги — действительных размеров доходов. Однако некоторые общие выводы можно сделать.

Советский подпольный предприниматель, как правило, являлся представителем мелкого бизнеса. Это был кустарь-одиночка или кустарь с одним-двумя наемными рабочими. Производитель, как правило, был и продавцом своего товара. Конечно, возникали и подпольные «фирмы» средних размеров, рассеянные мануфактуры, где существовало разделение труда (руководители, производители, продавцы), но чем шире были масштабы деятельности, тем быстрее фининспекция и карательные органы раскрывали фирму и ликвидировали ее. Частный бизнес обречен был оставаться мелким.

Закон преследовал частного производителя, торговца не только за то, что тот скрывал от фининспекции свои доходы и не платил все налоги, а также и за расширение предпринимательства и получение прибыли, наем рабочих, продажу по рыночным ценам. В этих условиях утаивание доходов не только являлось средством уменьшить налоги, но и сокрытием масштабов деятельности, которая по определению не могла быть большой. Отказываясь предоставить частнику больше прав и возможностей, государство

несло колоссальные убытки от неуплаты налогов, разворовывания сырья и товаров с государственных предприятий.

В целом, оценивая черный рынок, следует сказать, что во всем многообразии частной деятельности преобладало не производство, а спекуляция — перепродажа товара с целью получения прибыли. Главной фигурой черного рынка все же был не подпольный промышленник-производитель, а перекупщик-спекулянт. Ограничивая частное производство, Политбюро создавало идеальные условия для развития спекулятивного паразитического рынка.

Борясь с частным предпринимательством, государство значительно сужало спектр легальных стратегий выживания. Государство не только не справлялось со снабжением населения, но часто мешало людям самим решать проблему самообеспечения.

Черный рынок являлся порождением товарного дефицита, и бороться с ним можно было только насыщением потребительского рынка товарами. Одним из средств к этому являлось предоставление предпринимательству больше экономической свободы. Запретительные же меры государства, направленные на сокращение частного производства и торговли, увековечивали товарный дефицит, а вместе с ним и черный рынок. В этом смысле бесполезность репрессий в борьбе с черным рынком очевидна.

За зеркальной дверью ТОРГСИНА

Государство участвовало в развитии рынка. Более того, только оно и имело право на крупномасштабное предпринимательство. В океане закрытых пайковых распределителей, закрытых кооперативов, закрытых столовых в период карточной системы существовали оазисы государственной открытой торговли, где цены определялись голодным спросом. Речь идет о Торгсине и государственных коммерческих магазинах. Населению они давали дополнительные возможности выжить, государству — немалые денежные средства. Особой славой пользовались магазины Торгсина¹. Для голодных людей они казались островками изобилия. Недаром в одном из писем того времени Торгсин был назван «Америкой в миниатюре». В определенной мере государственное предпринимательство представляли и комиссионные магазины, о которых говорилось ранее.

Торгсин (Всесоюзное объединение по торговле с иностранцами) был вначале небольшой конторой Наркомторга, которая продавала антиквариат, продовольствие и дефицитный ширпотреб иностранным туристам. Вход советским гражданам в эти магазины был закрыт. Более того, островки изобилия засекречивались — не рекомендовалось прибегать к рекламе и выставлять в витринах ширпотреб.

Ситуация изменилась осенью 1931 года — правительство открыло советским гражданам двери Торгсина. Дело в том, что с началом индустриализации остро встала валютная проблема. Гиганты пятилетки ждали импортного оборудования. Для покупки оборудования и сырья нужна была валюта. Много валюты. Между тем советский экспорт, главный источник валютных поступлений, в условиях мирового экономического кризиса становился убыточен. Основную статью в советском экспорте составляли сельскохо-

¹ О деятельности Торгсина читай также: Осокина Е.А. За зеркальной дверью Торгсина // Отечественная история. 1995. № 2.

ХЛЕБ 30-Х ГОДОВ

Бывший нарком снабжения, а теперь нарком пищевой промышленности А.И.Микоян проверяет качество выпеченного хлеба во время посещения поселка «Дальние зеленцы» (1935).

Фотографии из архива НКВД (1935). Хлеб с запеченными в нем болтами скорее возвращает нас к голодным временам первой пятилетки, чем характеризует благополучный 1935 год. Материалы политической полиции, которая в числе прочих вопросов следила и за хлебом, пестрели в ту пору сообщениями о плохом качестве хлеба. Не случайно говорили: «Пятилетка — это значит отказаться от белого хлеба». М.Фишер в мемуарах вспоминает, как ее сын-школьник после нескольких лет жизни в СССР оказался в 1931 году за границей в Риге и увидел там настоящий белый хлеб. «Зачем они красят хлеб в белый цвет?» — спросил он (My lives in Russia, P. 78).

**ВСЕСОЮЗНАЯ КАРТОЧНАЯ СИСТЕМА:
КНУТ И ПРЯНИК ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ**

Торговля в первый день введения хлебных карточек в столице. Продавца заменил резчик, чьей обязанностью стало быстро нарезать пайки хлеба. Москва, 1929 год.

Очередь за хлебом по карточкам. Москва, 1929 год.

Выдача хлеба по карточкам в пекарне. Страна только вступила в продовольственный кризис, пока сохраняется разнообразие сортов хлеба. Но оно скоро исчезнет. Москва, 1929 год.

Закрытый рабочий кооператив (ЗРК) завода «Манометр», 1930. Скучный ассортимент: на полках банки с черным перцем, пачки фруктового киселя, очевидно, сметана в ведре, масло под ножом резчика, плохое мясо. Другие продукты идентифицировать не удалось.

ЗРК Электростанции, 1931. Явно показное фото. Положение с непродовольственными товарами в стране было еще хуже, чем с продовольствием. Получить по карточкам такие ботинки на производстве реально могли лишь несколько человек.

ЗРК завода им. Сталина, 1932. Мясной отдел. В момент введения карточек на мясо (июль 1930 г.) их получил только индустриальный авангард — 14 млн человек в более чем 160-миллионной стране. Но даже для них мясное снабжение было скудным.

Витрина специального отдела снабжения ударников производства. Московская обл., 1931. Через иерархию снабжения Политбюро пыталось создать материальные стимулы к труду. Но и для ударников государство мало что могло предложить. Ассортимент, как видно на фотографии, состоит из мужских носков, шарфов и женского белья.

Организация рабочего снабжения отнимала много времени и сил на производстве. Вот лишь один из моментов: на снимке цеховая бригада завода «Серп и Молот» (Москва, 1931) подсчитывает отрывные талоны, по которым рабочие получили пайки. Выразителен взгляд молодого человека в центре.

ИЕРАРХИЯ СТОЛОВЫХ

Москва, 1931. Ресторан «Гранд-отеля». Даже в лучших ресторанах страны во время карточной системы вводились нормы питания.

Ленинград, 1931. Обед в столовой завода им. Сталина. По внешнему виду и качеству питания столовые крупных заводов Москвы и Ленинграда относились к числу лучших.

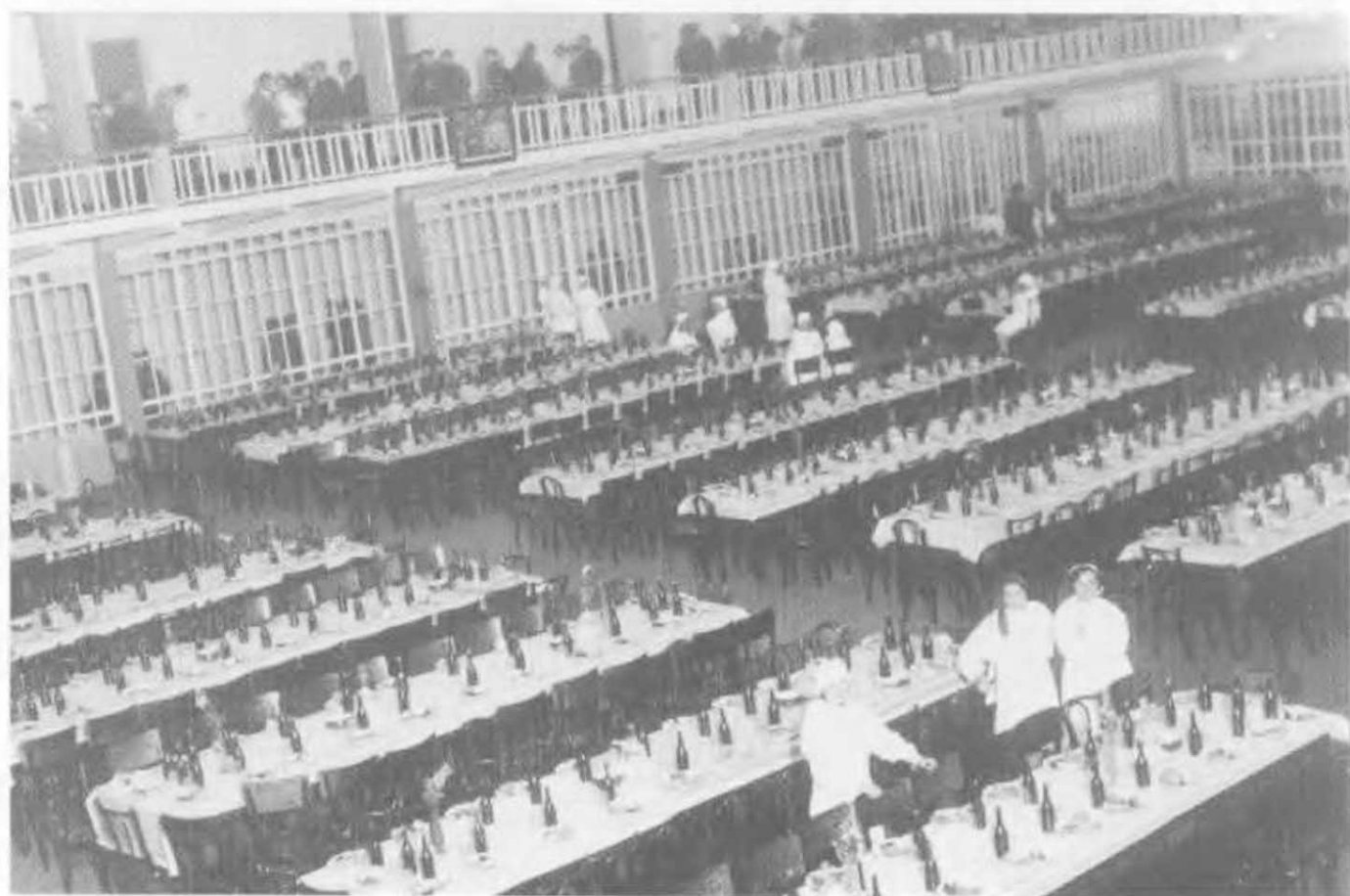
Заводские столовые на периферии существенно отличались от московских и ленинградских. На этой фотографии — рабочие Самары обедают в заводской столовой (1932). На столе обычная пища периода первой пятилетки — черный хлеб, щи, селедка.

А вот и отдельные столы для ударников производства, о чем свидетельствует плакат. Специально отведенные для обеда столы и залы представляли еще одну попытку стимулировать ударный труд в условиях, когда ни зарплата, ни пайки не побуждали трудиться лучше (Ивановский меланжевый комбинат, 1931).

Одна из ступенек в иерархии столовых — зал для инженерно-технических работников (кондитерская фабрика им. Бабаева в Москве, 1932). Впрочем, отличие ИТРовских столовых от рабочих порой было лишь внешним: пища поступала из одного котла, нормы были немного выше, но все же скудные, недостаточные.

Фабрика-кухня Харьковского электрозавода, 1938.

«Борьба за культуру общепита» являлась частью пропагандистской кампании «За культурный быт». На этой фотографии запечатлен момент кампании в действии. Во время обеда в столовой завода «Калибр» пионерка предлагает рабочему, сидящему за столом в фуражке, снять головной убор (Москва, 1931). По внешнему виду понятно, что этот рабочий — вчерашний крестьянин. Десятки тысяч таких, как он, хлынули из деревень в города и на стройки социализма, спасаясь от коллективизации, раскулачивания, надвигавшегося голода.

СТИХИЯ РЫНКА И СТРАТЕГИИ ВЫЖИВАНИЯ

Москва, 1929. Страна уже живет на хлебном пайке. Крестьяне не получили карточек. Они приезжали в города менять молоко на хлеб. На снимке подмосковные крестьяне возвращаются домой с пустой молочной тарой и закупленным хлебом.

«Базар советский. Вход спекулянтам и перекупщикам воспрещен» — гласит плакат у входа на рынок (Иваново, 1932). Но мало кого эта надпись останавливала в те годы. Спекуляция — незаконная торговля — представляла наиболее распространенное экономическое преступление тех лет. Это был один из способов выжить, а затем, в более благополучные годы, и способ обогатиться.

Толкучка, Центральная Черноземная область, 1933. Тысячи человек проходили через такой базар в воскресный день, покупая и выменивая товар. Лишь незначительная часть продавцов регистрировалась администрацией базара и уплачивала налоги с торговли, большинство меняли и продавали незаконно, в толпе, из-под полы.

Продажа с крестьянских подвод и возов. Башкирия, 1932.

Торговля свиной на Воронцовском рынке. Орехово-Зуево, Подмосковье, 1932.

Торговля молоком. Донбасс, Украина, 1932.

Санитарный врач на Петровском рынке ведет беседу о чистоте молочной посуды. Москва, 1934.

Продажа скота, 1933. Место не указано.

Продажа фруктов на базаре в Кутаиси, Грузия, 1931. Обращает внимание тщательная упаковка — видно, что частник старался. Оформление включает советскую символику — пятиконечные звезды, портрет Ленина.

Овощной базар на баркасах на берегу Днепра. Херсон, Украина, 1938.

Торговля изделиями кустарных промыслов. Арзамас, Горьковский край, 1938.

Осенний базар на Зацепском рынке в Москве, 1939.

Продажа муки. Запорожье, Украина, 1938.

ЗА ЗЕРКАЛЬНОЙ ДВЕРЬЮ ТОРГСИНА

В Москве в период своего расцвета Торгсин имел 38 магазинов. На фотографии запечатлен один из них. Перед магазином — московская толпа первой половины 30-х годов.

Москва, Петровка, 1930. Антикварный магазин для иностранцев. Торгсин пока еще не открыл двери для советских граждан. Политбюро пытается решить валютную проблему за счет иностранных туристов. Рекламное фото.

Москва, 1932. Антикварный отдел одного из московских торгсинов. Рекламное фото.

Москва, 1932. меховой отдел Торгсина. Рекламное фото. Глядя на эту фотографию, трудно поверить, что страна уже стоит на пороге массового голода, который унесет миллионы человеческих жизней.

Москва, 1936. Последний покупатель. Торгсин сделал свое дело и стал не нужен: золото и другие ценные сбережения советских граждан оказались в руках государства и обернулись станками, турбинами и прочим оборудованием для первенцев пятилетки.

Торгсин на Смоленской площади. М.Булгаков описал его в романе «Мастер и Маргарита»: «Сотни штук ситцу богатейших расцветок виднелись в полочных клетках. За ними громоздились миткали, и шифоны, и сукна фрачные. В перспективу уходили штабеля коробок с обувью... Где-то в глубине за углом пели и играли патефоны». Гастрономическое отделение было не менее великолепно: «...жирная плачущая розовая лососина», «бочки с сельдью керченской отборной», пирамиды из мандаринов, хитрые сооружения из шоколадных плиток в золотых обертках и другие кондитерские соблазны — таким увидели Торгсин булгаковские герои. В наши дни по соседству с этим зданием приютился московский «Макдональдс».

СИМВОЛЫ НОВОЙ ЖИЗНИ

Колхозницы в парфюмерном отделе. Куйбышевская обл., 1937.

Парфюмерный магазин в г. Выборге, Карело-Финская ССР, 1940.

Оформление витрины магазина в Свердловской области, 1936.

Еще один момент новой, более благополучной жизни — елочные украшения Союзкультторга, Москва. Люди готовятся встречать 1937 год, не подозревая, сколько горя он им принесет. Массовые репрессии уже не за горами.

НАЧАЛО ЭРЫ «СВОБОДНОЙ» ТОРГОВЛИ

Большинство этих снимков сделано специально, о чем говорят позы людей, их взгляды, пустота торговых залов, место расположения фотографа (позади прилавка, со стороны служебных помещений). Безусловно, фотографии запечатлели избранные, лучшие моменты торговли второй и третьей пятилеток.

За выбором тканей. Пушкинский универмаг, Московская обл., 1934. Типичная обстановка небольшого районного универмага, где нет специализации отделов: галантерея, ткани, обувь, одежда тесно соседствуют на полках.

Овощное изобилие, 1934. Место не указано.

Магазин в Подмосковье,
1935.

Мясной отдел в одном
из московских магазинов,
1934. Фотография сделана
не столько для показа
мясного изобилия — оно
оставляет жалкое впечат-
ление, сколько для рек-
ламы технической но-
винки — автоматических
весов.

Гастроном автозавода им. Молотова, Горький, 1935. Ассортимент небогат. Обращает внимание обилие алкоголя и переходящее Красное Знамя лучшему трудовому коллективу торговли.

Первый год без хлебных карточек. Булочная Горьковского автозавода, 1935.

Вдали от крупных городов. Продовольственный магазин на Березовском руднике, Урал, 1937.

Универмаг в Московской обл., 1935.

ТОРГОВЛЯ НА СЕЛЕ

Сельский кооператив. Деревня на пороге коллективизации. Астрахань, 1929.

Колхозный ларек. Средне-Волжский край, 1934. Страна накануне отмены карточной системы. В ассортименте — по крайней мере два портрета Ленина, но крестьяне покупают продукты.

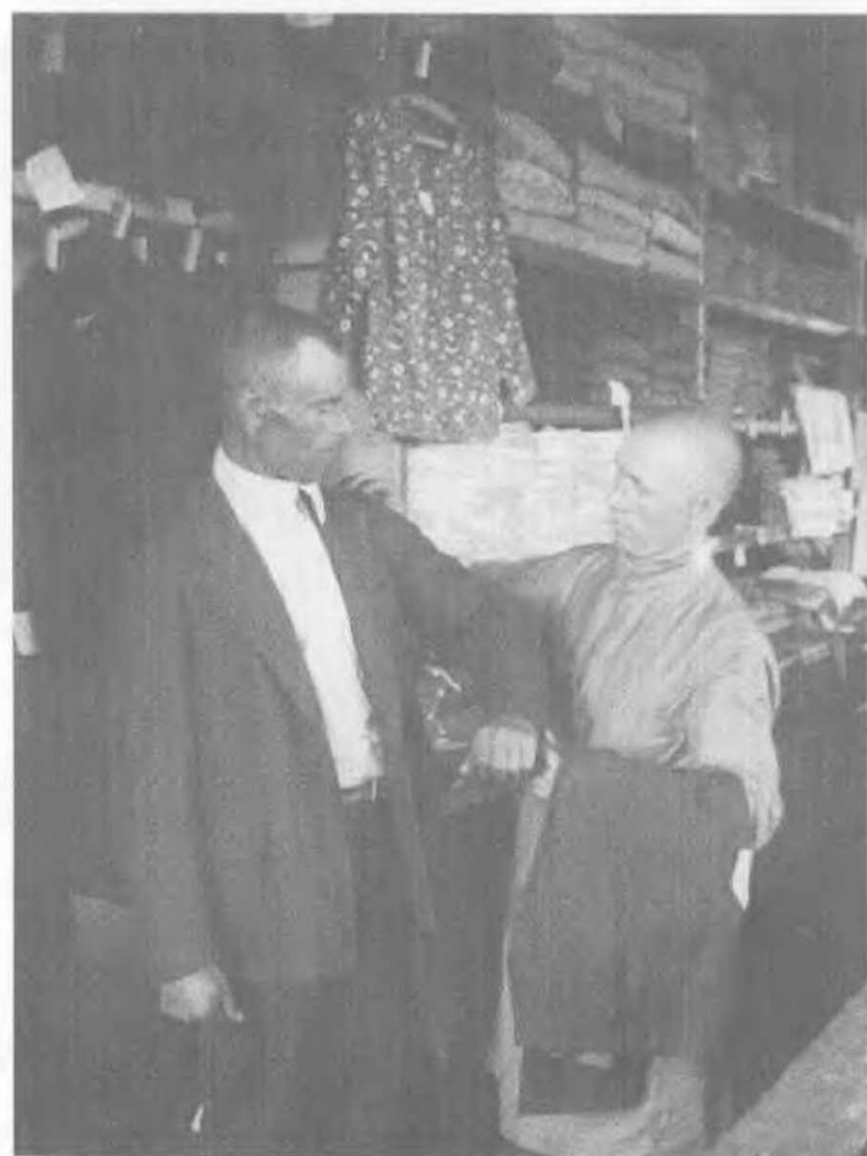
«Хлебосдача — первая заповедь» — учил Сталин. Крестьяне отоваривают квитанции, полученные за сданный государству хлеб. Сельпо в Челябинской обл., 1934.

«К зажиточной жизни». Колхозник покупает дочери пальто. Сталинград. Снимок сделан в 1933 году. За кадром остались ужасы коллективизации, массовый голод, заградительные отряды, людоедство, эпидемии, беспризорные дети.

Образцовый сельмаг.
Орджоникидзевский
край, 1936.

Примерка костюма в рай-
онном универмаге. Башки-
рия, 1934.

Райунивермаг в Карачаевской автономной обл., 1938.

Сельмаг в Ленинградской обл., 1938. На стене портрет «хозяина» — секретаря Ленинградского обкома и горкома, А.А.Жданова.

СПЕЦНАБЖЕНИЕ ОГПУ / НКВД

Распределитель кооператива ОГПУ в лагерях, 1928.

Продажа товаров без продавца в универмаге по обслуживанию работников НКВД. Сталинград, 1936.

Зал ожидания в бюро заказов «Стрела», которое доставляло продукты на дом работникам НКВД. Москва, 1936. За столами ожидают своей очереди сделать заказ «люди в штатском».

зайственная продукция и сырье, мировые цены на которые падали. Мировые же цены на оборудование и машины, которые импортировал СССР, росли.

Политбюро лихорадочно искало источники валюты. Иностраный туризм, распродажа произведений искусства не давали желаемого результата. Между тем внутри страны имелись ценные сбережения. По подсчетам властей, на руках у населения к началу 30-х годов, несмотря на конфискации ВЧК/ОГПУ, оставалось около 100 млн. рублей золотом и, кроме этого, бытовое золото, ориентировочно еще 100 млн. рублей¹. Торгсин должен был получить эти миллионы.

Советские люди могли покупать товары в Торгсине при условии сдачи золота: ювелирных изделий, утвари, монет старого чекана. Позже в Торгсине была разрешена сдача серебра, бриллиантов, произведений искусства. В обмен на ценности «сдатчики» получали деньги Торгсина — ордера, книжки, разовые талоны. Другим каналом проникновения в Торгсин и средством выжить были валютные переводы от родственников и друзей из-за границы. Однако, если валютный перевод, как того требовали правила, поступал в Госбанк (с пометкой для Торгсина), советский получатель попадал в невыгодные условия. При категорическом требовании в лучшем случае он мог получить в наличной, так называемой «эффективной» валюте только 25% переведенной суммы. Остальное — в рублях по принудительному официальному курсу². В стране существовал черный рынок, где можно было выгодно продать или обменять валюту. Люди поэтому старались получить валюту из-за границы, минуя государство. Деньги шли в письмах через почту, передавались с оказией. В Европе, в частности в Париже, где было много русских эмигрантов, почти легально действовали фирмы, которые контрабандно доставляли валюту в СССР.

Помимо розничной торговли Торгсин занимался посылочными операциями. Это была еще одна возможность для людей, особенно живших «в глубинке», получить продукты. Родственники или друзья за границей выбирали один из вариантов стандартной посылки Торгсина, переводили валюту в его адрес, и в течение 48 часов после получения перевода Торгсин должен был отправить посылку по указанному адресу. Советские граждане могли и сами выбрать продукты по прейскуранту Торгсина и получить их по почте после того, как в адрес Торгсина был сделан валютный перевод. Можно было получить продукты и из-за границы от иностранных фирм — Торгсин продавал фирмам лицензии, дающие право отправлять посылки в СССР. Однако, стремясь к монополии, Торгсин постепенно свертывал лицензионную деятельность.

После того как Торгсин открыл двери для советского покупателя, его деятельность стала молниеносно расти. Не маленькая контора с десятком магазинов, а полторы тысячи магазинов внутри страны и широкое представительство за рубежом — таким стал Торгсин в период своего расцвета. Бурный расцвет Торгсина нельзя объяснить только желанием правительства изъять валютные накопления населения и обратить их в станки для первенцев пятилетки. Сталинское руководство хотело получить золото, но

¹ РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 19. Л. 20—22.

² По официальному курсу доллар равнялся 1 руб. 94 коп. В действительности же, как показывали американские инженеры, покупательная способность рубля в начале 30-х годов составляла 4—10 центов. При таком соотношении за доллар следовало бы давать от 10 до 25 рублей.

во власти людей было не отдавать его. Тем не менее население добровольно отнесло ценности в Торгсин.

Историю Торгсина определяла не только индустриализация, но и голод первых пятилеток. Чтобы выжить, люди были готовы отдать все, что имели. И за рубежом молва о Торгсине ширилась не только благодаря рекламе его представителей, но и вследствие потока писем, идущих из голодной страны. «Шлите доллары на Торгсин» — письма молили о помощи.

Правительство использовало голод, чтобы изъять сбережения граждан. Услуги ОГПУ для этого уже не требовались¹. Люди сами понесли ценности в Торгсин, порой как бы подсказывая правительству, что еще можно обратиться в импортные станки и турбины. В материалах Торгсина описан, например, такой факт: «На днях в московский магазин были принесены две картины фламандской и голландской школы, за которые собственник желал получить 50 рублей. За границей же они могли быть проданы за тысячу марок»². Случай этот произошел в апреле 1933 года, когда у Торгсина еще не было права приобретать антиквариат у частных лиц. Однако уже летом того же года Торгсин это право получил.

Голод гнал людей в Торгсин, доходы которого возрастали по мере ухудшения продовольственной ситуации в стране. Торгсиновский «взлет» пришелся на страшный 1933 год. Если в 1932 году Торгсин продал товаров на сумму 49,3 млн. рублей, то в 1933-м — в 2,5 раза больше — на 106,5 млн. (прилож., табл. 10) С января по май, когда голод достиг своего апогея, поступление валютных ценностей в Торгсин удвоилось.

Что же покупали? — Более 80% товаров, проданных Торгсином в 1933 году, составляли продукты. Львиная доля (более 60%) приходилась на хлеб. Хотя доля наличной валюты и валютных переводов в платежах в Торгсине в абсолютном выражении и росла, однако относительно роста поступлений «бытовых» ценностей граждан (ювелирные изделия, монеты старой чеканки и пр.) она стремительно уменьшалась³. Таким был звездный час Торгсина: голодные люди меняли свои сбережения на хлеб. В период голода резко возросла сдача серебра.

Случай с серебром интересен, так как показывает стратегии выживания в то тяжелое время. После того как в октябре 1932 года правительство разрешило сдавать в Торгсин серебро, предприимчивые люди начали скупать серебряные монеты советской чеканки, сплавлять их и сдавать слитки в Торгсин. Вначале слитки имели явные признаки своего происхождения: изображение серпа и молота, надпись «Пролетарии всех стран...», но затем, по словам одного из донесений, «деклассированный и преступный элемент умудрился улучшить свою работу», и явные признаки сплава исчезли. В

¹ С появлением Торгсина охота ОГПУ за золотом, конечно, не прекратилась. Более того, ОГПУ/НКВД использовало Торгсин, который, как лакмусовая бумажка, выявлял крупных держателей ценностей и позволял «брать их с поличным». Аресты сдатчиков золота при выходе из магазинов, обыски их квартир и конфискация купленных товаров были частыми явлениями в начале деятельности Торгсина. Они сохранились в практике ОГПУ/НКВД и в последующие годы. Это грозило падением валютных поступлений. Торгсин бил тревогу, требуя соблюдения прав владельцев валюты. Правительство также требовало от ОГПУ/НКВД проводить операции, не дискредитируя Торгсин.

² РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 88. Л. 14.

³ В 1932 году доля наличной иностранной валюты и валютных переводов из-за границы составляла почти половину (41%) доходов Торгсина. В 1933-м — только — 21% (РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 14. Л. 29—36).

ответ на это Наркомфин запретил принимать серебро 500-й, а затем и 750-й пробы. Однако люди вскоре приспособились и к фабрикации слитков соответствующей пробы¹.

По сравнению с другими видами открытой торговли (коммерческие государственные магазины, крестьянский рынок) цены Торгсина, при переводе золотых рублей в совзнаки по официальному курсу, являлись наиболее низкими в стране. Однако эта дешевизна была кажущейся. Ведь за торгсиновским рублем стояли сданное золото и валюта. Известно, что доллары в Торгсине принимались по низкому принудительному курсу. Известно также, что скупочные цены на серебро были ниже мировых. Что касается золота, то материалы не позволяют сравнить скупочные цены Торгсина с мировыми².

Государство наживалось на Торгсине. Поскольку практически любая предпринимательская деятельность, по официальной терминологии, являлась спекуляцией, то в истории с Торгсином государство показало себя самым большим спекулянтom в стране. Цены в торгсиновских магазинах значительно превышали советские экспортные цены. В 1933 году цена животного масла в Торгсине составила 170%, растительного масла — 381%, сахара — 300% их экспортной цены. Государство продавало товары своим гражданам в несколько раз дороже, чем за границу. По признанию, сохранившемуся в одном документе, для выручки за границей по экспортным ценам привлеченной через Торгсин суммы валютных ценностей потребовалось бы вывезти на внешний рынок товаров экспортного качества в 3,3 раза больше, чем было продано через Торгсин³. По мнению работников Наркомснаба и отзывам иностранного дипкорпуса, который обеспечивался через Торгсин, товары в торгсиновских магазинах стоили дороже, чем в магазинах Польши, Германии, Франции, Японии, Китая⁴. Но дороговизна не останавливала от покупок в Торгсине. Спрос на его товары и деньги был огромен.

¹ «Серебряной проблемой» занимались специальные комиссии Политбюро и СНК, но не могли остановить махинации, которые приносили предпринимателям огромную прибыль. Например, 50 банковских серебряных рублей после переплавки давали слиток весом в 1 кг. Торгсин за него выдавал 14 валютных рублей, которые на черном рынке шли по курсу 40—65 обычных советских рублей за каждый валютный торгсиновский. Летом 1934 года, по данным Госбанка, числились не изъятыми из обращения 65 млн. банковской и 165 млн. разменной серебряной монеты. Махинации с серебром грозили государству огромными убытками, так как Торгсин для выполнения плана принимал слитки любого изготовления. Решить проблему можно было только запретив прием серебра в Торгсине, но Политбюро не делало этого из-за валютных соображений. В ход, как обычно, шли репрессии. За укрывательство серебра можно было получить расстрел или от 3 до 10 лет концлагерей (РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 63. Л. 11; Д. 74. Л. 2; ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 15а. Д. 1071. Л. 2—10; РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 9. Л. 39).

² В одной из записок за 1934 год сказано, что скупочные цены Торгсина на золото были на уровне мировых, но не ясно, имеет ли это заявление силу только для 1934 года, или его можно отнести ко всему периоду существования Торгсина (РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 101. Л. 44)

³ Отчет об итогах деятельности Торгсина, составленный в феврале 1936 года (РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 133. Л. 141—143).

⁴ В справке председателя Торгсина М.А.Левенсона, составленной осенью 1935 года, говорилось, что на один доллар в магазинах Польши можно было купить 1,3—1,8 кг масла; во Франции — 600—750 гр.; в СССР же — только 250—400 гр. Соответственно по мясу данные были: 1,7—3,8 кг в Польше; 2,3—0,5 кг во Франции; 1—0,6 кг

Голод, дефицит и инфляция формировали огромный черный рынок и постоянный штат перекупщиков, «валютчиков» вокруг легальной деятельности Торгсина. Спекулянты наведывались в Торгсин по несколько раз в день, покупали все подряд, а затем перепродавали втридорога. Золотой рубль Торгсина по официальному курсу равнялся 6 руб. 60 коп. в совзнаках. На черном же рынке обменный курс «золотого» торгсиновского рубля и стоимость его и без того дорогих товаров подсакивали в десятки раз. В начале 1934 года обменный курс черного рынка составлял 60 простых советских рублей к одному золотому торгсиновскому. Шло сращивание руководства и персонала Торгсина со спекулянтами.

Процветало воровство. Наряду с мелкими несунами были и крупные воры. В 1933 году «за полное разложение, выразившееся в самоснабжении», был исключен из партии и отдан под суд директор московского универмага № 1, совершивший хищения на сумму 70 тыс. рублей золотом¹. Чтобы меньше воровали, работникам Торгсина выдавался специальный «золотой» паек. По тем голодным временам паек был действительно «золотым». В него входили дефицитные товары Торгсина, но платили за них не золотыми, а соврублями по низким пайковым ценам. Тем не менее воровство и утечка торгсиновских товаров через спекулянтов на черный рынок не прекращались.

Частью черного рынка, формировавшегося вокруг Торгсина, была проституция. Продажа женского тела за продукты и товары представляла еще один способ выжить в голодное время. Кроме профессиональной проституции, склонение к сожительству за продукты и товары не являлось столь уж редким бытовым явлением. Скандальную репутацию имели торгсины, обслуживавшие иностранные суда в советских портах. По инициативе их директоров, при попустительстве местных властей и поддержке ОГПУ/НКВД, портовые торгсины почти легально действовали как разрешенные дома терпимости. Проститутки работали и на пятилетку, завлекая иностранцев в бары, рестораны и магазины, и на себя, получая от иностранцев за услуги сахар, хлеб и другие продукты. Подобная деятельность вызывала нарекания иностранных коммунистов и социалистов. В их возмущенных письмах говорилось, что моряк может пробыть в Торгсине от прихода парохода до его ухода, отдавая валюту для пятилетки, и не узнать при этом о существовании пятилетнего плана. Вместе с тем за килограмм сахара моряк проводил ночь с женщиной, которая уверяла его, что в СССР умирают с голоду².

Торгсин сыграл важную роль в снабжении населения в период карточной системы. В его магазинах покупали деликатесы те, кто жил безбедно, — дипломаты, иностранцы, советские ювелиры и зубные врачи, у которых водилось золотишко. Но чаще в Торгсин приходили простые люди за самыми обычными продуктами и товарами. Он спасал тех, кого государство

в СССР; по сахару — 3—3,3; 3—4 и 1,2 кг; крупе — 10, 3 и 1 кг. Заметим, что в этих подсчетах доллар уже принимался равным 5 руб. 75 коп., что было значительно выше официального обменного курса, принятого в СССР в начале 30-х годов (1 руб. 94 коп. за доллар). Следовательно, покупательная способность доллара, а значит, и торгсиновского рубля в начале 30-х могла быть еще ниже, чем следует из справки Левенсона (РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 138. Л. 66).

¹ РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 71. Л. 161.

² РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 73. Л. 24, 41, 42.

оставило на произвол судьбы. Литература сохранила тому свидетельства и отпрысков российской аристократии, и простых крестьян¹.

Но Торгсин не мог накормить всех. Его изобилие было относительным, товаров не хватало. Хронически повторялись перебои в снабжении, шла бездумная засылка товаров, несообразная с заявками и сезоном, при которой зонты и галоши попадали в Северный край, а валенки — в Закавказье. Обладание книжкой Торгсина еще не означало получения желаемых продуктов. Мука, крупа, сахар — товары повышенного спроса в условиях голода были в особом дефиците. Люди стояли днями и ночами, чтобы получить их. Срок же торгсиновской книжки ограничивался, значит, надо было брать что-то другое. Процветала практика «нагрузок» — чтобы получить муку, крупу, надо было взять добавочно мыло, галоши, селедку, а то и пионерский горн или бюст Калинина². Как писалось в одном письме: «Круп мне не дали, сахару — тоже. Зато пришлось взять материи на рубаху, но шить ее нечем, так как ниток в продаже нет. Хорошо, что муки дали 5 кило»³.

Голодным людям Торгсин мог казаться островком изобилия. Однако действительно великолепных магазинов, подобно тому зеркальному торгсину на Смоленском рынке в Москве, который описал Михаил Булгаков в «Мастере и Маргарите», было немного. Проверки контор Торгсина показывали, что большинство из них являлись плотью от плоти советской торговли — мелкие грязные лавочки, с огромными очередями, ежедневными драками и привычной для советских людей грубостью.

Квалификация работников Торгсина была низкой, уровень обслуживания кустарный. Мелкой разменной валюты частенько не хватало, поэтому сдачу либо давали в совзнаках, либо заставляли подгонять покупку под сумму. Образцов и рисунков для приема валюты и ценностей не было. Где-то вдали от Москвы кассир попавшую в руки золотую монету копировал карандашом в тетрадь, тем и руководствовался в дальнейшей работе.

Техника приема ценностей была варварской, камни выламывались, золото принималось как лом, старинные русские монеты переплавлялись в слитки. А ведь люди часто сдавали высокохудожественные изделия, предметы старины. Не говоря о их художественной и исторической ценности, рыночная стоимость целых вещей порой превышала стоимость полученного из них лома. Приемщику это было безразлично, либо он, в силу своей

¹ Анатолий Жигулин, потомок декабриста Владимира Раевского, вспоминает, как в голодные дни были снесены в Торгсин золотые ордена деда вместе с золотыми нательными крестами и перстнями. Виктор Астафьев пишет о страшном 1933 годе, когда «в заведении под загадочным названием «Торгсин», которое произносилось в селе с почтительностью и даже трепетом», в обмен на золотые серьги получили пуд муки, бутылку конопляного масла и горсть сладких маковух (Жигулин А. Черные камни. М., 1989. С. 6; Астафьев В. Последний поклон // Собр. соч. М., 1980. Т. 3. С. 139).

² Система «нагрузок», принудительных добавлений к покупке, сопровождала социалистическую торговлю все годы ее существования. Нагрузки были порождением товарного голода, при котором покупатель соглашался брать ненужные ему вещи и продукты, чтобы получить дефицитный товар, а также идиотизма планирования, при котором фонды распределялись без учета покупательского спроса, что приводило к затовариванию. В нагрузку выдавался залежавшийся на полках и складах товар. При этом в других местностях он мог быть в дефиците. Комбинации нагрузок получались самые неожиданные. С чаем, например, заставляли покупать синьку, вазелин, грёбенки, мыльный порошок.

³ РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 27. Л. 75.

низкой квалификации, не мог определить ценность сдаваемой вещи. В письме управляющего Таджикской конторой Торгсина описан, например, такой случай: *«При отгрузке сданного серебра в декабре были по неопытности оценщика-приемщика в общем мешке отгружены две вазы, совершенно одинаковые, прекрасной гравированной работы. Фигуры, имеющиеся на них, — всевозможные звери и фигуры гладиаторов, вступающих, видимо, с ними в бой. Считаю эти вазы весьма ценными и, узнав о их приемке и сдаче лишь сегодня, сообщаем об этом для Вашего сведения для проверки получения»*¹.

Неизвестно, были ли найдены эти вазы и сколько бесценных произведений искусства превратилось в руках приемщиков Торгсина в простой, хотя и золотой, лом.

Много изъянов имела и посылочная деятельность Торгсина. Переводы и посылки задерживались, терялись, товары недокладывались, плохо паковались, продукты приходили испорченными. На анекдоты похожи случаи, приведенные в материалах проверок работы Торгсина: *«Одного клиента, которому были переведены деньги через Торгсин, вызвали из Новороссийска в Ростов-на-Дону за получением посылки. Вызванный гражданин здорово издержался на дорогу, а когда он приехал, то вместо посылки получил червонные рубли, которые не покрыли проездных расходов»*. Или: *«Переводополучатель через два месяца со дня перевода умер, не дождавшись получения денег, которые были предназначены для поддержки его здоровья»*².

Неприглядный вид имели портовые торгсины. Вот описание одного из них:

*«Стойка в буфете, высотой с табуретку, покрыта старым куском линолеума, каким обычно в Англии покрывают полы в уборных. От этого получается, что англичане преспокойно садятся на эту стойку и, повернувшись к буфетчице спиной, занимаются разговорами друг с другом»*³.

Да и внешний вид самих работников портовых торгсинов был отталкивающим. По словам самого же заведующего шипчандлерством (обслуживание иностранных судов в советских портах) Торгсина:

*«Один ходит в обтрепанной или, еще лучше, в рваной кожаной тужурке, без подметок ботинки, подозрительного цвета и фасона фуражка. Другой — в пиджаке, сделанном из четвертого срока шинели без подкладки, с обтрепанными рукавами, и если воротник этого пиджака вытопить, то мыльный завод может получить пуда два сала. Или еще хуже — в темно-синих брюках, сзади серая заплата»*⁴.

Блистающий Торгсин — не несколько магазинов в крупных городах, а Торгсин как распространенная практика торговли — один из мифов 30-х годов. В «зеркальных» дверях Торгсина отразились все неприглядные стороны советской торговли.

После того как голод в стране был преодолен, а ценности населения поступили в распоряжение государства, существование Торгсина стало ненужным и даже убыточным. Конкуренцию Торгсину стали составлять не только коммерческие государственные магазины, но и появившиеся после отмены карточек магазины «свободного доступа». Хотя цены в них были

¹ РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 129. Л. 1.

² РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 27. Л. 118. Д. 90. Л. 164.

³ РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 164. Л. 82.

⁴ РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 5. Л. 8.

высоки по сравнению с прежними пайковыми, но все же это были цены в простых, а не золотых рублях. Чтобы купить продукты в этих магазинах, не нужно было нести на алтарь индустриализации бабушкины бриллианты или дорогое сердцу обручальное кольцо. Улучшился ассортимент и упали цены на колхозном рынке. Торгсин, в том виде, в котором он существовал, не мог конкурировать с открытой торговлей. Его цены были в золотых рублях, а ассортимент ничем особенным уже не отличался.

Покупательский спрос в магазинах Торгсина снижался и перемещался на непродовольственные товары. Стоимость торгсиновского рубля на черном рынке падала. Товарооборот Торгсина уменьшился. Началось затоваривание. Уже в 1934 году запасы товаров в Торгсине более чем на 20 млн. рублей превышали нормальные запасы, необходимые для бесперебойной торговли. В связи с нормализацией продовольственной ситуации в СССР стали падать и валютные переводы из-за границы. Торгсин перестал выполнять валютный план.

Хотя правительство рассчитывало, что Торгсин продержится дольше, о чем свидетельствует план Торгсина на 1933—37 годы, его убыточность заставила приступить к реорганизации. Уменьшались торговая сеть и аппарат Торгсина, снижались валютные планы, свертывалось зарубежное представительство. Бывшие магазины Торгсина становились невалютными, залежавшиеся на его складах товары передавались в обычную торговую сеть. С конца 1935 года прекратился прием золота, серебра, драгоценных металлов, монет. Всесоюзное объединение Торгсин официально прекратило свое существование с 1 февраля 1936 года, хотя оставшиеся на руках населения его книжки подлежали отовариванию до 1 июля. Валютная торговля вернулась к своим истокам — торговле с иностранцами. Валютные магазины вновь стали недоступны советским гражданам.

За время существования Торгсина общая сумма «привлеченных через него ценностей» составила 287,2 млн. рублей. В отчете об итогах работы Торгсина говорилось, что это немного превышало стоимость импортного оборудования для десяти индустриальных гигантов: Горьковского автозавода (42,3 млн. руб.), Сталинградского тракторного завода (35 млн.), автозавода им. Сталина (27,9 млн.), Днепроостроя (31 млн.), «Господшипника» (22,5 млн.), Челябинского тракторного (23 млн.), Харьковского тракторного (15,3 млн.), Магнитостроя (44 млн.), Кузнецкостроя (25,9 млн.) и Уралмаша (15 млн.)¹.

Только треть доходов Торгсина представляли переводы из-за границы и наличная иностранная валюта. Львиную долю (70%) составили ценные сбережения советских граждан — монеты, ювелирные и художественные изделия из драгоценных металлов². Золотые ордена, обручальные кольца и серьги незримо мерцают в станинах станков, турбинах и двигателях индустриальных гигантов. Благодаря голодному спросу и высоким ценам Торгсин частично компенсировал неэффективность советского экспорта и примерно пятую часть затрат на импорт оборудования и сырья в первой половине 30-х годов. Звездные годы Торгсина, 1933-й и 1934-й, покрыли около трети импорта этих лет.

¹ Чистая валютная выручка Торгсина составила 273,4 млн. рублей (РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 133. Л. 136).

² Из этих 70% на золотой лом приходилось 28,5%; на драгоценные камни, серебро — 25%; на золотые монеты старого чекана — 15,5% (РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 133. Л. 141—143).

Невалютными торгсинами в СССР в первой половине 30-х годов являлись государственные коммерческие магазины. Они были открыты для каждого, но цены в них в несколько раз превышали пайковые. Из-за дороговизны люди называли коммерческие магазины музеями. Сахар, например, который стоил по карточкам 92 коп. килограмм, в коммерческом магазине продавался по 8 рублей; сыр — соответственно 5—7 и 13—24 рублей; сметана — 2—3 и 6—8 рублей (1931); масло сливочное по карточкам стоило 4—5 рублей, а в коммерческой торговле государство брало за него 20—26 рублей (1933)¹.

Разрыв пайковых и коммерческих цен на одежду и обувь также был большим. В 1931 году по карточкам обувь стоила 11—12 рублей, а в коммерческой продаже — 30—40 рублей; демисезонное пальто — соответственно 25 и 56 рублей, брюки — 9 и 17; платье — 12 и 26; джемпер — 26 и 50 рублей². В легальной торговле цены коммерческих магазинов относились к числу наиболее высоких в стране. Принимая во внимание все, что ранее было сказано о ценах Торгсина и колхозного рынка, следует констатировать крайнюю дороговизну открытой торговли в СССР в первой половине 30-х годов.

Коммерческая торговля открылась летом 1929 года, когда правительство выделило фонд сахара для продажи по повышенным ценам. Но, как и Торгсин, расцвела она во время голода. В начале 1933 года продажа хлеба по коммерческим ценам велась только в 4 городах, к концу года — в 255, а в 1934 году — в 746 городах. Открытие коммерческих магазинов проходило по специальному разрешению Политбюро. Если в 1929 году коммерческая торговля составляла только 3% в товарообороте страны, то к 1934 году она покрывала уже четверть всего товарооборота и 40% государственной торговли³. Расширялся ассортимент товаров, в который вначале входили только сахар и хлеб.

Коммерческая торговля, как и торгсины, для населения представляла важнейший источник снабжения. Дороговизна не останавливала. В числе постоянных покупателей в коммерческих магазинах были индустриальные рабочие, которые хорошо зарабатывали в годы первых пятилеток и получали дешевые пайки от государства, а также крестьяне, чьи денежные доходы от рыночной торговли росли. Голодный спрос приводил к тому, что, несмотря на высокие цены, очереди были нормальным явлением и в коммерческих магазинах. Товары быстро раскупались. Оборачиваемость товаров в коммерческой торговле была выше, чем пайковых, и выше средней оборачиваемости во всех видах торговли по стране. Высокий спрос и дефицит порой заставляли вводить нормы продажи даже в коммерческих магазинах.

Коммерческая торговля, кроме снабжения населения, выполняла и другие важные функции. Правительству она позволяла за счет высоких продажных цен аккумулировать средства в госбюджет. Судя по документам, наряду с постоянными денежными эмиссиями, коммерческая торговля предоставляла государству средства для ликвидации задолженности по вы-

¹ РГАЭ. Ф. 8043. Оп. 1. Д. 9. Л. 186; Оп 11. Д. 19. Л. 202—205; Д. 24. Л. 1—12; Д. 38. Л. 46 и другие.

² РГАЭ. Ф. 8043. Оп. 11. Д. 19. Л. 205.

³ Нейман Г.Я. Внутренняя торговля СССР. М., 1935. С. 239; Болотин З. Вопросы снабжения. М.—Л., 1935. С. 11.

плате зарплаты рабочим и служащим — проблема, которая приобрела острый, хронический характер в годы первых пятилеток. Таким образом, в определенной мере зарплата трудящимся выплачивалась за их же счет — на это шли деньги, которые они переплачивали за товары в коммерческой торговле. Этот факт тщательно скрывался правительством. С помощью коммерческой торговли правительство также сбивало цены крестьянского рынка, действуя вполне в соответствии с законами рыночной экономики. По секретному решению Политбюро выделялся фонд, в основном хлебный, который «выбрасывался» для продажи по коммерческим ценам. Политбюро называло это «экономической интервенцией».

Таким образом, рынок, который развивался в рамках плановой централизованной экономики, решениями власти и предприимчивостью людей выполнял важнейшие функции. Он закрывал «бреши», исправлял огрехи системы централизованного распределения. Он предоставлял населению товары, которые не распределялись по карточкам, обеспечивал группы населения, которые плохо или вообще не снабжались пайками, поглощал избыточный покупательский спрос в городе и деревне¹, создавал материальные стимулы к труду, а также предоставлял дополнительные финансовые средства для государства.

Рынок улучшал материальное положение людей и формировал свою иерархию, отличную от иерархии централизованного распределения. Она определялась не решениями Политбюро в разделе «государственного пирога», а успехом личной инициативы. Однако в иерархию, формируемую рынком, государство активно вмешивалось, проводя аресты «спекулянтов», ограничивая размеры подсобного хозяйства, увеличивая налоги: одной рукой создавая рынок, другой рукой Политбюро разрушало его.

В итоге уровень и качество снабжения первой половины 30-х годов определялись обоюдными усилиями государственной системы снабжения и рынка. На этой взаимозависимости и взаимодополняемости и основывался союз централизованного распределения и рынка.

¹ Расчет примерного баланса денежных доходов и расходов населения в 1933—36 годах см.: Осокина Е.А. Иерархия потребления. С. 119—121.

ЧАСТЬ 3

**СОЮЗ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ
И РЫНКА
1936-41**

«Жить стало лучше, товарищи, жить стало веселее».

И. В. Сталин

Фразой, вынесенной в эпиграф, Сталин попытался задать тон второй половине 30-х годов. Народ поправил вождя — жить стало легче. В 1935—36 годах отменили карточки. Вместо красных флагов, лозунгов и бюстов Ленина — или рядом с ними — в витринах магазинов появились продукты и товары. На месте закрытых распределителей открывались магазины, доступные для всех. Образцовые универмаги, фирменные магазины тканей, одежды, обуви, посуды, электротоваров, специализированные продовольственные магазины — «Бакалея», «Молоко», «Гастроном» — стали приметамы нового времени. Процветал крестьянский рынок.

Страна вступала в новый период, по официальной терминологии — период «свободной» торговли. С ней связывались большие надежды. Люди, уставшие от голода и бестоварья карточной системы, мечтали о заполненных товарами полках магазинов. Политбюро рассчитывало с помощью свободной торговли оздоровить экономику страны — ликвидировать дефицит госбюджета, остановить эмиссии, воссоздать стимулы к труду. Сбылись ли эти надежды? Насколько серьезны и глубоки были изменения? Насколько свободной являлась провозглашенная «свободная» торговля? Стал ли ненужным рынок?

ГЛАВА 1

НАСТУПЛЕНИЕ ЭРЫ «СВОБОДНОЙ» ТОРГОВЛИ

Прощай, хлебная карточка, и ...здравствуй!

К середине 30-х годов многое указывало на то, что Политбюро хотело как можно скорее освободить экономику страны от «обузы» карточной системы и воспользоваться плодами открытой торговли.

Одной из черт наступавшего времени стало рождение в середине 30-х годов нового образа советского гражданина. То, что советская пропаганда ранее объявляла буржуазной роскошью, становилось желательным и даже обязательным: украшения, косметика, дамские туалеты, перманентная завивка, маникюр, лакированные туфли. Всего лишь несколько лет назад комсомолка с накрашенными губами вызвала бы гнев и ужас и была бы исключена из комсомола за моральное разложение, но времена изменились.

Сталин и партия провозгласили время радоваться жизни. В этой новой партийной линии облик процветающего гражданина становился символом процветающей страны. Прививался вкус к хорошим вещам и веселому досугу. Мосторг продавал вечерние платья и смокинги. Можно было вызвать такси по телефону, а не ловить извозчика. Появилось больше личных автомашин. Вырос спрос на услуги косметологов. В городах открывались парфюмерные и цветочные магазины. Букеты порой стоили двухнедельной

зарплаты рабочего, но тем не менее цветы раскупались. Страна начала танцевать фокстрот и томное танго, которые ранее считались признаками загнивания и развращенности капиталистического общества. Танцы стали обязательными для всех, начиная со школьников и кончая командирами Красной Армии. Люди отдыхали в кафе, клубах, на танцевальных площадках. Жизнь преобразалась¹.

О том, насколько резким был поворот партийной линии во взглядах на образ жизни, манеру поведения, стиль одежды, может рассказать такой факт. В одном из мемуаров я нашла описание санатория ЦК ВКП(б) тех лет. Особым шиком в одежде считались кремовые шелковые пижамы, которые выдавались обитателям санатория. Партийцы появлялись в них не только во время прогулок и на обеде, но были случаи, когда и на митингах перед трудящимися близлежащего города ораторы выступали в шелковых пижамах. Невозможно представить, чтобы партиец в послереволюционные годы или даже в период нэпа вышел «к массам» в шелковой пижаме и лакированных туфлях. Во второй половине 30-х это стало возможно².

Обуржуазивание быта, вещизм, насаждение потребительских ценностей в советском обществе середины 30-х годов отмечалось многими исследователями. Лев Троцкий писал о преданной революции. Американский историк Николай Тимашевф — «о великом отступлении»³. Революционера сменял карьерист, который и добивался постов, чтобы лучше жить. Однако объяснять изменения в обществе перерождением или вырождением власти недостаточно. Новая партийная линия касалась не только партийцев, а каждого советского человека. Современные исследователи в качестве объяснения приводят только социально-политические причины — необходимость стабилизации сталинского режима⁴. Но на изменение официального курса большое влияние оказали и экономические факторы. На них и хотелось бы остановиться.

Затянувшаяся карточная система 1931—35 годов породила множество проблем. Как ни работай, сколько ни получай, зарплата нивелировалась скудным пайком. Дифференциация пайков, как было показано ранее, создавала слабые стимулы к труду, производственные показатели падали. Карточная система вносила существенную лепту и в дефицит госбюджета.

¹ Говоря, что жить во второй половине 30-х стало легче, я нисколько не забываю, что это было время массовых репрессий. Я имею в виду только то, что оставшееся за пределами колючей проволоки ГУЛАГа население страны стало есть и одеваться лучше, чем во время карточек.

² Китаев М. Санаторий ЦК ВКП(б) им Сталина. Коллекция Б.Николаевского. Hoover Institution Archives.

³ Троцкий Л.Д. Преданная революция. М., 1991; Timasheff N. The Great Retreat: The Growth and Decline of Communism in Russia. New York, 1946.

⁴ Dunham V. In Stalin's Time: Middle Class Values in Soviet Fiction. Cambridge, 1976; Clark K. The Soviet Novel: History as Ritual. Chicago, 1981; Fitzpatrick S. Middle Class Values and Soviet Life in the 1930's. // Soviet Society and Culture. Boulder, 1988. Оздоровление экономики, кроме собственно экономических целей, преследовало и социально-политические, поэтому взгляды автора не противоречат идее стабилизации режима, а дополняют ее. Существуют и другие точки зрения. По мнению Р.Барнз, исследовавшей развитие советской торговой рекламы 1920—30-х годов в сравнении с западной, изменения на потребительском рынке представляли не столь специфическое советское явление, сколь закономерный результат общего для многих стран процесса экономической модернизации (Барнз Р. Общественная психология в США и СССР 20—30-х годов в свете теории потребления // Вопросы истории. 1995. № 2).

Из-за искусственно низких «карточных» цен, скудных пайков обороты государственно-кооперативной торговли оставались небольшими. Это явление получило точное определение — замораживание товарооборота. В результате выплаченные населению в виде зарплаты деньги не возвращались в госбюджет через торговлю. Дефицит госбюджета не позволял наращивать капиталовложения в промышленность, что приводило к задержкам зарплаты. Главным источником пополнения госбюджета оставались эмиссии. Денежная масса в обращении быстро росла, тогда как количество товаров увеличивалось незначительно.

К тому же карточная система дорого стоила государству. Она отвлекала материальные ресурсы и формировала огромную армию организаторов снабжения, непосредственно не участвовавших в производстве. По официальным данным, в аппарате карточной системы было занято более 20 тыс. человек и его содержание составляло более 300 млн. рублей в год. На самом деле эти данные не дают и близкого представления об огромной армии «снабженцев», которые существовали на предприятиях и в организациях. «Домашних завхозов» имела и каждая семья. Домработницы или неработающие члены семьи только и делали, что объезжали распределители, расположенные в разных концах города (члены семьи, работая на разных производствах, прикреплялись к разным распределителям), и стояли днями и ночами в очередях. Производство недосчитывалось миллионов рабочих рук.

Экономика билась в порочном круге нехватки товаров, дефицита госбюджета и падения показателей производства. Вырваться из него можно было, восстановив материальные стимулы к труду. Люди должны были вновь увидеть смысл в зарабатывании денег. Не скудный паек, а магазины, полные товаров, служба быта, предлагающая разнообразные услуги, веселый досуг должны были вернуть интерес к работе, поднять производство и усилить приток денег в госбюджет. По словам Сталина, нужно было возродить «моду на деньги»¹.

Экономические реформы в целях оживления товарооборота начали проводиться еще в рамках карточной системы. Вместе с введением карточек Политбюро начало разъяснения, что уничтожение частной торговли не означает уничтожения торговли как таковой и переход к прямому продуктообмену — одна из основных черт утопического коммунизма — является преждевременным. Уже в 1931 году принимались меры против раздувания карточной системы — ограничивалось нормирование промтоваров и бронирование товарных фондов². Развитие государственной коммерческой торговли, Торгсина, некоторое снижение планов государственных заготовок и льготы крестьянской торговле также позволили увеличить товарный фонд и несколько оживить товароборот. Ко времени отмены карточной системы в стране уже существовала, хоть и небольшая, сеть продовольственных магазинов и универмагов открытой продажи. Впереди была отмена карточек.

Ход событий показывает, что хороший урожай 1934 года определил не решение об отмене карточек на хлеб, а только время, момент отмены. Руководство страны морально было давно готово к этому. Политбюро

¹ Речь Сталина на ноябрьском пленуме ЦК ВКП(б) 1934 года, объявившем об отмене карточек на хлеб (РЦХИДНИ. Ф. 71. Оп. 2. Д. 536; Оп. 10. Д. 127. Л. 48—59).

² Постановление «О потребительской кооперации», принятое Политбюро в мае 1931 года (РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 825. Л. 23—27).

начало говорить о необходимости отмены карточной системы почти сразу же после ее введения. В октябре 1931 года — первый год существования всесоюзной карточной системы! — в отчетном докладе Наркомснаба СССР и Центросоюза на пленуме ЦК было сказано следующее: «Если бы не неурожай на Востоке Союза, в этом году мы были бы уже в состоянии отменить хлебные карточки»¹. В 1932 году XVII партийная конференция провозгласила отмену карточной системы одной из главных задач. Каждая новая эмиссия вновь ставила перед руководством страны вопрос об отмене карточек и необходимости развития торговли. Будь урожаи 1932—33 годов хорошими, карточки на хлеб были бы отменены уже тогда. Однако первый хороший урожай зерна получили только в 1934 году, и тогда Молотов объявил стране, что «пришло время освободиться от карточной системы».

Отмена хлебной карточки — «участницы героических лет строительства», преподносилась официальной пропагандой как достижение социализма, что свидетельствовало об отсутствии к тому времени у руководства страны иллюзий о том, что карточное распределение есть шаг к коммунизму. Более того, отмена карточек преподносилась руководством страны как радикальная рыночная реформа. В официальных документах провозглашался переход к СВОБОДНОЙ торговле. Знаменательна речь Сталина на ноябрьском пленуме ЦК 1934 года, объявившем об отмене карточек на хлеб:

*«В чем смысл всей политики отмены карточной системы? — Прежде всего в том, что мы хотим укрепить денежное хозяйство... всю развернуть товарооборот, заменив системой товарооборота нынешнюю политику механического распределения продуктов. Мы стали на почву товарооборота. Вот основной смысл предпринимаемой нами реформы»*².

Делегации Наркомторга поехали за границу перенимать опыт торговли. Отчеты о командировках свидетельствуют, что буквально все бралось на заметку — торговое оборудование, реклама, методы обслуживания, ассортимент, рационы питания. По отзывам самих людей, заграничная торговля, особенно в США, произвела ошеломляющее впечатление — сотни тысяч наименований товаров, удобные прилавки и технические приспособления, чистота, культура обслуживания, покупатель всегда прав! «Подумайте, — говорил Микоян после одного из своих путешествий в Америку, — выпущена шпилька для завивки волос. И вот, стоит целый день женщина в магазине, рвет себе волосы шпильками, показывая их в действии, и шпильки быстро продаются!» «Овощи в колоссальном ассортименте, много мяса, несколько тысяч наименований бакалейных товаров», «нет квартиры, где бы не было электрического, газового или обыкновенного холодильника, набитого льдом. Холодильная промышленность в Америке идет наравне с автомобильной промышленностью. В каждом магазине обязательно имеется холод. Даже в маленькой лавчонке есть холодильный шкаф»³. Стремление советского руководства создать подобное изобилие у себя на родине являлось подлинным⁴.

¹ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 484. Л. 42.

² РЦХИДНИ. Ф. 71. Оп. 2. Д. 536. Оп. 10; Д. 127. Л. 48—59.

³ Кроме поездки в США делегации Наркомторга побывали в Германии и Японии (РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 1. Д. 246).

⁴ Планы строились большие и прекрасные. Знаменателен разговор, который приводит М.А.Сванидзе в своем дневнике от 31 июля 1934 года — только год как миновал голод, страна все еще жила по карточкам «Приехал Анастас Иванович

Интересы потребителя и планы Политбюро наконец совпали. Уставшие от голода и карточек люди хотели наслаждаться жизнью. Конкретные результаты зависели от того, как далеко Политбюро было готово пойти в развитии товарно-денежных отношений в стране. Увы, жизнь показала, что речь шла не о расширении экономической свободы, а только об увеличении государственных ресурсов, идущих на внутренний рынок. Оживление товарооборота в стране осуществлялось не с помощью развития частного предпринимательства и рынка, а силами государственной торговли, которая по-прежнему оставалась плановой и централизованной. Свободной торговли как не было, так и не стало и даже термин открытая торговля, который используется в этой книге, в определенной мере носит условный характер.

Посмотрим, за счет каких ресурсов проводилась «радикальная реформа» перехода к «свободной» торговле. В отмене хлебных карточек хороший урожай сыграл роль. К тому же к середине 30-х годов сельское хозяйство оправилось от шока коллективизации, что ослабило продовольственный кризис в стране и стало залогом развития пищевой и легкой промышленности. Однако продукция колхозов по-прежнему шла не на рынок, а через систему заготовок в государственные закрома.

Планы экономического развития на вторую пятилетку являлись более реалистичными и сбалансированными. Увеличились капиталовложения в производство предметов потребления за счет уменьшения капиталовложений в тяжелую промышленность¹. Это позволило начать создание крупной легкой и пищевой индустрии, которые до этого развивались на кустарной основе. Развитие машиностроения — одна из основных целей первой пятилетки — создавало базу для обеспечения легкой и пищевой промышленности отечественным оборудованием, что позволяло сократить его импорт. В годы первой пятилетки за счет стимулирования посевов технических культур государство улучшило сырьевую базу легкой и пищевой промышленности. Была ослаблена, а в некоторых случаях преодолена зависимость от импорта сырья. Крупная швейная, кожевенная, трикотажная, обувная индустрии получили свое начало. Появились «развлекательные» отрасли — музыкальная, кинопромышленность, производство фотоаппаратуры, патефонов. Создание в 1934 году Наркомата пищевой промышленности свидетельствует об успехах развития пищевой отрасли. Число ее отраслей за годы второй пятилетки увеличилось с 13 до 32. Наконец-то начала развиваться холодильная промышленность. В конце второй пятилетки в стране появилось мороженое². Для увеличения фондов внутренней торговли правительство уменьшало размеры внерыночного потребления.

(Микоян. — *Е.О.*) с товарищем из Азербайджана. Говорили о необходимости наладить снабжение овощами, фруктами, консервами севера, устроить парники, затратить деньги на расширение консервных (фруктовых) заводов и сушку фруктов. В Ленкорани культивируют чай и лимоны (пока в кадках), хотят посадить апельсиновые деревья (персидские). Я говорила об аэропланном транспорте, как он применяется в Европе для переброски овощей, фруктов, цветов, об упаковке» (Источник. 1993. № 1. С. 8). Планы «переброски южного плодородия» на север были не единственными у руководства страны.

¹ Дэвис Р., Хлевнюк О. Вторая пятилетка: механизм смены экономической политики // Отечественная история. 1994. № 3.

² История социалистической экономики. М., 1978. Т. 4. С. 217—244.

С началом второй пятилетки руководство пересмотрело и внешнеторговый курс. В три раза, по сравнению с первой пятилеткой, уменьшились расходы на импорт, состоявший на 90% из средств производства. Изменилась структура экспорта. В годы первой пятилетки экспорт выкачивал из СССР сельскохозяйственное сырье и продукты питания, обостряя дефицит на внутреннем рынке. Во второй пятилетке более 70% в экспорте составили промышленные товары, в том числе машины, которые шли в восточные страны. С 1934 года резко снизился экспорт зерна, а также вывоз продуктов животноводства и рыболовства¹.

Все это свидетельствует о том, что Политбюро проводило реформу перехода к «свободной» торговле не за счет расширения рыночной свободы, а за счет перераспределения государственных ресурсов. Пределы частного предпринимательства остались те же: индивидуальное кустарное производство, мелочная торговля, крестьянское личное подсобное хозяйство, размеры которого определял принятый в 1935 году новый устав сельскохозяйственной артели. Поведение Политбюро в период перехода к открытой торговле образно можно охарактеризовать так: «и хочется, и колется». Руководство страны действительно хотело вырваться из порочного круга дефицита, но не хотело менять основ социалистической экономики. А это было невозможно — одно противоречило другому. Методы проведения реформы предопределили ее результаты.

Трудно сказать, проходили ли внутри Политбюро дискуссии об отмене карточной системы. Свидетельств тому у меня нет. Из материалов ноябрьского пленума 1934 года ясно, что Сталина поддерживали Молотов, который делал основной доклад на пленуме, и Калинин, высказавший несколько замечаний в поддержку докладчика. С уверенностью можно сказать и то, что к концу 1934 года, когда ситуация с урожаем стала ясна, Политбюро всячески подстегивало отмену карточек.

Местное партийное руководство на ноябрьском пленуме высказало возражения против отмены карточной системы. Даже столь нерадикальные экономические изменения потребовали разъяснительной работы среди коммунистов. Сталин встречал возражения резко и не без издевок. На заявление секретаря Восточно-Сибирского крайкома М.О.Разумова о том, что рабочие после отмены карточек будут платить за хлеб в три раза дороже, он ответил фразой, которую трудно было ожидать от создателя планово-распределительной экономики: «РЫНОК (выделено мной. — Е.О.) не считается с пайковой ценой». Для него вопрос с отменой карточек был решен.

Хотя замечания против отмены хлебных карточек, которые попали в протокол ноябрьского пленума, не носили открытого антирыночного характера, видимо, высказывались и антирыночные мысли. В своем выступлении Сталин, по сути, подтвердил это, сказав, что «не все товарищи ясно представляют, для чего мы уничтожаем карточную систему». Подчеркивая необходимость развития денежного хозяйства, Сталин пошел в рыночном направлении дальше сторонников продуктообмена, но не вышел за преде-

¹ История социалистической экономики. Т. 4. С. 307, 308, 310; РГАЭ. Ф. 1562. Оп 329. Д. 80. Л. 35, 60; Д. 106. Л. 100.

лы политэкономии социализма, провозгласив социалистическую торговлю «без капиталистов», т.е. частного предпринимателя¹.

На примере отмены хлебных карточек видны методы проведения реформы и причины ее неуспеха — дефицит и нормирование в торговле сохранялись². Реформу следовало провести только силами государства без участия частника. При этом Политбюро поставило местное руководство в очень трудное положение, оставив на подготовку открытой торговли хлебом всего один месяц — пленум проходил в конце ноября 1934-го, карточки должны были быть отменены с 1 января 1935 года³. Обкомы роптали не случайно, ведь за столь короткое время предстояло проделать гигантскую работу. Производственные мощности хлебопечения располагались по стране неравномерно, хлебозаводы строились в районах новостроек, а на старых предприятиях и в глубинке рабочие получали муку и пекли хлеб дома. За месяц нужно было построить и оборудовать тысячи мелких и средних пекарен, подготовить для них кадры, открыть новые лавки и магазины, расширить торговлю овощами и картофелем, чтобы ослабить спрос на хлеб.

Хлеб являлся основным продуктом питания в годы карточной системы, что делало отмену хлебных карточек символичной. Руководство стремилось провести большой всенародный праздник. Экономическое мероприятие превратилось в политическую кампанию. В ней участвовали не только торговля, но и все партийное и советское руководство, пресса, милиция. Одним из главных организаторов кампании стал НКВД. За два дня до начала широкой продажи хлеба, как раз в разгар новогодних пригото-

¹ Сталин выказал больше понимания и по другим экономическим вопросам, ценам и спекуляции, например. Он понимал реформу отмены карточной системы как реформу снижения цен. Хотя новые цены открытой торговли были выше пайковых, Сталин справедливо заметил, что цена — это рыночная категория и действительные цены на хлеб в период карточной системы существовали на рынке, в то время как пайковая цена, строго говоря, ценой не являлась, была искусственно занижена и представляла подарок рабочему классу от государства. Он также отметил, что спекуляция и огромное воровство являлись порождением карточного распределения. Именно резкий разрыв пайковых и рыночных цен толкал, по его словам, честных людей на спекуляцию и воровство. Видел он и действительную суть планирования, называя его канцелярским, а не реальным. Он считал, что реформа не принесет немедленного денежного дохода государству. Ее цель не в этом, а в том, чтобы оживить торговлю и оздоровить экономику. Это принесет плоды в перспективе. Но понимая все это, Сталин не видел или не хотел видеть многое другое. Он считал карточную систему «гнилой», но и социалистическая торговля без частного предпринимателя, по сути, являлась таким же централизованным распределением с искусственными, а не рыночными ценами. Социалистическая торговля по-прежнему воспроизводила дефицит, что рождало спекуляцию и воровство в массовых масштабах. Речь Сталина на ноябрьском пленуме 1934 года не была опубликована, что также может служить показателем ограниченности его рыночных намерений (РЦХИДНИ. Ф. 71. Оп. 2. Д. 536; Оп. 10. Д. 127. Л. 48—59).

² Сюжет об отмене хлебных карточек написан на материалах НКВД. В их числе сообщения о широкой продаже хлеба, записки по прямому проводу о ходе открытой торговли, спецсообщения о реагировании населения на свободную продажу хлеба, спецсообщения о причинах срыва хлебной торговли и другие (ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 210, 930).

³ Постановление СНК СССР от 7 декабря 1934 года «Об отмене карточной системы по печеному хлебу, муке и крупе и системы отоваривания хлебом технических культур» (Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 2. М., 1967. С. 510—511).

ний, на городских рынках НКВД и милиция провели аресты «перекупщиков» хлеба, с целью предупредить спекуляцию в первые дни свободной торговли. С началом свободной продажи хлеба отряды милиции и сотрудники НКВД совершали рейды по магазинам, проверяли ассортимент, цены, время торговли, качество хлеба, наличие очередей, собирали информацию о настроении населения. Рапорты с мест поступали в Москву, в НКВД на имя Ягоды, откуда сводки затем шли наверх — Сталину и Молотову.

Сводки НКВД о свободной продаже хлеба более походили на фронтовые донесения. В первые дни торговли они были чуть ли не почасовые — «По состоянию на 13 часов...», «По состоянию на 22 часа...». Они шли вне очереди, под грифом «совершенно секретно», с пометкой крупными буквами «ХЛЕБ», «ДОЛОЖИТЬ НЕМЕДЛЕННО», отчеркнутой красным карандашом. Штамп «ДОЛОЖЕНО» свидетельствовал о том, что Сталин имел полную картину о ходе кампании в регионах, знал фамилии людей, высказавших то или иное мнение в очередях, фамилии работников торговли и хлебозаводов, виновных в плохом качестве хлеба, повышении цен, позднем открытии магазинов, рецидивах карточного распределения. Информация была детальной, вплоть до указания того, какой сорт хлеба отсутствовал в магазине № 5 Первомайского района, или был ли хлеб черствым в магазине № 32 Ленинского района. Виновные в нарушениях предавались суду. От года до двух лет лишения свободы можно было получить за самовольное повышение хлебной цены на 10 коп.

Отношение населения к отмене хлебных карточек было очень конкретным и пестрым. Оно зависело от того, принесла ли реформа облегчение данной семье или нет. Довольно общим являлось недовольство ценой на хлеб. Оно слышалось не только от крестьян («Хлеб мы сдавали по 1 рублю 20 копеек за пуд, а нам продают по рублю за килограмм»), от малообеспеченных, многосемейных, но и от высокооплачиваемых индустриальных рабочих, которые привыкли получать хлеб по низкой цене («Если при карточной системе мне на семью паек обходился в месяц 42 рубля, то теперь за 4 пуда хлеба я должен отдать 160 рублей»). Хотя с отменой карточек население получило прибавку к зарплате (индустриальные рабочие — наибольшую по сравнению с другими группами населения), это не компенсировало полностью возросших затрат на покупку хлеба. Недовольны были и те, кто придерживал хлеб до весны, чтобы подороже продать его. Жалобы на цены, однако, не означали, что у людей не хватало денег на покупку хлеба. Донесения НКВД свидетельствуют, что население, устав за годы карточной системы от черного хлеба низкого качества, повсеместно покупало дорогой белый хлеб из муки высшего помола, что вызвало в некоторых местах затоваривание черствым черным хлебом. Жалобы на высокую цену были скорее следствием иждивенческих настроений, которые формировала пайковая система с искусственно низкими ценами.

В районах, хорошо подготовившихся к свободной торговле, преобладали положительные отзывы населения. Там же, где местное руководство не обеспечило нормального хода торговли, население требовало восстановления карточной системы. О разбросе мнений свидетельствуют сводки НКВД:

Киев: «С отменой карточек получилось совсем не так, как писали. Фактически получилось, что вздорожал хлеб и никаких 17 сортов хлеба нет, а самое главное, нет ни круп, ни муки, ни макарон, которые обещали в неограниченном количестве по пониженной цене (одновременно с хлебными карточками отменялись карточки на муку и крупу. — Е.О.). Сахар тоже исчез».

Кривой Рог: «Первые два дня после отмены хлебных карточек было ничего, а потом у каждого магазина стали возникать очереди. Сначала с 5-ти часов утра, затем с 2-х часов ночи, затем всю ночь, а затем говорить страшно. Содом и Гоморра. Когда подходишь к магазину, то невольно вспоминаешь штурм Зимнего дворца. Тысячная толпа всей массой прет на магазин, звон стекла, треск дверей и стоек в магазине. Продавцы влезают на стойки, прижатые к стене. В толпе и над толпой — ругань и крики. Бабий пронзительный крик, вырвавшись раз, больше не повторяется — она затоптана. Сколько их передавили, плюс детей. Часто вызывают вооруженную часть войск ГПУ. Милиция ничего не может сделать — ее бьет и гонит озверелый народ. На весь Кривой Рог, Кривстрой и окружающие железнодорожные станции хлебозавод выпекает 8 тонн муки».

Каменское: «У нас народ требует, чтобы опять выдали хлебные карточки... Когда едет повозка с черным хлебом (с хлебозавода в магазин. — Е.О.), то народ сопровождает ее, как покойника. Бегут один за другим вперегонку сломя голову».

Запорожье: «Да, без карточной системы стало плохо. Нужно ежедневно по 4—6 рублей на хлеб. Так что житуха плохая».

«У нас в Смоленске стало хорошо после отмены карточной системы. Магазины загружены первосортными товарами и продуктами, цены понижены (видимо, по сравнению с коммерческими. — Е.О.), так что жизнь стала много легче».

Северный Кавказ: «Отмена хлебных карточек для нас очень хорошо. Хлеб продают свежий, бери сколько хочешь».

Щебекино, завод «Профинтерн»: «Открылась свободная торговля хлебом. Открыли 7 лавок, большой булочный магазин. Хлеба много и разный. В лавках красиво — стоят столы, пальмы, вода в графинах. Хлеб возят специальные извозчики в халатах и фанерных фургонах. Хлеба много в лавках, но людей мало. Построили новую пекарню, да и старая работает»¹.

Донесения НКВД о поведении людей в период перехода к открытой торговле свидетельствуют о неверии большинства в продолжительность «эксперимента». Люди старались использовать момент и сделать запасы на случай новых затруднений, в наступлении которых мало кто сомневался. Сушили сухари². Особую недоверчивость и предусмотрительность проявляли крестьяне. Торговля хлебом разворачивалась в основном в городах, где концентрировалась торговая сеть. Крестьянский хлебный десант появился в городах не сразу. Вначале прибыли разведчики — представители колхозов, дабы убедиться, действительно ли хлеб продается свободно. Затем города заполнили уполномоченные сельских обществ, снабженные деньгами от односельчан и разрешениями сельсоветов на поездку. В их командировочных удостоверениях так и было записано: «Цель поездки — приобретение хлеба». У одной из таких крестьянских групп милиция обнаружила 600 рублей и сотни килограммов хлеба. Крестьяне приезжали и целыми

¹ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 2. Д. 930. Л. 145—148.

² Когда я в своем семинаре «Жизнь в СССР в 30-е годы» в университете Северной Каролины в Чапел-Хилле сказала об этом американским студентам, они даже не поняли, о чем идет речь. Русским не потребовалось бы никаких объяснений, так как сушка сухарей в России всегда была одной из основных тактик выживания. Хлеб нарезают мелкими кусочками и сушили, а затем хранили в полотняных мешках в сухом месте.

семьями. Сотни человек с подводами оставались ночевать на улицах, чтобы занять очередь с утра. Скупали хлеб мешками, обходя подряд все магазины. Часть хлеба отправлялась по железной дороге багажом. На станции Винница, например, НКВД обнаружил 30 мешков с печеным хлебом — 1613 кг. Хлеб шел не только на собственное потребление крестьян, но и на корм скоту. Вновь оживилось самогонование. Скупка хлеба в магазинах для некоторых крестьян превратилась в бизнес — они перепродавали затем хлеб на рынке. Эта деятельность, по терминологии НКВД, «скупка хлеба для группового потребления», не подпадала ни под одну статью уголовного кодекса и вызвала растерянность «органов», которые не знали, арестовывать закупщиков или нет.

Газеты пестрели победными и хвастливыми заголовками, но хлебная карточка не торопилась покидать социалистическую экономику. Ресурсов государства для свободной продажи хлеба не хватало. Во многих регионах мощности хлебопечения были ограничены, плохо оборудованные магазины и пекарни находились в антисанитарном состоянии, квалификация работников оставалась низкой. Отмечались случаи, когда из-за недостатка мощностей хлебопечения местные власти организовывали выпечку хлеба по частным квартирам. Строго говоря, неограниченной продажи хлеба как не было, так и не стало. Для каждого магазина планом устанавливались ежедневные и месячные объемы продажи (лимиты), превышать которые не разрешалось. Ограничивались и размеры покупки — 2 кг в одни руки.

К середине января 1935 года свободная продажа хлеба почти повсеместно прекратилась — были израсходованы месячные лимиты торговли. В Рязани, например, только за три дня свободной торговли в январе продали 66% месячного лимита хлеба. Дневная норма распродалась за пару часов. Нужно было ждать новых фондов, которые не могли поступить в торговлю ранее следующего месяца. К концу января практически повсеместно, вопреки желаниям Политбюро, возродились карточки. «Наторговались, хватит, проторговали две недели и сгорели, все запасы вышли, обеднела советская власть», — говорили люди. Праздника не получилось. Вновь огромные очереди, драки, рост социального недовольства. Фактически свободная продажа хлеба сохранялась только в Москве и то благодаря тому, что Политбюро постоянно выделяло для столицы дополнительные фонды.

Донесения НКВД за январь — апрель 1935 года полны сообщениями о рецидивах карточной системы¹. Директора предприятий, отделы рабочего снабжения, торги, райкомы то там, то тут вновь вводили нормы, прикрепления к магазинам, списки. Установленная для открытой торговли норма продажи хлеба (2 кг в одни руки) повсеместно снижалась и колебалась от 300 гр до одного килограмма на человека. В некоторых местах открытая торговля вообще была свернута, там вернулись к нормам и иерархии снабжения 1931—35 годов, и даже к старым пайковым ценам. Вводя карточки, местное руководство стремилось защитить интересы городских трудящихся,

¹ Донесения свидетельствуют о восстановлении карточной системы в Московской, Ленинградской, Воронежской, Ивановской, Курской, Смоленской, Западной, Челябинской областях, Куйбышевском, Средне-Волжском, Горьковском, Азово-Черноморском, Иркутском, Красноярском, Северном, Хабаровском краях, Крыму, Восточной и Западной Сибири, Дальнем Востоке, Казахстане, Киргизии, Татарии, Украине, Белоруссии, Узбекистане, Туркмении, Закавказье.

на предприятиях вновь восстанавливались закрытые распределители, колхозники удалялись из магазинов. Дальнейшая стратификация разворачивалась по уже известному сценарию — обеспечение промышленных рабочих достигалось за счет ухудшения снабжения врачей, учителей, служащих.

Поскольку восстановление карточек шло «снизу», стихийно, нормы и принципы распределения в разных регионах отличались. В одних регионах местные власти следовали уже известной им по временам карточной системы модели снабжения, в других местах появились новые стратификации: промышленные рабочие получали по 1 кг хлеба, рабочие, связанные с сельским хозяйством, по 500—600 гр; или хлеб выдавался производственным рабочим, строители его не получали; или холостяки получали 1 кг, малосемейные — 1—1,5 кг, многосемейные — 3—4 кг. Как и раньше, карточки выполняли роль кнута и пряника, с помощью которых местное руководство пыталось заставить людей работать. В ряде мест доходило до крайностей — паек выдавался только при выполнении рабочей нормы.

Открытой торговли не получилось. Вопреки решениям пленума и директивам партии страна вновь сползала к нормированному распределению. Однако руководство страны твердо держалось принятого решения — карточки должны быть отменены. Не в состоянии обеспечить открытую торговлю экономически, Политбюро пыталось репрессиями остановить стихийное возвращение к карточной системе. К уголовной ответственности привлекались не только те, кто обвешивал покупателей, воровал, самовольно повышал цены, пек плохой хлеб, но и те, кто нарушил постановление правительства о свободной продаже хлеба — вводил несанкционированные нормы и карточки. По таким случаям НКВД вел следствие. Даже простое объявление на двери магазина: «Хлеба нет и не будет», считалось провокацией и было достаточным основанием для ареста и привлечения к уголовной ответственности. Проводились аресты «подстрекателей и провокаторов» в очередях. Репрессии, однако, являлись плохим средством в борьбе с товарным дефицитом.

За счет концентрации хлебных ресурсов руководству страны к середине весны удалось нормализовать хлебную торговлю в крупных промышленных центрах. В остальных городах и особенно сельских районах положение оставалось неблагоприятным, торговля хлебом шла с перебоями, рецидивы карточной системы повторялись.

Так трудно, через пень колоду, несколько обновленная экономическими мерами и подстегиваемая репрессиями страна вступала в эру открытой торговли. Она нужна была как воздух, это понимало и руководство страны. Но без помощи частного и рынка государственная торговля не справлялась со снабжением населения. История с отменой хлебных карточек — миниатюрная модель того, что происходило в социалистической торговле в последующие годы. Она буксовала, переживала хронические кризисы, рецидивы карточной системы. В условиях сохранения острого товарного дефицита «свободная» торговля оставалась централизованным нормированным распределением.

Свободная торговля? — Распределение!

Вслед за хлебными, с 1 октября 1935 года, отменили карточки на мясные и рыбные продукты, жиры, сахар и картофель, а к концу второй пятилетки,

с 1 января 1936 года, и карточки на непродовольственные товары¹. Обе реформы прошли с политическим шумом, как и отмена хлебных карточек. Символизируя конец распределения и начало эры торговли, Наркомат снабжения в 1934 году был упразднен, вместо него появилось два новых — Наркомат внутренней торговли (с 1938 года Наркомат торговли) и Наркомат пищевой промышленности.

Жизнь, однако, показала, что реформы открытой торговли выполнили роль косметического ремонта. Они представляли тот максимум преобразований, на который Политбюро готово было пойти для оздоровления экономического положения в стране. Подлатав-подперев бившуюся в порочном круге товарного дефицита и централизованного распределения социалистическую экономику, реформы не тронули ее фундамента. «Свободная» торговля не означала свободы предпринимательства.

Монопольным производителем в стране по-прежнему оставалась государственная промышленность. Хотя за годы первых пятилеток легкая и пищевая индустрия не стояли на месте, общий уровень производства был недостаточным для удовлетворения потребностей населения. К концу третьей пятилетки, в 1940 году, легкая промышленность производила в год на душу населения всего лишь 16 м хлопчатобумажных, 90 см шерстяных и 40 см шелковых тканей, менее трех пар носков и чулок, пару кожаной обуви, менее одной пары белья. Новые отрасли легкой промышленности только начинали свое развитие. В 1937 году в стране производилось 2 часов на каждые сто человек населения; 4 патефона, 3 швейные машины, 3 велосипеда, 2 фотоаппарата и 1 радиоприемник на каждую тысячу человек; 6 мотоциклов на каждые 100 тысяч человек². Государственная пищевая промышленность, хотя и расширила объемы производства, выпускала в год (1940) на душу населения всего лишь 13 кг сахара, 8—9 кг мяса и рыбы, около 40 кг молочных продуктов, около 5 кг растительного масла, 7 банок консервов, 5 кг кондитерских изделий, 4 кг мыла³.

Приведенные цифры — это данные о размерах производства. В магазины попадало гораздо меньше, так как значительная часть продукции шла на внерыночное потребление — снабжение государственных учреждений, изготовление спецодежды, промышленную переработку и прочее. Во второй пятилетке внерыночное потребление несколько сократилось, но с началом третьей вновь стало быстро расти. За весь 1939 год в розничную торговлю в расчете на одного человека поступило всего лишь немногим более полутора килограммов мяса, два килограмма колбасных изделий, около килограмма масла, порядка пяти килограммов кондитерских изделий и крупы. Треть промышленного производства сахара шла на внерыночное потребление. Рыночный фонд муки был относительно большим — 108 кг на человека в год, но и это составляло всего лишь около 300 гр в день. Внерыночное потребление «съедало» и огромную часть фондов непродо-

¹ Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 25 сентября 1935 года «О снижении цен на хлеб и отмене карточной системы на мясо, рыбу, сахар, жиры и картофель» (Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 2. С. 547—548).

² С сокращением рыночных фондов в 1940 году этих новых товаров в продаже стало и того меньше. Душевые показатели высчитаны из расчета общей численности населения в размере 171 млн. человек (Дихтяр Г.А. Советская торговля в период социализма и развернутого строительства коммунизма. С. 101).

³ Дихтяр Г.А. Советская торговля в период социализма и развернутого строительства коммунизма. С. 81.

вольственных товаров: только половина произведенных хлопчатобумажных и льняных тканей, треть шерстяных тканей поступали в торговлю¹.

На деле потребитель получал и того меньше. Потери от порчи при перевозке и хранении были велики. Первый в СССР завод по производству сухого льда начал работу только в 1933 году. К концу второй пятилетки в системе Наркомпищепрома имелось всего лишь 207 холодильников с машинным охлаждением. Только к началу 40-х годов наряду с мясом, рыбой, маслом в холодильниках начали хранить фрукты, сыр, маргарин, овощи. В официальных документах это числилось в ряду важнейших достижений третьей пятилетки². Бытовые холодильники были недостижимой роскошью. В холодное время горожане хранили продукты в сумках за окном, в летнее время изобретали другие способы, например, оставляли масло в холодной воде. Невозможность длительного хранения продуктов оставляла семье лишь две альтернативы — съесть все сразу или вскоре выбрасывать продукты в мусор. Помимо порчи, хищения на производстве, при транспортировке, хранении и в торговле были причиной больших потерь.

Низкие капиталовложения в легкую и пищевую промышленность являлись главной причиной недостаточных объемов производства товаров народного потребления. Приоритеты во внутренней политике в период открытой торговли оставались теми же, что и в период карточек — развитие тяжелой индустрии и милитаризация осуществлялись в первую очередь. Вторая пятилетка была самым благоприятным в 30-е годы временем для развития отраслей, производящих предметы потребления. Но даже в эти, наиболее благоприятные годы план их развития выполнен не был, в то время как тяжелая промышленность значительно перевыполнила план. В третьей пятилетке капиталовложения в тяжелую и оборонную промышленность резко увеличились³. В результате и без того недостаточные фонды товаров, поступающие в торговлю, сократились⁴.

Товарный дефицит обострялся не только уменьшением рыночных фондов, но и быстрым ростом денежных доходов населения. За исключением тяжелой индустрии зарплата в промышленности росла быстрее, чем производительность труда. Увеличивались год от года доходы колхозников от рыночной торговли⁵. Низкое предложение товаров в торговле приводило к тому, что кассовый план Госбанка не выполнялся, выплаченные населению

¹ Рубинштейн Г.Л. Развитие внутренней торговли в СССР. С. 349, 355—356; Дихтяр Г.А. Советская торговля в период построения социализма. С. 404.

² История социалистической экономики. Т. 4. С. 233; Рубинштейн Г.Л. Развитие внутренней торговли в СССР. С. 387.

³ По официальным данным, военные расходы в первую пятилетку составляли 3—7% всех расходов в госбюджете, во вторую — 9—16%. Общие военные расходы в 1940 году достигли трети государственного бюджета. Доля средств производства в валовом объеме промышленной продукции к концу второй пятилетки составляла 58%, а к 1940 году выросла до 60%. Если валовая продукция промышленности в третью пятилетку возрастала на 13% в среднем в год, продукция оборонной промышленности — на 39% ежегодно (История социалистической экономики. Т. 4. С. 23; Т. 5. С. 47, 96, 97, 183).

⁴ В расчете на душу населения рыночные фонды товаров уменьшились в 1940-м, по сравнению с 1937 годом, по продовольственным товарам на 12, по непродовольственным на 6%.

⁵ За годы второй пятилетки общий фонд зарплаты повысился с 32,7 до 82,3 млрд. рублей, то есть — в 2,5 раза, хотя по плану намечался рост всего на 55%. Почти в 3

деньги не возвращались в госбюджет. Дефицит бюджета все также покрывался денежной эмиссией. Общее количество денег в обращении к концу 1940-го выросло по сравнению с началом 1938 года почти вдвое¹, тогда как физический объем товарооборота снизился и в расчете на душу населения упал до уровня конца второй пятилетки. В обострении товарного дефицита играла роль и политика цен. Правительство искусственно сдерживало рост цен на товары наибольшего спроса: хлеб, муку, крупу, макароны. С октября 1935 до сентября 1946 года, несмотря на кризисы и войны, цены на эти продукты практически оставались неизменными².

Скудость государственного снабжения показывают не только данные о производстве товаров, но и данные о развитии государственной торговой сети³. В период открытой торговли она оставалась недостаточной для огромной страны, все также концентрировалась в городах. В среднем каждые 10 тысяч человек населения к концу третьей пятилетки обслуживал 21 магазин (всего на 3 магазина больше, чем в период карточной системы). В основном это были мелкие предприятия, более половины городских магазинов имели оборот всего лишь 100—200 рублей в день. Крупных магазинов с оборотом от 1000 до 5500 рублей в день насчитывалось менее 3 тысяч (около 6% городских предприятий торговли). Они сосредотачивались в крупных городах и обеспечивали почти половину городского товарооборота. Специализированных фирменных магазинов, появление которых ознаменовало наступление эры открытой торговли, насчитывались единицы — в 1940 году один мясо-рыбный или плодоовощной магазин на 2 города или городских поселка, магазин культтоваров на 4—5 городов, один специализированный магазин обуви, тканей, швейных изделий на 15—17 городов⁴.

Товарный дефицит в открытой торговле, таким образом, сохранялся. Он то несколько смягчался, как во время второй пятилетки, то вновь обострялся, как на рубеже 30—40-х годов. Конечно, между товарным дефи-

раза выросли денежные доходы колхозников (в основном за счет доходов от рыночной торговли). Физический же объем розничного товарооборота за годы второй пятилетки увеличился только на 45%. В третьей пятилетке, к 1939 году, покупательные фонды населения достигли размеров, предусмотренных планом на 1942 год, розничный же оборот государственной и кооперативной торговли, включая и общественное питание, отставал от плана (История социалистической экономики. Т. 4. С. 473, 474, 480; Дихтяр Г.А. Советская торговля в период построения социализма. С. 397; РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 16. Д. 75. Л. 151—170).

¹ С 13,6 млрд. рублей на 1 января 1938-го до 24,5 млрд. рублей на 1 октября 1940 года (РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 16. Д. 75. Л. 151—170).

² Материалы Всесоюзной торговой академии Наркомторга СССР о динамике цен (РГАЭ. Ф. 9472. Оп. 1. Д. 126. Л. 1—7).

³ Потребительская кооперация, которая продолжала оставаться каналом централизованного государственного распределения, потеряла былое значение основной торгующей системы в стране. С 1935 года она обслуживала только сельское население. В городской торговле монополистом стал Наркомторг СССР. Число магазинов, открытых другими наркоматами, было невелико. В 1940 году из 153,4 тыс. предприятий городской торговли Наркомпищепром имел около 16 тысяч, Наркомат мясо-молочной промышленности — 3,6, Наркомат текстильной промышленности — 57, Наркомлегпром — около 80, Наркомат химической промышленности — 62 тыс. (Дихтяр Г.А. Советская торговля в период социализма и развернутого строительства коммунизма. С. 131—132).

⁴ Дихтяр Г.А. Советская торговля в период социализма и развернутого строительства коммунизма. С. 131, 133; Рубинштейн Г.Л. Развитие внутренней торговли в СССР. С. 364.

цитом карточной системы и недостатком товаров в открытой торговле второй половины 30-х существовала разница. В годы первой пятилетки не было самого необходимого. Нитки, иголки, конверты, да что ни назови — все исчезло. Люди думали о хлебе, о том, как удержать душу в теле. В период открытой торговли появилось то, что ранее казалось роскошью. Однако если посчастливилось напасть, например, на продажу фотобумаги, то нужно было простоять полдня в очереди, чтобы купить один пакет. Или стало возможным купить сервиз — недостижимая вещь в период первой пятилетки, но нужно было потратить день, чтобы найти магазин, куда завезли сервизы, и отстоять огромную очередь. По словам одного из авторов мемуаров, если в период карточной системы вообще невозможно было что-то купить, то в период открытой торговли, порыскав по городу и отстояв в длинных очередях, кое-что удавалось достать¹.

Товарный дефицит приводил к тому, что в открытой торговле сохранялось нормирование. СНК СССР установил «нормы отпуска товаров в одни руки». В 1936—39 годах покупатель не мог купить больше 2 кг мяса, колбасы, хлеба, макарон, крупы, сахара, 3 кг рыбы, 500 гр масла и маргарина, 100 гр чая, 200 штук папирос, 2 кусков хозяйственного мыла, пол-литра керосина. В 1940 году, в связи с ухудшением продовольственной обстановки в стране, нормы снижались, стали нормироваться товары, которые ранее продавались без ограничения (прилож., табл. 11). Кроме этих, официально установленных правительством норм, существовали и неофициальные. Продавцы и люди, стоявшие в очередях, сами вводили их — «Больше килограмма в руки не давать!», «Отпускать не больше 5 метров в руки!». Дважды за короткий период предвоенной открытой торговли (кризисы снабжения 1936/37 и 1939—41 годов) нормирование принимало форму карточной системы.

В период открытой торговли люди могли избежать ограничений и превысить установленные нормы, покупая товары в разных магазинах, поскольку прикреплений к магазинам не было. Но «обход» магазинов имел свои пределы. Товар не залеживался на полках. Его нужно было искать, часто приходилось ехать в другой город, стоять в очереди долгие часы, а то и дни. Кроме того, в периоды обострения товарного дефицита принимались ограничительные меры — контроль за покупками, восстанавливалась система закрытых распределителей.

Государственная торговля второй половины 30-х годов оставалась централизованным распределением и по-прежнему сопровождалась бюрократической процедурой планирования². Переход к «свободной» торговле не только не означал свободы частного предпринимательства, он не означал и свободы для государственно-кооперативных торговых организаций заключать договоры с производителями, заказывать необходимое количество и ассортимент товаров, регулировать цены в зависимости от спроса и предложения, вести самостоятельную кадровую политику, открывать магазины по своему усмотрению и многое другое. Централизация в торговле сохранилась и после отмены карточной системы. В годы второй пятилетки предпринимались попытки ослабить ее, передав часть функций торговым системам и местным регулирующим органам, но существенного эффекта это не дало. В годы третьей пятилетки централизация заметно усилилась.

¹ Fisher M. My Lives in Russia. P. 100—101, 134.

² О развитии планирования в предвоенные годы см.: Harrison M. Soviet Planning in Peace and War. 1938—1945. Cambridge Un. Press, 1985.

Торговые планы составлялись Наркомторгом СССР и утверждались Политбюро, которое по-прежнему представляло высшую «торговую» инстанцию в стране¹. Без его санкции не решался ни один вопрос — когда крестьянин мог везти зерно и картошку на рынок, сколько должен стоить кусок мыла, жителей какого города осчастливить открытием нового магазина. Подобно тому как Наркомторг СССР подчинялся высшему партийному руководству и правительству, его организации на местах, торги, подчинялись местным партийным комитетам и исполкомам Советов. По сравнению с первой половиной 30-х годов процедура планирования несколько не упростилась. С конца 1937 года перед утверждением Политбюро планы рассматривались Экономическим Советом Совнаркома, а с 1938 года альтернативный план торговли стал составлять Госплан.

По сравнению с периодом карточной системы охват планированием показателей торговли не только не уменьшился, а возрос². Централизованно распределялась практически вся произведенная в стране продукция, даже такие нестратегические товары, как деревянные ложки и игрушки³. Это означало, что ни производители, ни торги, ни местное партийное и советское руководство не могли использовать произведенную в их регионе продукцию по своему усмотрению, а обязаны были направить ее туда, куда указывал утвержденный Политбюро план. Планирование распространялось не только на продукцию промышленности союзного и республиканского подчинения, но и на продукцию местной промышленности и промысловой кооперации⁴.

¹ Как и в период карточной системы, планы по большинству товаров были годовые и квартальные, по муке и крупе Политбюро утверждало месячные планы реализации.

² Планировался не только общий объем торговли, величина рыночных фондов, вне рыночного потребления, фонды, направляемые в города, и на село и отдельно в каждый район, область, край, республику, но планировались и размеры товарных запасов, скорость обращения товаров, число магазинов, численность торговых работников, издержки обращения, рентабельность.

³ Как и во время карточной системы, централизованно распределялись только планируемые и регулируемые товары. Однако фактически они покрывали почти весь товарный фонд страны. В годы карточной системы существовало 12 планируемых непродовольственных товаров, к концу третьей пятилетки число их возросло до 30. В дополнение к тканям, ниткам, платкам, швейным изделиям, трикотажу, кожаной и резиновой обуви, махорке и папиросам, хозяйственному и туалетному мылу, в группу вошли велосипеды, мотоциклы, спички, лесоматериалы, мебель, стекло, фарфор, фаянс, патефоны, швейные машинки, фототовары, парфюмерия и даже грампластинки и иголки, ученические тетради, бумага и канцтовары, игры, книги. Группа продовольственных планируемых товаров во второй половине 30-х годов по сравнению с карточной системой возросла с 10 до 17 наименований: мука, крупа, мясопродукты, рыбопродукты, масло животное и растительное, маргарин, сахар, чай, соль, кондитерские изделия, консервы, а также сыр, печеный хлеб, сало, птица, картофель, овощи и фрукты и даже водка и другие алкогольные напитки. Группа регулируемых товаров (по ним планирование было менее детальным, но все равно проходило через утверждение Политбюро) по сравнению с карточной системой возросла с 12 до 29 наименований (меховые изделия, спортивные товары, радиоприемники, железо, гвозди, игрушки, музыкальные инструменты и пр.). В предвоенные годы планируемые и регулируемые товары составляли более 70% товарных фондов.

⁴ Только перед самой войной, в январе 1941 года, Политбюро разрешило оставлять и использовать на местах продукцию предприятий районной, областной промышленности и промысловой кооперации, но только если она произведена из отходов или местного сырья либо не более чем наполовину из государственного недефицитного сырья. Об этом говорилось в постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 7 января 1941 года «О мероприятиях по увеличению производства товаров широкого потребления и продовольствия из местного сырья».

Ценообразование также свидетельствует об усилении централизации. С окончанием нэпа первая крупная реформа цен была проведена в 1932 году, еще в период карточной системы. С этого времени правительство (Комитет цен при СТО) стало устанавливать оптово-отпускные цены промышленности и торговые накладки. Розничные же цены продолжали исчисляться на местах торгами или магазинами. С отменой карточек реформа цен проводилась дважды, в 1935 и 1939 годах. В результате практически на все товары стали централизованно устанавливаться не только оптово-отпускные, но и розничные цены. Наркомторг разрабатывал цены, а правительство (Комитет товарных фондов и регулирования торговли при СТО, затем Экономсовет при СНК) утверждало их. Реформа цен касалась не только продукции государственной промышленности союзного подчинения, но и продукции местной промышленности и кооперативов. Как и в годы карточной системы, цены в «свободной» государственной торговле не определялись спросом и предложением, были искусственными.

Детальное планирование и жесткая централизация по-прежнему мешали движению товаров. Планы, проходя через множество инстанций, запаздывали. Массовые перевозки грузов в огромной стране с плохой работой транспорта при отсутствии реального собственника стоили больших потерь. Быстрое маневрирование было невозможно. Торговля переживала хронические перебои. Аппарат управления торговлей был громоздким и дорогостоящим, бюрократия расцвела. Так, к 1939 году существовало по меньшей мере 11 форм плановой отчетности по развитию торговли.

«Свободная» торговля была несвободна не только от товарного дефицита, нормирования, централизованного распределения, не избежала она кризисов снабжения и даже локального голода. Скудость государственного снабжения в период открытой торговли делала существование рынка в стране необходимым и неизбежным. Проверенные в период первой пятилетки рыночные стратегии выручали население и в эру «свободной» торговли.

В определенной степени сохранялся и другой фактор, который определял необходимость рынка: избирательность государственного снабжения. Крайности географической и социальной иерархии снабжения, существовавшие в период карточной системы, несколько сгладились за счет улучшения товарного положения в стране. Они не бросались в глаза, были завуалированы и смягчены, но по-прежнему существовали.

Централизованное распределение товаров, как и в период карточной системы, подчинялось индустриальным приоритетам. Продолжалось перераспределение ресурсов в пользу городов и индустриального производства. Численность населения, величина покупательных фондов по-прежнему не являлись главными критериями государственного снабжения. Проследим этапы распределения фондов между территориями в соответствии с планами Наркомторга. Первый шаг — деление фондов между союзными республиками. В среднем оно примерно соответствовало доле той или иной республики в населении страны: Российская Федерация, как правило, получала порядка 60%, Украина — 20, Средняя Азия и Казахстан — 10, Закавказье — 5, Белоруссия — 3% рыночных фондов. Оговорки «в среднем» и «как правило» необходимы, так как уже на первом этапе распределения «индустриальные интересы» обнаруживали себя. При распределении наиболее дефицитных продуктов, таких, например, как мясо и жиры, Российская Федерация получала более 80% рыночных фондов (при численности

населения немногим более 60%), в то время как Средняя Азия вместе с Казахстаном, Закавказье (около 15% населения) получали всего 1—2%¹.

На втором этапе распределения — деление фондов внутри республик — численность населения уже практически не играла роли. В противном случае село должно было бы получать в 2 раза больше товаров, чем город, поскольку численность сельского населения вдвое превышала городское. На деле же сельское население по-прежнему оставалось нелюбимой падчерицей в государственной системе снабжения.

Политика Политбюро в отношении деревни, по сути, не изменилась. Хотя валовые сборы росли, вместе с ними росли и государственные заготовки². Во второй половине 30-х годов государство изымало всю товарную продукцию свеклы и хлопка, 94% зерновых, до 70% картофеля, половину мяса, сала, яиц, около 60% молока³. При существовавшем уровне сельскохозяйственного производства рост заготовок мог идти только за счет сокращения внутреннего сельского потребления⁴. Заготовки в сочетании с неурожаем стали причиной локального голода в деревне в 1936/37 году, о котором будет сказано дальше. Из-за роста государственных заготовок натуральные доходы в колхозах оставались невелики. Небольшими были и денежные доходы от сдачи продукции государству по низким, убыточным для колхозов ценам⁵. В этих условиях главным источником доходов и

¹ Высчитано на основе отчетов о динамике рыночных фондов за 1939—41 годы (РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 2. Д. 120).

² Государство совершенствовало методы заготовок с целью изымать больше. До 1932 года заготовки основывались на договорах с крестьянами — контрактации. Зависимые от государства колхозы оказались более сговорчивыми, и по мере завершения коллективизации, методы заготовок становились все более нахальными. Начиная с 1933 года договорная система заготовок стала заменяться налоговой. Государство устанавливало твердые планы сдачи колхозами выращенной продукции. В 1940 году Политбюро изменило принципы расчета обязательных поставок. Ранее планы сдачи животноводческой продукции зависели от поголовья скота в колхозах, а в растениеводстве — от планов посева культур. С 1940 года все обязательные поставки стали исчисляться по общей земельной площади пашен, лугов и пастбищ, закрепленных за колхозами. Цель была заставить колхозы максимально использовать имеющиеся в их распоряжении ресурсы, но, как результат, планы обязательных поставок подскочили.

³ Поскольку более половины товарной продукции мяса, молока и почти все яйца в стране производились в личных подсобных хозяйствах крестьян, эти цифры свидетельствуют, что государственные заготовки изымали не только колхозную продукцию, но и то, что производилось крестьянином в его личном хозяйстве (Дихтяр Г.А. Советская торговля в период построения социализма. С. 376, 377; Его же. Советская торговля в период социализма и развернутого строительства коммунизма. С. 94).

⁴ Советские историки признавали, что темпы роста государственных заготовок и закупок превышали темпы роста производства товарной сельскохозяйственной продукции. Количество зерна и продуктов животноводства, которые оставались в деревне после того, как метла госзаготовок проходила по колхозным и личным закромам, было меньше того, что оставалось в деревне на производственные и личные цели в дореволюционное время. Объемы заготовок создавали угрозу не только расширенному, но и простому воспроизводству в сельском хозяйстве (Дихтяр Г.А. Советская торговля в период социализма и развернутого строительства коммунизма. С. 93, 98—100. История социалистической экономики СССР. Т. 5. С. 133).

⁵ Во второй половине 30-х годов не только сохранилась, но и углубилась диспропорция между ценами, по которым государство покупало у крестьян продукцию, и

самоснабжения крестьянства по-прежнему оставались личное усадебное хозяйство и рынок.

В начальный период открытой торговли по сравнению с карточной системой государственное снабжение сельского населения улучшилось. Открывались новые магазины, на селе появились образцовые универмаги и культмаги. Но неравенство городской и сельской торговли сохранялось. По-прежнему сравнение было не в пользу села. Даже в благополучные годы второй пятилетки на «сельскую душу» государство выделяло товаров в 4,5 раза меньше, чем на горожанина¹. Село получало немногим более четверти товаров, поступающих в торговлю².

В третью пятилетку, в связи с обострением товарного дефицита, правительство сократило сельские фонды. Осенью 1938 года Политбюро отменило встречную торговлю товарами при закупке хлеба³. В декабре 1939 года — шла советско-финская война — Политбюро запретило продажу муки, а затем и печеного хлеба в сельских местностях⁴. К 1940 году показатели сельской торговли упали до уровня, существовавшего накануне отмены карточной системы. В третью пятилетку на сельское снабжение поступало менее трети рыночных фондов, в то время как сельское население составляло почти 70% населения страны и держало почти 40% покупательных фондов⁵. Это — усредненные данные, по отдельным товарам существовали гораздо более резкие диспропорции.

Торговля на селе и по внешнему виду была непригляднее городской. Почти половину сельских магазинов представляли мелкие лавочки с мизерным оборотом 10—25 рублей в день, один продавец, на полках вперемежку лежит съестное и нехитрый ширпотреб. Одна такая лавка обслуживала селения в радиусе нескольких километров, а более крупный сельский магазин был единственным в радиусе 15—20 км. Универмаги располагались в районных центрах, да и то не во всех. К началу 40-х годов среди 254 тысяч сельских предприятий торговли число новых современных сельмагов, раймагов, райпродмагов, райкультмагов составляло порядка 10%⁶. Наиболее

ценами, по которым затем продавало им промышленные товары. Чтобы купить в государственной торговле 1 кг сахара, в начале первой пятилетки крестьянину нужно было продать государству около 10 кг ржи, а в 1940 году — уже более 80 кг; пшеницы — соответственно 8 и 55 кг; мяса — 2,5 и 24 кг; молока — 9 и 35 л. В то время как закупочные цены оставались без изменения низкими, цены на продукцию государственной промышленности росли (Дихтяр Г.А. Советская торговля в период построения социализма. С. 373; Его же. Советская торговля в период социализма и развернутого строительства коммунизма. С. 96).

¹ К концу первой пятилетки соотношение сельского и городского снабжения составляло 1:7,4. В третьей пятилетке сельский житель получал от государства в среднем в 5,2 раза меньше товаров, чем горожанин.

² Дихтяр Г.А. Советская торговля в период построения социализма. С. 405, 406.

³ Закупки проводились государственными органами после выполнения обязательных заготовок по более высоким ценам, стимулировались продажей товаров крестьянам. Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 5 октября 1938 года отменило встречную торговлю товарами, крестьяне должны были получать только деньги (РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1002. Л. 32).

⁴ РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 16. Д. 77. Л. 65; Д. 78. Л. 207; Д. 87. Л. 7.

⁵ Дихтяр Г.А. Советская торговля в период социализма. С. 116—119; Рубинштейн Г.Л. Развитие внутренней торговли в СССР. С. 353.

⁶ Дихтяр Г.А. Советская торговля в период социализма. С. 133; Рубинштейн Г.Л. Развитие внутренней торговли в СССР. С. 363.

крупные 563 магазина (0,3% сельской торговой сети) торговали в день на 500 рублей, существенно меньше оборотов крупных городских магазинов.

В период открытой торговли сельское население могло покупать товары и в городе. Крестьяне составляли постоянный «контингент» городских очередей. Они ехали в города не только за мануфактурой, одеждой и обувью, но и за хлебом. Однако государство следило за «товарной миграцией» в города. В периоды кризисов снабжения силами милиции, НКВД и НКПС велась очистка городов от иногородних покупателей, вводилась продажа товаров при предъявлении прописки. Сельской администрации запрещалось выдавать крестьянам справки и паспорта для поездки в город. Городское руководство также принимало меры против наплыва крестьян, вводя закрытую торговлю для горожан.

При распределении рыночных фондов внутри регионов сохранялась не только диспропорция городского и сельского снабжения, но и иерархия городов. Крупные промышленные центры получали надбавки по сравнению с неиндустриальными¹. В регионах, где концентрировались крупные индустриальные объекты, диспропорции городского и сельского снабжения были резче, тогда как внутри сельскохозяйственных регионов, где преобладали неиндустриальные города, соотношение городских и сельских фондов являлось более сбалансированным за счет низких поставок в города.

По-прежнему лидером в географии снабжения оставалась Москва. В столице проживало немногим более 2% населения страны, но в 1939—40 годах она получала около 40% мяса и яиц, более четверти всех рыночных фондов жиров, сыра, шерстяных тканей, порядка 15% сахара, рыбы, крупы, макарон, керосина, швейных изделий, шелковых тканей, резиновой обуви, трикотажа. Фонды других товаров также не соответствовали доле столицы в общей численности населения страны и составляли порядка 7—10%². Ленинград жил скромнее Москвы, но тоже занимал особое место в ряду городов. В 1939—40 годах он получал пятую часть рыночных фондов мяса, жиров, яиц. По этим товарам два города — Москва и Ленинград «съедали» более половины всего рыночного фонда, хотя в них жило всего лишь несколько процентов населения страны!

В период открытой торговли сохранялась и социальная стратификация снабжения, подобная той, что формировалась в годы карточной системы. Наиболее одиозные внешние признаки государственного прагматизма, конечно, исчезли, закрытые распределители и столовые для строго определенных групп населения с различным ассортиментом, нормами и ценами вроде бы перестали существовать. Магазины были открыты для всех желающих, и цены в них зависели от географического пояса, а не от социальной принадлежности покупателей³.

¹ Диспропорции снабжения усиливались и тем, что в период открытой торговли при распределении фондов учитывалось количество магазинов на той или иной территории. Торговая же сеть концентрировалась в наиболее крупных промышленных центрах.

² Данные вычислены на основе отчетов о распределении рыночных фондов товаров между территориями. Во всех отчетах и планах Москва и Ленинград выделялись отдельной строкой (РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 2. Д. 120).

³ Новые цены — нечто среднее между низкими пайковыми и высокими коммерческими ценами первой половины 30-х годов, дифференцировались в зависимости от природно-географических поясов. Исключение составляли так называемые этикетные цены на спички, папиросы, чай и некоторые другие товары, которые были едины для всей страны.

За фасадом общего равенства скрывались, однако, все те же государственные предпочтения и привилегии. Уже было сказано о положении сельского населения, остававшегося (если не считать заключенных) на низшей ступени государственного снабжения. Высшая партийная, советская, военная номенклатура в нем по-прежнему сохраняла верхнюю позицию, хотя с отменой карточной системы Политбюро и СНК пытались сократить разросшийся контингент номенклатуры, пользовавшейся льготами и привилегиями¹. Обеспечением элиты занимались специальные хозяйственные управления (ХОЗУ), которые существовали по месту работы. Сохранила свое положение культурная и научная элита. Комиссию содействия ученым ликвидировали в 1937 году, но ей наследовали Всесоюзная и республиканские академии наук, творческие союзы писателей, архитекторов и т.п., через которые обеспечивались потребности элитного слоя интеллигенции.

Советская элита покупала продукты в ведомственных буфетах, столовых, столах заказов, которые находились непосредственно в учреждениях и были недоступны для других групп населения. Здесь ассортимент и качество продуктов выгодно отличались от рабочих столовых или рядовых продуктовых магазинов, цены были ниже. Для шитья одежды и обуви номенклатурные работники, титулованные деятели науки и искусства «прикреплялись» к специальным пошивочным мастерским, ателье, столам заказов крупных магазинов. Дополнительные возможности для покупки товаров давала наиболее высокая по сравнению с другими группами населения зарплата, а также различные государственные дотации на питание в столовых, отдых в санаториях, оплату квартир, транспорт и т.п. Расширилось строительство специальных номенклатурных жилых домов, санаториев, домов отдыха и дач.

Привилегированное положение в системе государственного снабжения в период открытой торговли сохраняла и армия. Рядовой состав по-прежнему обеспечивался по нормам красноармейского пайка. Командный состав хотя с отменой карточной системы и лишился бесплатных пайков, но его снабжение не пострадало. Система ведомственных столовых, буфетов, столов заказов, а также закрытых пошивочных мастерских обеспечивала нужды военных. Расширилась система их льгот по налогам и сборам, в социальном страховании, обеспечении жильем, медицинском обслуживании, образовании². Для снабжения военных было создано Всесоюзное объединение по торговле и обслуживанию производственно-бытовых нужд РККА и флота (Центровоенторг). Аналогичная по функциям организация — Всесоюзное объединение по торговле и бытовому обслуживанию контингентов НКВД (ЦТПО НКВД) — занималась обеспечением политической полиции.

В социальной иерархии государственного снабжения периода открытой торговли сохранялись и другие традиции карточной системы 1931—35 годов. Политбюро пыталось стимулировать развитие промышленного производства с помощью государственного снабжения, поощряло тех, кто выполнял план. Значение зарплаты как стимула к труду, безусловно, возрастало по мере того, как на полках магазинов появлялось больше товаров, однако, коль скоро острый дефицит сохранялся, натуральные поощрения

¹ Сокращалось число лиц, обедавших в литерных столовых (за счет артистов, художников, экономистов, консультантов, инспекторов и других), а также число прикрепленных к литерным распределителям и пользовавшихся салон-вагонами (ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 16а. Д. 343. Л. 1—7; Оп. 18а. Д. 302. Л. 1—5; Оп. 24а. Д. 409).

² Законодательство об обороне СССР. М., 1939. С. 94—196, 231—244.

на производстве продолжали выполнять роль кнута и пряника. Лучший пример тому — стахановцы. За свой ударный труд они получали не только большие деньги, но и машины, одежду, возможность отовариваться в специальных бюро заказов и шить одежду в ателье крупных магазинов. Иерархия снабжения на производстве обеспечивалась через отделы рабочего снабжения (ОРСы). Официально Политбюро их ликвидировало в 1937 году, но фактически они никогда не исчезали. В условиях дефицита и повторявшихся кризисов снабжение рабочих продолжало оставаться одной из основных забот заводской администрации.

По сравнению с периодом карточной системы материальное положение всех групп населения во второй половине 30-х годов улучшилось. Однако товарный дефицит, который воспроизводился социалистической экономикой, по-прежнему приводил к тому, что «материальный прогресс» был медленным, государственное снабжение для основной массы населения создавало иерархию в бедности. Главный водораздел, как и прежде, проходил между номенклатурной верхушкой и остальным населением. Однако «планка богатства» советской элиты существенно не поднялась в послекарточные годы. Ее материальное положение по-прежнему уступало уровню обеспеченности высших слоев Запада¹.

Лакмусовой бумажкой, которая показывала истинную суть государственной «свободной» торговли, являлись хронические кризисы снабжения. Во второй половине 30-х годов советские люди пережили их два. Хотя ни один из них по остроте не повторил голод первой пятилетки, то были нелегкие времена.

¹ Показательно в этом отношении письмо вице-президента АН СССР О.Ю.Шмидта, посланное секретарю ЦК ВКП(б) Г.М.Маленкову в январе 1940 года. Письмо свидетельствует о недостаточном снабжении одной из элитных групп советского общества — академиков. На нужды 125 академиков Наркомат торговли выделял 12, а после многократных ходатайств президиума АН — 20 ордеров в квартал. Каждый ордер давал право либо сшить в специальном ателье что-то из одежды и обуви, либо купить что-то из предметов домашнего обихода. При существовавшем соотношении числа академиков и выделяемых ордеров, в лучшем случае в год академик мог получить один ордер. «Но так как большинство академиков нуждается одновременно в различных видах вещей, как-то: костюмах, обуви, пальто, постельном белье и т.п., то недостаточность отпускаемых Наркомторгом для Академии наук ордеров очевидна», — писал Шмидт. В президиум Академии наук СССР поступали от академиков устные и письменные заявления об оказании им помощи в приобретении предметов личного потребления. Так, например, А.Е.Ферсман, Н.Д.Зелинский, С.Л.Соболев, В.Ф.Миткевич, В.С.Кулебакин, А.Д.Сперанский, П.Л.Капица обращались с просьбой выдать им ордера на пошив одежды и обуви, помочь с покупкой предметов быта. Обеспечение продуктами также было недостаточным. Академики С.А.Чаплыгин, А.А.Борисяк, М.А.Ильинский, например, обращались в президиум АН с просьбой помочь им купить сливочное масло и другие продукты питания (РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 16. Д. 78. Л. 232). О трудностях с питанием говорит в своем дневнике и В.И.Вернадский (Дружба народов. 1993. № 9. С. 173—194).

ГЛАВА 2

КРИЗИСЫ СНАБЖЕНИЯ — МОМЕНТЫ ИСТИНЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ТОРГОВЛИ

1936/37: Легенда о мешке с хлебом

Летом 1936 года пришла плохая весть — неурожай зерновых. От засухи пострадал и картофель. Неурожай, однако, был лишь предпосылкой продовольственного кризиса¹. Главную роль сыграли заготовки. После отгрузки зерна государству и создания семенных фондов колхозы остались без хлеба. Максимальная выдача на трудодень по недородным районам не превысила 1—1,5 кг зерна. Во многих колхозах крестьяне получили по 300—600, а то и вовсе по 100—200 гр зерна на трудодень². Денежные выплаты в колхозах также были незначительными — 13—50 коп. на трудодень. По словам крестьян, 100 гр зерна на трудодень при выработке средней нормы хватало на месяц проживания для семьи. Крестьянские запасы в недородных районах оказались ничтожными, уже к зиме 1936/37 года они иссякли.

С ноября—декабря 1936 года в Москву в НКВД из секретно-политических отделов его местных управлений потоком пошли спецсообщения «о продовольственных затруднениях в колхозах». Из НКВД сводки поступали в ЦК ВКП(б) (Сталину, секретарям и в сельхозотдел) и в СНК СССР (Молотову). География спецсообщений о начавшемся хлебном кризисе обширна — Воронежская, Горьковская, Кировская, Курская, Куйбышевская, Оренбургская, Саратовская, Сталинградская, Челябинская, Ярославская области, Ставрополье, Мордовская, Чувашская АССР, АССР Немцев Поволжья, Башкирия.

Засуха и недостаток зерна породили мясную проблему. Из-за отсутствия кормов осенью 1936 года началось истребление скота. До октября корова в Ярославской области стоила 700—800 рублей, а в ноябре — 150—200. Рабо-

¹ В советской историографии есть краткие упоминания «о временных хлебных трудностях» в городах в 1936/37 году, но исследований кризиса и тем более локального голода нет (См.: Дихтяр Г.А. Советская торговля в период построения социализма; Рубинштейн Г.Л. Развитие внутренней торговли в СССР). В западной историографии Р.Мэннинг писала о хлебных трудностях 1936/37 года, но исследование продовольственного кризиса не было ее целью. В своей статье она стремилась доказать, что экономический кризис начался раньше массовых репрессий. Тем не менее Мэннинг приводит статистику урожаев, поголовья скота, описывает погодные условия в тот неурожайный год, обострение социально-экономической обстановки в городах. События в деревне, в том числе и локальный голод, в статье Мэннинг не были показаны. Эту ограниченность объясняют источники, которые она использовала. Статья написана на материалах местных и центральных газет, на страницы которых подобный антисоветский материал не попадал, а также корреспонденции Британского посольства, работники которого могли наблюдать события в основном в столице (Manning R.T. The Soviet Economic Crisis of 1936—40 and the Great Purges // *Stalinist Terror. New perspectives*. Ed. by J. Arch Getty and Roberta T. Manning. Cambridge Un. Press, 1993).

² Для сравнения: по официальным данным, в 1937 году средняя выдача зерна на трудодень составляла 4 кг (История социалистической экономики СССР. Т. 5. С. 153).

чую лошадь отдавали за бесценок — за 3—12 рублей. Крестьянам стало выгоднее забить скот и получить страховку — 1000—2500 руб., чем содержать его или даже продавать на рынке. По сообщениям НКВД, обеспеченность кормами осенью 1936 года составляла 1,5—2 месяца. У колхозов не было денег, чтобы покупать корма. К концу осени скот кормили соломой, снимаемой с крыш. В колхозах ликвидировали животноводческие фермы: резали скот (мясо распределяли на трудодни или продавали его), раздавали общественное стадо в индивидуальное пользование.

Вот один из результатов истребления скота. Весной 1937 года НКВД провел негласную проверку состояния животноводства в 23 районах Ярославской области. Она показала угрожающее снижение поголовья.

«По предварительным данным за 1936 г. в Ярославской области забито и разбазарено 37 686 голов крупного рогатого скота, забито и уничтожено приплода 18 896 голов, пало молодняка 17 324 голов и крупного рогатого скота 20 400 голов». По сравнению с 1935 годом падеж скота в Ярославской области увеличился на 73%¹.

Распродажа мяса за бесценок на рынках осенью 1936 года в ряде районов наступившей весной сменилась мясным голодом².

По мере развития хлебного кризиса социальное недовольство в деревне росло. В спецсводку НКВД по Ярославской области, которую подписал капитан госбезопасности Рассказчиков, попало сочинение тринадцатилетнего школьника Алексея Соколова. Обычная школьная тема — «Как я провел каникулы». Однако директора Пречистенской средней школы, где учился мальчик, испугали выводы о взаимоотношении советской власти и крестьянства, к которым подростка привел его нехитрый жизненный опыт:

«Я, ученик 6-го класса группы «Г» Пречистенской средней школы, провел зимние каникулы очень нерадостно. Я лучше бы согласился ходить в школу в это время. Когда я пришел в школу, то учителя сначала стали говорить: «Давайте, ребята, заниматься с новыми силами». Я за каникулы потерял все силы. Мне некогда было повторять уроки и прогуляться на свежем воздухе. Мне приходилось с 3-х часов (утра. — Е.О.) вставать и ходить за хлебом, а приходил человеком 20-ым или 30-ым, а хлеб привозили в 9—10 утра. Приходилось мне мерзнуть на улице по 5—6 часов (дело происходило в январе 1937 года. — Е.О.). Хлеба привозили мало. Стоишь, мерзнешь-мерзнешь, да и уйдешь домой вечером с пустом, ни килограмма не достанешь. Я думаю, что другие ученики тоже провели так же, как и я, каникулы. Если не так, то хуже моего... Судя по этому можно сказать, что Советская власть несколько не улучшила жизнь крестьянина, а наоборот, еще ухудшила. Быть может, мое сочинение не подходит под тему, но в этом я не виноват, так как я ничего не видел, кроме обиды. Я — пионер и школьник и пишу то, что видел и делал. Так провел я каникулы»³.

Чутким камертоном настроения населения были письма. НКВД проводило перлюстрацию писем, особенно тех, что шли в Красную Армию и могли повлиять на умы красноармейцев — крестьянских детей. Перлюстра-

¹ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 1929. Л. 1—12, 75—83.

² Основываясь на материалах Британского посольства и центральных газет того времени, Р.Мэннинг приводит следующие данные о потере скота: число крупного рогатого скота в начале лета 1936 года составляло 56,7 млн. голов, в начале января 1937-го — 47,5 млн. голов, лошадей — соответственно 16,6 и 15,9 (Manning R.T. The Soviet Economic Crisis. P. 122).

³ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 1929. Л. 67.

ции показывали, что число жалоб на отсутствие хлеба в деревнеросло: октябрь — жалобы в 278 письмах, ноябрь — в 450, декабрь — в 700. Высказывания крестьян становились все более резкими. Сводки НКВД сохранили их в избытке:

«Рабочим и служащим есть защита, а колхозников зажали».

«Скорее бы началась война. Я первым пошел бы с оружием против советской власти».

«Царь Николай был дурак, но зато хлеб был пятак и то белый и без очереди, сколько хочешь».

«Гитлер заберет не только Советский Союз, но и весь мир будет под его властью, и тогда будет настоящая жизнь. А сейчас живет только головка».

«Рано или поздно, а Сталину все равно не жить. Против него много людей». *«Сталин много людей уморил голодом».*

«Соввласть и Сталин действуют методами крепостного права. Как раньше крестьяне работали на барина, так и сейчас колхозник работает до упаду неизвестно на кого, а хлеб не получает».

«Соввласть с колхозом поступила так же, как в сказке «О мужике и медведе». Соввласть забрала себе вершки, а колхознику оставила корешки: солому и мякину».

«Я 5 лет работаю в колхозе, а никогда не был сыт, потому что наши правленцы стараются перед районом быть передовыми, и весь хлеб на корню отдают на элеватор».

«Что это за жизнь! Если был бы Троцкий, то он руководил бы лучше Сталина» (за этим высказыванием следует многозначительная и роковая для сказавшего это отметка НКВД — «разрабатывается»)¹.

Появлялись и листовки с призывами к бунту². Бунтов, однако, не было. Недовольство принимало пассивные формы: крестьяне отказывались идти «на проработку» конституции или на собрания для торжественного вручения акта на вечное пользование землей, во время выборов в Советы по новой конституции вели антисоветские разговоры. Активность шла в основном в разрешенном законом русле — делегации колхозников ехали к секретарям райкомов и председателям райисполкомов с просьбой оказать помощь. Наиболее резким из актов неповиновения, зафиксированных в спецсводках НКВД, были собрания колхозников, где под лозунгом «правления без коммунистов» переизбирали сельское руководство. Актом отчаяния, а не борьбы являются случаи, подобные этому: в марте 1937 года колхозник села Анучино Бековского района Саратовской области Ерунов Л.С. (6 детей, хлеба нет), вооружившись большим столовым ножом, ходил по дворам колхозников и путем угроз вымогал хлеб и другую еду³.

¹ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 1878. Л. 4, 5, 31, 32; Д. 1929. Л. 20, 21, 25, 26.

² Вот содержание одной из листовок, появившейся в Саратовской области, селе Долгоруково. Вверху нарисованы знаки свастик, далее значилось: «Объявление. Товарищи, все люди села Долгоруково, колхозники, единоличники и служащие. Вы видите, какое Ваше положение безвыходное. Власть негодная и хлебом не кормит. Примите это объявление. Просите хлеба. Идите против правителей села, и города, и губернии, и столицы. Эх Вы, за что они Вас мучают. Дорогие колхозники и единоличники, Вы сами знаете, какое Ваше положение. Просите хлеб всем селом. Выходите все. В колхозе хлеба не дали. Товарищи, бунтуйте каждый день, пока хлеба не дадут. Просите паспорта. Объявление от всей нашей партии». По факту этой листовки были посланы для разбирательства оперативные работники районного отделения НКВД (ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 1879. Л. 160).

³ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 1879. Л. 188.

Народ бежал из колхозов. Уезжали не только рядовые, но и руководители. Одни покидали деревню с согласия сельских властей. Однако получить разрешение на отход и паспорт было не просто. Сельсоветы задерживали крестьян — рассчитайся сначала по гособязательствам. Поэтому большинство, продав скот, дом, имущество, бежали тайно ночью без разрешения.

Из спецсообщения УНКВД: «За последнее время в Ленинградский район Азово-Черноморского края неорганизованно прибывают колхозники из разных мест Воронежской области. За декабрь и январь прибыло около 150 человек... Большая часть из них не имеет паспортов и документов о том, что они состояли членами колхозов и отпущены в организованное отходничество. Местные организации заинтересованы в пополнении колхозов рабочей силой и не возражают против приема прибывающих на работу в колхозы. Те, кто остается без работы, живут на вокзале или в пустующих таборах колхозников. Нищенствуют. Переселенцы рассказывают, что в Воронежской области большой недород, в результате чего колхозники получили на трудодни по 200 гр хлеба и в настоящее время голодают. Неорганизованный приезд колхозников продолжается»¹.

Те, кто оставался в колхозах, отказывались работать: не было ни сил, ни смысла — все равно ничего не получишь². Из-за низкой оплаты трудодней в колхозах страдали не только многодетные, больные и лодыри, но и ударники. Голодали и те, кто в 1936 году заработал рекордное количество трудодней³. Приближалась весна, но в недородных колхозах к севу не готовились. Семена проели.

¹ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 1952. Л. 73—74.

² В колхозе «Красный Октябрь» (Оренбургская обл.) в декабре 1936 года из 106 хозяйств работали не более 25%. Остальные от работы отказывались: «За что мы будем работать в колхозе, когда ни хлеба, ни денег не получили. Все лето проработали задаром». В Ярославской области из некоторых колхозов к зиме 1936/37 года ушли на заработки все трудоспособные мужчины. Только в Рыбинском районе в 1936 году вышло из колхозов 362 хозяйства. В Любимском районе за осень 1936 года выехало 2180 человек. В Курской области из Никольского района за август—декабрь 1936 года уехало 50% трудоспособных колхозников. Выходили на работу не более трети и работали всего по 4—5 часов. На Северном Кавказе из Ново-Александровского района к январю 1937 года уехало 1520 семей. В Сталинградской области НКВД зарегистрировало случаи самоликвидации целых колхозов. В Воронежской области в январе 1937 года выборочная проверка 87 колхозов в 16 районах показала, что в работах участвовало от 5 до 16% трудоспособных. По далеко неполным данным, из 18 районов за декабрь 1936 года самовольно ушли в отход около 8000 колхозников. В северной части области в некоторых селах выбыли из колхозов почти все трудоспособные мужчины. Отходничество шло главным образом в Донбасс и в смежные районы (Азово-Черноморский край, Кабардино-Балкария). В Курской области из Никольского района за август—декабрь 1936 года уехало 50% трудоспособных колхозников. Колхозная администрация для выполнения колхозных работ нанимала единоличников. Постоянно работающим — конюхам, счетоводам и другим — правления выплачивали что-то вроде зарплаты, для этого собирали налоги с колхозников (ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 1878. Л. 3—4; Д. 1929. Л. 71; Д. 1952. Л. 43—48, 73—74, 126, 130—131, 170—174 и др.).

³ В Оренбургской области лучшие колхозники, получив лишь по 10 пудов хлеба на семью из 6—7 едоков, просили милостыню. В Ярославской те, кто выработал 600 трудодней, получили за весь год только 50 рублей! В республике Немцев Поволжья и в Саратовской области среди голодавших были семьи тех, кто заработал более 300—400 трудодней. НКВД рассказал о случае опухания от голода семьи ударника, заработавшего 800 трудодней! Чтобы понять, насколько велики эти трудовые показатели и мизерна оплата, достаточно сказать, что средняя выработка в 1937 году составляла 194 трудодня, а установленный в 1939 году обязательный минимум трудодней не превышал 100 в год.

В конце зимы и весной в целом ряде районов начался голод. В пищу пошли суррогаты: в муку добавляли головки от льносемени, жмых, дуранду, толченую лебеду, желуди, траву. Ели кошек, собак, трупы павших, больных животных. Люди нищенствовали, пухли от голода, умирали. Зарегистрированы случаи самоубийства из-за голода. Школы не работали, учителя бедствовали, да и опухшие дети не посещали занятий. Выросла детская беспризорность. Эпидемии — спутник голода. В Ярославской области и Мордовской АССР весной 1937 года вспыхнул сыпной тиф. Названия голодавших колхозов — «Путь к сознанию», «Залог пятилетки», «Мечты Ленина», «Красная Заря» — на фоне страшных сообщений получают трагический подтекст.

Наиболее тяжелое положение сложилось на Волге. К началу весны 1937 года 60 из 87 районов Куйбышевской области были «охвачены продзатруднениями». В 36 районах НКВД отмечал случаи употребления в пищу суррогатов, в 25 — опухания от голода, в 7 — зарегистрировано 40 случаев смерти от голода. Вот некоторые описания смертельных случаев, которые дает спецсводка УНКВД.

В деревне Донишино Поимского района за январь—февраль 1937 года умерло 60 человек, из них 27 по причине голода:

Семья единоличника Кинякина. Сам Кинякин умер в декабре 1936 года. В январе умерли: жена его 36 лет, дочь 15 лет и сын 13 лет.

Семья единоличника Потемкина. Сам Потемкин выехал на заработки. В деревне остались жена с 6 детьми. Из них в январе 4 умерли, а остальные опухли.

Семья единоличника Любаева, 3 детей. Умерли дочь 17 лет, сам Любаев. Жена и остальные дети опухли.

Семья единоличника Ведясова состояла из 4 человек: жена 37 лет, дочь 15 лет и сын 8 лет. Все умерли...¹

По числу голодавших и опухших от недоедания выделялись также Саратовская область и республика Немцев Поволжья. Там первые случаи опухания были отмечены в декабре 1936 года. В феврале 1937 года в Саратовской области голодало 47 семей (7 районов, 201 человек), в начале марта — 111 семей (21 район, 486 человек). В республике Немцев Поволжья в январе 1937 года голодало 7 семей (3 кантона, 26 человек), в феврале — 40 семей (8 кантонов, 177 человек), к началу марта — 106 семей (409 человек), в марте — 111 семей (447 человек). Сводка описывает некоторые случаи.

Саратовская область, Макаровский район. В колхозе «12 лет РККА» колхозники вырывали из земли на скотомогильниках трупы павших животных и употребляли их в пищу. В колхозе «Ленинский путь» колхозница Морозова ходила по селу и собирала падаль. Ее дети от недоедания опухли. Полученные ею 99 кг хлеба на 99 трудодней были израсходованы раньше. Колхозница Жижина беременная, больная, двое ее детей находились в опухшем состоянии. Старшая дочь ходила по селу, собирала падаль. Завхоз колхоза Юдин «отпустил для питания» Морозовой и Жижинной голову павшей лошади. В колхозе им. Пугачева завхоз Уваров выдал конюху Зайцеву мясо павшей лошади на общественное питание. Извлечен из петли колхозник Елисеев В.П., 25 лет, попытка к самоубийству связана с отсутствием продовольствия и т.д.

Сердобский район. Колхозник Сидоров П.В., семья из 6 человек, в том числе 4 детей, с 11 февраля совершенно не имел хлеба, жена и дети опухли.

¹ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 19—22.

Колхозник *Абрамов И.Е.*, семья из 3 человек, заработал 177 трудодней, хлеба нет, его дочь опухла и т.д.

Балтайский район. В колхозе им. *Кагановича* колхозница *Графина А.Я.*, 60 лет, 2 детей, «за неимением хлеба убивала кошек, мясо которых употребляла в пищу». *Фатюшкина А.К.*, 65 лет, 3 детей, питалась мясом лошади, павшей от желудочно-кишечного заболевания. *Климаев Г.Г.* с семьей из 4 человек употреблял в пищу павших кур, которых собирал по селу. Семья его сильно истощена, один ребенок болен.

Бековский район. Колхозница *Белова*, 3 детей, ударница — за лето заработала 350 трудодней. Полученный за трудодни хлеб израсходован, 2 детей ходят по селу и нищенствуют, а сама *Белова* и ее старший сын лежат в постели больные от недоедания.

АССР Немцев Поволжья. Франкский кантон. В селе *Кольб Рейбер П.Г.* питался мясом павших на ферме поросят. В селе *Франк* семьи колхозников *Шефер К.* и *Геймбихнер А.*, не имея никаких продуктов питания, употребляли в пищу мясо павшей лошади.

Зельманский кантон. Колхозник села *Прейс Сафенрейтер И.П.* за 1936 год заработал 476 трудодней, на которые при окончательном расчете ему причиталось только 8 кг хлеба, т.к. остальной хлеб ему был выдан раньше авансом... *Сафенрейтер* отправился в село *Зельман*, где нищенствовал, собирал милостыню, набрав, таким образом, за 3 дня около 8 кг хлеба, 5 кг картофеля и 2 кг муки.

Красно-Кутский кантон. В селе *Шейндор* насчитывалось около 20 многосемейных колхозников, не имевших хлеба. В селе *Розенталь* 50 семей испытывали нужду в хлебе, 47 детей не посещали школу и т.д.¹

Случаи голодных смертей НКВД зарегистрировало также в Воронежской и Челябинской областях.

Сводки НКВД своей огульностью, обобщениями часто вызывают у исследователей скепсис. Однако в данном случае они содержат вполне конкретные данные. По каждому неблагополучному колхозу или району они указывают количество семей без хлеба, число голодавших, опухших, умерших. Это не просто цифры, но и фамилии, указания места жительства, года рождения, числа детей, количества заработанных трудодней, причин смерти и пр.

Каковы были масштабы голода? По тем материалам, которыми я могла пользоваться, можно говорить, что в период зимы—весны 1937 года в перечисленных регионах голодало несколько тысяч семей, тысячи человек опухли от недоедания, десятки людей умерли от голода.

Нет ничего удивительного в том, что неурожай и заготовки вызвали хлебный кризис в деревне. Поражает другое: его последствия для крестьян оказались гораздо меньшими, чем можно было бы ожидать. Статистика показывает, что урожай 1936 года был так же плох, как и урожаи 1931 и 1932 годов, государственные заготовки в 1936/37-м больше, а остаток хлеба в деревнях меньше, чем в 1931/32 и 1932/33 годах². Однако после неурожая 1931—32 годов разразился массовый голод — миллионы умерших, после неурожая 1936-го — голодало несколько тысяч человек.

¹ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 1879. Л. 129—131, 159—160.

² Вопрос об урожаях 30-х годов относится к числу дискуссионных и окончательно не выясненных. По подсчетам Н.Ясного, Д.Джонсона и А.Когана урожаи 1931 и 1932 годов составляли 66 и 63 млн. тонн, урожай 1936-го — 60—64 млн. тонн. Р.Дэвис и С.Уиткрофт считают, что урожаи 1931 и 1932 годов были 55,8 млн. тонн, а урожай

Конечно, во второй половине 30-х не было цепочки неурожайных лет, неурожай 1936-го пришелся между нормальным урожаем 1935 и рекордным 1937 годов¹. Однако одной этой причины недостаточно для объяснения столь различных последствий неурожая 1931—32 и 1936 годов.

Наиболее важным объяснением может быть то, что состояние крестьянского хозяйства и рынка в стране во второй половине 30-х было иным, чем в период первой пятилетки и вакханалии насильственной коллективизации. «Хорошие» 1934—36 годы сыграли свою роль — личное подсобное хозяйство крестьян окрепло и рынок развивался. Пусть было плохо с хлебом, но другие продукты на рынке можно было купить. Подсобные хозяйства крестьян и рынок поддержали население в период хлебного кризиса 1936/37 года.

Еще одна причина, с моей точки зрения, объясняет столь «скромные» последствия неурожая 1936 года. Экономические уроки массового голода не прошли бесследно. Он стал трагедией не только для людей, но и для экономики страны. С уверенностью можно сказать, что его повторения в стране никто не хотел. Реакция Политбюро на начавшиеся в конце 1936 года «продовольственные затруднения» была иной, чем в трагические 1932—33 годы. Главными мотивами к антикризисным действиям являлись экономические: угроза срыва весеннего сева, подрыв животноводства, обезлюденье колхозов.

Говоря о поведении Политбюро в условиях нового кризиса, следует учитывать и то, что социально-политическая обстановка в деревне изменилась. Вместе с коллективизацией исчез «частник-саботажник». Вместо него появился родной социалистический колхозник. Понятие «социалистический колхозник» на деле являлось такой же пропагандистской ложью, каким было и понятие «крестьянин-саботажник» в период коллективизации. Колхозники прекрасно саботировали работу в колхозах, тогда как частник был отменным тружеником. Но коллективизация изменила политическую ситуацию и, вместо того, чтобы оцеплять голодающие деревни, обрекая их на вымирание, как это было в 1932—33 годах, Политбюро помогло крестьянам. Часть вывезенного в период заготовок хлеба была отправлена назад в виде продовольственной и семенной помощи².

1936-го — 55,6 млн. М.Таугер оценивает урожай 1932 года наиболее низко — 50 млн. тонн, но не дает расчетов для 1936 года. Государственные заготовки зерна в 1931 и 1932 годах составили около 23 и 19 млн. тонн, после чего в деревнях осталось 33—37 млн. тонн зерна. В 1936 году государственные заготовки составили 27,6 млн. тонн, и в деревнях осталось порядка 28 млн. тонн зерна (Отечественная история. 1995. № 6. С. 150; *The Economic Transformation of the Soviet Union*. P. 290; Mark B. Tauger. *The 1932 Harvest and the Famine of 1933 // Slavic Review*. Vol. 50. № 1 (spring 1991)). Таким образом, аграрная статистика показывает, что положение с зерном в деревнях в 1936 году было практически таким же плохим, как и во время смертоносных неурожая 1931—32 годов.

¹ Р.Мэннинг считает, что зерновые запасы в стране ко времени урожая 1937 года были исчерпаны. Новый неурожай мог привести к массовому голоду в стране (Manning R.T. *The Soviet Economic Crisis...* P. 124).

² Используя материалы Смоленского архива, Р.Мэннинг приводит данные о помощи, которую правительство оказало Белому району Западной области. Кроме продовольственной помощи, среди причин, позволивших преодолеть последствия кризиса без больших человеческих жертв, Мэннинг называет резкое сокращение с августа 1936-го, а затем, с января—февраля 1937 года, прекращение советского экспорта зерна. Факт, который также свидетельствует о стремлении Политбюро не допустить повторения массового голода в стране (Manning R.T. *The Soviet Economic Crisis...* P. 122—123).

НКВД забил тревогу уже при первых признаках продовольственных затруднений. Он информировал Политбюро и местное руководство. Шла скрытая от печати и публики переписка. В голодающие колхозы командировались представители партийных и советских органов, а также оперативные работники НКВД. Они должны были не только выявить причины неурожая, падежа скота, бегства колхозников, но и информировать центр о поведении местных исполкомов, парткомитетов, от которых требовалось немедленное оказание помощи нуждающимся. Ни в одном из донесений не было выдвинуто обвинений против крестьян. Продссуда выделялась уже с конца осени 1936 года. Политбюро предоставило льготы бедствовавшим колхозам.

Конечно, на деле все шло не так гладко, как на бумаге. При оказании помощи характерные признаки распределительной системы проявили себя. Из-за бюрократизма государственного снабжения продссуда шла на места медленно. Часто это вообще было кабинетное распределение без учета нуждаемости. Сказывались и большие потери из-за хищений. Из того, что доходило до бедствующих колхозов, значительная часть выделялась на создание семенного фонда — приближался сев. Например, для Оренбургской области правительство выделило в январе 1 млн. пудов зерна. Из них более 400 тыс. пудов пошло на семена. Только то, что осталось, делилось между колхозниками. Как свидетельствуют спецсообщения о распределении продссуды, во многих колхозах это опять вылилось в 100—200 гр зерна на трудодень, а то и меньше — 45 гр, — столько получили колхозники в голодающих колхозах на Северном Кавказе в январе 1937 года. Тот факт, что ссуда распределялась в основном только между колхозниками, объясняет преобладание единоличников среди умерших от голода крестьян.

Вновь проявилась роль кнута и пряника, которую распределение играло в социалистической экономике. Правления колхозов манипулировали продссудой. Распределяли понемногу и придерживали хлеб до начала сева — выдавать только тем, кто будет работать. В ряде районов правления не выдавали хлеб даже остро нуждавшимся, если они плохо работали. Ярче обозначилась и социальная стратификация. Сельское руководство, бригады пользовались правом преимущественного и первоочередного снабжения, получая по 1,5—2 кг на трудодень, в то время как рядовые колхозники довольствовались остатками. Этот порядок распределения, с ведома и по распоряжению районных партийных и советских организаций, навязывался колхозникам как безоговорочный и не подлежащий обсуждению на общих собраниях. Политбюро и НКВД в данном случае не поддержали местное руководство. Все случаи подобных привилегий квалифицировались в донесениях как нарушение колхозного устава.

После оказания помощи в бедствующих колхозах наступало временное облегчение, но ссуды было недостаточно. Там, где она была выдана в декабре—январе, к началу весны колхозники опять сидели без хлеба¹. По

¹ Недостаточность ссуды вызывала резкие высказывания:

—«Это обман. Правительство, вероятно, успокоилось, что колхозникам дало хлеба. А на самом деле колхозникам ничего не достается».

—«Долго ждали мы от соввласти помощи и дождались по 100 гр на трудодень, которых нам хватит на 1 месяц, а потом придется голодать. Это все потому, что колхозники соввласти не нужны. Она опирается только на рабочих, для которых создаются все эти привилегии».

—«Мы с каждым годом живем все хуже и хуже. Нужно уходить на заработки. На колхозы надеяться нечего. Они созданы для того, чтобы загнать колхозника в гроб» (ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 1879. Л. 157—159).

сообщениям НКВД и после выделения ссуды нищенство и голодные опухания продолжались. Правительство вынуждено было помогать колхозам вплоть до получения нового урожая.

Не обошлось и без репрессий. Последовало официальное объяснение причин продовольственных затруднений — вредительство. Политбюро дало указания НКВД выявить и арестовать организаторов «контрреволюционной деятельности» в распределении доходов в колхозах, в животноводстве, в торговле хлебом. В связи с кризисом только в Саратовской области в январе—феврале 1937 года НКВД «ликвидировал 88 дел», по которым арестовал 189 человек, и «наметил к ликвидации 41 дело» с арестом по ним 186 человек¹. «За непринятие мер к предотвращению заболеваний и опуханий колхозников» поплатились своими креслами многие местные партийные, советские, колхозные руководители. Но это была только прелюдия драмы. Ее основной акт состоялся осенью 1937 года. Прошла серия показательных судов. На скамье подсудимых оказались представители сельского руководства — секретари райкомов, председатели райисполкомов, сельских Советов, колхозов. Кризис миновал, но нужно было предъявить народу его «организаторов»².

В экономике все взаимосвязано — кризис ударил не только по сельским жителям, но и по горожанам. Крестьяне, голодные и те, кто хотел запастись хлебом на случай голода, хлынули в города. На железнодорожных станциях образовались «людские пробки». География «хлебных затруднений» расширилась. Они охватили промышленные центры Ивановской, Калининской, Ленинградской, Свердловской и других областей. «Хлебный крестьянский десант» появился в городах уже в октябре—ноябре 1936 года. Далее ситуация ухудшалась.

В городах выстраивались огромные очереди. Сводки регистрируют драки, несчастные случаи с тяжелыми телесными повреждениями. Стояли целыми семьями, вплоть до малолетних детей, чтобы взять хлеба побольше. Приезжие скупали хлеб десятками килограммов: сушили сухари, кормили им скот³. Торговля продолжалась всего несколько утренних часов, потом

¹ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 1879. Л. 174—180.

² Об этих судах написала Ш.Фицпатрик. Источником для нее послужили местные газеты, которые печатали судебные отчеты. Исследование Фицпатрик показывает, что осенью после получения урожая в 11 областях и краях Российской Федерации прошло по меньшей мере 30 судов против районного и сельского руководства. Обвинителями на судах выступали крестьяне. Необычным было отсутствие традиционных обвинений в шпионаже и связи с иностранными разведками. Главными были экономические претензии. Факты голода, конечно, не попали на страницы газет, но обвинения в истреблении скота, роспуске колхозов, безграмотных агротехнических планах, низкой оплате трудодней присутствовали. Наиболее суровые приговоры включали расстрел и 10 лет лишения свободы с конфискацией имущества. Фицпатрик не связывает эти суды с хлебным кризисом, а рассматривает их в широком контексте массовых репрессий в стране и поиска «виновных» в экономических неудачах пятилеток. Р.Мэннинг напрямую связывает «перетряхивание» сельского и районного руководства, а также кадров Наркомата земледелия в июне 1937 года с хлебным кризисом. Она считает, что он подтолкнул репрессии (Fitzpatrick S. *Stalin's Peasants. Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization.* Oxford Un. Press, 1994; *How the Mice Buried the Cat.* P. 296—312; Manning R.T. *The Soviet Economic Crisis...* P. 124).

³ Стоимость хлеба и сена была примерно одинаковой: 10 кг хлеба стоили 8 руб. 50 коп., 16 кг сена — 10—12 руб. Овса в продаже не было.

торговать уже было нечем. Хлебный ажиотаж усилился после правительственного постановления о запрещении продажи ржаной муки. Подскочили цены на базарах. Мука продавалась не пудами и килограммами, а блюдцами по 200 гр, от 75 коп. до 1 руб. за блюдце.

Горожане оставались без хлеба — к концу рабочего дня на полках хоть шаром покати. Росло недовольство рабочих:

«Стало жить весело — целыми днями стоим в очередях за хлебом. Дохозяйничались! Рабочим не стали своевременно платить зарплату, да и жратву отнимают. Вот и выполняй план. Тут не о плане надо думать, а как бы поскорей занять очередь за хлебом».

«Мы сидим без хлеба голодные, а управители наши все сыты. Этих управителей теперь развелось, как вшей на гашнике — все они сидят на наших шеях и пьют рабочую кровь. Не знаем, чего нам, дуракам, надо было, ведь раньше жили лучше. Говорят, что раньше пороли нашего брата, так и теперь порют, только другим методом — задавили всех налогами, да и хвастают, что жить стало лучше и веселее».

«Колхозники стали зажиточные и толпами стали ходить за хлебом».

«Только удовлетворяют одну Красную Армию. Только кучка властей живет хорошо».

«Какой контраст, там в Кремле и у нас в Ростове очереди, как небо и земля».

«Скоро ли будет конец всем очередям за хлебом. Как надоела такая жизнь, а не постой в очереди и будешь сидеть голодным».

«Вот так построили социализм. Хлеб и то стали в драку получать. Стоим по несколько часов в очереди, а работать когда? Нам говорят, что в других государствах, в частности в Германии, голод, а у нас что делается?»¹

Как всегда в периоды продовольственных затруднений, распространились слухи о скорой и даже о начавшейся уже войне с Германией, о массовых голодных выступлениях. Кто-то добавлял, что хлеб вывезли в Испанию, и не только в Испанию: «Нашим хлебом кормят и Китайскую Красную Армию, а также и другие государства, которые нуждаются в помощи». Существовала и версия, что «очереди у магазинов правительством созданы, чтобы испытать политическую благонадежность населения»². НКВД начал аресты «активных враждебных элементов» в очередях и «хлебных спекулянтов».

Социальное напряжение росло, производственные показатели падали. Местное партийное и советское руководство, директорат, которые не только креслами, но и головой (в стране начинались массовые репрессии) отвечали перед Политбюро за выполнение производственного плана, вынуждены были принимать меры. Началось стихийное, не санкционированное руководством страны, возрождение карточной системы. Цель — гарантировать снабжение «своего» городского населения, защитить его от наплыва иногородних покупателей. Местное руководство «прикрепляло» людей к магазинам, создавало закрытые распределители на производстве, устанавливало нормы.

Стратификация снабжения вновь резко обозначилась. Парткомы, исполкомы, руководство предприятий организовали для себя развозку хлеба на дом и закрытые распределители при ведомственных буфетах и магазинах. В иерархии снабжения «простых людей», в соответствии с индустриальными

¹ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 1929. Л. 20—26; Д. 1952. Л. 36.

² ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 1929. Л. 13, 19; Д. 1952. Л. 36, 166.

приоритетами, в первую очередь обеспечивались работавшие на промышленных предприятиях. Остальное население городов должно было довольствоваться тем, что останется. На низшей ступени государственного снабжения вновь оказались крестьяне, перед которыми закрывались двери городских магазинов.

НКВД, Наркомторг информировали Политбюро о стихийном возрождении карточной системы в стране. Почти на всех сводках НКВД стоит: «В ЦК ВКП(б)», «Сообщить в ЦК», «Срочно сообщить в ЦК». Политбюро на этот раз не поддержало местной инициативы по введению карточек на хлеб. Дела на виновных «в нарушении закона о свободной торговле хлебом» передавались в прокуратуру. Политбюро отказалось узаконить также закрытые распределители местной номенклатуры. За их организацию наказывали так же, как и за организацию закрытого рабочего снабжения. События показывали, что Политбюро хотело всеми средствами сохранить открытую торговлю. Декретами и угрозами ее, однако, было не удержать. Торговля вращалась в круге товарного дефицита и нормированного распределения.

В 1937 году руководство страны панически боялось повторного неурожая. Об этом свидетельствуют публикации центральных и местных газет. Этого, к счастью, не произошло. Урожай был рекордным, и начавшийся было голод отступил. Но даже убирая прекрасный урожай, колхозники не верили, что получают выращенный хлеб. Ползли слухи, что хлеб вывезут, а колхозникам скажут: «Плохо боролись за урожай. Вам и этого хватит». Крестьяне говорили: «Если в этом году и по пуду уродится на каждом колосе, и то нам ничего не достанется».

Во время уборочной страды на Волге, в Саратовской области появилась легенда. Она быстро разошлась среди волжских крестьян и перекинулась в соседние области. Содержание и стремительность ее распространения насторожили местные органы НКВД, которые тут же взяли и саму легенду, и тех, кто ее рассказывал, «на карандаш». В материалах НКВД рассказы крестьян получили таинственное и даже зловещее название — «Легенда о мешке с хлебом, луже крови и таинственном старике»:

В колхозе «Верный Путь» (Казачкинский район, Саратовская обл.)¹ колхозница Байбара рассказывала: «Из села Казачка шел муж с женой по направлению в село Успенку, и на дороге среди хлебов ржи нашли мешок с хлебом. Стали они поднимать его и никак не поднимут. Тогда они вернулись домой, запрягли лошадь и поехали за найденным мешком с хлебом. Но на том месте, где раньше был мешок, сидела женщина во всем белом и вокруг нее была лужа крови. Когда эту женщину спросили, где мешок, она ответила, что мешка нет и вы его не возьмете. Этот мешок предсказывает то, что в этом году будет сильный урожай, но убирать его будет некому, потому что будет сильная война...»

В Суворовском колхозе (Золотовский кантон, АССР Немцев Поволжья) во время работы в бригаде колхозница Прыткова М.В. рассказывала: «На днях должна быть война Советского Союза с капиталистическими странами. Об этом мне известно из разговоров с гражданами села Рогаткино, которые ездили в село Дубровку и по дороге нашли мешок с хлебом. Они попробовали взять его, но не смогли поднять, хотя их было несколько человек. Далее по

¹ Появление легенды в Саратовской области не случайно. Эта область наиболее сильно пострадала в период продовольственного кризиса. Казачкинский район входил в число тех, где осенью прошли показательные суды против местного руководства.

дороге им попала другая находка — ведро с человеческой кровью. Это вызвало у них недоумение, и они поняли, что эти находки обозначают какую-то загадку, которую им разгадал встретившийся на дороге неизвестный старик. Этот старик объяснил, что мешок с хлебом означает, что в 1937 году будет сильный урожай, а ведро с кровью означает, что в этом году будет война и большое кровопролитие»¹.

В других вариантах легенды (всего в материалах НКВД их пять) также появлялись то огненные столбы, то чаны с кровью, то старик, который толкует виденное, то «женщина в белом» — образ смерти в народных сказках. Слухи о скорой войне в обстановке ухудшения международной ситуации удивления не вызывают. Привлекает внимание другое. Во всех вариантах легенды в центре неизменно оставался неподъемный мешок с хлебом, который вроде бы и лежит на виду посреди дороги, да взять его крестьянин не может.

Не пришлось долго ждать, чтобы грустные пророчества сбылись. Осенью 1939 года в стране вновь начались продовольственные трудности.

*1939—41: «Опять чья-то преступная лапа
расстроила снабжение...»*

С карточками советское общество вступило в 30-е годы, с карточками и оставляло их. Апогей последнего предвоенного кризиса снабжения пришелся на время «финской кампании»². Но не война породила кризис. Его первые признаки появились до войны. В 1938 году сводки НКВД и отчеты Наркомвнуторга сообщали о многотысячных очередях в крупных промышленных центрах, куда стекалось население со всего Советского Союза покупать ширпотреб. В 1939 году огромные очереди выросли и за продовольственными товарами. Сообщения о перебоях в торговле продолжали поступать и после окончания финской кампании, вплоть до самого нападения Германии на СССР.

Советско-финская война и другие «военные конфликты» 1939—40 годов лишь обострили те диспропорции, которые существовали на всем протяжении 30-х. Отказ от сбалансированного и умеренного планирования времен второй пятилетки, новый виток в форсировании тяжелой индустрии и рост военных расходов привели к снижению рыночных фондов, которые государство направляло в торговлю. Одновременно рост денежной массы в обращении, как следствие политики повышения зарплаты и постоянных эмиссий, обострил дефицит и инфляцию. Массовые репрессии 1937—38 годов, породив хаос в экономике и вызвав падение промышленного производства, также внесли свою лепту. Поставки сырья и продовольствия в Германию, которые СССР вел после заключения пакта о ненападении, также обостряли дефицит на внутреннем рынке.

Отрицательную роль сыграли и аграрные мероприятия, которые проводились по решению майского 1939 года пленума ЦК ВКП(б)³. Дело в том,

¹ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 1879. Л. 288—290.

² Кризис снабжения 1938—41 годов развивался на фоне промышленного кризиса. Первые признаки стагнации промышленного производства, по мнению Р.Мэннинг, появились в 1936-м, по мнению М.Харрисона — в 1937 году.

³ Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 27 мая 1939 года «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания» (КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 7. М., 1985. С. 109—115).

что «под крышей» колхозов в относительно спокойные годы второй пятилетки бурно развивалось частное предпринимательство крестьян. Колхозные земли находились в запустении, колхозники работали спустя рукава. Администрация колхозов стала сдавать общественные земли крестьянам в аренду. Те за счет аренды расширяли свои приусадебные участки и даже имели в частном пользовании земли в колхозных полях. Уплачивая колхозам определенную мзду, арендаторы везли выращенную продукцию на рынок и тем жили.

Политбюро решило остановить «разбазаривание социалистической собственности». Летом и осенью 1939 года в колхозах проводились обмеры земель и все излишки сверх установленной уставом нормы отбирались у крестьян и возвращались в лоно общественного землепользования. Обмеры дезорганизовали уборочную и осеннюю посевную кампании и больно ударили по приусадебному хозяйству — главному источнику самообеспечения крестьянства и рыночной торговли. Из 8 млн. га приусадебной земли было отрезано около 2 млн.¹ Обрезка усадеб повлекла за собой сокращение скота в личном пользовании. Удар по рыночному хозяйству в то время, как государственные заготовки росли, а централизованное снабжение населения ухудшалось, обострил продовольственную ситуацию. Фактором, дестабилизирующим сельскохозяйственное производство, были также массовые насильственные переселения крестьян для освоения восточных регионов, которые по решению Политбюро проводились на рубеже 30—40-х годов.

В эту неблагоприятную картину ухудшения товарного и продовольственного положения в стране военные кампании (советско-финская война, вторжение в Польшу, Румынию, Прибалтику) добавили топливно-энергетический, сырьевой кризисы, заторы на транспорте, от которых в первую очередь страдали «невоенные» производства и гражданские перевозки грузов. Начавшаяся вторая мировая война и объявленная в сентябре 1939 года частичная мобилизация вызвали к тому же нездоровый покупательский ажиотаж. 17 сентября Молотов еще читал на радио о том, что «страна обеспечена всем необходимым и может обойтись без карточной системы в снабжении», а люди бросились в магазины. Соль, спички, крупы и другие «стратегические» продукты были сметены с полок².

Не война породила товарный кризис, но она, безусловно, обострила дефицит. С началом финской кампании экономика вошла «в штопор». С декабря 1939 года в магазинах исчезли хлеб и мука, начались перебои с другими продуктами. Взлетели цены на рынке. Из-за дороговизны килограммы и литры, как меры веса, исчезли из рыночной торговли — молоко мерилось стаканчиками, картофель продавался поштучно или «консервны-

¹ История крестьянства СССР. Т. 3. М., 1987. С. 26.

² И в последующее время покупатели брали все подряд, пытаясь вложить обесценивавшиеся деньги во что-то весомое и надежное. В 1940 году в НКВД поступали сообщения о том, что, например, магазин спецторга № 2 (Кузнецкий мост, Москва) продал 700 кг масла за полтора часа, 3,5 т мяса — за 4 часа; магазин № 18 продал 1,8 т сахара за 7—4 часа; магазин № 7 продал 750 кг картофеля за час. По заявлению директора магазина «Гастроном» на Кузнецком мосту, магазин каждый день продавал по 10—12 бутылок старого вина, стоимостью 275—335 рублей бутылка. Икру паюсную стоимостью 60 рублей брали килограммами. На полный торговый день даже дорогостоящего товара не хватало (ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 7. Д. 945. Л. 277, 278).

ми банками», мука — блюдечками. Даже Москва переживала продовольственные трудности¹.

Правительство ответило на обострившийся кризис тем, что с 1 декабря 1939 года запретило продажу муки, а затем и печеного хлеба в сельских местностях². Крестьяне устремились в города за хлебом. В заявлениях на отходничество они писали: «Хлеба нет. Кормиться нечем, и жить больше невозможно». «Учел себя в том, что не могу ни в коем случае прокормить свою семью. Хлеба нет. Дом продал». «Хлеба не имею. Дети доносили последнюю одежду. Скота не имею. Существовать больше нечем»³. Многие уходили из деревни самовольно без объяснений.

Тысячные очереди выстроились по всей стране. Бедствовали не только обыватели, «трудности снабжения» затронули армию и военно-промышленные объекты. Зимой—весной 1940 года положение было наиболее тяжелым. Этому способствовали неудачи на фронте — Красная Армия не могла взять линию Маннергейма. Докладные записки и донесения, которые поступали в ЦК из Наркомвнуторга, НКВД, промышленных наркоматов, от местного партийного руководства, свидетельствовали о тяжелом положении в тылу: острая нехватка продуктов, огромные очереди, рост массового недовольства, производство на грани срыва⁴. Вместе с сухими казенными донесениями к руководству страны шел поток тревожных писем от населения. Эмоции в них пережестывали через край, картина вырисовывалась трагическая: голодные изможденные дети, дошедшие до предела отчаяния матери, драки, давка и убийства в магазинах. Автору каждого отдельного письма трудности казались локальными: «тяжелое положение в Сталинграде», «катастрофическое состояние торговли в Нижнем Тагиле», «безобразия в Казани», «небывалый в истории хлебный и мучной кризис в Алапаевске»... Но все вместе письма свидетельствовали, что бедствовала вся страна⁵.

¹ В архиве НКВД сохранился увесистый том материалов о продовольственном положении в Москве в конце 30—начале 40-х годов. Документы свидетельствуют о серьезном ухудшении московского снабжения по причине огромного наплыва иногороднего населения и нездорового ажиотажа москвичей и жителей Подмосковья. Относительное благополучие Москвы держалось за счет постоянного выделения дополнительных фондов товаров (ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 7. Д. 945). Об ухудшении продовольственного положения в Москве писал в своем дневнике В.И.Вернадский (Дружба народов. 1993. № 9. С. 173—175, 186, 191).

² За исключением хлопководческих, табаководческих районов и Крайнего Севера (РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 16. Д. 77. Л. 65; Д. 78. Л. 207; Д. 87. Л. 7; РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 119. Л. 68).

³ РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 16. Д. 77. Л. 207; Д. 78. Л. 144.

⁴ РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 16. Д. 83. Л. 262; Д. 69. Л. 17, 18; Д. 76. Л. 108, 112, 124, 131, 147, 164, 173, 179, 181, 182, 186, 191—193, 200; Д. 77. Л. 58, 66—68, 73, 90, 92, 176—177, 203, 212, 216, 259—260, 276, 278, 279; Д. 78. Л. 4, 51, 95, 102, 144, 216, 248; Д. 79. Л. 85, 145, 169; Д. 80. Л. 66—69; Д. 81. Л. 46; Д. 83. Л. 135, 140, 178, 185, 190, 193, 195, 198, 203, 209, 224, 251, 261, 262, 269; Д. 98. Л. 3, 16, 18, 26, 29, 32, 43, 61, 118, 120, 122 и др.

⁵ За январь—февраль 1940 года в Комиссию советского контроля поступило более 100 писем и заявлений от граждан и организаций о перебоях с хлебом и очередях. В фонде СНК сохранился их перечень (ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 24а. Д. 2835. Л. 3, 26). Наиболее интересные письма из фонда Наркомторга (РГАЭ) были мной опубликованы. См.: Кризис снабжения 1939—1941 гг. в письмах советских людей // Вопросы истории. 1996. № 1. С. 3—23.

«Опять чья-то преступная лапа расстроила снабжение Москвы. Снова очереди с ночи за жирами, пропал картофель, совсем нет рыбы» (декабрь 1939 года).

«С первой декады декабря 1939 г. мы хлеб покупаем в очередь, в которой приходится стоять почти 12 часов. Очередь занимают с 1 и 2 часов ночи, а иногда и с вечера. Мы с женой оба работаем и имеем 3-х детей, старший учится. Часто по 2—3 дня не можем купить хлеба. ... В январе был холод на 50 грудусов. Приходишь с работы, вместо культурного отдыха в такой мороз идешь в очередь, и невольно вытекает вопрос — лучше иметь карточную систему, чем так колеть в очередь» (январь 1940 года, Алапаевск, Свердловская область).

«Тов. Молотов. Вы в своем докладе говорили, что перебоя с продуктами не будет, но оказалось наоборот. После перехода польской границы в нашем городе не появлялось ряда товаров: вермишель, сахар, нет вовсе сыра и колбасы, а масла и мяса уже год нет, кроме рынка. Город вот уже четвертый месяц находится без топлива и без света, по домам применяют лучину, т.е. первобытное освещение. Рабочие живут в нетопленных домах... Дальше самый важный продукт, без которого не может жить рабочий, это хлеб. Хлеба черного нет. У рабочих настроение повстанческое» (январь 1940 года, Орджоникидзград, Орловская область).

«Готовить не из чего. Все магазины пустые за исключением в небольшом количестве селедка, изредка, если появится колбаса, то в драку. Иногда до того давка в магазине, что выносят людей в бессознательности. Иосиф Виссарионович, что-то прямо страшное началось. Хлеба, и то, надо идти в 2 часа ночи стоять до 6 утра и получишь 2 кг ржаного хлеба, белого достать очень трудно. Я уже не говорю за людей, но скажу за себя. Я настолько уже истощала, что не знаю, что будет со мной дальше. Очень стала слабая, целый день соль с хлебом и водой... Не хватает на существование, на жизнь. Толкает уже на плохое. Тяжело смотреть на голодного ребенка. На что в столовой, и то нельзя купить обед домой, а только кушать в столовой. И то работает с перерывом — не из чего готовить. Иосиф Виссарионович, от многих матерей приходится слышать, что ребят хотят губить. Говорят, затоплю печку, закрою трубу, пусть уснут и не встанут. Кормить совершенно нечем. Я тоже уже думаю об этом...» (февраль 1940 года, Нижний Тагил).

«Вот уже больше месяца в Нижнем Тагиле у всех хлебных магазинов массовые очереди (до 500 чел. и более скапливаются к моменту открытия магазинов). Завезенный с ночи хлеб распродается в течение 2—3 часов, а люди продолжают стоять в очереди, дожидаясь вечернего завоза... Крупы разной в январе продали 27 тонн. Это на 180 тыс. населения! В феврале крупы еще не торговали. В магазинах, кроме кофе, ничего больше не купить, а за всеми остальными видами продуктов массовые очереди. Ежедневно в магазинах ломают двери, бьют стекла, просто кошмар. Трудно даже все происходящее описать...» (январь 1940 года).

«Я хочу рассказать о том тяжелом положении, которое создалось за последние месяцы в Сталинграде. У нас теперь некогда спать. Люди в 2 часа ночи занимают очередь за хлебом, в 5—6 часов утра — в очереди у магазинов — 600—700—1000 человек... Вы поинтересуйтесь чем кормят рабочих в столовых. То, что раньше давали свиньям, дают нам. Овсянку без масла, перловку синюю от противней, манку без масла. Сейчас громадный наплыв населения в столовые, идут семьями, а есть нечего. Никто не предвидел и не готовился к такому положению... Мы не видели за всю зиму в магазинах Сталинграда мяса, капусты, картофеля, моркови, свеклы, лука и др. овощей, молока по государственной цене... У нас в магазинах не стало масла. Теперь,

так же как и в бывшей Польше, мы друг у друга занимаем грязную мыльную пену. Стирать нечем, и детей мыть нечем. Вошь одолевает, запаршивели все. Сахара мы не видим с 1 мая прошлого года, нет никакой крупы, ни муки, ничего нет. Если что появится в магазине, то там всю ночь дежурят на холоде, на ветру матери с детьми на руках, мужчины, старики — по 6—7 тыс. человек... Одним словом, люди точно с ума сошли. Знаете, товарищи, страшно видеть безумные, остервенелые лица, лезущие друг на друга в свалке за чем-нибудь в магазине, и уже не редки случаи избиения и удушения насмерть. На рынке на глазах у всех умер мальчик, объевшийся пачкой малинового чая. Нет ничего страшнее голода для человека. Этот смертельный страх потрясает сознание, лишает рассудка, и вот на этой почве такое большое недовольство. И везде, в семье, на работе говорят об одном: об очередях, о недостатках. Глубоко вздыхают, стонут, а те семьи, где заработок 150—200 руб. при пятерых едоках, буквально голодают — пухнут. Дожили, говорят, на 22 году революции до хорошей жизни, радуйтесь теперь» (зима 1939/40 года).

«В Евпаторийском гарнизоне чрезвычайно напряженное положение со снабжением начсостава и семей хлебом. В течение января и в феврале месяце имели место масса случаев, когда командиры и их семьи оставались по 2—3 дня без хлеба и нигде купить такового не могли» (февраль 1940 года).

«Разве наши дети не такие, как в Москве и в Ленинграде? Почему наши дети не имеют сладкого и жиров совершенно, почему они обречены на гибель? В магазинах у нас буквально ничего нет. Дети вот уже больше года не имеют самого необходимого, они истощены до крайности. Какие же они «будущие строители коммунизма». Где забота о их здоровье?» (июнь 1940 года, Казань).

«Мы имеем к советской стране большой счет. Все люди равны. Разве только московские или киевские рабочие воевали за советскую власть? Другие города тоже боролись против буржуазии. Почему же они теперь должны страдать из-за отсутствия хлеба?.. В Бердичеве ни за какие деньги нельзя купить хлеба. Люди стоят в очереди всю ночь, и то многие ничего не получают. Приходится также стоять в очереди за кило картофеля, чтобы рабочий, придя домой, мог хоть что-нибудь поесть... Нужно себе отказывать во многом. Пусть нет сахару, соленого. Но чтобы не было хлеба!» (январь 1941 года)¹.

Тревожные вести поступали и из колхозов. Весной—летом 1940 года, по сообщениям НКВД Чувашской АССР и материалам проверки НКВД СССР, в ряде колхозов республики «создалось напряженное положение с хлебом». Из 1690 колхозов 651 не имели возможности создать семенной и фуражный фонды. В 532 колхозах на трудодень выдали не более 1 кг зерна, в 847 — не более 2 кг. В некоторых колхозах власти разрешили отпускать семенное зерно на питание. Росли упаднические настроения, желание отказаться от руководства колхозами: «Надо избить кого-нибудь из колхозников, чтобы поскорее сняли с работы». Председатель Хымайлокосинского колхоза Кондратьев написал заявление об уходе с работы, повесил его на двери своего кабинета, а сам ушел на побочные заработки².

В апреле 1940 года Берия в донесении Сталину и Молотову информировал: «По сообщениям ряда УНКВД республик и областей за последнее время имеют место случаи заболевания отдельных колхозников и их семей

¹ РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 16. Д. 76. Л. 169—170; Д. 77. Л. 8—83, 93—95, 98—99, 142—143, 196, 207—208; Д. 78. Л. 92—93, 161; Д. 79. Л. 135, 164, 165; Д. 80. Л. 53—57; Д. 81. Л. 187—188, 241; Д. 83. Л. 201—203, 213.

² РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 16. Д. 80. Л. 83; ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 7. Д. 880. Л. 16—18.

по причине недоедания». В числе нуждающихся в помощи перечислялись Киевская, Рязанская, Воронежская, Орловская, Пензенская, Куйбышевская области, Татарская АССР. «Проведенной НКВД проверкой факты опухания на почве недоедания подтвердились». Колхозники ели мясо из скотомогильников, подсолнечный жмых и другие суррогаты, бросали работу и уезжали в другие районы¹. Мешок, наполненный выращенным хлебом, так и остался для крестьян легендой. Реальностью было мешочничество — хлебный десант в ближние и дальние города.

Руководство страны было вынуждено принимать меры. Приоритеты государственного снабжения проявились вновь. Политбюро официально восстановило систему закрытых распределителей для определенных групп населения. Весной 1939 года была создана закрытая система военторгов для снабжения комначсостава Красной Армии и Флота. Кроме командиров доступ в эти магазины имели только рабочие и служащие военных строек. Летом 1940 года доступ в закрытые военторги получили также сотрудники органов и начсостав войск НКВД².

Вслед за армией и политической полицией закрытые распределители и столовые по решению Политбюро стали обслуживать предприятия, «работавшие на войну»: угольные шахты, торфоразработки, нефтепромыслы, медные рудники и медеплавильные заводы (с лета 1939 года), а также железнодорожный транспорт (с 1 января 1940 года). В течение 1940-го и первой половины 1941 года под нажимом наркоматов Политбюро постепенно вводило закрытую торговлю «на номерных объектах» — военно-промышленных предприятиях³. Доступ в закрытые распределители и столовые получили не только рабочие и служащие стратегических предприятий, но и работники их ведомственных больниц, детских садов, школ.

В специальных инструкциях правительство разъясняло, что закрытая торговля не являлась карточной системой. Запрещалось принимать меры, которые могли превратить закрытую торговлю в карточное распределение — вести контроль за покупками, вводить талоны и карточки, сроки отоваривания и пр.⁴ Люди, имевшие доступ в закрытые распределители, могли покупать товары в любое время, в любом ассортименте. Размеры покупки регламентировались установленными СНК для всей страны нормами «отпуска в одни руки». Смысл закрытой торговли, таким образом, состоял не в ограничении потребления названных групп населения, а в том, чтобы создать наиболее благоприятные условия для их снабжения за счет прекращения доступа в закрытые магазины и столовые остальных людей. Закрытая торговля могла быть организована только с разрешения Политбюро.

¹ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 7. Д. 880. Л. 27—29, 36—40.

² Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 мая 1939 года «Об улучшении обслуживания комначсостава Красной Армии, Военно-Морского Флота и рабочих и служащих военных строек» (РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 16. Д. 52. Л. 10 12; Д. 80. Л. 75).

³ Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 4 июля 1939 года «О торговле на угольных шахтах, торфоразработках, нефтепромыслах, медных рудниках и медеплавильных заводах» и от 17 декабря 1939 года «О торговле и общественном питании в системе «Союзтрансторгпит» (РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1011. Л. 42; РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 16. Д. 49. Л. 232).

⁴ Инструкция о порядке и организации работы закрытой торговой сети (РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 1. Д. 617. Л. 95, 122).

Несмотря на тяжелое продовольственное положение, Политбюро наотрез отказалось ввести карточную систему в стране. Просьбы же об этом сыпались отовсюду. Сразу же после начала второй мировой войны нарком торговли А.В.Любимов в письме Молотову поставил вопрос о введении карточек на продукты питания и предметы широкого потребления. Он вновь повторил свое предложение год спустя в канун нового, 1941 года, когда карточная система, не признанная Политбюро и СНК, уже фактически существовала в стране. Наркоматы, местное партийное и советское руководство, директорат предприятий, люди в своих письмах к руководству страны также просили — введите карточки¹.

Политбюро не только не ввело карточную систему, но и очень неохотно, только под давлением «снизу», которое шло от директоров предприятий и наркоматов, давало разрешения на закрытую торговлю даже для военных объектов. Ведомства боролись между собой за лучшие условия снабжения, а с Политбюро — за введение закрытой торговли. Поэтому нет единого правительственного постановления, которое бы одновременно вводило закрытую торговлю на военно-промышленных предприятиях. Вместо этого — десятки постановлений, каждое из которых касалось одного или нескольких объектов, добившихся введения закрытой торговли благодаря энергичной борьбе своего наркомата и директората².

Отказавшись от карточек как меры регулирования потребления, Политбюро пыталось выйти из кризиса с помощью частичных экономических мер, которые должны были ограничить покупательский спрос. В январе 1939 года были повышены цены на ткани, готовое платье, белье, трикотаж, стеклянную посуду, в июле 1940 года — на обувь и металлические изделия. В январе 1940 года выросли государственные цены на сахар, в апреле — на мясо, рыбу, жиры, сыр, молочные продукты, картофель и овощи. Быстро росли цены на вино-водочные изделия (как и объемы их производства)³. Вместе с тем на товары наибольшего спроса — хлеб, муку, крупу, макароны — цены остались без изменения, что обостряло их дефицит. СНК, пытаясь ограничить покупательский спрос, сократил «нормы продажи товаров в одни руки». В апреле 1940 года они были уменьшены в 2—4 раза и вновь сокращены через несколько месяцев, в октябре. Расширился список нормируемых продуктов (прилож., табл. 11).

Правительство пыталось увеличить производство дорогостоящих товаров и продажу населению товаров производственного назначения. Это должно было несколько «поглотить» высокий покупательский спрос. Учреждениям и предприятиям было запрещено покупать товары в розничной сети, чтобы не обострять товарный дефицит. Излишнюю мебель учреждений следовало продавать населению⁴. Был запрещен бесплатный показ кинокартин. Сократился вывоз товаров из СССР — 1939 год имеет наиболее низкие с конца 20-х годов показатели экспорта. Одновременно руководство страны вновь призвало население самим заботиться о себе — копать огороды, заводить водоемы и фермы, ходить по грибы и по ягоды. Местному руко-

¹ РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 16. Д. 66. Л. 7; Д. 81. Л. 255—257.

² РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1015. Л. 14, 37; Д. 1016. Л. 14, 37; Д. 1018. Л. 10; Д. 1019. Л. 6, 9, 18, 26, 40, 41; Д. 1020. Л. 13, 17, 18, 30, 33, 34 и другие.

³ Цены на водку выросли с 11 руб. за литр в 1938 году до 21 руб. 20 коп. в 1941 году (РГАЭ. Ф. 432. Оп. 2. Д. 126. Л. 1—7; Д. 73. Л. 15; РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1021. Л. 81; Д. 1029. Л. 36).

⁴ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1020. Л. 77.

водству было указано на то, что надо изыскивать ресурсы и развивать местную промышленность¹.

Положение в государственной торговле, однако, не улучшилось. Повышение цен не повлияло на спрос населения — деньги у людей были. По-прежнему люди покупали предельные нормы продуктов и очереди не исчезали. Магазины свою дневную норму выполняли за пару часов. Нормы покупок люди тоже старались обходить. В очередь становились целыми семьями, рыскали по городу и покупали во всех магазинах подряд. Продажа излишней мебели предприятий и запрет бесплатного показа кинокартин давали крохи, которые ничего не могли изменить в резком дисбалансе спроса и предложения. Ну а для того, чтобы сказался эффект от развития местной промышленности и подсобных хозяйств предприятий, нужно было время. Предпринимаемые Политбюро меры боролись со следствием, причина же кризиса — форсирование индустриализации и рост военных расходов в стране, которая фактически уже вступила в войну, — устранена быть не могла.

Не решив проблему спроса и предложения с помощью частичных экономических мер, Политбюро вместе с тем предприняло действия, которые обострили кризис. Среди них — резкое сокращение торговли на селе, после чего поток сельских жителей хлынул в города. Введение закрытой торговли усугубило положение тех групп населения, которые не получили к ней доступа. Организация закрытых распределителей не сопровождалась выделением дополнительных фондов — где их было взять? Товары поступали из общих фондов снабжения района, причем закрытая торговля поглощала львиную долю поступавших туда товаров. Так, в Сызрани закрытая торговля, обслуживая только пятую часть населения, получала почти 90% товаров. В Молотовской области (ныне Пермская) в открытую торговлю, которая обслуживала 65% населения, поступало всего лишь 2—3% товаров, остальное шло в закрытые распределители².

Людям было не до работы, их основной заботой вновь стал поиск хлеба. Шла мировая война, а производство лихорадило — падала производительность труда, росли текучесть кадров, массовые прогулы, отказы работать, повальное отходничество, по сути, бегство из колхозов. Экономическое бессилие власти перед кризисом породило насилие, цель которого была вернуть людей из очередей на производство, заставить их работать и подавить недовольство. Не имея пряника, правительство вновь пустило в дело кнут. В течение 1940-го и в начале 1941 года была принята серия «драконовских» постановлений и указов. Центральным являлся указ от 26 июня 1940 года, который установил уголовную ответственность за опоздания и прогулы, а также запретил не санкционированный администрацией переход рабочих и служащих с одного предприятия на другое³. Одновременно правительство «запретило» очереди и начало настоящую войну с ними.

¹ Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 7 января 1941 года «О мероприятиях по увеличению производства товаров широкого потребления и продовольствия из местного сырья» и от 7 сентября 1940 года «Об организации подсобных хозяйств огородно-овощного и животноводческого направления на предприятиях в городах и сельской местности» (КПСС в резолюциях. Т. 7. М., 1985. С. 178).

² РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 16. Д. 65. Л. 107—117; РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 99. Л. 61—65.

³ Указ Президиума Верховного Совета СССР «О переходе на 8-часовой рабочий день, на 7-дневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений».

Репрессивные меры, широко санкционируемые Политбюро, не затрагивали «экономического механизма» кризиса. Они не решали проблемы товарного дефицита и голода, а пытались устранить лишь их последствия — очереди, текучку, прогулы. Судя по архивным документам, репрессии были малоэффективны — прогулы, опоздания, перелеты с предприятия на предприятие продолжались, очереди «маскировались», приобретали новые формы и не исчезали. Не облегчая экономического положения, репрессии усиливали социальное напряжение в обществе.

Ситуация острого товарного дефицита и высокого платежеспособного спроса требовала контроля над потреблением. Универсальным средством такого контроля, а также определенной гарантией получения продуктов и товаров являются карточки. Если правительство не вводит их в острой ситуации, то карточки распространяются стихийно. Вопреки желанию Политбюро в стране вновь началось возрождение карточной системы. Как и в период хлебных трудностей 1936/37 года, она создавалась инициативой людей и санкциями местного руководства (городские, районные, областные исполкомы и комитеты партии, торговделы). Были случаи, когда карточная система вводилась решениями СНК союзных и автономных республик, республиканских наркоматов торговли. Посмотрим, как распространялись карточки по стране.

Тем группам населения, которые не получили доступа к закрытой торговле, приходилось самим заботиться о себе. Население брало под контроль близлежащие к месту жительства магазины: наводили порядок в очередях, составляли списки, проводили проверки, устанавливали нормы продажи. Общественный и «рабочий» контроль задерживал тех, кто нарушал очередь или покупал больше, чем разрешалось. «Чужаки» — крестьяне, жители других городов или даже других районов города — изгонялись местными жителями из очередей. Это делалось и с помощью грубой физической силы и более хитроумными путями. Например, составлялся список живущих в данном районе или карточки на каждого живущего, которые хранились в магазине. Люди приходили, называли номер, брали продукты — карточка перекадывалась в другой ящик, чтобы не допустить повторной покупки товара одним и тем же «номером». Устанавливалось точное время для получения продуктов, опоздавшие уходили ни с чем. Были и другие способы. Утром, например, семья сдавала в «прикрепленный» магазин сумочку со своей фамилией и адресом, а вечером после работы забирала ее обратно с положенной нормой хлеба. Были случаи, когда жители на свои деньги нанимали «учетчиков и приносильщиков», которые разносили хлеб по квартирам. В результате активности населения магазины оказывались фактически «закрепленными» для обслуживания близлежащих улиц и кварталов¹. Одновременно люди требовали от местного руководства принятия мер. Писали письма, осаждали кабинеты, били депутатов местных советов за бездействие, громили продовольственные склады, отказывались работать. По сообщениям с мест, «нездоровые политические настроения стали обычным явлением даже в рабочей среде»².

Местное руководство в первую очередь защищало свои интересы. Ведомственные буфеты и столовые выполняли роль закрытых распределителей. В них превышались нормы, установленные СНК для открытой торгов-

¹ РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 16. Д. 78. Л. 217; Д. 79. Л. 169; Д. 82. Л. 27, 33; Д. 83. Л. 224 и другие.

² РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 16. Д. 77. Л. 66—68; Д. 78. Л. 216; Д. 79. Л. 169; и другие.

ли. Товары для снабжения закрытых распределителей местной номенклатуры брались из общих фондов, выделяемых Наркомторгом для снабжения данного района. Таким образом, самоснабжение местного руководства достигалось ценой ухудшения положения остального населения района. Наиболее вопиющие примеры самоснабжения приводятся в сводках и отчетах. В Тамбовской области, например, руководящие работники обкома и облисполкома могли покупать в месяц продуктов на сумму от 250 до 1000 рублей на каждого. В Сталинабаде ответственный работник через закрытый распределитель получал шерстяных тканей на сумму 342 руб., в то время как «простой» горожанин в открытой торговле — на 1 рубль¹.

Самоснабжение, однако, не было единственной заботой местного руководства. Угроза социального взрыва и срыва производственного плана заставляла принимать меры. Попытки получить продовольствие из соседних колхозов ничего не давали — те сами бедствовали, колхозники простаивали в очередях в городах. Заводские подсобные хозяйства, если они существовали, давали в рабочие столовые мясо, овощи, молоко, но не хлеб. Обращения в соответствующие наркоматы, СНК и ЦК не особенно помогали. Позиция Политбюро была непоколебима — карточки не вводить, закрытую торговлю вводить избирательно, рационально использовать фонды и изыскивать местные ресурсы, а главное — давать план, а не то — голова с плеч. Оказавшись между окриками «сверху» и давлением «снизу», как между молотом и наковальней, местное советское, партийное и хозяйственное руководство вынуждено было действовать на свой страх и риск. Решениями местной власти буфеты и столовые на предприятиях превращались в закрытые распределители, рабочие прикреплялись к магазинам, устанавливались пайковые нормы. Наиболее распространенной нормой хлеба было 500 гр в день на человека, вместо 1 кг по нормам отпуска СНК. Местное руководство узаконило также систему списков, развозки по домам, талонов, созданную инициативой людей.

В условиях острого недостатка продуктов закрытая торговля, которая была создана по решению Политбюро для обеспечения стратегических производств, транспорта и военных, так же стихийно перерождалась в карточное нормированное распределение. Архивные материалы изобилуют сведениями о плачевном состоянии закрытой торговли на военно-промышленных объектах. В 1940 году, например, работавшие в авиационной промышленности получали на семью в месяц от 300 до 700 гр мяса, 1—1,5 кг рыбы, 300 гр масла².

В результате стихийных действий «снизу» карточная система распространилась по всей стране. В канун 1941 года Любимов в своей докладной записке в СНК подвел плачевные итоги — «свободной» торговли в стране не существовало. Особенно плохо обстояло дело с хлебной торговлей. Страна жила на норме 400—500 гр в день на человека. Любимов вновь поставил перед СНК вопрос о введении карточной системы, хотя бы на хлеб. Он просил узаконить то, что фактически уже существовало в действительности³.

¹ Сталинабад — в то время столица Таджикской ССР, ныне Душанбе (РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 16. Д. 81. Л. 214—219).

² РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 16. Д. 79. Л. 3—5; Д. 97. Л. 305; Д. 122. Л. 26; и другие; РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 99. Л. 65; и другие.

³ РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 16. Д. 81. Л. 255—257.

Политбюро не только не узаконило карточную систему, созданную местной инициативой, но повело борьбу с ее распространением. В отличие от периода карточной системы 1931—35 годов, когда Политбюро стремилось по мере возможности обеспечить снабжение местного руководства, во второй половине 30-х Центр объявил вне закона закрытые распределители местной номенклатуры¹. Постановления ЦК и СНК предупреждали секретарей обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий, председателей СНК союзных и автономных республик, областных и краевых исполкомов о персональной ответственности, вплоть до уголовной, за допущение «извращений в советской торговле», под которыми понимались прикрепления к магазинам, продажа по спискам, талонам, не санкционированное СНК СССР снижение норм, самоснабжение местного руководства. Госторгинспекция, а также НКВД проводили проверки и информировали Политбюро о положении на местах. Прокуратура возбуждала уголовные дела по фактам введения карточной системы. Наркомторг отменял решения исполкомов, партийных комитетов, местных торговделов о создании карточного снабжения. Он также пытался остановить стихийное перерождение созданной Политбюро закрытой торговли в нормированное распределение². Разговоры о возможном введении карточной системы, которые велись в очередях, расценивались правительством как провокация. НКВД арестовывал распространителей подобных слухов.

Но борьба со стихийным распространением карточной системы представляла сизифов труд. Там, где по требованию Политбюро карточки отменялись, вновь у магазинов выстраивались длинные очереди, росло социальное недовольство, лихорадило производство, затем карточки стихийно появлялись вновь. Хотя с окончанием финской кампании кризис снабжения ослаб, рецидивы «разношерстной» карточной системы — с разными нормами, способами распределения, группами снабжаемых — не покидали социалистическую торговлю вплоть до нападения Германии. Официально же Политбюро ввело карточки только в июле 1941 года, когда уже шла Великая Отечественная война.

Неприятие карточек, которое обозначилось в хлебном кризисе 1936/37 года, и борьба с их стихийным распространением во время перебоев в снабжении 1939—41 годов показывают, что руководство пыталось уберечь экономику страны от пайкового снабжения. После отрицательного опыта затянувшейся карточной системы 1931—35 годов Политбюро не торопилось вводить карточки, справедливо считая их не «шагом вперед по пути к коммунизму», а чрезвычайной мерой. «Дорога к социализму» и процветающей экономике виделась в свободной торговле, нормирование же, карточ-

¹ Политбюро и СНК, требуя ликвидации закрытой торговли для ответственных работников, в своих директивах не делали различий между республиканской, областной, краевой и прочей номенклатурой. Центр выступал против самого факта закрытой торговли для ответственных работников. Республиканское руководство, по-видимому, не могло в это поверить. В фонде Наркомторга сохранился запрос руководства Таджикской ССР с просьбой разъяснить, распространяется ли запрет закрытой торговли на членов правительства республики. В Сталинабаде существовали закрытый магазин и столовая для депутатов Верховного Совета, наркомов и их замов, работников ЦК и СНК республики. Ответ на этот запрос не сохранился (РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 16. Д. 100. Л. 308).

² РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 16. Д. 74. Л. 218; Д. 76. Л. 43; Д. 77. Л. 1; Д. 79. Л. 257, 296; Д. 81. Л. 214—219, 220, 225 и другие; РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 119. Л. 68—79.

ки, прикрепления к магазинам Политбюро называло теперь не иначе как «извращения советской торговли».

Руководство страны во что бы то ни стало стремилось сохранить открытую торговлю. Но изменить только один элемент в экономической системе, оставив другие нетронутыми, было невозможно. Чтобы избежать хронических кризисов снабжения, острого товарного дефицита, карточек, нужно было менять приоритеты внутренней политики, да и вообще ломать устойчивости социалистической экономики. Другие средства — половинчатые экономические меры, едва обновлявшие социалистический фасад, и тем более репрессии оказывались малоэффективными.

В борьбе со стихийным распространением карточной системы Политбюро, по сути, выступало против своего собственного детища — централизованного распределения, воспроизводящего дефицит и нормирование. Детище было свое, да нелюбимое. В тщетной борьбе с карточками руководство страны становилось заложником им же созданной экономической системы. Законы ее функционирования, вопреки решениям руководства, брали свое: перебои и карточки повторялись.

Отказываясь узаконить карточки, Политбюро также не хотело признать, что социалистическая экономика не выдерживала нагрузок, вызванных форсированной индустриализацией, и что фактически во второй половине 30-х, еще до вступления в войну с Германией, страна жила «на пайке». Это было бы равносильно признанию экономической слабости.

Плохое снабжение, падение промышленного производства, социальное напряжение, по мнению Центра, были следствием лени, иждивенчества и даже саботажа местного партийного, советского и хозяйственного руководства. Недовольство работой местной номенклатуры пропитывает доклады и резолюции XVIII съезда ВКП(б), XVIII Всесоюзной партийной конференции, пленумов 1939—41 годов, постановления ЦК и СНК того времени. Конфликт между центральной и местной властью, признаки которого проявились в хлебном кризисе 1936/37 года, не был преодолен к началу 40-х годов. Перед войной Политбюро усилило централизацию и контроль за деятельностью местных партийных, советских и хозяйственных органов, пытаясь заставить их работать лучше, однако это не изменило экономической ситуации¹.

В этих условиях просьбы о введении карточной системы или закрытой торговли на подведомственных предприятиях расценивались Центром как стремление местного руководства идти по наиболее легкому пути, как нежелание работать, проявлять инициативу, изыскивать местные ресурсы для улучшения положения. Запрещая вводить закрытую торговлю и карточ-

¹ Накануне войны произошло «сближение» личного состава Политбюро и СНК СССР. В состав СНК были введены члены и кандидаты в члены Политбюро. В мае 1941 года, став председателем СНК СССР, Сталин возглавил оба центральных органа власти. Для обеспечения оперативного руководства в составе СНК СССР было создано Бюро, увеличилось число заместителей председателя СНК СССР с тем, чтобы каждый заместитель наблюдал за работой не более 2—3 наркоматов. Были ликвидированы хозяйственные советы при СНК СССР как посредническое звено между ним и наркоматами, создан Наркомат государственного контроля, изменен характер деятельности Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б). Ее единственной обязанностью стала проверка исполнения решений руководства страны партийными, советскими и хозяйственными органами на местах. Было проведено разукрупнение наркоматов и партийно-советских органов с тем, чтобы под их контролем находилось меньшее число предприятий и территорий.

ки, Центр пытался заставить местное руководство искать другие способы преодоления продовольственных трудностей. И во время хлебных трудностей 1936/37 года, и во время последнего предвоенного кризиса Политбюро отказалось узаконить закрытые распределители местной номенклатуры, считая это незаслуженной привилегией.

История «незаконнорожденных» карточек 1936/37 и 1939—41 годов показывает, что «свободная» торговля приходилась родной сестрой карточной системе первой половины 30-х годов. Обе представляли разные состояния централизованного нормированного распределения: одно — кризисное, другое — относительно спокойное. Суть торговли первой и второй половин 30-х определяла одна и та же экономическая причина (товарный дефицит) и общая политика (концентрация ресурсов в руках государства и их перераспределение в пользу тяжелой индустрии). При ослаблении товарного дефицита централизованное распределение освобождалось от крайностей карточного снабжения, приобретая видимость свободной торговли. При обострении товарного дефицита «свободная» торговля легко давала рецидивы карточной системы.

ГЛАВА 3

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО И РЫНОК В ЭРУ «СВОБОДНОЙ» ТОРГОВЛИ

Подпольные миллионеры социалистической торговли

В годы «свободной» торговли предпринимательство и рынок продолжали развиваться. Подсобные хозяйства — клочки земли в четверть гектара, значительно опережали колхозы в животноводстве и производстве овощей. В 1937 году в общем объеме валовой продукции крестьянские подсобные хозяйства давали более половины картофеля и овощей, более 70% молока и мяса¹. В личном, а не колхозном хозяйстве проявлялась крестьянская предприимчивость.

Продукция подсобных хозяйств крестьян обеспечивала 80% продаж на «колхозном» рынке. Во второй половине 30-х годов крестьянский рынок заметно вырос, на его долю приходилась пятая часть товарооборота продовольствия². Подсобное хозяйство и рынок оставались главным источником продовольственного самообеспечения крестьянства и их денежных доходов. Исключительную роль играл крестьянский рынок и в снабжении горожан, для них он оставался главным поставщиком мясо-молочных продуктов, овощей, картофеля³.

Однако рост предпринимательства в сфере аграрного производства и крестьянского рынка по-прежнему был ограничен скромными размерами подсобных хозяйств, отсутствием собственности на землю и недопущением найма рабочей силы. Показательна в этом отношении попытка крестьян расширить размеры подсобных хозяйств за счет колхозной земли. Труд в колхозах мало привлекал — что толку работать, если осенью государство все заберет подчистую. Колхозники заботились больше о своем личном хозяйстве, чем о колхозном⁴. Поскольку государственные заготовки исчислялись с посевной площади и поголовья скота, колхозы стали сокращать посевы, и были случаи, когда пытались «порезать» колхозный скот — планы заготовок в этом случае уменьшались. Колхозная администрация раздавала общественную землю в личное пользование. Земля, которая не являлась ни собственностью крестьян, ни собственностью колхозов, прода-

¹ Зеленин И.Е. Был ли колхозный неонэп? // Отечественная история. 1994. № 2. С. 118.

² Рубинштейн Г.Л. Развитие внутренней торговли в СССР. С. 358—359.

³ Чем хуже было государственное снабжение в том или другом городе, тем более значительную роль играл рынок. В Киеве, Иваново, например, крестьянский рынок обеспечивал более 60% мяса, треть картофеля, до 90% яиц. В Ростове-на-Дону, Краснодаре население покупало мясо-молочные продукты, картофель, яйца исключительно на рынке. Даже в Москве, которая не в пример другим городам снабжалась лучше, крестьянский рынок обеспечивал треть молока, более 15% мяса и картофеля (Дихтяр Г.А. Советская торговля в период построения социализма. С. 121—122).

⁴ По официальным данным, в 1937 году более 10% колхозников не вырабатывали ни одного трудового дня, в 1938-м — 6,5%; 16% колхозников вырабатывали менее 50 трудовых дней в год (История социалистической экономики СССР. Т. 5. С. 113, 114).

валась, покупалась, сдавалась в аренду. За годы второй пятилетки колхозные посе­вы сократились, подсобные хозяйства колхозников выросли на 2,5 млн. га. В колхозных полях появились крестьянские хутора и даже поселки. Быстро росло поголовье скота в личном пользовании крестьян. По численности оно превышало колхозное стадо. Для пополнения ферм и выполнения плана колхозы зачастую покупали личный скот колхозников¹.

Личные хозяйства разрастались, крестьянский рынок процветал, крестьяне богатели. Майский пленум ЦК ВКП(б) 1939 года с тревогой отметил, что крестьянские усадьбы приносят огромный доход — 15—20 тыс. рублей в год. Для сравнения: в 1940 году зарплата первого секретаря ЦК ВЛКСМ составляла 24 тыс. рублей в год, торгпред во Франции получал 16 тыс., председатель райисполкома — максимум 17 тыс. рублей в год.

Предпринимательство нашло лазейку в социалистической экономике: личное крестьянское хозяйство развивалось в рамках колхозной системы. Речь уже шла не о том, чтобы выжить, а о получении больших по тем временам доходов. Однако бурное развитие крестьянского предпринимательства было остановлено в годы третьей пятилетки. По решению майского пленума 1939 года, земли были обмерены, усадебные участки обрезаны, хутора в колхозных полях ликвидированы, тот личный скот, что превышал установленную уставом норму, обобществлен и передан колхозам². Размеры обязательных поставок с подсобных хозяйств крестьян были увеличены. Политбюро установило обязательное количество трудодней для колхозников. С 1940 года планы заготовок стали определяться не посевами и поголовьем скота, а общей площадью земли, закрепленной за колхозами.

Результаты мер, принятых Политбюро для реанимации колхозного хозяйства и сокращения частной крестьянской деятельности, были плачевны. Источники самообеспечения крестьянства и размеры крестьянской торговли сократились, что стало одной из причин продовольственного кризиса 1939—41 годов. Колхозное же производство осталось тем, чем оно и было до сих пор, — подрывающим стимулы к труду и убыточным для крестьян.

Формами частного производства в годы второй и третьей пятилеток продолжали оставаться подсобные хозяйства предприятий, организаций и горожан. Особенно важным подспорьем они становились в периоды кризисов. После «затишья» относительно благополучной второй пятилетки огородничество, фермы и водоемы быстро развивались в период продовольственных трудностей 1939—41 годов. Государство стимулировало развитие подсобных хозяйств — выделяло участки земли, продавало скот в личное пользование. Но и для этого вида частной активности ставились ограничения — подсобное хозяйство не могло стать источником «наживы». По-прежнему разрешалось лишь мелкое производство по самообеспечению.

Подсобные хозяйства горожан, организаций и учреждений, в сущности, представляли островки натурального хозяйства в социалистической экономике. Лишь небольшая часть их продукции поступала на рынок для прода-

¹ История социалистической экономики. Т. 4. С. 386; Т. 5. С. 131, 132.

² Были обмерены и обрезаны в пользу колхозов также и приусадебные участки рабочих, служащих, интеллигенции, проживавших в сельской местности и не являвшихся членами колхозов. Им на семью разрешалось не более 0,15 га земли, включая землю, занятую постройками (Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 28 июля 1939 года «О приусадебных участках рабочих и служащих, сельских учителей, агрономов и других не членов колхозов, проживающих в сельской местности» // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 2. 1967. С. 719—720).

жи и обмена. В основном продукты шли на семейный стол, в заводские или учрежденческие столовые. Общественное питание, один из источников снабжения населения, в годы второй пятилетки несколько потеряло былое значение, уменьшилось число предприятий и количество выпускаемых блюд. Но продовольственный кризис в третьей пятилетке вновь привел к бурному развитию общепита. Население получало через столовые пятую часть продуктов¹.

Недопущение крупного предпринимательства сдерживало и развитие частного производства непродовольственных товаров — одежды, обуви, прочих предметов потребления, а также развитие рынка услуг. Здесь легальные масштабы частного производства по-прежнему ограничивались индивидуальной кустарной деятельностью. Заниматься ею мог любой, но без использования найма рабочей силы и реализуя свою продукцию через кооперативы по установленным государством ценам.

Ограничивая частное предпринимательство граждан, государство по-прежнему не отказывало себе в крупной коммерции. Но формы государственной рыночной деятельности изменились. Магазины Торгсина, исполнив свою миссию, закрылись. Коммерческая торговля трансформировалась в образцовые универмаги. Якобы «по просьбам высокооплачиваемых групп населения» в них продавались товары «лучшего» качества по повышенным ценам. Появлялись и новые источники пополнения госбюджета — магазины «конфискатов». Они не рекламировались в прессе, не имели ярких вывесок, а незаметно располагались на улицах городов. Это не были комиссионные магазины, хотя в них продавались ношенные одежда и обувь, бывшая в употреблении мебель, ковры, посуда, зеркала, книги, детские раскраски и игрушки, письма, семейные фотографии. Там находились груды сваленных в беспорядке не товаров, а вещей, когда-то означавших дом и семью, — их владельцем поглотил ГУЛАГ.

«Июль 1937 года. Москва. Сретенка. Зеркальные стекла окон в густых белилах наглухо занавешены тяжелыми гофрированными шторами. Внутри магазина холодно и полумрак. Он более похож на склад, чем магазин: созвездия угасших люстр, холодные шары абажуров, сосульки хрустальных подвесок, лабиринты книжных шкафов, павловских гардеробов, старинных диванов, громадных роялей, разрозненных сервизов, горы столовой посуды, в беспорядке разбросанные ковры. Обилие армейской одежды, гражданские костюмы теряются в беспорядке гимнастеров, кителей, френчей, бекеш, обувь как на плацу. Никаких упаковок, этикеток, ценников, указаний размеров. В петлицах кителей следы ромбовидных знаков: Комдив? Комкор? Командарм? Сколько их? — Перемножить плечики на ряды? — Собыешься со счета. Неожиданное и страшное зрелище: детские платьица. Невесомые, как лоскутки облаков, они парили над прилавком... беспорядочно свисали отовсюду, как пестрые птицы в зоомагазине...»².

В период массовых репрессий 1937—38 годов погибло немало работников торговли. Волна арестов покатила с лета 1937 года и продолжалась в 1938 году. Вычищали не только «бывших» — коммерсантов, владельцев магазинов, ресторанов, мелочной торговли, но и торговые кадры, подготовленные в годы советской власти. Так, в Москве и области НКВД выявил и ликвидировал разветвленную «контрреволюционную организацию», в которую якобы входили руководящие работники Наркомата торговли СССР,

¹ Дихтяр Г.А. Советская торговля в период построения социализма. С. 410.

² Лазебников А. Радостные песни. Тель-Авив, 1987. С. 9—19.

Центросоюза, управления столичной торговли и спецторга, обслуживавшего НКВД¹. В ходе массовых репрессий в стране обезглавили торговый аппарат на всех уровнях — союзном, республиканском, краевом, областном и т.д. Пострадали не только руководители, но и рядовые работники торговли. На «троцкистских вредителей» списали все огрехи социалистической торговли — очереди, перебои, ошибки планирования, порчу товаров².

Рост числа заключенных не только обеспечивал дешевую рабочую силу для строек социализма, но имел и другой экономический эффект. Он ослаблял товарный дефицит в стране — число потребителей уменьшалось, товарные фонды за счет включения личных вещей репрессированных росли. Ничего не производя, государство пополняло свой бюджет.

В экономике товарного дефицита и огромного неудовлетворенного потребительского спроса ограничение предпринимательства не уничтожило рынок, а загоняло его в подполье. В годы «свободной» торговли черный рынок цвел пышным цветом. Бурно развивался запрещенный бартер, который являлся важной составляющей черного рынка. Обмен товарами и услугами происходил между отдельными лицами, связывал предприятия, колхозы, совхозы, учреждения. Металл, дерево, цемент, в которых нуждались колхозы, обменивались на сырье и продовольствие для рабочих и служащих. Проследить бартерные сделки очень сложно, так как они не оформлялись на бумаге, а заключались по телефону или в беседе с глазу на глаз. Однако грозные антибартерные постановления правительства свидетельствуют, что запрещенная законом практика продолжалась.

Развивалась подпольная кустарная деятельность и запрещенный рынок услуг. Формы мимикрии предпринимательства и частного капитала не изменились. Они скрывались за патентами кустарей, вывесками государственных, кооперативных, общественных учреждений. Организаторы подпольного бизнеса скупали сырье на государственных фабриках и заводах, нанимали рабочих-надомников, затем реализовывали товар на рынках, через ларьки государственно-кооперативной торговли, комиссионки и пр. Так, в 1936 году в Москве НКВД арестовал группу кустарей-перчаточников. При аресте у них обнаружили 2000 лайковых перчаток и кожу, всего на сумму до 70 тыс. рублей. Организаторы фирмы (16 человек) имели патенты на индивидуальную деятельность, но фактически представляли рассеянную мануфактуру, в которой работало 40 надомников без патентов. Организаторы обеспечивали их сырьем, ворованным с государственных фабрик, и реализовывали продукцию на рынках. В той же докладной записке говорится о ликвидации частного обувного производства. Было арестовано 20 человек. Они скупали у государственных предприятий ворованную кожу и каучук, из которых кустари-надомники шили изящную обувь. При аресте НКВД отобрал 100 готовых пар обуви, 200 заготовок, 150 кож, 130 кг импортного каучука, 50 тыс. рублей наличными. По тем же материалам «проходят» кепочки. Они получали в государственной торговле за взятки шерстяные отрезы, из которых рабочие-надомники шили кепки. При аресте отобрано до 3000 кепок, 250 отрезков — всего на 170 тыс. рублей³.

¹ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 7. Д. 945. Л. 462—469.

² Материалы НКВД о репрессированных торговых работниках в силу их личного характера не доступны исследователям. В фондах Наркомата внутренней торговли сохранились списки уволенных с работы и арестованных в 1937 году (РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 16. Д. 32, 33, 36—39).

³ Докладная записка об оперативной работе по борьбе со спекулянтами, перекупщиками на рынках г. Москвы (ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 18а. Д. 309. Л. 304—313).

В этих условиях подпольное частное производство обречено было оставаться мелким и в сравнении с потребностями населения незначительным. По-прежнему не производство было главной характеристикой черного рынка, а перепродажа. Уже к концу карточной системы барахолки, толкучки изменили свой облик, превратившись по ассортименту товаров в филиалы образцовых универмагов. Товар «утекал» из социалистической торговли на черный рынок, где его перепродажа приносила огромные доходы. Обследование рынков и магазинов, которое проводил НКВД, свидетельствовало о громадном товарообороте по продаже вещей с рук. Спекулятивной деятельностью занималась вся страна — кроме профессиональных «барыг», по мелочи, но регулярно спекулировали и рядовые «советские труженики».

Политбюро и СНК, как и прежде, создавали комиссии по борьбе со спекуляцией, регулярно издавали грозные постановления, НКВД и милиция штрафовали, арестовывали, суды давали сроки заключения, но спекуляция процветала¹. Бороться с ней можно было только насыщением потребительского рынка, а ограничение частного производства работало на спекуляцию.

В развитии спекуляции во второй половине 30-х годов произошли качественные изменения. По определению НКВД, распространялась «организованная спекуляция», в ней действовали не одиночки, а целые группы. Спекулянты не стояли сами в очередях за товаром, а нанимали агентов по скупке. Связи с работниками государственной торговли стали массовым явлением. Продавцы или администрация магазинов информировали о времени поступления товаров, откладывали дефицит под прилавок, продавали без очереди, например, по выписанным заранее чекам. Для прикрытия спекулянты имели легальные источники существования (служба, пенсия и т.п.), а также патенты на индивидуальную деятельность, но на деле часто нигде не работали и ничего не производили.

Центрами развития спекуляции являлись крупные города, куда поступали большие государственные фонды товаров. Столичные толкучки и рынки были наиболее многолюдными в стране. В 1936 году из Москвы ежедневно частными лицами отправлялось более 11 тысяч посылок, около тысячи из них содержали отрезки ткани, от 15 до 40 м в каждой посылке². Спекулянты выполняли, таким образом, важные функции в социалистической экономике, по сути, исправляли огрехи государственного планирования. Скупая товар в крупных центрах, спекулянты развозили его затем по городам и весям страны, представляя один из важнейших источников снабжения населения.

Примером организованной спекуляции может служить «синдикат предпринимателей» в Одесской области. Лжекустари получали за взятки товар через продавцов и администрацию государственных магазинов в Москве и Ленинграде, а затем сбывали его на Украине. Предметами спекуляции являлись ткани, готовое платье, обувь. Синдикат был разбит на финансовый и сырьевой сектора, обувные и кожевенные мастерские, группы по скупке и продаже товаров. Оборот синдиката составлял 100 тыс. рублей, прибыль отдельных участников — более 30 тыс. рублей в месяц (зарплата

¹ См., например, постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 19 июля 1936 года «О торговле товарами ширпотреба и борьбе со спекуляцией и очередями». Целая серия аналогичных постановлений появилась в период кризиса снабжения 1939—41 годов.

² ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 18а. Д. 309. Л. 300.

наркома в конце 30-х годов не превышала 40 тыс. рублей в год). Эти лжекустари выкачали из государственной торговли товаров на сумму более 2,5 млн. рублей. НКВД ликвидировал «синдикат», к ответственности было привлечено 200 человек, из них 50 человек арестовано¹.

Приведу другие примеры из 1936 года. В образцовом универмаге НКВТ СССР в Ленинграде группа работников обувного отдела продала спекулянтам обуви на сумму 64 тыс. рублей (895 пар). В Тифлисе в показательном магазине «Хлопкосбыта» продавцы и директор продавали спекулянтам партии текстильных товаров, получая в качестве вознаграждения по 5 рублей за каждый выписанный чек. Чеки продавались заранее на квартирах продавцов, а на другой день покупатель с чеком получал товар без очереди. Всего на черный рынок таким способом ушло 8 тыс. м ткани².

Государственная торговля была главным, но не единственным каналом поступления товаров на спекулятивный рынок. Другим являлось кустарное производство, хотя барыши здесь были меньше. Например, летнее платье из магазина стоимостью 40—60 рублей на рынке шло за 100—140, а платье кустарного производства при себестоимости 12 рублей — всего лишь за 35—40. Профессиональные спекулянты перехватывали товар и у одиночек-любителей, прямо у входа на рынок, запугивая и охаивая.

В новых условиях менял свое «лицо» и рынок подержанных товаров. Завалы из имущества бывшей аристократии исчезли, но торговля личными вещами продолжалась. В благополучные годы продажа подержанных вещей из средства выживания превращалась в нормальную практику приобретения товаров — ведь полки магазинов зачастую были пусты, а некоторым такая продажа давала немалые доходы. Торговые работники могли чаще покупать новые вещи, распродавая через знакомых бывшие в употреблении, старые. В экономике дефицита цены даже на подержанные вещи были высоки. В то время как в рыночной экономике рынок подержанных вещей выполнял функцию спасения бедных, в социалистической экономике для всего населения он превращался в обычную, повседневную куплю-продажу.

На черном рынке наибольшие возможности для обогащения получали те, кто имел доступ к дефицитным товарам, то есть работал в государственной торговле. Здесь выгодные должности продавались за взятки. Близость к торговле создавала особое социальное положение. Люди стремились завести знакомства в среде торговых работников. Блат — система личных связей, основанная на обмене услугами, оставался средством «добывания» необходимых товаров и продуктов для одних и средством обогащения для других. Подпольными миллионерами социалистической экономики становились не предприниматели-производители, а государственные торговые работники, директора, заведующие отделами больших магазинов³. Они наживали свое богатство на воровстве и спекуляции. По словам одного из агентов НКВД, работавшего в государственной торговле:

«Если проанализировать положение в торговой сети г. Москвы (да и не только Москвы. — Е.О.), нетрудно доказать, что большое количество торго-

¹ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 18а. Д. 309. Л. 298.

² ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 18а. Д. 309. Л. 299—300.

³ Термин «миллионеры», который используется в этой главе, не является показателем размеров богатства этих людей, он — синоним наиболее высокой материальной обеспеченности в обществе.

вых работников занимается систематическими организованными хищениями и не только не наказываются, а, наоборот, считается почетными людьми. Их пример заразителен для многих других, и постепенно хищения входят в традицию, в быт, как нечто неотъемлемое от торгового работника. Большинство окружающих склонно смотреть как на «нормальное» явление, что торговые работники обязательно должны быть крупными ворами, кутилами, что они должны иметь ценности, постоянно их приобретать, строить себе дачи, иметь любовниц и т.д. К сожалению, многие на крупных воров — торговых работников смотрят так же либерально, как в свое время смотрели на интендантов-казнокрадов»¹.

Крупные хищения в торговле редко имели форму грабежа, чаще всего воровство было более изобретательным. Вот лишь некоторые из путей: пересортица — продажа товаров низших сортов за высшие; обмеривание и обвешивание покупателей; «накопившиеся излишки» от установленного процента естественной убыли, которой фактически в магазинах нет; активирование потерь — списывание больших партий продуктов. Работникам магазинов и складов часто и воровать было не надо — покупай по государственным ценам, а сбывай по ценам черного рынка. В 1938 году растраты и хищения только в торговле Москвы составили 12,5 млн. рублей. Выявленные хищения и растраты в торговле за первую половину 1940 года в рамках всей страны достигли 200 млн. рублей².

Органы НКВД держали под контролем государственную торговлю. Торговая сеть столицы, например, находилась «в оперативном обслуживании» экономического отдела УНКВД г. Москвы. В августе 1940 года в торговой системе города работало 490 его секретных осведомителей, немногим меньше сексотов имел Отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности Управления рабоче-крестьянской милиции (ОБХС УРКМ) г. Москвы. Среди объектов наблюдения числились горторготдел Моссовета, где работали резидент, два агента и пять осведомителей, Управление промторгами, Московский главк ресторанов и кафе, Центральный универмаг НКТ СССР (ЦУМ). По этим объектам НКВД вел несколько агентурных разработок, которым давал интригующие кодовые названия — «Земляки», «Гробы», «Недобитые», «Неугомонные»³. На заметку брались не только те, кто высказывал антисоветские мысли, вызывал пресловутые обвинения в шпионаже и терроризме, но и люди с материальным состоянием, не соответствовавшим официальным доходам. Проверка вкладов, слежка, внедрение агентов в ближайшее окружение «разрабатываемого», а также вербовка агентов из его знакомых и друзей позволяли получить информацию. Затем начинались аресты. Сроки заключения за неправым путем приобретенное богатство отличались — мелкие расхитители получали до 2-х лет, крупные — от 5 до 10 лет, хотя случалось и похуже. За октябрь—декабрь 1940 года восемь человек были «подвергнуты высшей мере социальной защиты» — расстреляны за хищения социалистической собственности⁴.

¹ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 7. Д. 945. Л. 378.

² ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 7. Д. 944. Л. 120; Д. 945. Л. 388, 389. Приведенные данные только частично отражают действительное положение дел с растратами и хищениями. Не меньшие суммы расхищались за счет обвешивания, обмеривания, наценок и других способов обкрадывания потребителя. Размеры этих хищений, как говорилось в докладной записке НКВД, учету не поддаются.

³ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 7. Д. 945. Л. 323—331.

⁴ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 7. Д. 945. Л. 411—429.

Материалы НКВД дают представление о подпольных миллионерах социалистической торговли¹. Например, в 1940 году директор магазина № 32 Краснопресненского промторга В. построил себе дачу стоимостью в 100 тыс. рублей, купил легковую машину и два мотоцикла, построил специальный гараж и даже проложил личную асфальтовую дорогу к даче длиной в один километр. Покупка антиквариата, рестораны также представляли неотъемлемую часть быта этого советского миллионера.

Крупнейшим богачом в Москве в начале 40-х годов НКВД считал З., директора одного из магазинов. Получая в месяц зарплату в размере 600 рублей, он расходовал 10—15 тысяч в месяц. В прошлом частный торговец Киевской губернии, в советский период З. начал работать в Москве, в кооперативе «Коммунар», постепенно выслужился до директора крупного столичного магазина. Его метод — «брать контрибуцию». Оценивая, сколько та или иная секция в магазине может наворовать в месяц, он ставил туда своих людей, учил их махинациям и брал мзду — по 3—10 тыс. рублей в месяц. Его заместитель, К., проживал в месяц 5—6 тыс. рублей.

Другой, по терминологии НКВД, «хищник», т.е. расхититель социалистической собственности, некто Г., был арестован по делу о махинациях на мясокомбинате. Он имел собственный дом в Москве, который купил за 100 тыс. рублей. При аресте было найдено 187 тыс. рублей наличными, антикварных вещей на сумму 85 тыс. рублей. Попал в список богатых людей, составленный НКВД, и директор магазина № 1 «Гастроном» П., коммунист и член Моссовета. Причиной пристального внимания к нему стали особняк в Малаховке, покупка ценностей, застолия в ресторанах и другое. В 1940 году НКВД «разрабатывал» и подготавливал к аресту еще около десятка работников столичной торговли, среди которых были директора и заведующие отделами крупных магазинов².

Материальное состояние подпольных миллионеров социалистической торговли не уступало обеспечению высшей политической элиты страны, хотя, в отличие от последней, которая лишь пользовалась государственным, богатство миллионеров черного рынка являлось их собственностью. Законное благополучие официальной элиты, создаваемое государственным распределением, и подпольное богатство рынка представляли две вершины социального айсберга — видимую и скрытую. Но шло и сращивание государственной власти и подпольного капитала. Коррупция глубоко поразила общество. По словам одного из донесений НКВД, торговые работники находились под покровительством руководителей советских, партийных и судебно-следственных органов, которые получали от «торгашей» взятки, дефицитные товары и продукты³. Документы позволяют говорить не только о коррумпированности низового партийно-советского аппарата, органов суда и милиции, но и проникновении коррупции в наркоматы на уровень начальников главков. Взятки дополнялись личными связями — совместная охота, пьянка и т.п. Материалы о проникновении коррупции в высшие эшелоны власти — Политбюро и СНК СССР, мне не известны.

Таким образом, и в период «свободной» торговли рынок продолжал оставаться важнейшим источником снабжения населения. Он вырос в своих масштабах. В отличие от бедственной первой пятилетки, в относи-

¹ В материалах НКВД указаны фамилии этих людей, но данная информация носит личный характер и не может быть приведена в книге.

² ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 7. Д. 945. Л. 362—364, 375, 376, 379, 382.

³ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 7. Д. 945. Л. 347, 363, 364.

тельно благополучные годы второй половины 30-х на рынке развивались более стратегии обогащения, чем выживания. Однако поскольку экономические и правовые условия существования рынка не изменились, остались прежними и его основные характеристики, сформировавшиеся ранее.

Рынок все также приспосабливался к плановой централизованной экономике. Он сохранял в значительной мере подпольный характер и ограниченность производства, гипертрофию перепродаж, паразитизм. По-прежнему товарный дефицит, а не экономическая свобода определяли развитие рынка. Его главным двигателем оставалась людская предприимчивость, а не экономические реформы.

Рынок создавал материальное богатство и свой социальный ландшафт, который причудливо переплетался с социальной стратификацией государственного снабжения. Порой доходы от рыночной деятельности ломали иерархию централизованного распределения (например, существенно улучшали положение колхозников), а порой усиливали ее. Так, преимущества в системе государственного распределения, как, например, более высокие оклады или занятие руководящих позиций в торговле, создавали преимущества и на рынке, как на легальном, так и на спекулятивном. Но так или иначе, неравенство, создаваемое рынком, имело иную природу, чем стратификация государственного распределения. Предприниматели рынка получали свое богатство не из рук государства, они, правым или неправым путем, создавали его сами.

Государство не признавало благополучие, полученное без санкции власти. И это касалось не только воров, но и тружеников. Примеры тому, история крестьянского предпринимательства и майского пленума 1939 года, о которой говорилось в этой главе, доходы кустарей, продававших собственную произведенную продукцию по рыночным ценам. В социалистической экономике частное предпринимательство не было законным основанием для обогащения. Да и вообще обогащение не приветствовалось. В этих условиях благополучие, создаваемое централизованным распределением, считалось законным, а богатство предпринимателей черного рынка могло быть только скрытым. Не рекомендовалось слишком открыто показывать его. Вместе с ним можно было легко потерять и голову.

«Если хорошо постоять в очереди, то можно и не работать»

Естествоиспытатель может судить о работе целого организма по микроскопическому анализу его клетки. Исторический микроанализ ежедневной практики добывания товаров позволяет оценить состояние социалистической торговли. Казалось бы, что может быть проще покупки товаров в магазине — пришел и купил. Но не тут-то было. В условиях дефицита для этого требовалась немалая предприимчивость.

Поездка по стране в поисках товаров представляла один из наиболее распространенных способов самоснабжения населения в годы «свободной» торговли. Во время товарных кризисов массовый наплыв покупателей в крупные промышленные центры, которые снабжались лучше других мест, становился стихийным бедствием. Третья пятилетка целиком прошла под знаком борьбы Политбюро и СНК с массовым наплывом покупателей в крупные города.

До осени 1939 года товарный десант не имел продовольственного характера. Жители сел и небольших городов ездили по стране в поисках мануфактуры, обуви, одежды. Центром притяжения оставалась Москва. Столица

снабжалась не в пример другим городам, но и страдала от наплыва покупателей, как никакой другой. В течение 1938 года поток иногородних покупателей нарастал, и к весне 1939 года положение в Москве потребовало принятия мер. НКВД рапортовал: «В ночь с 13 на 14 апреля общее количество покупателей у магазинов ко времени их открытия составляло 33 тыс. человек. В ночь с 16 на 17 апреля — 43 800 человек и т.д.»¹. У каждого крупного универсама стояли тысячные толпы. Очереди не исчезали. Они выстраивались сразу же после закрытия магазина и стояли ночь до открытия магазина. Товар раскупался в течение 3—4 часов, но люди продолжали стоять в очередях — «на следующий день». С осени 1939 года в столице выросли и очереди за продуктами.

По московским очередям можно было изучать географию Советского Союза, москвичи там составляли не более трети. Приезжие мыкались по вокзалам, проводя в Москве целые отпуска. Как высказался один из стоявших в очереди: «Сколько трудодней даром пропадает. На эти трудодни можно было бы в Москве две текстильные фабрики построить»². Представление о том, что творилось в Москве, дают донесения НКВД:

«Очереди начинают образовываться за несколько часов до закрытия магазина во дворах соседних домов. Находятся люди из состава очереди, которые берут на себя инициативу, составляют списки. Записавшись в очередь, часть народа расходится и выбирает себе укромные уголки на тротуарах, дворах, в парадных подъездах, где отдыхают и греются. Отдельные граждане приходят в очередь в тулупах, с ватными одеялами и другой теплой запасной одеждой». Приносили и табуретки, чтобы не стоять, а сидеть в очереди.

«Магазин Главльнопрома (ул. Горького). На рассвете около магазина можно наблюдать сидящих на тротуаре людей, закутанных в одеяла, а поблизости в парадных — спящих на лестницах. Перед открытием магазинов очереди со двора начинают пропускаться в магазин, причем в этот момент очереди нарушаются. Все стоящие в очереди неорганизованно бросаются к магазину, в результате получается давка, драка».

«Стоящая в очереди молодежь организовала на улице всевозможные игры и пляски, иногда сопровождавшиеся со стороны отдельных лиц хулиганскими выходками».

«Магазин «Ростекстильшвейторга» (Кузнецкий мост). К 8 часам утра покупателей насчитывалось до 3500 человек. В момент открытия магазина в 8 час. 30 мин. насчитывалось 4000—4500 человек. Установленная в 8 часов утра очередь проходила внизу по Кузнецкому мосту, Неглинному проезду и оканчивалась наверху Пушечной улицы» — добрый километр.

«Ленинградский универмаг. К 8 часам утра установилась очередь (тысяча человек), но нарядом милиции было поставлено 10 грузовых автомашин, с расчетом недопущения публики к магазину со стороны мостовой. Народ хлынул на площадку кинотеатра «Спартак», в образовавшуюся галерею между кинотеатром и цепью автомашин. Создался невозможный беспорядок и давка. Сдавленные люди кричали. Милицейский наряд оказался бессилем что-либо сделать и, дабы не быть раздавленным, забрался на автомашины, откуда призывал покупателей к соблюдению порядка. К открытию очередь у магазина составляла 5 тыс. человек».

¹ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 7. Д. 944. Л. 199—207; Д. 872. Л. 240—241; РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 1. Д. 613. Л. 149.

² ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 7. Д. 944. Л. 239.

«Дзержинский универмаг. Скопление публики началось в 6 часов утра. Толпы располагались на ближайших улицах, трамвайных и автобусных остановках. К 9 часам в очереди находилось около 8 тыс. человек».

«В последнее время Столешников переулок превратился в нечто вроде Ярославского рынка»¹.

Народ в очередях «бурлил»:

«Деньги девают некуда. Купить нечего. В деревне ничего нет, а здесь тоже в очередях намучаешься, ночами не спишь. Многие и квартир не имеют, а на вокзале спать не разрешают. Просто беда».

«Деньги есть, а купить ничего не могу. Живу здесь уже 4 дня, а придется выезжать ни с чем».

«Хожу в рваных брюках. Взял отпуск на 5 дней, простоял в очередях, а брюк не достал».

«Я приехал из Дмитрова. У нас там совершенно ничего нельзя купить, а здесь хоть в очереди постоишь — достанешь».

«Стою в очереди четвертую ночь и не могу достать себе хорошее коверкотовое пальто в 800—1000 рублей»².

Люди изобретали множество способов, дабы избежать многодневных изнуряющих стояний в очередях, которые к тому же не гарантировали покупки товара. В магазин, например, можно было прорваться с помощью грубой физической силы.

Из донесения Берии Сталину и Молотову: «У магазина «Ткань», против Зоопарка, 24 февраля один гражданин, стоявший в конце очереди, к моменту начала торговли подошел к самому магазину. Вскоре к нему присоединились четверо, и между ними произошел следующий разговор: «Сегодня ничего не выйдет. Я стою далеко». Другой говорит: «Надо прорваться», и тут же рассказал, как это им удалось в прошлый раз: «Милиционер схватил Ваську, Васька схватил милиционера, Гришка вступился в защиту, а мы вчетвером прорвались и сделали удачные покупки».

«Группа покупателей в 200 человек, не желавших встать в очередь, пыталась силой прорвать цепь милиции и сбить очередь»³.

В магазин можно было попасть с помощью обмана или блата. Один из способов — комбинация с чеками, в которой участвовали работники магазина. С вечера заготавливались кассовые чеки со штампом «доплата». Владелец такого чека наутро шел в магазин как будто бы он уже отстоял очередь, купил товар, но у него не хватило денег и он ходил за ними домой. Милиционер, охранявший вход в магазин, в таких случаях пропускал без очереди. Для покупки товаров вне очереди использовали также грудных детей, которых передавали из рук в руки по нескольку раз. Личное знакомство или подкуп милиционера также позволяли пройти без очереди. По знакомству с продавцами или администрацией магазина можно было попасть в магазин со служебного входа или вообще не ходить туда, а получить товар «на дому» за дополнительную плату.

Еще одной распространенной тактикой было занятие места в очереди для группы людей. Об этом также есть упоминания в донесениях: «Стояла в очереди «уполномоченная» деревни. Затем к ней присоединилось 30—40

¹ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 7. Д. 872. Л. 190, 191, 218—225; РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 1. Д. 613. Л. 79.

² ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 7. Д. 872. Л. 218—225.

³ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 7. Д. 872. Л. 242—243; Д. 944. Л. 243.

человек, приехавших утренним поездом»¹. Но в этом случае очередь могла взбунтоваться против тех, кто не разделил с остальными многочасовое ночное стояние, а присоединился перед самым открытием магазина.

Место в очереди можно было купить, но стоило это довольно дорого — 25—30 рублей. Такса колебалась в зависимости от того, как близко находилось место к дверям магазина. За деньги можно было нанять человека, который отстоял бы в очереди всю ночь, а перед открытием магазина заменить его. «Наемный» мог не только стоять для кого-то в очереди, но и покупать товар, получая при этом сверх цены, например, по 2—3 рубля за каждый метр купленной мануфактуры. Стояние в очереди для многих становилось бизнесом, профессией. Донесения НКВД отмечали, что в очередях мелькали одни и те же обветренные от долгого стояния на улице лица.

Из донесения: «В 9 час. утра очереди у промтоварных магазинов меняют свое лицо: приходят взрослые, «подменяются» старики и молодежь, много появляется «соседей» и «ранее стоящих». Делается это так: подходит, здоровается со стоящим, тот подтверждает, что он (вновь пришедший. — Е.О.) стоял и уходит. Появляются женщины в очередях, одетые в меховые шубы, шляпы, прилично одетые мужчины, которых не было раньше»².

Наем стояльчиков мог носить и заочный характер. По словам колхозника из Киевской области: «У нас в селе так устраиваются: посылают знакомым в Москву деньги, платят им за то, что стоят в очереди, а те им пересылают мануфактуру. Или еще делают так: приезжают в Москву, сами стоят в очереди, и те, у кого остановились, тоже стоят с ними. За это продукты им привозят и деньги платят. А мне не повезло, я остановился у таких, которые все работают, боятся на работу опоздать. Теперь насчет дисциплины, они говорят, строго»³.

Это была целая наука — стоять в очереди. Нужно было многое предусмотреть и рассчитать. Любая мелочь могла стоить потери места. Где стоять? Когда стоять? И даже в чем стоять. Одежда и внешний вид приобрели особое значение после того, как в Москве стали продавать товары только москвичам по предъявлению прописки.

Из донесения: «В 7 час. 20 мин. у магазина шерстяных тканей (Колхозная площадь) была уже организована очередь, которую постепенно пропускали через железные ворота во двор, где производилась проверка документов. И всех лиц, не прописанных в Москве, в магазин не пропускали». Из разговора пострадавших: «Одеться надо было бы почище, тогда с очереди не выгонят. Свой своего узнает по одежке. Как хорошо одет, так даже документов не спрашивают, а вот как на мне засаленный кожух, мохнатая шапка, то меня, даже не посмотрев документов, выгнали со двора»⁴.

Тысячные очереди заставляли быть изобретательными не только покупателей, но и продавцов. При огромном наплыве и «всеядности» покупателей торговля представляла механическое распределение по установленным нормам отпуска. В документах описана, например, практика очередности в продаже товаров: пока не кончался сахар, масло не начинали продавать. Или нарезали ткань лишь из одного рулона и, только после того, как рулон

¹ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 7. Д. 872. Л. 258.

² ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 7. Д. 872. Л. 259.

³ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 7. Д. 872. Л. 244.

⁴ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 7. Д. 872. Л. 300.

заканчивался, начинали продавать ткань из рулона другой расцветки¹. Продавцы экономили время, ведь в очередях стояли тысячи человек. Покупатель же терял право выбора товара и вынужден был покупать то, что продавалось в тот момент, когда подошла его очередь покупки. Для экономии времени одежду и обувь покупали без примерки и на следующий день в магазине стояло уже две очереди: одна — покупать, другая — менять купленное накануне. Подобная практика была настолько широко распространена, а неудобства настолько велики, что правительство запретило «беспримерочную» торговлю.

В социалистической торговле не покупатель, а продавец был всегда прав. Спорить и отстаивать свои права покупателю было не только бесполезно, но и небезопасно — разгневанный продавец мог оставить без покупки. Да и напирающая сзади толпа, которая расценивала каждого стоящего впереди как личного врага, могла выкинуть из очереди слишком разборчивого покупателя.

Руководство страны разработало свою тактику в отношении тысячных очередей. Политбюро и СНК начали борьбу с массовой миграцией за товаром. К тому имелись как экономические, так и социальные причины. Вместо того чтобы выполнять пятилетний план, народ разъезжал по стране и простаивал в очередях. Приезжая в Москву не на один день, иногородние ночевали на вокзалах, в подъездах домов, на улицах — образцово-показательный город превращался в проходной двор или переполненный грязный вокзал, с обострившейся криминальной обстановкой, угрозой массовых эпидемий и пр. Не могло спокойно жить и работать и население самой столицы, которое в борьбе за товар тоже отстаивало свои права.

Программа правительства была изложена в постановлении «О борьбе с очередями за промтоварами в магазинах г. Москвы» (апрель 1939 г.). Вскоре, 1 мая, вышло такое же постановление в отношении торговли промышленными товарами в Ленинграде. «Промтоварные» постановления вскоре были дополнены «продовольственными»: 17 января 1940 года появилось постановление СНК СССР «О борьбе с очередями за продовольственными товарами в Москве и Ленинграде». Весной и летом того же года Политбюро распространило его на длинный список городов Российской Федерации и других союзных республик². География постановлений свидетельствует, что Москва не была единственной жертвой массового наплыва покупателей. Ее судьбу в той или иной степени разделили все крупные города.

В арсенале методов, которые Политбюро и СНК предписывали к применению, числились разъяснительные беседы с людьми в очередях и по месту жительства, экономические меры — открытие новых магазинов, дополнительные фонды товаров. Однако главными, как и прежде, оставались санкции и репрессии. НКВД и НКПС были призваны очистить города от приезжих. Милиция получила разрешение за нарушение «паспортного режима» «изымать» приезжих из очередей и вывозить их за черту города, а также на вокзалы, где для них должны были формироваться специальные составы³. Каждый крупный универмаг имел наряд милиции, который проверял документы и наводил порядок в очередях. Не были редкостью случаи

¹ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 7. Д. 945. Л. 162—170.

² РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1009. Л. 17; Д. 1022. Л. 41; Д. 1026. Л. 68; Д. 1018. Л. 113.

³ Инструкция об обязанностях работников милиции по недопущению очередей у промтоварных магазинов г. Москвы (ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 7. Д. 872. Л. 278—281).

использования конной милиции. «Сотрудники в штатском» собирали информацию в очередях. Велось также патрулирование вокзалов и поездов. НКПС должен был ограничить продажу транспортных билетов, особенно в тех областях, жители которых были слишком уж частыми гостями столицы. Сельской администрации запрещалось выдавать крестьянам справки для поездки в города. НКВД должен был отбирать справки у стоявших в очередях крестьян и передавать их в прокуратуру для привлечения к ответственности тех, кто их выдал. Незаконный проезд карался штрафом.

Одновременно с чисткой Москвы и других промышленных центров от приезжих были предприняты меры по борьбе «со спекулянтами и закупщиками». Устанавливались штрафы и уголовные наказания для тех, кто превышал нормы покупки. Милиция проверяла сумки и кошельки у стоявших в очередях. Купленное сверх нормы изымалось и возвращалось в магазины. С 1 августа 1940 года запретили «торговлю с рук»¹. Этим постановлением Политбюро и СНК поставили вне закона барахолки и толкучки. «Для организации общественного мнения» проводились показательные судебные процессы над спекулянтами и закупщиками и «по наиболее характерным делам» приговоры публиковались в печати.

В довершение всего Политбюро вообще запретило очереди. Очередь могла стоять внутри магазина в часы его работы, но за пределами магазина до начала ли торговли, после ли закрытия магазина или в часы его работы очередей не должно было быть. Незаконное стояние в очереди каралось штрафом. В борьбе с очередями властями было изобретено множество способов. Один из них — «переворачивание» очередей. Перед самым открытием магазина прибывала милиция и перестраивала очередь так, что те, кто был в ее начале оказывались в конце².

НКВД регулярно рапортовал Политбюро и СНК о том, сколько людей оштрафовано и на какую сумму, сколько арестовано, сколько товаров и продуктов отобрано, сколько справок сельсоветов и колхозов изъято, сколько показательных процессов организовано³. Нельзя сказать, что рейды не давали результатов. После них убавлялось число приезжих, очереди появлялись не с ночи, а за несколько часов до открытия магазина. Улучшение было быстрым, но скоротечным. Товарный дефицит сохранялся, и он, как перпетуум мобиле, приводил в действие энергию людей. Активность не прекращалась, люди просто приспособлялись к ситуации.

«Вот они, архангелы. Приготовьте по 50 рублей», — встречал народ милиционеров и на время расходился, с тем чтобы после ухода стражей порядка вновь вернуться на свои места. Запретили стоять перед магазином — очередь «уползала» и пряталась во дворах, ближних парках и скверах. При этом, чтобы приходившие новые покупатели могли найти очередь и, не дай бог, не образовали бы еще одну, выделялось два-три человека, которые курсировали от магазина к месту сбора покупателей. Когда правительство запретило собираться не только перед магазинами, но и в подворотнях, парках, скверах, очередь приобрела «диффузный» характер. Группы

¹ Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 25 июля 1940 года «О ликвидации ручной торговли промышленными товарами на рынках г. Москвы» (РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1026. Л. 17).

² На переворачивание очередей люди жаловались в своих письмах (РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 16. Д. 79. Л. 165).

³ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 7. Д. 945. Л. 11—12, 81—84, 104, 139—141, 149, 171—175, 458—461; и другие.

людей якобы ожидали трамвай на остановках перед магазином или просто прогуливались перед ним, поддерживая очередность с помощью вопроса: «За кем гуляете?» Вот некоторые выдержки из донесений.

«По всей улице вдоль домов прохаживались небольшие группы и отдельные единицы».

«Картина такова: на остановке (трамвая. — Е.О.) толпится 100—150 чел. За углом же — тысячная толпа, мешающая трамвайному движению, ввиду чего милиционеры выстроились шпалерами вдоль трамвайных путей. Часов в 8 толпа у остановки, возросшая уже человек в 300, вдруг с криком бросилась к забору, являющемуся продолжением магазина, и стала там строиться в очередь».

«Мосторг № 2 (М. Колхозная ул., д. 8). К 7 час. 30 мин. началось скопление публики, ходившей взад и вперед по М. Колхозной улице, попутно интересующейся тренировкой частей РККА к 1 Мая. К 8 час. утра была установлена очередь, насчитывавшая 2500—3000 чел... В магазине в наличии имелись лишь х/б ткани».

«Мосторг № 101 (ГУМ, Красная пл.). До 8 часов утра очереди как таковой не существовало, но по улице Куйбышева и Ветошному пер. прохаживалась масса народа, которая, по всем признакам, дожидалась открытия ГУМа. При открытии магазина масса, находящаяся на улице и переулке, ринулась к дверям и быстро заполнила ГУМ».

«Небольшие скопления скупщиков по 10—12 чел. маскируются под видом прогулки по улицам в расположении магазинов, а некоторая часть использует ночные гастрономические магазины и под видом покупателей простаивает в них до утра, пытаясь к открытию торговли первыми попасть в магазин».

«Начиная с 7 часов утра некоторые ожидающие открытия магазинов маскируются под покупателей мяса, молока и других продуктов. Они имеют для виду бидончики под молоко, но, подходя к магазину, молоко не покупают, а опять становятся в очередь... Стоят в очереди за мясом в целях маскировки от милиции»¹.

Люди изобретали и способы добраться до Москвы, избежать патрулей и проверки на вокзалах. Поскольку железнодорожный билет в Москву купить стало трудно, то брали билеты на поезда дальнего следования, идущие через Москву, выходили на промежуточных станциях, не доезжая столицы, а затем добирались на пригородных поездах, автобусах, трамваях. Для вывоза купленного, чтобы избежать проверки и патрулей, посылали человека без багажа купить билеты. Остальные с багажом прятались в это время на соседней улице, а за несколько минут до отхода поезда вскакивали в вагон².

Люди обходили и установленные СНК нормы покупки. Стояли целыми семьями, занимали очередь по несколько раз, покупали в нескольких магазинах. Купленное сверх нормы прятали в чемоданы, ящики швейных машин, валенки, шапки, под одеждой. Сразу же после покупки «портили» товар: хлеб резали на мелкие куски, смешивали муку с крупой. В таких случаях, даже если милиция и находила «излишки», она их не отбирала, ведь магазины не принимали поврежденный товар³.

¹ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 7. Д. 872. Л. 308, 310; Д. 944. Л. 205; РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 1. Д. 613. Л. 78.

² ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 7. Д. 872. Л. 313.

³ ЦА ФСБ. Ф. 3. Оп. 7. Д. 945. Л. 89.

Борьба с очередями и наплывом покупателей — одно из доказательств того, что, создав экономику дефицита, руководство страны попало в положение заложника. Оно вынуждено было тратить огромные средства на борьбу с последствиями дефицита, вместо того чтобы вкладывать их в производство и социальные программы. Это была не только дорогостоящая, но и бесполезная борьба. Она позволяла время от времени наводить внешний лоск, но проблем, рожденных товарным дефицитом, не решала. Даже в периоды активных чисток, проводимых НКВД и милицией, люди находили лазейки. Когда же рейды по очистке городов и разгону очередей останавливались, все возвращалось «на круги своя» — толпы иногородних покупателей штурмовали универмаги, очереди лавинно нарастали. Документы свидетельствуют, что товарные десанты и огромные очереди продолжались вплоть до нападения Германии на СССР.

Среди населения было немало сторонников правительственной борьбы со спекуляцией и очередями. Ее особенно поддерживали жители крупных городов, которые относительно хорошо обеспечивались государством и без наплыва иногородних жили бы неплохо. Официальная пропаганда делала свое дело, люди склонны были видеть причины товарных трудностей в пресловутом вредительстве и требовали довольно суровых расправ со «спекулянтами». Письма людей показывают, что для многих спекуляция и свободная торговля становились синонимами, а выход виделся в карточной системе — обыватели находились в плену не только дефицитной экономики, но и ложных политэкономических представлений, рожденных ею и правительственной пропагандой.

Осознавали это люди или нет, но они становились жертвами не вредительства или свободной торговли, а централизованной распределительной экономики. Товарный дефицит, который она воспроизводила, обрекал население на низкий уровень жизни, вечные очереди, хронические перебои в торговле, нормы. Экономика дефицита формировала и особую социальную психологию, культуру дефицита.

Порочный круг товарного дефицита и распределения мог быть разорван освобождением предпринимательства и рынка от уродовавших их ограничений. Конечно, коней на переправе не меняют, и в конце 30-х годов в стране, фактически уже вступившей в войну, ломка экономического строя была немислима. Но история социалистической торговли не закончилась первыми пятилетками.

Реформы были жизненно необходимы, а значит, неизбежны. Поскольку централизованное распределение и рынок развивались в тесном союзе, то изменить их можно было только вместе. Предстояло найти то оптимальное соотношение централизации и экономической свободы, которое обеспечило бы процветание страны. Хотя слом централизованной распределительной системы был сопряжен со многими тяжелыми для населения экономическими, социальными и психологическими проблемами, это был естественный путь преодоления товарного дефицита и его последствий. Однако до начала экономического преобразования России предстояло пройти еще не одно десятилетие.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключении хотелось бы предугадать некоторые критические замечания и вопросы, ответы на которые являются важными для понимания проблем, затронутых в этой книге.

Кто-то из читателей, наверно, уже сказал, что картина, нарисованная в книге, является чересчур мрачной, что в жизни первых пятилеток были и радость свершений, и энтузиазм, и счастье. Да и в сфере снабжения населения одержали немало побед. Возможно вновь, уже в который раз, критик воскресил и миф о сталинском предвоенном изобилии.

Отвечая на это, следует напомнить, что книга не описывает всего многообразия жизни предвоенных пятилеток, а сосредоточивается на состоянии товарного снабжения и потребительского рынка. Эта сфера наиболее сильно пострадала в результате форсирования развития тяжелой и военной промышленности, а также насильственной коллективизации. Вряд ли кто-то станет отрицать глубочайший кризис потребительского рынка и массовый голод периода первой пятилетки. Конечно, даже тогда жизнь не сводилась к поиску хлеба, но верно и то, что чувство голода по силе воздействия на человека уступает разве что чувству сохранения жизни, а в 1932—33 годах для миллионов советских людей было тождественно ему.

Книга не отрицает, более того показывает улучшение снабжения и потребления к середине 30-х годов. Но этот прогресс был относительным. Когда люди, жившие во второй половине 30-х годов, говорят о благополучии и даже о предвоенном изобилии, то сравнивают его не с потребительским рынком капиталистических стран, который в те годы видели немногие из советских граждан, не с потребительским рынком царской России и даже не с рынком периода нэпа, а с голодом и нищетой начала 30-х. В этом случае с ними нельзя не согласиться. На деле же уровень жизни середины и второй половины 30-х годов оставался невысоким. Исследования показывают, что к концу третьей пятилетки так и не удалось восстановить уровень потребления конца нэпа¹.

Можно предвидеть еще одно замечание, которое стало хрестоматийным в историографии. Исследователи признают, что 30-е годы были тяжелым временем для советских людей. Приходилось затягивать пояса потуже, сберегая копейку для индустриализации. Но эти жертвы, считают они, были оправданы. Советские люди победили в войне, преодолели послевоенную разруху и, благодаря свершенному, стали жить хорошо.

Оставим спор о методах, достижениях и просчетах индустриализации в СССР. Это не сюжет данной книги. Кроме того, невозможно доказать что-либо в споре типа «что было бы, если бы» — каких результатов удалось бы достичь, используя частный сектор в индустриализации страны или просто избегая крайностей сталинской внутренней политики, сводивших на нет достижения и победы. Не вступая в спор о возможных путях

¹ В потреблении мясо-молочных продуктов уровень нэпа достигли только во второй половине 50-х годов (The Economic Transformation of the Soviet Union. P. 21, 104).

индустриализации, следует поговорить о том типе экономики, к созданию которого она привела.

Утверждение, что последствия форсированной индустриализации и насильственной коллективизации для сферы торговли и потребления были хотя и тяжелыми, но кратковременными и что преобразования 30-х годов стали залогом обеспеченной жизни послевоенных поколений, является еще одним мифом, которым потчевали советских людей. В результате огосударствления и централизации экономики в СССР был создан тип хозяйства, который определил низкий материальный уровень жизни общества на все годы существования советской власти.

Венгерский экономист Янош Корнай назвал социалистическую (плановую централизованную) экономику экономикой дефицита, потому что недостаток всего — рабочей силы, сырья, товаров и т.д. был имманентно присущ этому типу хозяйства. Дефицит создавался в сфере управления экономикой и в сфере производства¹. Одной из его основных причин являлось отсутствие противозатратных механизмов. Экономика работала по типу «черной дыры». Другой причиной хронического дефицита являлась слабость материальных стимулов к труду. Их заменили администрирование и принуждение. В результате людям невыгодно было хорошо работать. Это определило низкую производительность труда, хроническое невыполнение планов промышленностью, плохое качество товаров, вечную продовольственную проблему.

Помимо этих основных причин воспроизводства дефицита в социалистической экономике существовали и другие факторы, определявшие постоянный недостаток товаров и предметов потребления. Обобщественное производство, в отличие от частного, подчинялось государственному плану, а не потребительскому спросу. Никогда во все десятилетия существования социалистического хозяйства производство «товаров народного потребления», несмотря на официальные заверения, не имело главного приоритета. Тяжелая индустрия — машины ради машин, а также военная промышленность стояли на первом месте. Это было характерно не только для предвоенных пятилеток, но и для всего послевоенного развития социалистического хозяйства.

Товарный дефицит, рожденный в сфере управления и производства, как показывает эта книга, обострялся затем в сфере централизованного распределения, составлявшего суть государственной торговли. Этому способствовали бюрократизм планирования и распределения, огромные потери, хищения, спекуляция, социальная и географическая неравномерность централизованного распределения. Существование товарного дефицита обрекало государственную торговлю на перебои, кризисы, рецидивы карточной системы во все годы ее существования.

Можно объяснить карточки 30-х годов огрехами форсированной индустриализации и необходимостью жертв, но чем оправдать скудость торговли 70—80-х годов? Конечно, советские люди стали жить лучше по сравнению с первыми пятилетками и войной, но по сравнению с достижениями рыночной экономики уровень жизни в СССР оставался низким, матери-

¹ Корнай Я. Экономика дефицита. М., 1990; его же. Путь к свободной экономике. М., 1990.

альный прогресс медленным, разрыв с благосостоянием Запада не сокращался¹.

Сталин ушел, но созданная им экономика продолжала свое существование. В послевоенные десятилетия лишь подновлялся ее фасад — суть экономической системы оставалась прежней. Выводы о взаимоотношении централизованного распределения и рынка в снабжении населения, которые сделаны в этой книге на примере истории социалистической торговли конца 20-х—начала 40-х годов, в значительной степени сохраняют свое значение и для оценки послевоенной торговли в СССР.

Экономике дефицита следовало уйти. Однако начало радикальных преобразования для руководства СССР, которое само являлось порождением политической и экономической системы 30-х годов, было чревато потерей власти, а также благополучия, создаваемого для них огосударствленной экономикой. Поэтому, споря с историками, которые считают, что огосударствление и централизация вводились на срок подготовки к войне и, отработав свое, должны были быть преобразованы, следует спросить: «Кто мог провести радикальные реформы?» Вовсе не случайно, что централизованная экономика не ушла ни в 60-е, ни в 70-е, ни в 80-е годы. Только окончательно прогнив, она вызвала преобразования.

Предвижу еще одно замечание. Найдутся читатели, которые скажут, что автор, критикуя централизованную экономику, идеализирует рыночную, представляя ее чуть ли не панацеей от всех бед. Это замечание не соответствует действительности. Во-первых, огромный материал использован в этой книге не для обличения, а для анализа. Целью книги было показать, как и почему создавалась централизованная экономика и как она работала в сфере снабжения населения в годы предвоенных пятилеток.

Во-вторых, рыночная экономика вовсе не представляет идиллии. Более того, во многих отношениях она функционирует по гораздо более жестоким для человека законам, чем плановое централизованное хозяйство. Рынок безжалостен к производителю, заставляя его действовать в условиях жесткой конкуренции и угрозы разорения. Здесь государство не заступится, не спишет долги и не покроет убытки, как то происходило в социалистическом хозяйстве. До момента насыщения товарами рынок жесток и к покупателю. В рыночной экономике нечего и мечтать об искусственно низких, за счет государственных дотаций, ценах, как то было в социалистическом прошлом.

Социалистическая экономика, хотя и создавала невысокий уровень жизни, но гарантировала прожиточный минимум и определенное социальное обеспечение на завтрашний день. Рыночная экономика не дает гарантий благополучия завтрашнего дня. Человек должен заботиться о нем постоянно. Остановиться, перестать действовать в рыночной экономике без последствий для своего материального обеспечения нельзя. В тех странах рыночной экономики, где развиты социальные программы (бесплатное образование, медицина, высокие пособия по безработице, обеспечение по

¹ Описание недавнего прошлого социалистической торговли сохранила литература: «Август 1978 года. На другой день познакомились с Костромой... В магазинах серая ливерная колбаса, из-за которой убивают, сыр (!), овощные консервы, супы в стеклянных банках с броской надписью «БЕЗ МЯСА», какие-то консервы из загадочных рыб, которые никто не берет. Есть еще «растительное сало», помадка, пастила и сахар. Остальные продукты в бутылках: водка и бормотуха. Много пьяных на улицах, и много печали во всем» (Нагибин Ю.М. Дневник. М., 1996. С. 377).

старости и т.п.), это достигается за счет высоких налогов. Действует закон: чем меньше налоги, тем дороже обходится гражданам социальное обеспечение.

Рыночная экономика действует более жестко, чем плановая централизованная, но жизнь доказала, что она обеспечивает быстрые темпы экономического развития и в целом более высокий материальный уровень жизни общества. Происходит это благодаря тому, что рынок приводит в действие огромную энергию людей. Тайна насыщения потребительского рынка в рыночной экономике заключается в том, что заработать деньги можно, лишь удовлетворив потребность людей в тех или иных товарах и услугах.

Наивно думать, что современная западная экономика представляет не обузданную стихию рынка. Времена дикого капитализма миновали. Элементы централизации и контроля, прогнозирование и даже планирование — реальные компоненты современного рыночного хозяйства. Как не может существовать централизованного распределения без рынка, так не может существовать экономической свободы без регулирования. Таким образом, речь идет не о противопоставлении плана и рынка, а об их пропорциях.

Современный рынок в России не вызывает особой эйфории. Насыщение товарами произошло. Однако сделано это не за счет развития отечественного производства, а за счет импорта. Правительству удалось преодолеть товарный дефицит, который казался вечным, очень быстро, не развивая производство, а лишь предоставив людям свободу закупки товаров за границей и свободу частной торговли в России. Люди в кратчайшие сроки сделали то, к тому же и на свои деньги, что не смогло сделать социалистическое государство за десятилетия своего существования.

С точки зрения потребителя не важно, за счет каких источников произошло насыщение торговли товарами. Но для оценки состояния экономики факт слабо развивающегося производства важен и показателен. Он свидетельствует о том, что производство во многом еще находится в сфере государственного контроля, централизованного управления и распределения. В отличие от торговли, где сейчас господствует частник, производство, как промышленное, так и аграрное, не стало еще рыночным хозяйством. Многие проблемы современной экономической ситуации в России вызваны не рыночной экономикой, а ее убогим развитием. Экономический прогресс связан с развитием предпринимательства и рыночного хозяйства в сфере промышленного и аграрного производства.

ПРИЛОЖЕНИЯ

РОССИЯ И МИРОВОЙ ОПЫТ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СНАБЖЕНИЯ

(Приложение к части 2, главе 1)

Карточки называли немецкой выдумкой периода первой мировой войны, но на самом деле человечество изобрело их гораздо раньше. В Древнем Китае, более тысячи лет до нашей эры, во время острого недостатка продовольствия, вызванного потопом, император пытался регулировать потребление продуктов. Его подданным выдавались, правда, не карточки, а веревки с императорской печатью на одном конце. При покупке продавец отрезал часть веревки. Приходилось рассчитывать, что и сколько покупать, чтобы веревка не кончилась слишком быстро.

В многообразии существовавших в мире систем государственного регулирования снабжения наиболее древняя, похожая на карточную систему первой советской пятилетки, отделена от нее четырьмя тысячелетиями. Мы находим ее в классических восточных деспотиях Месопотамии, более двух тысяч лет до нашей эры¹.

По мере развития древних государств Месопотамии государственный, он же царский, сектор приобретал все большее значение. Усиление роли государства во многом основывалось на необходимости создания и поддержания трудоемких ирригационно-мелиорационных систем земледелия. Цари Месопотамии принудительно скупали по минимальной цене землю у своих граждан и физически истребляли старую знать, присваивая ее земли. В одно общегосударственное хозяйство были слиты и храмовые земли.

Государственный сектор хозяйства поглотил все остальные. Поскольку частных земельных наделов не осталось, внутренняя торговля прекратилась. На смену ей пришло централизованное распределение продовольствия. Все население работало на государство (царя), за что получало пайки. Существовала иерархия пайков. Наименьшие нормы продуктов имели рабы-илоты — земледельцы, пастухи, рыбаки, ремесленники, которые составляли главную рабочую силу в государственном хозяйстве восточных деспотий. Свободное население — ремесленники, административные служащие, воины также жили на пайке, только большем. За вычетом пайков, урожаем с царских полей и продукция царских мастерских шли на содержание двора и войска, на жертвы в храме и международную торговлю. Централизованным было не только земледелие, но и ремесленное производство, и скотоводство. Управление государственным хозяйством осуществлялось чиновниками. Своего расцвета эта распределительная система достигла в классических восточных деспотиях Гудеа и особенно в период III Династии Ура.

Классические восточные деспотии имели ряд и других схожих черт с советской действительностью 30-х годов. Среди них — деспотический характер власти, неразделенность собственности и административной власти (государственная собственность находилась в полном распоряжении царя и

¹ История древнего мира. Т. 1. М., 1982. С. 65—77.

его чиновников). Кроме того, восточные деспотии являлись бюрократическими государствами. Организация единого государственного (царского) хозяйства в масштабах большой территории требовала огромного количества административного персонала — надсмотрщиков, писцов, начальников отрядов рабов, начальников мастерских, управляющих. Это была огромная армия чиновников, которую набирали из разорившихся общинников. Получая свой кусок государственного пирога и улучшая в результате свое материальное положение, чиновники вместе с войском и жречеством составляли социальную опору режима. В системе управления хозяйством все фиксировалось письменно: выдача продуктов, учет рабочей силы, учет выполнения норм и т.д. Благодаря бюрократизму восточных деспотий музеи мира хранят тысячи глиняных плиток с клинописью — документы учета в хозяйстве царей.

В силу тотального огосударствления восточные деспотии были уязвимы для голода. Поскольку своих хозяйств у людей не было и они жили пайками, централизованно поступавшими из урожая государственного (царского) хозяйства, то любая остановка централизованного снабжения, преднамеренная или случайная, грозила голодом. Хозяйственная система классических восточных деспотий была неэффективной: скудный паек рабов-илотов создавал слабые стимулы к труду. Это предопределило нежизненность системы. Сохранять громоздкое государственное (царское) хозяйство и управлять им в течение долгого времени было невозможно. Так, царство III династии Ура, где описываемая хозяйственная система достигла наивысшего расцвета, просуществовало около 100 лет. Затем государственное хозяйство распалось, земля была роздана в частное пользование. Развитие цивилизации привело к торжеству экономической целесообразности: частная собственность была восстановлена в правах и господствовала на протяжении нескольких тысячелетий. В XX веке на территории, равной шестой части земного шара, эксперимент с уничтожением частной собственности и огосударствлением экономики был повторен.

Новое время внесло свою лепту в опыт государственного регулирования снабжения. Парижская коммуна, например, не избежала карточек. Однако огромное богатство государственных систем регулирования снабжения принесло новейшее время. Мировые войны XX века, вызвав резкое обострение дефицита ресурсов в воюющих странах, привели к усилению государственного сектора экономики и активному вмешательству государства в систему снабжения, которая до этого регулировалась рынком. Немногие из воевавших государств избежали введения карточек.

Во время первой мировой войны государственное регулирование потребления не достигло больших размеров¹. Принципы, на которых основывалось распределение продуктов и товаров, были едины в Германии, Австрии, Франции и России. В первую очередь снабжалась армия, которая находилась на пайковом довольствии. Карточки, как мера ограничения и регулирования потребления гражданского населения, появлялись стихийно по инициативе органов местного управления. В России карточки вводились кредитными и потребительскими обществами, союзами кооперативов,

¹ Букшпан Я.М. Военно-хозяйственная политика. Формы и органы регулирования народного хозяйства за время мировой войны. 1914—1918 гг. М.—Л., 1929. С. 152—164; Китанина Т.М. Война, хлеб и революция. Л., 1985. С. 202—209; Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991. С. 290—301 и другие.

местных торговцев, городскими самоуправлениями и земскими организациями. Стихийность распространения карточек определила пестроту норм, ассортимента нормируемых продуктов и принципов распределения. Сведения о локальных карточных системах свидетельствуют, что в тех случаях, когда стратификация снабжения существовала, она определялась в основном принципами социальной справедливости. Преимущества при получении калорийных продуктов, например молока и мяса, имели дети и больные. В некоторых местностях карточки выдавались только беднейшим горожанам и семьям нижних чинов, призванных в армию.

Общегосударственные карточные системы с едиными нормами и принципами стратификации всего населения страны были введены в период первой мировой войны только на отдельные продукты. В Германии и Австрии общеимперские карточки существовали на мясо, хлеб, сахар, готовое платье, керосин; во Франции и Англии — только на сахар и уголь; в России — на хлеб и сахар (запрет продажи алкогольных напитков во время войны привел к развитию самогонварения).

Эти общегосударственные карточные системы были слабо стратифицированы. Преимущества имели больные и дети, а также люди, занятые тяжелым физическим трудом. Так, в России последние получали хлебный паек на 50% больше, чем остальное городское население. Понятие «тяжелый физический труд» трактовалось буквально. Оно включало не только пролетариат фабрично-заводских, горнозаводских предприятий, строителей и железнодорожников, но и дворников, прачек, почтальонов, рассыльных. На членов семей привилегии не распространялись. Об отсутствии в иерархии снабжения пролетарско-индустриального духа свидетельствует и тот факт, что нормы имели общегражданский характер: они распространялись и на жителей городов, и на сельское население. В России установленные государством нормы хлеба для крестьян были даже выше, чем для городского населения (излишек над нормой потребления у крестьян реквизировали).

Стратификация карточного снабжения в период первой мировой войны, таким образом, определялась условиями труда населения и в определенной мере принципами социальной справедливости. Деления предприятий и городов на группы по степени важности в практике общегосударственного регулирования снабжения не существовало. Сельское население не было низведено до положения изгоев общества. Следует также отметить, что в годы первой мировой войны местные органы сохраняли свободу в решении вопросов снабжения.

Ярко выраженная социальная стратификация снабжения впервые появилась в Советской России в период «военного коммунизма»¹. Страна после потрясений мировой войны и революций была ввергнута в гражданскую войну, разруху и голод. В результате национализации промышленных предприятий, банков, государственной монополии торговли обобществленный сектор в экономике резко увеличился. Крестьяне, хотя и продолжали вести индивидуальное хозяйство, не могли распоряжаться произведенной продукцией по своему усмотрению. Отряды насильно изымали продовольствие на нужды армии и рабочих. Острейший продовольственный и товар-

¹ Киселев А.Ф. Профсоюзы и советское государство (Дискуссии 1917—1920 гг.) М., 1991. С. 128; Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991. С. 301—302.

ный кризис, а также огосударствление экономики привели к созданию глубоко дифференцированной карточной системы.

Армия занимала особое положение в системе государственного снабжения периода «военного коммунизма» и гражданской войны. Военные получали лучший в то время красноармейский паек. Такой же паек полагался медперсоналу, работавшему в районах эпидемий. Однако армия и в годы первой мировой войны имела преимущества в системе государственного снабжения. То новое, что появилось в период «военного коммунизма», — классовый паек.

Все население было разделено на трудовое и нетрудовое. В число последних попали «лица мужского и женского пола и их семьи, живущие доходами с капиталов, домов и предприятий или эксплуатацией наемного труда, а также лица свободных профессий, не состоящие на общественной службе». Нетрудно увидеть в категории «нетрудового населения» прообраз сталинских лишенцев. В отличие от первой пятилетки, частные предприниматели периода «военного коммунизма» получили карточки, но составляли последнюю категорию с наименьшими нормами, продукты выдавались им «в пределах возможности» после удовлетворения потребностей трудового населения. В условиях острого недостатка продуктов это зачастую означало отсутствие снабжения.

Все трудовое население в период «военного коммунизма» также было разделено на группы. Иерархия их снабжения претерпевала изменения. Она началась с приблизительного деления на работавших в особо тяжелых условиях, в тяжелых условиях и занятых легким физическим трудом. Но со временем критерии стали более четкими — лучшие пайки получили рабочие наиболее важных промышленных предприятий (классовый паек), рабочие топливодобывающей промышленности (особый паек), а также железнодорожники и водники (дополнительный паек). Дополнительные карточки рабочим выдавались в Москве и Петрограде.

В этой стратификации есть зародыш будущего деления на группы производств и городов, существовавшего в карточной системе 1931—35 годов. Но, в отличие от первой половины 30-х годов, в период «военного коммунизма» все остальное население (иждивенцы, женщины-домохозяйки, учащиеся и пр.) не делилось на группы в зависимости от места проживания или близости к промышленному производству. Паек домохозяек периода «военного коммунизма» зависел от величины их семьи, а не от индустриальности города проживания, как это будет в сталинское время. Стратификации снабжения времен «военного коммунизма» было далеко до крайнего прагматизма централизованного снабжения периода первой пятилетки, когда даже дети делились на группы по степени индустриальной важности города, где они жили, а студенты — на группы в зависимости от индустриальной важности вуза, где они обучались.

В иерархии государственного снабжения периода «военного коммунизма» по сравнению с карточной системой первой половины 30-х годов были ярче выражены принципы социальной справедливости. Кормящие матери и беременные женщины должны были получать паек наравне с работавшими в наиболее тяжелых условиях; детям до 14 лет полагался паек рабочих тяжелого физического труда; подросткам, учащимся, безработным и пенсионерам — паек рабочих, занятых легким физическим трудом. Другое отличие заключалось в том, что в годы гражданской войны в большевистском руководстве преобладали революционный аскетизм и жертвенность; система привилегий, хотя тогда и существовала, пышно расцвела лишь в 30-е годы.

Вторая мировая война втянула в сферу государственного регулирования снабжения гораздо большее количество государств, чем первая¹. Общегосударственные карточные системы существовали почти во всех воевавших странах. Нормирование охватило не единичные, как в первую мировую войну, а все основные продукты питания, предметы обихода и одежды. Во Франции, с учетом особенностей французской кухни, были установлены даже нормы на вино. Однако социальная стратификация государственного снабжения периода первых советских пятилеток так и осталась непревзойденной.

Во всех воевавших государствах нужды армии, конечно, имели главный приоритет. Но на Западе были сильны идеи уравнительного снабжения гражданского населения². Главными их сторонниками являлись правительства США и Великобритании. Руководство США вообще сопротивлялось введению карточек, видя решение проблемы в увеличении производства, а не в сокращении потребления. Карточная система в США была введена только весной 1943 года (кофе и сахар нормировались с апреля 1942 года). Нормировалась продажа консервов, мяса, сыра, жиров, гороха. Население получало равные нормы продуктов. Небольшое дополнительное снабжение полагалось тем, кто работал в изоляции — шахтерам, рыбакам, вальщикам леса, для которых доступ к магазинам был затруднен. Дополнительные нормы получали инвалиды.

Правительство Великобритании придерживалось мнения, что гражданское население следует кормить так же хорошо, как и армию. Преимущества в снабжении вначале получили только «социально слабые»: кормящие матери, беременные женщины, дети и инвалиды. Они имели дополнительные нормы молока, яиц, соков. Министерство продовольствия сопротивлялось требованиям профсоюзов ввести повышенные нормы для рабочих тяжелой промышленности. Только осенью 1941 года — война дала себя знать — через дифференциацию столовых рабочие получили дополнительное снабжение. Высшие нормы существовали в столовых класса «А», которые обеспечивали шахтеров, рабочих сталелитейных производств, докеров. Остальные промышленные рабочие питались в столовых группы «В», где нормы также были выше норм столовых для прочего населения — группы «С». В других случаях повышенные нормы для рабочих не зависели от тяжести труда. Так, более высокие нормы сыра, которые получали сельско-

¹ Анализ карточных систем, существовавших в период второй мировой войны, см.: Любимов А.В. Торговля и снабжение в годы Великой Отечественной войны. М., 1969. С. 20—55; Nutrition and Food Supply: The War and After // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. Vol. 225. Philadelphia, 1943. P. 82—95, 116—121, 128—135, 158—161; Brandt K. Germany's Agricultural and Food Policies in World War II. Vol. 1. The Management of Agriculture and Food in Germany. Vol. 2. Management of Agriculture and Food in the German-Occupied and Other Areas of Fortress Europe. Stanford, California, 1953. P. 28—33, 52—127, 175—179, 195—197, 209—212, 339—345, 470—473, 544—561, 580—592; Beck Earl R. Under the Bombs. The German Home Front. 1942—1945. The University Press of Kentucky. P. 12—13, 79, 121, 148; Hendrickson Roy F. Food «Crisis». New York, 1943. P. 50, 87—109, 165—175, 223—237; Hammond R.J. Food and Agriculture in Britain. 1939—1945. Stanford University Press, 1954. P. 18—27, 43—45, 84—85, 102—103, 112—113, 211, 230—233.

² Хотя в то же самое время именно эта мировая война привела многие правительства к пониманию очевидной истины, что плохое питание рабочих приносит больше потерь, чем выгод. Были созданы специальные комитеты и программы по изучению здоровья и питания рабочих.

хозяйственные, подземные рабочие, а также работавшие в лесу и на дорожных работах, объяснялись отсутствием столовых для этих групп населения. Таким образом, в Великобритании специальные нужды удовлетворялись через дифференциацию столовых, нормы же карточного снабжения оставались равными для всего населения.

Слабая стратификация карточных систем США и Великобритании объясняется совокупностью причин. Прежде всего продовольственные и товарные проблемы в этих странах даже во время мировой войны не достигли той остроты, что пережил Советский Союз в годы первой пятилетки. Ни в США, ни в Великобритании хлеб, мука, крупа и картофель — основа питания населения во время войн — не нормировались. (Карточки на хлеб в Великобритании появились после войны, в 1946 году.) Нормировались же те продукты, которые вносили разнообразие в военную пищу и которых в России даже по карточкам нельзя или трудно было получить: молоко, яйца, жиры, мясо, сыр, сухие фрукты, шоколад, консервы. Для иллюстрации относительно хорошей жизни английского потребителя достаточно сказать, что одним из наиболее популярных товаров, на который не удавалось удовлетворить потребительский спрос, был изюм (dried vine fruits). В СССР во время первой пятилетки забыли, что это такое.

Те продукты, которые нормировались в Великобритании и США, распределялись иначе, чем в СССР. В годы первой пятилетки на пайковый продукт устанавливалась твердая норма. У союзников в ходу было нормирование по системе баллов (point rationing system) и стоимостная карточная система (value rationing system). Суть системы баллов состояла в том, что потребителю предлагался выбор из списка родственных товаров. Каждый товар в списке оценивался определенным количеством баллов в зависимости от соотношения на него спроса и предложения. Покупатель мог выбрать любые продукты из списка, не превышая установленную для него общую сумму баллов. По стоимостной карточной системе можно было купить продуктов на определенную сумму денег. Покупатель решал, взять ли, например, побольше дешевого мяса или хорошего дорогого, но в меньшем количестве. Существование балльной и стоимостной карточных систем говорит об отсутствии глубокого продовольственного кризиса, о наличии разнообразного ассортимента и возможности выбора. Скучный принудительный ассортимент советской карточной системы, когда потребитель забыл, что мясо бывает разных сортов, был незнаком союзным государствам. В отличие от СССР, в Великобритании и США потребитель сам выбирал и магазин для своего прикрепления.

Введение карточных систем в Великобритании и США, как, впрочем, и в других воюющих государствах, не сопровождалось уничтожением частного производства и частной торговли, хотя над ними государство установило контроль. Наличие частного сектора обеспечивало высокий уровень производства товаров потребления и продуктов, хорошую работу торговли.

Уравнительность карточных систем Великобритании и США мы не сможем объяснить только тем, что эти государства не пережили острого продовольственного кризиса. Играли роль и определенные демократические традиции. Принципы карточной системы обсуждались открыто в прессе, где неоднократно появлялись предостережения против стратификации снабжения, дабы избежать дискриминации одних групп населения по сравнению с другими. Указывалось также и на то, что при усилении центральной власти, что неизбежно в период войны, система снабжения могла превратиться в ее руках в орудие наказания и насилия.

Наибольшее сходство с советской карточной системой первой половины 30-х годов обнаруживает политика снабжения, которую проводила Германия во второй мировой войне. Как и в СССР, в Германии привилегии партийно-государственного руководства в системе снабжения были вопиющими. В руках Гитлера, как и Сталина, карточки легко превращались в кнут. Инструкции 1942 года запрещали выдавать обычные продовольственные карточки немецким евреям, полным или полукровкам, а также и истинным арийцам, которые не развелись с их супругами еврейского происхождения. Немецкие евреи получали специальные карточки с пометкой «Jude», по которым не выдавалось мясо, изделия из пшеничной муки, молоко и яйца. Снабжение евреев, живших в гетто на оккупированных территориях, являлось дискриминационным даже по сравнению с обеспечением местного поработанного населения. Так, по данным Лиги Наций, нормы питания евреев в польских гетто составляли половину и без того крайне недостаточных норм, установленных нацистами для поляков. Дискриминационным было снабжение восточных рабочих на территории Германии. С оккупированных и зависимых территорий Германия выкачивала продовольствие на нужды рейха, местное население жило на голодном пайке.

Германия в период второй мировой войны создала стратифицированные карточные системы. Причины стратификации были те же, что и в СССР, — жесткий прагматизм в условиях ограниченности ресурсов и репрессивный характер власти. Великобритания и США неоднократно указывали на иерархию снабжения как проявление недемократичности фашистских государств, однако, как показывает сравнение, Гитлер все же уступил в прагматизме великому вождю Советского Союза.

В карточных системах, созданных Германией для снабжения гражданского населения рейха и подчиненных территорий, преимущества получили рабочие, занятые тяжелым физическим трудом, рабочие ночных и удлиненных смен. Они имели наиболее высокие нормы хлеба, мяса, жиров, сахара и пр. В этом есть определенный аналог преимущественного снабжения рабочих предприятий особого и первого списков в СССР. Как и в СССР, нормы снабжения рабочих зависели от выполнения плана. Дополнительные нормы в Германии получали рабочие, перевыполнявшие план. На оккупированных территориях обеспечивались только те, кто работал на Германию.

На этом аналогии с советской карточной системой первой половины 30-х годов кончаются. За вычетом рабочих, все остальное взрослое население Германии (порядка 40% общей численности) получало равные нормы и составляло единую группу «обычных потребителей». В СССР же в период карточной системы первой пятилетки не только рабочие, но и все остальное население делилось на группы в зависимости от степени индустриальности города их проживания и места работы. Даже обеспечение детей подчинялось этому правилу. В Германии же, как и во всех остальных воевавших государствах, дети делились на группы по возрасту, а не по месту жительства и работы их родителей. В карточной системе в Германии использовалась частная торговля, чего не было в СССР.

Подобные принципы снабжения существовали во время войны также и в странах, подконтрольных Германии — Польше, Сербии, Норвегии, Голландии, Бельгии, Италии, на оккупированной территории СССР и других. Там также основная масса населения составляла категорию «обычных потребителей», получавших равные нормы. Преимущества имели рабочие тяжелого физического труда. Снабжение детей зависело от их возраста.

Хотя, как правило, введение карточек начиналось с крупных городов, «географической иерархии» в духе советской карточной системы первой пятилетки, где разные нормы устанавливались для индустриальных и неиндустриальных городов, не было.

Еще одна черта отличает карточную систему Германии периода второй мировой войны от советской времен первой пятилетки — отношение к своим крестьянам. Хотя во всех воевавших государствах был установлен контроль над сельскохозяйственным производством, реквизировалась продукция по установленным нормам, диктовались цены и нормы потребления, но нигде крестьянин не находился в столь униженном положении, как советский колхозник. Крестьяне являлись равноправными потребителями в системе государственного снабжения. Им либо выдавались карточки, либо оставлялась часть произведенной продукции, исходя из установленных норм потребления. По мнению исследователей, в большинстве воевавших государств крестьяне питались лучше, чем рабочие, а в некоторых случаях нормы потребления, установленные для них, не уступали нормам рабочих тяжелого физического труда.

Конечно, на оккупированных территориях Германия проводила в отношении крестьян жесткую политику. В СССР она мало отличалась от сталинской политики 30-х годов. Оккупанты брали хлеб как силой — группы солдат ходили по дворам, изымая излишки, так и в обмен — за сданную продукцию крестьяне получали талоны, на которые могли купить спички, табак, сахар, соль. Изымалась львиная доля произведенной продукции. Цены устанавливались оккупационными властями. Как и при Сталине, за сданную продукцию крестьянину платили низкую убыточную цену, товары же продавали ему втридорога.

Карточная система в СССР в период второй мировой войны являлась более стратифицированной, чем те, что существовали в других воюющих государствах. Она сохраняла черты карточной системы первой половины 30-х, хотя и не была ее полным повторением. Преимущества в снабжении имели рабочие и инженерно-технические работники промышленных предприятий, строек, транспорта. Повышенные и особо повышенные нормы, а также дополнительное снабжение получали занятые на тяжелой физической работе (шахтеры, рабочие горячих и вредных цехов). Вслед за рабочими отдельные группы снабжения составляли служащие, иждивенцы и дети.

Кроме принципа разных физических затрат в процессе труда стратификация снабжения зависела и от важности отраслей народного хозяйства. К первой категории потребителей относились работники оборонной, угольной, нефтяной, химической промышленности, металлургии, машиностроения, лесохимических предприятий, транспорта, строек оборонной и тяжелой промышленности. Остальные отрасли составляли вторую категорию. В конечном итоге нормы зависели не только от того, был ли потребитель рабочим, служащим или иждивенцем, но и от того, к первой или второй категории снабжения он относился. В то время как в других воюющих государствах все взрослое население, помимо рабочих, объединялось в группу «обычных потребителей», получавших равные нормы, в СССР оно делилось на группы. Даже дети подразделялись на потребителей первой и второй категории, в зависимости от места работы их родителей. Таким образом, несколько преобразованная социально-производственная иерархия снабжения первой половины 30-х годов продолжала существовать в СССР в годы Великой Отечественной войны.

Проведенный анализ показывает, что в мировой практике государственного регулирования снабжения карточная система, существовавшая в

СССР в 1931—35 годах, являлась одной из наиболее стратифицированных (если не самой стратифицированной). Прагматизм и избирательность, которыми Политбюро руководствовалось при определении принципов и групп снабжения, не были превзойдены даже в годы второй мировой войны.

Вводя всесоюзную карточную систему в 1931 году, государство обещало населению относительно высокие нормы снабжения. По хлебу, мясу, сахару они превышали нормы, установленные многими государствами во время второй мировой войны для обеспечения собственного гражданского населения¹. Однако выполнить обещанные нормы руководство СССР не смогло. В мирные годы первой пятилетки советские люди пережили то, что население многих воевавших государств не испытало даже во время второй мировой войны.

¹ Для сравнения норм советской карточной системы 1931—35 годов с нормами, существовавшими в воюющих государствах в период второй мировой войны, см.: Beck E.R. *Under the Bombs*. P. 12; Brandt K. *Management of Agriculture and Food in the German-Occupied and Other Areas of Fortress Europe*. Vol. 2. P. 29, 126, 419, 470, 471, 548, 552, 554, 556, 559, 560; Hendrickson Roy F. *Food «Crisis»*. P. 50, 171, 230; Hammond R.J. *Food and Agriculture in Britain*. P. 23, 24; Любимов А.В. *Торговля и снабжение в годы Великой Отечественной войны*. С. 28—30.

ТАБЛИЦЫ

Таблица 1

**Нормы снабжения Москвы и Ленинграда,
установленные на 1929/30 год (в кг на человека)***

Продукты	Нормы по категориям потребителей				
	1	2	3	4	5
Хлеб	0,8	0,8	0,4	0,4	-
Крупа	3	2	1,5	0,75	-
Мясо	0,2	0,2	0,1	0,1	-
Сельдь	0,8	0,8	0,5	0,25	-
Масло животное	0,6	0,5	0,5	0,3	0,4
Масло растительное	0,75	0,5	0,5	0,25	-
Сахар	1,5	1,5	1,5	1	0,5
Чай	0,05	0,05	0,05	0,025	-
Яйца (штук)	10	10	10	-	20

* По хлебу и мясу — дневные, остальные — месячные нормы.

1 — рабочие, которые являются пайщиками потребительской кооперации.

2 — рабочие, не являющиеся пайщиками потребкооперации.

3 — прочие трудящиеся-пайщики (служащие, члены семей рабочих и служащих, кустари, лица свободных профессий).

4 — прочие трудящиеся, не являющиеся пайщиками потребкооперации.

5 — дети.

Прочерк в таблице означает, что данные группы потребителей не получали по карточкам эти продукты.

Источник: РГАЭ. Ф. 8043. Оп. 11. Д. 26. Л. 249.

Нормы снабжения на 1931 год (в кг на человека)*

Продукты	Особый список		I список		II список		III список	
	1	2	1	2	1	2	1	2
Хлеб	0,8	0,4	0,8	0,4	0,8	0,4	0,75	0,35
Мука	1	1	1	-	-	-	-	-
Крупа	3	1,5	2,5	1,5	1,5	0,85	1	0,5
Мясо	4,4	2,2	2,6	1,3	1	1	-	-
Рыба	2,5	2	2	1,4	2	1	-	-
Масло животное	0,4	-	0,2	-	-	-	-	-
Сахар	1,5	1,5	1,5	1,5	1	1	0,8	0,8
Чай	0,3	0,3	0,25	0,25	0,1	0,05	0,1	0,05
Яйца (штук)	10	-	-	-	-	-	-	-

* По хлебу — дневные, по чаю — годовые, остальные — месячные нормы. Для подземных рабочих, рабочих горячих цехов, новостроек, грузчиков дневная норма хлеба составляла 1 кг. Для подземных рабочих Донбасса и торфяников месячная норма мяса была 5 кг, масла — 1 кг. По каждому списку приведены нормы рабочих (1), нормы служащих и членов семей рабочих и служащих (2). Прочерк в таблице означает, что данная группа потребителей не получала по карточкам этот продукт.

Источник: РГАЭ. Ф. 8043. Оп. 1. Д. 2. Л. 238.

Нормы снабжения детей на 1931 год (в кг на человека)*

Продукты	Особый список	I список	II список	III список
Хлеб	0,4	0,4	0,4	0,35
Мука	0,5	0,5	-	-
Крупа	1,5	1,5	0,85	0,5
Мясо	2,2	1,3	1	-
Рыба	2	1,4	1	-
Масло животное	0,4	0,2	-	-
Масло растительное	0,2	-	-	-
Сахар	1,5	1,5	1	0,8
Чай	0,3	0,25	0,05	0,05
Яйца (штук)	10	-	-	-

* По хлебу — дневные, по чаю — годовые, остальные — месячные нормы. Прочерк в таблице означает, что данная группа потребителей не получала по карточкам эти продукты.

Источник: РГАЭ. Ф. 8043. Оп. 1. Д. 2. Л. 238.

**Нормы спецснабжения интеллектуальной элиты,
установленные в 1932 г. (в кг на человека в месяц)***

Продукты	Группы		Продукты	Группы	
	1	2		1	2
Хлеб	0,8	0,8	Молоко (л)	1	0,5
Мука	4	2	Чай	0,2	0,1
Мясо	6	3	Колбаса	2	1
Рыба свежая	4	2	Макароны	1	0,5
Сельдь	2	1	Сыр	1,5	0,7
Сахар	4	2	Яйца (штук)	30	15
Крупа	4	2	Кондит. изд.	2,5	1,3
Рис	2	1	Мыло (кусков)	5	3
Масло раст.	1	0,5	Папиросы (штук)	750	750

* По хлебу и молоку — нормы дневные.

1 — академики союзной и республиканских академий наук; профессора, имеющие большое количество научных трудов и преподавательский стаж не менее 10 лет; заслуженные деятели науки, техники и искусства.

2 — профессора и доценты вузов; старшие научные сотрудники НИИ; директора и их замы в музеях, художественных и библиотечных учреждениях союзного и республиканского значения.

Дополнительно на каждого иждивенца полагалась половинная норма.

Источник: ГАРФ. Ф. 4737. Оп. 1. Д. 385. Л. 7.

**Нормы снабжения иностранных специалистов
и рабочих (в кг на человека в месяц)***

	Специалисты		Члены их семей		Рабочие	
	1	2	1	2	1	2
Мука	4	2	2	2	4	2
Крупа	6	3	5	2	5	2
Мясо	9	7	5	3	6	5
Рыба свежая	6	3	4	2	3	2
Масло жив.	3	1,5	2	1	1	1
Масло раст.	1	0,5	1	0,5	1	0,5
Сахар	4	3	4	1,5	2,5	2
Сметана, творог	1,5	-	1,5		1	-
Чай	0,2	0,1	0,2	0,05	0,1	0,1
Яйца (штук)	60	-	60	-	30	-
Молоко (л)	1	0,5	1	1	1	0,5
Мыло хоз. (кусков)	2	1	2	1	2	1
Папиросы (штук)	50	40	25	-	50	20

* По молоку и папиросам — нормы дневные.

1 — нормы снабжения, установленные в мае 1931 года.

2 — нормы снабжения после их сокращения в июне 1932 года.

В октябре 1932 года мясные нормы были вновь снижены до 5 кг для специалистов, 3 кг — для рабочих, 2 кг — членов семей.

Прочерк в таблице означает отсутствие твердых норм централизованного снабжения.

Источник: РГАЭ. Ф. 8043. Оп. 11. Д. 31. Л. 103; Д. 49. Л. 9; РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 13. Л. 129.

**Средние цены приобретения продуктов
в I—II кварталах 1932 года (в руб. за 1 кг)**

Продукты	Цены				
	1	2	3	4	5
Мука пшеничная	0,44	0,25—0,28	0,29—0,32	3—5	3—4
Мясо	1,45	1,47—2,12	1,46—2,23	4,68—6,84	6—10
Рыба	1,10	1,23—1,37	1,53—1,46	2,69—3,14	4—5
Молоко	0,30	0,42—0,48	0,4—0,5	1,47—1,45	2
Масло сливочное	5	6,36—8,47	7—10	19—20	19—21
Сахар	1,25	1,02—1,13	0,96—1,19	4—9	12
Яйца (дес.)	1	2—3	8	9—10	13—14

1 — цены закрытого распределителя Дома правительства в Москве на Болотной площади. Этот распределитель выдавал пайки литеры «Б».

2 — средние цены закрытых распределителей индустриальных рабочих по СССР.

3 — средние цены закрытых распределителей индустриальных рабочих Москвы.

4 — средние цены рынка по СССР.

5 — средние цены рынка в Москве.

Цены закрытых распределителей и рыночные цены даны по бюджетам фабрично-заводских рабочих СССР.

Источник: РГАЭ. Ф. 8043. Оп. 1. Д. 60. Л. 107—108; Ф. 1562. Оп. 329. Д. 62. Л. 17, 18, 133—136.

**Питание семейных фабрично-заводских рабочих СССР
(все домашнее и общественное питание на 1 человека,
граммов в день)**

Продукты	1926	1932	1933	1934	1935
	февраль	1 квартал		1 полугодие	
Мука и хлеб в переводе на муку	нет данных	433	401	нет данных	нет данных
Мука ржаная	1	нет дан.	40	32	2
Мука пшеничная	46	нет дан.	12	35	15
Хлеб ржаной	222	нет дан.	315	359	297
Хлеб пшеничный	325	нет дан.	158	194	357
Крупа и бобовые	46	43	36	33	26
Картофель	243	230	228	262	404
Овощи	99	66	89	104	104
Фрукты и ягоды	18	6	3	5	5
Мясо	150	66	40	34	34
Сало	8	2	1	1	1,5
Рыба	28	29	24	28	36
Молоко	199	64	52	98	118
Масло коровье	9	2	1	4	5
Прочие мол. прод.	6	3	4	10	9
Яйца	5	0,5	0,2	1	1,5
Масло растительное	12	9	3	2	2
Маргарин	0	2	3	4	3
Сахар	33	40	18	21	18
Конфеты и сладости	3	20	17	19	15
Соль	19	12	10	нет дан.	нет дан.
Чай, кофе	2	0,3	0,2	нет дан.	нет дан.

Источник: Состояние питания городского населения СССР в 1925/26 сельскохозяйственном году (По предварительным данным обследований питания городского населения, произведенных Отделом статистики потребления ЦСУ в октябре 1925 г. и феврале 1926 г.). Труды ЦСУ. Т. XXX. Вып. 5. М., 1927. С. 76—77, 84—85. Бюджеты фабрично-заводских рабочих СССР за 1932—35 годы (РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 62. Л. 2, 86).

Примечания. При пересчете данных за 1926 год фунт принят равным 409,5 гр. Для большей сопоставимости с февральскими данными 1926 года взяты не годовые данные за 1932—33 годы, а данные первого квартала. За 1934—35 годы сохранились лишь итоговые данные за первое полугодие. Бюджеты рабочих 30-х годов показывают не ежедневное, а месячное потребление продуктов в граммах на человека. При расчете ежедневного потребления месяц принят равным 30 дням.

Домашнее питание фабрично-заводских рабочих СССР, поступавшее из государственных источников снабжения (без общественного питания и рынка в граммах в день на 1 человека)

Продукты	СССР		Москва	Ленинград	Моск. обл.	Ивановск. обл.
	1932	1933	1933	1933	1933	1933
Мука и хлеб в переводе на муку	371	нет дан.	420	433	422	370
Мука ржаная	нет дан.	29	1,4	0	3	177
Мука пшеничная	нет дан.	13	3	0,3	4	38
Хлеб ржаной	нет дан.	286	308	330	554	207
Хлеб пшеничный	нет дан.	166	248	252	23	9 (!)
Крупа и бобовые	23	34	27	29	12	12 (!)
Прочие хлебные продукты	7	4	5	9	2	1
Картофель	130	182	241	224	147	221
Овощи	90	106	106	88	102	101
Фрукты и ягоды	7	4	9	7	3	2
Мясо	22	17	35	38	10	6 (!)
Сало	0,3	0,1	0,2	0,2	0	0
Рыба	22	21	31	35	11	13 (!)
Молоко	31	31	41	31	16	41
Масло коровье	1	2	4	5	1	1
Прочие мол. прод.	4	5	10	6	3	9
Яйца	0,3	0,2	0,2	0,2	0,2	0,5
Масло растительное	4	1	1	1	1	1
Маргарин	1	1	2	2	1	0,6
Сахар	22	15	23	26	13	9 (!)
Конфеты и сладости	13	11	17	16	11	8
Соль	12	10	8	7	12	11
Чай	0,3	0,2	0,3	0,3	0,2	0,2

Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 62. Л. 20—23, 25, 27, 29, 84.

Источники поступления продуктов питания фабрично-заводских рабочих СССР (в граммах в месяц на 1 человека)

Продукты	1932 г			1933 г		
	Общественное питание	Домашнее питание	В т ч куплено на рынке	Общественное питание	Домашнее питание	В т ч куплено на рынке
Мука и хлеб в переводе на муку	801	11704	597	1349	11681	нет дан
Мука ржаная	нет дан	нет дан	нет дан	59	1065	188
Мука пшеничная	нет дан	нет дан	нет дан	142	439	45
Хлеб ржаной	нет дан	нет дан	нет дан	1242	8761	166
Хлеб пшеничный	нет дан	нет дан	нет дан	333	5017	45
Прочие хл прод	50	244	37	131	168	38
Крупа и бобовые	205	822	143	326	1320	314
Картофель	1446	7462	3574	1784	7391	1944
Овощи	897	3711	1017	1498	4092	917
Фрукты и ягоды	27	384	47	31	226	92
Мясо	343	915	250	463	650	128
Сало	16	32	24	5	13	10
Рыба	299	731	69	270	663	44
Молоко	44	2540	1626	334	2206	1280
Масло коровье	11	61	33	17	74	21
Прочие мол прод	53	179	74	103	205	47
Яйца	7	53	44	9	19	14
Масло раст	39	163	37	32	43	14
Маргарин	32	27	1	47	34	1
Сахар	86	655	8	82	447	9
Конфеты и сладости	66	403	13	48	338	11
Соль	нет дан	367	1	40	311	8
Чай	нет дан	8	0,3	-	6	0,2

Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 62. Л. 2, 8, 10.

Таблица 10

Поступление валютных ценностей через Торгсин (тыс. руб.)

1931 г.	6 962	1934 г.	65 888,2
1932 г.	49 292,3	1935 г.	47 664
1933 г.	105 359, 2	январь 1936 г.	2 272,3

Источник: РГАЭ. Ф. 4433. Оп. 1. Д. 133. Л. 18, 141—143.

Таблица 11

Нормы продажи товаров в открытой торговле (в кг в одни руки)

Продукты	1936—39 гг.	С апреля 1940 г.	С октября 1940 г.
Хлеб печеный	2	2	1
Крупа*	2	1	1
Мясо	2	1	0,5
Колбасные изделия	2	0,5	0,5
Консервы (банок)	-	2	2
Рыба	3	1	1
Масло животное	0,5	0,2	0,2
Масло растительное	0,5	0,5	0,4
Молоко (л)	-	1	1
Сметана	-	-	0,2
Сыр	-	0,2	0,2
Яйца (дес.)	-	-	1
Сахар**	2	1	0,5
Чай	0,1	0,05	0,05
Картофель**	5	2	5
Овощи**	1	1	1
Мыло хоз.**	1	0,8	0,4
Керосин**	4-2	2	2

*В 1936 г. крупа продавалась ненормированно.

**В 1936—37 гг. этот товар продавался ненормированно. В графе «Овощи» указана норма отпуска одного вида овощей, набор которых мог быть различным.

Прочерк означает отсутствие норм продажи.

Источник: РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 16. Д. 63. Л. 55; Д. 81. Л. 78.

БИБЛИОГРАФИЯ

Список архивных фондов

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ЭКОНОМИКИ (РГАЭ)

- Ф. 5240. Наркомат внешней и внутренней торговли СССР
- Ф. 7971. Министерство торговли СССР
- Ф. 8043. Наркомат снабжения СССР
- Ф. 1562. Центральное статистическое управление (ЦСУ) при Совете Министров СССР
- Ф. 4372. Государственный плановый комитет СССР (Госплан) Совета Министров СССР
- Ф. 4433. Всесоюзное объединение по торговле с иностранцами (Торгсин) Наркомата внешней торговли СССР
- Ф. 432. Научно-исследовательский институт торговли и общественного питания Министерства торговли СССР и его предшественники
- Ф. 9472. Всесоюзная торговая академия Наркомата торговли СССР

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (ГАРФ)

- Ф. 5446. Совет Народных Комиссаров СССР (СНК СССР)
- Ф. 1235 Всероссийский центральный исполнительный комитет (ВЦИК РСФСР)
- Ф. 3316. Центральный исполнительный комитет (ЦИК СССР)
- Ф. 4737 Центральная комиссия улучшения быта ученых/Комиссия содействия ученым (ЦЕКУБУ/КСУ)

РОССИЙСКИЙ ЦЕНТР ХРАНЕНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ ДОКУМЕНТОВ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ (РЦХИДНИ)

- Ф. 17 Центральный комитет (ЦК КПСС)
 - Оп. 2 Пленумы ЦК
 - Оп. 3 Политическое бюро ЦК
 - Оп. 22 Сектор информации Организационного инструкторского отдела
 - Оп. 114, 115, 117, 120, 121 Организационное бюро и Секретариат ЦК
 - Оп. 88 Информационный отдел ЦК и информационные структуры других отделов ЦК
 - Оп. 162 Особые протоколы заседаний Политбюро

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ БЕЗОПАСНОСТИ (ЦА ФСБ)

- Ф. 2 Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ)
- Ф. 3 Наркомат внутренних дел СССР (НКВД)

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ КИНОФОТОДОКУМЕНТОВ

- Фонд А.И.Микояна
- Фонд: торговля, снабжение, общественное питание

HOOVER INSTITUTION ARCHIVES, STANFORD, USA.

Коллекция Бориса Николаевского
Материалы коллекции американских инженеров, работавших в СССР в
30-е годы.

Периодические издания

Вопросы советской торговли
Вопросы торговли
Плановое хозяйство
Проблемы экономики
План
Советская торговля
Экономическое обозрение

Мемуары, дневники, письма

Вернадский В.И. Дневники 1938—1940 // Дружба народов. 1991. № 2. С. 219—248; 1992. № 11—12. С. 5—44; 1993. № 9. С. 173—194.

Голос народа. Письма и отклики советских граждан о событиях 1918—1932 гг. Отв. ред. А.К.Соколов. М., 1998. Английский вариант: Voice of the People. Peasants, Workers, and the Soviet State. Ed. by A.K.Sokolov and J.Burds. Готовится к изданию.

Дмитриевский С. Советские портреты. Стокгольм, 1932.

«Иосиф бесконечно добр». Дневник М.А.Сванидзе // Источник. 1993. № 1.

Лазебников А. Радостные песни. Тель-Авив, 1987.

Соловьев А.Г. Тетради красного профессора // Неизвестная Россия. № 4. М., 1993.

1930-е гг. Общество и власть. Повествование в документах. Отв. ред. А.К.Соколов. Английский вариант: Stalinism as a Way of Life. Ed. by A.K.Sokolov, L.Siegelbaum. Готовится к изданию.

An American Engineer in Stalin's Russia: The Memoirs of Zara Witkin. 1932—1934. Berkeley, Un. of California Press, 1991.

Ashmead-Bartlett E. The Riddle of Russia. Cassell, London, 1929.

Burrell George A. An American Engineer Looks at Russia. Boston, Stratford Company, 1932.

Chamberlin William Henry. Russia's Iron Age. Boston, Little, Brown, and Company, 1934.

Darling Jay. Ding Goes to Russia. Whittlesey House. McGraw-Hill Book Company, Inc., New York—London, 1932.

Davies Joseph E. Mission to Moscow. New York, Simon and Schuster, 1941.

Intimacy and Terror. Soviet Diaries of the 1930s. Edited by Veronique Garros, Natalia Korenevskaya, and Thomas Lahusen. The New Press, New York, 1995.

Fischer Louis. Soviet Journey. Greenwood Press, Publishers, Westport, Connecticut, 1934.

Fischer Markoosha. My Lives in Russia. Harper and Brothers Publishers, New York—London, 1944.

Hindus Maurice. The Great Offensive. Harrison Smith and Robert Haas. New York, 1933.

Serge Victor. Russia Twenty Years After. Hillman-Curl, Inc., New York, 1937.

Skarliatina Irina. First to Go Back. An Aristocrat in Soviet Russia. Indianapolis, The Bobbs-Merrill Company, 1933.

Scott J. Behind the Urals. An American Worker in Russia's City of Steel. Indiana University Press, 1989.

Thompson Dorothy. The New Russia. New York, Henry Holt and Co, 1927.

Wettlin M. Fifty Russian Winters. An American Woman's Life in the Soviet Union. N.Y., 1992.

Walter Ellery. Russia's Decisive Year. G.P. Putnam's Sons, New York—London, 1932.

Литература на русском языке

Банков Е., Казанцев А. Проблема товарного дефицита в экономических дискуссиях 20-х гг. // Экономические науки. 1989. № 6.

Барнз Р. Общественная психология в США и СССР 20—30-х годов в свете теории потребления // Вопросы истории. 1995. № 2.

Белянов В.А. Личное подсобное хозяйство при социализме. М., 1970.

Богданов В.Л., Кондаков В.П. Очередь: зло или неизбежность? М., 1987.

Болотин З.С. Без карточек. М., 1935.

Болотин З.С. Вопросы снабжения. М.—Л., 1935.

Болотин З.С. За культурную советскую торговлю. М., 1937.

Болотин З.С. Решающий год в развертывании советской торговли. М., 1936.

Болотин З.С. Советская торговля в стахановском году. М., 1937.

Букшпан Я.М. Военно-хозяйственная политика. Формы и органы регулирования народного хозяйства за время мировой войны. 1914—1918. М.—Л., 1929.

Булгаков В. Советская торговля на новом этапе. М.—Л., 1932.

Булгаков В. Улучшим рабочее снабжение! Развернем советскую торговлю. М.—Л., 1932.

Виноградов В.И., Лившиц Ю.Л. Розничная торговля. М., 1939.

Внешняя торговля СССР за 1918—1940 гг. М., 1960.

Внутренняя торговля РСФСР за 1931—1934 г. М., 1935.

Внутренняя торговля Союза ССР за X лет. Сборник статей. М., 1928.

Гатовский Л. Советская торговля за две трети года. Баку, 1936.

Горелик С.М., Малки А.И. Советская торговля. Очерки теории и практики торговли в СССР. М.—Л., 1933.

Громыко Е.В., Рязов Н.Н. Советская торговля за 15 лет. М., 1932.

Гайдар Е. Государство и эволюция. М., 1995.

Голанд Ю.М. Кризисы, разрушившие нэп. М., 1991.

Данилов В.П. Аграрная политика РКП(б)—ВКП(б) в 20—30-х годах // Коммунист. 1990. № 16.

Данилов В.П. Коллективизация сельского хозяйства в СССР // История СССР. 1990. № 5.

Джилас М. Новый класс // Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1992.

Дихтяр Г.А. Внутренняя торговля в дореволюционной России. М., 1960.

Дихтяр Г.А. Советская торговля в период построения социализма. М., 1961.

Дихтяр Г.А. Советская торговля в период социализма и развернутого строительства коммунизма. М., 1965.

Дмитренко В.П. Торговая политика советского государства после перехода к нэпу. 1921—1924. М., 1971.

Дэвис Р.У. Советская экономика в период кризиса. 1930—1933 годы // История СССР. 1991. № 4.

Дэвис Р., Хлевнюк О.В. Вторая пятилетка: механизм смены экономической политики // Отечественная история. 1994. № 3.

Журавлев С.В., Тяжелникова В.С. Иностранная колония в Советской России в 1920—1930-е годы // Отечественная история. 1994. № 1.

Зеленин И.Е. Был ли колхозный неонэп? // Отечественная история. 1994. № 2.

Зеленин И.Е. Коллективизация и единоличник (1933—первая половина 1935 г.) // Отечественная история. 1993. № 3.

Зеленин И.Е. Революция сверху: завершение и трагические последствия // Вопросы истории. 1994. № 10.

Зензинов В.М. Встреча с Россией. Как и чем живут в Советском Союзе. Письма в Красную Армию. 1939—1940. Нью-Йорк, 1944.

Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание: начало 1930-х гг. М., 1994.

Исаев В.И. Быт рабочих Сибири, 1926—1937. Новосибирск, 1988.

Исторические исследования в России: тенденции последних лет. М., 1996.

История крестьянства СССР. Т. 3. М., 1987.

История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории советского государства. М., 1991.

История рабочего класса Ленинграда. Вып. 1—2. Л., 1962—1963.

История социалистической экономики СССР. Т. 3. М., 1977.

История социалистической экономики СССР. Т. 4. М., 1978.

История социалистической экономики СССР. Т. 5. М., 1978.

Итоги переписи торговых кадров и розничной сети 1932 года. М., 1933.

Итоги развития советской торговли от VI к VII съезду Советов СССР. Материалы Наркомвнуторга СССР. М., 1935.

Кабанов В.В. Крестьянская община и кооперация России XX века (Проблемно-историографические очерки). М., 1997.

Кабо Р. Потребление городского населения России. М., 1918.

Кадров советской торговли. М., 1936.

Карасев В.Н. Проблема плана и рынка в работах советских экономистов 20-х годов. Л., 1980. Рукопись депонирована в ИНИОН РАН.

Карр Э. История Советской России в 14 книгах. Кн. 9. Основы плановой экономики. 1926—1929. М., 1989.

Китанина Т.М. Война, хлеб и революция. Л., 1985.

Колхозная торговля в 1932—1934 гг. Вып. 1. М., 1935.

Колхозная и индивидуально-крестьянская торговля. М., 1936.

Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991.

Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1927—1928 г. М., 1928.

Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1928—1929 г. М., 1929.

Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1929—1930 г. М., 1930.

Корнаи Я. Экономика дефицита. М., 1990.

Корнаи Я. Путь к свободной экономике. М., 1990.

- Кузнецов К.К. За новые задачи советской торговли и потребительской кооперации. М.—Л., 1931.
- Лельчук В.С. 1926—1940 годы: завершенная индустриализация или промышленный рывок? // История СССР. 1990. № 4.
- Лельчук В., Хлевнюк О. 20—30-е годы : Политика индустриализации // Коммунист. 1990. № 16.
- Лифиц Н., Кантор М. Теория и практика вредительства в советской торговле. М.—Л., 1932.
- Малафеев А.Н. История ценообразования в СССР (1917—1963). М., 1964.
- Мау В.А. Реформы и догмы. 1914—1929: Очерки истории становления хозяйственной системы советского тоталитаризма. М., 1993.
- Мау В.А. У истоков товарного дефицита // Вопросы экономики. 1990. № 6.
- Микоян А. Продовольственное снабжение и наши задачи. М., 1930.
- Микоян А.И. Пищевая индустрия Советского Союза. М., 1936.
- Микоян А.И. Проблема снабжения страны и реконструкция народного хозяйства. М., 1929.
- Народное хозяйство СССР. М., 1932.
- Нейман Г.Я. Внутренняя торговля СССР. М., 1935.
- Нейман Г.Я. Пути развития советской торговли. М., 1934.
- Нодель В.А. Ликвидация карточек, снижение цен и развернутая советская торговля. М., 1935.
- Нэп: приобретения и потери. М., 1994. Под ред. В.П.Дмитренко.
- Осокина Е.А. СССР в конце 20-х—начале 30-х годов. Торговля? — Распределение! // Отечественная история. 1992. № 5.
- Осокина Е.А. Характер демографических процессов и система централизованного снабжения продовольствием в 1933 г.: Опыт работы с базой данных по торговой и демографической статистике // Россия и США на рубеже XIX—XX вв. М., 1992.
- Осокина Е.А. Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения. 1928—1935. М., 1993.
- Осокина Е.А. За зеркальной дверью Торгсина // Отечественная история. 1995. № 2.
- Осокина Е.А. Люди и власть в условиях кризиса снабжения 1939—1941 гг. // Отечественная история. 1995. № 3.
- Осокина Е.А. Кризис снабжения 1939—1941 гг. в письмах советских людей // Вопросы истории. 1996. № 1.
- Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России: власть и массы. М., 1997.
- Партия и правительство о советской торговле. Сборник постановлений. М.—Л., 1932.
- Перестройка: гласность, демократия, социализм. В человеческом измерении. М., 1989. Под ред. А.Г.Вишневого.
- Письма И.В.Сталина В.М.Молотову. 1925—1936. М., 1995.
- Потребительская кооперация СССР за 1929—1933 гг. Основные показатели. М., 1934.
- Потребительская кооперация между XVI и XVII съездами ВКП(б). М., 1934.
- Потребительская кооперация СССР за 1935 г. М., 1936.
- Потребительская кооперация СССР за 1936 г. М., 1937.
- Потребительская кооперация СССР за 1937 г. М., 1938.
- Потребительская кооперация СССР за 1938 г. М., 1939.

- Потребительская кооперация СССР за 1939 г. М., 1940.
- Потребительская кооперация СССР за 1940 г. М., 1941.
- Предмет и метод экономики советской торговли. Дискуссия в секции советской торговли Института экономики Ленинградского отделения Коммунистической Академии. М.—Л., 1932.
- Работники советской торговли служат народу. Горький, 1938.
- Роговин В.З. Сталинский неонэп. М., 1995.
- Российская повседневность 1921—1941. Новые подходы. Спб., 1995.
- Россия в XX в.: историки мира спорят. М., 1994.
- Россия в XX веке. Судьбы исторической науки. М., 1996.
- Рубинштейн Г.Л. Развитие внутренней торговли в СССР. Л., 1964.
- Русский рубль. Два века истории. М., 1994.
- Рынок и реформы в России: исторические и теоретические предпосылки. М., 1995.
- Салов А. Организация рабочего снабжения. М., 1933.
- Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920—50-е годы: Темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М., 1996.
- Система управления экономикой 30-х годов. Сборник статей. М., 1990.
- Советская торговля. Статистический сборник. М., 1935.
- Советская торговля. Статистический сборник. М., 1956.
- Советская торговля в 1935 г. Статистический сборник. М., 1936.
- Советская торговля в новой обстановке. Итоги 1935 г. и задачи 1936 г. Под ред. Г.Я.Неймана. М.—Л., 1936.
- Советская торговля за 30 лет (1917—1947). М., 1947.
- Советская торговля между XVI и XVII съездами ВКП(б). М., 1934.
- Советский Союз в 20-е годы. Круглый стол // Вопросы истории. 1988. № 9.
- Советский Союз в 30-е годы. Круглый стол // Вопросы истории. 1988. № 12.
- Сталинская модель социализма: становление, развитие, крах (20—80-е годы). Круглый стол // Вопросы истории КПСС. 1990. № 12.
- Сталинское Политбюро в 30-е гг. М., 1995.
- Состояние питания городского населения СССР. 1919—1924 гг. (По данным периодических обследований питания населения, произведенных б. Отделом статистики потребления ЦСУ). Труды ЦСУ. Т. XXX. Вып. 1. М., 1926.
- Состояние питания городского населения СССР в 1924—1925 сельскохозяйственном году (По предварительным данным обследований питания городского населения, произведенным Отделом статистики потребления ЦСУ в октябре 1924 г., феврале 1925 г. и июне 1925 г.). Труды ЦСУ. Т. XXX. Вып. 3. М., 1926.
- Состояние питания городского населения СССР в 1925/26 сельскохозяйственном году (По предварительным данным обследований питания городского населения, произведенным Отделом статистики потребления ЦСУ в октябре 1925 г. и феврале 1926 г.). Труды ЦСУ. Т. XXX. Вып. 5. М., 1927.
- Состояние питания сельского населения СССР. 1920—1924 гг. (По данным периодических обследований питания населения, произведенным б. Отделом статистики потребления ЦСУ). Труды ЦСУ. Т. XXX. Вып. 2. М., 1928.
- Социалистическое строительство в СССР. М., 1936.
- Стенографический отчет XVII съезда ВКП(б). М., 1934.

- Стенографический отчет XVIII съезда ВКП(б). М., 1939.
- Стефанов Б. За кадры и овладение техникой торговли. М.—Л., 1932.
- Твердохлеб А.А. Материальное благосостояние рабочего класса Москвы в 1917—1937 гг. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1970.
- Твердохлеб А.А. От нэпа к административно-командной системе (Историография проблемы). Аналитический обзор. М., 1991.
- Тепцов Н. Хлебный кризис. Коллективизация. Колхозы // Коммунист. 1991. № 2.
- Товарооборот СССР. Конъюнктурный обзор. М., 1935.
- Торговля СССР за 20 лет, 1918—1937 гг. М., 1939.
- Торговля Союза ССР. Издание учетно-статистического сектора НКТ СССР. М., 1939—1941.
- Торговля Союза ССР за 1938 г. М., 1939.
- Торговля Союза ССР за 1939 г. М., 1940.
- Торговля Союза ССР за 1940—1943 гг. М., 1944.
- Торговля, хлебопечение, общественное питание и мясное дело в Северо-Американских С.Ш. и Германии (По материалам кооперативной делегации МСПО). М., 1929.
- Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. Т. 1. 1927—1929 гг. М., 1998. Планируется издание 5-ти томов документов. Срок окончания проекта 2000 г.
- Файн Е. Борьба за социализм и советскую торговлю. М., 1932.
- Формирование административно-командной системы. 20—30-е годы. М., 1992. Под ред. В.П.Дмитренко.
- Хлевнюк О.В. 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. М., 1992.
- Хлевнюк О.В. 30-е годы. Кризис, реформы, насилие // Свободная мысль. 1991. № 17.
- Хохлов И.С. Основные задачи перестройки сельской торговли. М., 1939.
- Шейнман В.И. Задачи советской торговли. Краткий курс для работников сельских потребительских обществ. М., 1939.
- Экономика советской торговли. М., 1950.
- 40 лет советской торговли. Сборник статей. Под ред. Б.И.Гоголя. М., 1957.
- 30-е годы: Взгляд из сегодня. Ответственный редактор Д.Волкоганов. М., 1990.

Англоязычная литература

- Banerji A. Merchants and Markets in Revolutionary Russia, 1917—30. Macmillan Press Ltd, 1997.
- Beck Earl R. Under the Bombs. The German Home Front 1942—1945. University Press of Kentucky, 1986.
- Brandt K. Germany's Agricultural and Food Policies in World War II. Vol. I: Management of Agriculture and Food in Germany. Vol. II: Management of Agriculture and Food in the German-Occupied and Other Areas of Fortress Europe. Stanford University Press, 1953.
- Carr E.H., Davies R.W. Foundations of a Planned Economy. 1926—1929. Vol 1. New York, 1971.
- Clark K. The Soviet Novel: History as Ritual. Chicago, 1981.
- Davies R.W. The Soviet Economy in Turmoil, 1929—1930. London—Cambridge, Mass., 1989.

Davies R.W. *The Socialist Offensive: the Collectivisation of Soviet Agriculture, 1929—1930*. Harvard Un. Press. Cambridge, Mass.—London, 1980.

Davies R.W. *The Soviet Collective Farm, 1929—1930*. Cambridge, Mass. 1980.

Davies R.W. *Economic Aspects of Stalinism // The Stalin Phenomenon*. Ed. by Alec Nove. New York, 1992.

Dunham V. In *Stalin's Time: Middle Class Values in Soviet Fiction*. Cambridge, 1976.

Erllich A. *The Soviet Industrialization Debate. 1924—1928*. Harvard Un. Press, 1960.

Fitzpatrick Sheila. *Stalin's Peasants. Resistance and Survival in the Russian Village After Collectivization*. Oxford Un. Press, 1994.

Fitzpatrick Sheila. *Middle Class Values' and Soviet Life in the 1930's // Soviet Society and Culture*. Boulder, 1988.

Fitzpatrick S., Viola L.A. *Researcher's Guide to Sources on Social History in the 1930s*. Armonk, New York, 1987.

Graziosi A. *Foreign Workers in Soviet Russia, 1920—40: Their Experience and Their Legacy // International Labour and Working-Class History*. Vol. 33. Spring 1988.

Gregory Paul R., Stuart Robert C. *Soviet Economic Structure and Performance*. Harper Collins Publishers, 1990.

Hammond R.J. *Food and Agriculture in Britain, 1939—45. Aspects of War-time Control*. Stanford University Press, 1954.

Hoffmann D.L. *Peasant Metropolis. Social Identities in Moscow, 1929—1941*. Cornell Un. press, 1994.

Hunter H., Szyrmer J.M. *Faulty Foundations: Soviet Economic Policies, 1928—1940*. Princeton, New Jersey, 1992.

Jasny N. *Soviet Economists of the Twenties*. Cambridge, 1972.

Kondratieva T. *De la Fonction Nourriciere du Pouvoir Autocratique au XVII Siecle // De Russie et d'ailleurs. Flux Croisis sur l'Histoire*. Paris, 1995.

Kotkin S. *Magnetic Mountain. Stalinism as a Civilization*. University of California Press, 1995.

Kornai J. *The Road to a Free Economy. A Passionate Pamphlet in the Cause of Economic Transition*. W.W.Norton & Company, New York, 1990.

Kuromia H. *Stalin's Industrial Revolution. 1928—1932*. Cambridge, 1988.

Lane D. *The End of Social Inequality? Clases, Status and Power under State Socialism*. London, George Allen & Unwin, 1982.

Lewin M. *Russian Peasants and Soviet Power. A Study of Collectivisation*. London, 1968.

Lewin M. *The Making of the Soviet System. Essays in the Social History of Interwar Russia*. N.Y., 1985.

Manning Roberta T. *The Soviet Economic Crisis of 1936—1940 and the Great Purges // Stalinist Terror. New perspectives*. Ed. by J.Arch Getty and Roberta T.Manning. Cambridge Un. Press, 1993.

Matthews M. *Privilege in the Soviet Union*. London: Allen & Unwin. 1978.

Nove A. *Socialism, Economics and Development*. London, 1986.

Nove A. *An Economic History of the USSR. 1917—1991*. London, 1992.

Nutritions and Food Supply: The War and After. Edited by John D.Black. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. Vol. 225. Jan. 1943.

Osokina E.A. *Soviet Workers and Rationing Norms, 1928—1935: Real or Illusory Privilege? // The Soviet and Post-Soviet Review*. Vol. 19. 1992.

Osokina E.A. An Application of the Statistical Package "Clams" (An Analysis of Central Supply Policy under the Rationing System of 1928/29—1935 // History and Computing in Eastern Europe. Gottingen, 1993. (With G.A.Satarov)

Rossmann Jeffrey J. The Teikovo Cotton Workers' Strike of April 1932: Class, Gender and Identity Politics in Stalin's Russia // The Russian Review 56. January 1997.

Simonov N.S. "Strengthen the Defence of the Land of Soviets": The 1927 "War Alarm" and its Consequences // Europe-Asia Studies, Vol. 48. № 8. 1996.

Shimotomai N. Moscow Under Stalinist Rule, 1931—34. Macmillan Academic and Professional Ltd. Houndmills, Basingstoke, Hampshire — London, 1991.

Social Dimensions of Soviet Industrialization. Ed. by W.G.Rosenberg, L.H.Siegelbaum. Bloomington, Indiana Un. Press, 1993.

Stalinist Terror. New Perspectives. Ed. by J.A.Getty and R.Manning. Cambridge Un. Press, 1993.

Timasheff N. The Great Retreat. N.Y. 1946.

The Economic Transformation of the Soviet Union, 1913—1945. Ed. by R.W.Davies, M.Harrison and S.G.Wheatcroft. Cambridge University Press, 1994.

Troyat H. Daily Life in Russia under the Last Tsar. Ruskin House, George Allen and Unwin Ltd., 1962.

Viola Lynne. Peasant Rebels under Stalin. Collectivization and the Culture of Peasant Resistance. New York: Oxford University Press, 1996.

Walder A. Communism Neo-Traditionalism: Work and Authority in China. Berkeley, 1986.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВЛКСМ — Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи
ВСНХ — Высший Совет Народного Хозяйства
ВЦСПС — Всесоюзный Центральный Совет Профессиональных Союзов
ГОРТ — Государственное объединение розничной торговли
Госбанк — Государственный Банк СССР
Госплан СССР — Государственная плановая комиссия при СНК СССР
ЗР — закрытый распределитель
ЗРК — закрытый рабочий кооператив
Инснаб — контора по снабжению иностранцев
КСУ — Комиссия содействия ученым
МТС — машинно-тракторная станция
Наркомснаб СССР — Народный комиссариат снабжения СССР
Наркомторг СССР — Народный комиссариат торговли СССР
НИИ — научно-исследовательский институт
НКВД СССР — Народный комиссариат внутренних дел СССР
ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление при
СНК СССР
ОРС — отдел рабочего снабжения
РККА — Рабоче-Крестьянская Красная Армия
СНК СССР — Совет Народных Комиссаров СССР
Торгсин — Всесоюзное объединение по торговле с иностранцами
УНКВД — управление НКВД
ФЗУ — школы фабрично-заводского ученичества
ЦЕКУБУ — Центральная комиссия по улучшению быта ученых
Центросоюз — Центральный союз потребительских обществ
Церабсекция — Центральная рабочая секция
ЦИК СССР — Центральный Исполнительный комитет СССР
ЦК ВКП(б) — Центральный Комитет Всесоюзной Коммунистической
партии (большевиков)
ЦРК — Центральный рабочий кооператив
ЦУНХУ — Центральное управление народно-хозяйственного учета
ЭУ ОГПУ — Экономическое управление ОГПУ

ОГЛАВЛЕНИЕ

О ЧЕМ ЭТА КНИГА	5
ИСТОРИОГРАФИЯ: ПЛАН И РЫНОК	14
ИСТОЧНИКИ: «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО»	27

ЧАСТЬ 1. РАЗРУШЕНИЕ РЫНКА: 1927—30

ГЛАВА 1. КАРТОЧКИ И ГОЛОД — ПОЧЕМУ?	
На чем покоилось благополучие нэпа.	37
В тисках товарного дефицита	43
ГЛАВА 2. 1927/ 28: ПЕРВЫЙ УДАР ПО РЫНКУ — ПЕРВЫЕ КАРТОЧКИ	
Провал экономической программы Политбюро.	47
Начало массовых репрессий против частника	53
ГЛАВА 3. 1928/ 29: НАСТУПЛЕНИЕ НА РЫНОК ПРОДОЛЖАЕТСЯ	
Старые проблемы в новом году.	59
Политбюро вводит всесоюзную карточную систему на хле	65
ГЛАВА 4. 1929/ 30: «ГОЛОВОКРУЖЕНИЕ ОТ ...ГОЛОДА»	
Коллективизация и другие причины ухудшения положения	71
Продовольственный кризис в городах	75
Народ возмущается — ОГПУ ищет виновных	80

ЧАСТЬ 2. НЕИЗБЕЖНОСТЬ РЫНКА: 1931—35

ГЛАВА 1. ВСЕСОЮЗНАЯ КАРТОЧНАЯ СИСТЕМА — КНУТ И ПРЯНИК ИНДУСТРИАЛЬНОГО КУРСА	
Кто не работает на государство, тот не ест	89
Спецснабжение: «Государство — это я»	100
Иерархия магазинов, столовых и цен.	110
ГЛАВА 2. ИЕРАРХИЯ В БЕДНОСТИ	
Голод в деревне	114
Иллюзорные привилегии индустриального авангарда.	120
Материальное положение элиты	127
«Трудно привыкать к социализму»: иностранцы в иерархии бедных	137
ГЛАВА 3. СТРАТЕГИИ ВЫЖИВАНИЯ И СТИХИЯ РЫНКА	
«Барахолка», «мертвые души», «прихлебатели», «несуны» и другие	141
«Днепростройки капустного производства»	147
Мимикрия частного предпринимательства	154
За зеркальной дверью ТОРГСИНА	160

ЧАСТЬ 3. СОЮЗ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ И РЫНКА: 1936-1941

ГЛАВА 1. НАСТУПЛЕНИЕ ЭРЫ «СВОБОДНОЙ» ТОРГОВЛИ	
Прощай, хлебная карточка, и... здравствуй!	173
Свободная торговля? — Распределение!	183
ГЛАВА 2. КРИЗИСЫ СНАБЖЕНИЯ — МОМЕНТЫ ИСТИНЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ТОРГОВЛИ	
1936/ 37: Легенда о мешке с хлебом	195
1939— 41.: «Опять чья-то преступная лапа расстроила снабжение...» .	206
ГЛАВА 3. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО И РЫНОК В ЭРУ «СВОБОДНОЙ» ТОРГОВЛИ	
Подпольные миллионеры социалистической торговли.	219
«Если хорошо постоять в очереди, то можно и не работать»	227
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	235
ПРИЛОЖЕНИЯ	
РОССИЯ И МИРОВОЙ ОПЫТ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СНАБЖЕНИЯ (Приложение к части 2, главе 1)	241
ТАБЛИЦЫ	250
СПИСОК АРХИВНЫХ ФОНДОВ	260
БИБЛИОГРАФИЯ	261
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	269